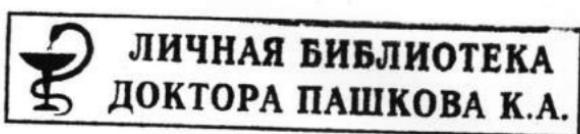

Б. Н. ПАЛКИН

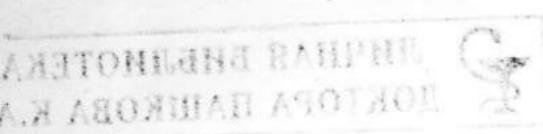

РУССКИЕ
ГОСПИТАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ
XVIII ВЕКА
и их воспитанники

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МЕДГИЗ — 1959 — МОСКВА

Юбилейное

А Н Н О Т А Ц И Я

В книге на основании интересных архивных материалов изложена история русских госпитальных школ XVIII века, приводятся исторические сведения о преподавании, преподавателях и воспитанниках.

Дается характеристика деятельности и научных трудов врачей этих школ. Использован обширный фонд неопубликованных работ русских врачей XVIII века, что значительно расширяет представление о русской медицинской науке той эпохи.

Книга рассчитана на широкие круги врачей, интересующихся историей отечественной медицины.

ПАЛКИН БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

**Русские госпитальные школы XVIII века
и их воспитанники**

*

Редактор С. М. Громбах

Техн. редактор М. И. Габерланд

Корректор М. И. Стрельцова

Переплет художника Б. Н. Гутентога

Сдано в набор 30/VI 1959 г. Подписано к печати 26/X 1959 г. Формат бумаги 60×92 $\frac{1}{16}$.
17,0 печ. л. (условных 17,0 л.) 18,99 уч.-изд. л. Тираж 2000 экз. Т 11671 МН-53.

Медгиз, Москва, Петровка, 12

Заказ 1305. Типография «Известий», Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 9 р. 50 к. Переплет 2 руб.

О Т А В Т О Р А

В историко-медицинской литературе до настоящего времени не получила должного освещения и правильной оценки деятельность русских госпитальных школ XVIII века, их значение в развитии отечественного здравоохранения и медицинской науки. Все еще распространено мнение, что госпитальные школы не давали высшего медицинского образования и что выпускники этих школ, называвшиеся лекарями, якобы не были полноценными врачами. Исходя из этого, некоторые авторы (С. Л. Соболь, В. И. Колесов) полагают, что высшее медицинское образование в России началось лишь с открытием медицинского факультета Московского университета и медико-хирургических академий.

Такое отношение к русским госпитальным школам XVIII века не соответствует их истинному значению. Изучение медицинских архивов XVIII века совершенно отчетливо выявляет передовой характер системы обучения в этих школах. Нисколько не умаляя значения медицинского факультета Московского университета, следует заметить, что на протяжении XVIII века из него вышло не более 20 врачей (которые к тому же для получения права медицинской практики и звания лекаря, присваивавшегося выпускникам госпитальных школ, должны были по окончании университета не менее года прозаниматься в госпитальной школе и сдать в ней установленные экзамены), в то время как одна Елизаветградская школа за 10 лет своего существования выпустила 153 врачей¹. Всего же по нашим подсчетам, произведенным на основании списков выпускников, хранящихся в архивах медицинской канцелярии и медицинской коллегии (цифры неполные, так как за многие годы списки не сохранились), русские госпитальные школы в XVIII веке выпустили примерно 2000 врачей (в том числе около 800 — Московская, 153 — Елизаветградская, около 50 — Колыванско-Воскресенская, около 200 — Кронштадтская, около 800 — обе Петербургские) и не менее 100 врачей получили образование в госпиталях, не имевших при себе медицинских школ. Врачи — выпускники госпиталь-

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1296, оп. 10, кн. 17, л. 19—20.

ных школ составили наиболее многочисленную и передовую по своему мировоззрению часть деятелей русской медицины того времени. Их научные труды оказали значительное влияние на развитие мировой медицинской науки, не говоря уже об их практической работе в русской армии и флоте, в городах и промышленных центрах, а к концу XVIII века и на селе.

Если Московский университет по праву гордится именами С. Г. Зыбелина и Ф. Г. Политковского, то с госпитальными школами XVIII века связаны не менее славные имена: Н. М. Максимовича-Амбодика, Д. С. Самойловича, А. М. Шумлянского, М. М. Тереховского, К. И. Щепина, М. И. Шеина, С. С. Андреевского, Г. Ф. Соболевского, Г. И. Базилевича и многих других.

Забвение заслуг воспитанников госпитальных школ в деле развития отечественной медицины является далеко не случайным. Прежде всего вся их научная и практическая деятельность, как и деятельность всех передовых русских ученых того времени, протекала в обстановке постоянной борьбы с противодействием иностранцев, которым было предоставлено привилегированное положение в стране. Занимая высокие административные посты, пользуясь особым покровительством царского двора и придворных кругов, иностранные доктора и лекари в большинстве свысока относились к русским ученым и не только не способствовали их выдвижению, но всячески препятствовали их росту, боясь потерять свое господствующее положение.

Царский двор и придворная знать проявляли полное равнодушие к развитию русской науки. В царствование Екатерины II принижение русской науки и покровительство иноземным авторитетам особенно усилились. Напуганные крестьянской войной под руководством Пугачева, Екатерина II и ее двор испытывали страх и перед демократическими тенденциями передовой отечественной науки, всемерно поощряли традицию раболепия перед Западом и принижения роли русской науки.

Следуя обычаю реакционных придворных кругов игнорировать труды русских ученых, первые историки медицины в России П. Гофман¹ и В. Рихтер², современники описываемых ими событий, уделили очень мало внимания русским ученым — врачам XVIII столетия, собирая в то же время мельчайшие факты из жизни и службы врачей-иноzemцев, часто не имевших ни особых заслуг перед медицинской наукой, ни даже достаточного медицинского образования.

Второй причиной, вызвавшей игнорирование русских врачей — воспитанников госпитальных школ, является перенесе-

¹ П. Гофман. Краткая история врачебного искусства. СПБ, 1789.

² В. Рихтер. История русской медицины. Т. I—III, М., 1814—1820.

ние докторами-иноzemцами на русскую почву пренебрежительного отношения к хирургам, к числу которых они относили и так называемых русских лекарей (так назывались тогда в России врачи, получившие медицинское образование в госпитальных школах)¹. Борьба между хирургами и докторами, начавшаяся еще в средневековье, продолжалась на Западе на протяжении всего XVIII столетия. Хирурги в западноевропейских государствах являлись, как правило, ремесленниками, не получали школьного медицинского образования, не могли получать докторской степени и поэтому долго не признавались медиками.

Взаимная неприязнь между иноземными докторами и хирургами, которые именовались в России также лекарями, сохранялась и в России. Эту неприязнь доктора-иноzemцы распространяли в еще большей степени на русских лекарей, хотя по своему образованию, роли и значению в медицинской науке они коренным образом отличались от зарубежных хирургов, а в некоторых отношениях стояли значительно выше и многих докторов, получивших схоластическое образование в европейских университетах.

Не считая воспитанников госпитальных школ настоящими врачами, доктора-иноzemцы, естественно, не считали нужным упоминать о них в своих работах. Клеветническое утверждение об отсутствии оригинального направления в русской медицине XVIII века и неполноты русских лекарей было впоследствии воспринято большинством дореволюционных историков медицины. Так, М. Неине² продолжает развивать концепцию В. М. Рихтера об отсутствии самостоятельной русской медицины в XVIII столетии. А. Никитин³ называет сочинение Рихтера «превосходным» и во всем следует его методу. Он превозносит заслуги Екатерины II в области здравоохранения и непомерно восхваляет деятельность докторов-иноzemцев, стоявших во главе медицинской администрации: Г. Аша, П. Аша, Рейнегса и др., совершенно не касаясь роли русских ученых в развитии медицины того времени.

Л. Ф. Змеев, правильно оценив порочность трудов Рихтера и других авторов, преувеличивавших значение иностранных влияний в развитии отечественной медицины, справедливо называя сочинение Рихтера «похвальным жизнеописанием

¹ Лекарь — официальное звание врача в дореволюционной России. С XVIII века присваивалось лицам, получившим врачебное образование. Существовало до 1918 г., когда окончившим высшее медицинское учебное заведение стали присваивать звание врача.

² M. Neine. *Fragmente aus der Geschichte der Medizin in Russland*. M., 1851.

³ А. Никитин. Краткий обзор состояния медицины в России в царствование императрицы Екатерины II. СПБ, 1855.

иностранных врачей в России»¹, в своих собственных работах по истории русской медицины фактически поддерживал ту же концепцию об отсутствии самостоятельности в развитии русской медицины не только в прошлом, но и в современный ему исторический период. Им проводилась реакционная, придуманная чуждыми русскому народу представителями придворной знати версия об отсутствии научной медицины в России. «Хотелось бы,— писал он,— прибавить и новейшую самостоятельно русскую (медицину,— Б. П.); но это в далеком будущем. И судя по всем признакам, успехи ее не будут особенно велики, так как народ, как при Владимире Красном Солнышке, так и теперь, не любит лечиться, по крайности у врачей ученых»².

Не приходится говорить о том, что если во всех этих исторических работах и упоминаются иногда имена некоторых русских врачей XVIII века, имевших степень доктора медицины, то о деятельности широких масс русских врачей того времени совершенно не говорится.

История русских госпитальных школ XVIII века частично освещена в работах Я. Чистовича³ и А. Алелекова⁴, написанных на основании архивных источников, но эти работы отражают лишь историю и деятельность петербургских и московской госпитальных школ, не затрагивая вопроса о научной и практической деятельности врачей, выпускников этих школ. К тому же в них содержится немало ошибок и неточностей.

Антрапатриотические взгляды буржуазных историков медицины, к сожалению, были восприняты и некоторыми историками медицины в советское время.

Исторические решения партии по идеологическим вопросам оказали благотворное влияние на развитие историко-медицинской науки в СССР. Появился, в частности, и ряд работ, правильно освещавших различные вопросы истории отечественной медицины XVIII века (С. М. Громбах, В. М. Корнеев, В. В. Куприянов, Д. М. Российский, С. Л. Соболь и др.), однако все эти работы почти не затрагивают деятельности госпитальных школ и их выпускников, ограничиваясь описанием жизни и творчества лишь отдельных представителей русской медицинской науки XVIII века, преимущественно имевших степень доктора медицины.

Данная книга является попыткой в некоторой степени восполнить существующий пробел. Эта работа была

¹ Л. Ф. Змеев. Чтения по врачебной истории России. СПБ, 1896, стр. 184.

² Там же, стр. 99.

³ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883.

⁴ А. Н. Алелеков. История Московского военного госпиталя. М., 1907.

начата давно, еще в студенческом научном кружке при кафедре истории медицины (в 1943—1948 гг. зав.— член-корреспондент АМН СССР проф. Г. А. Баткис, с 1948 г. зав.— проф. М. П. Мультановский) II Московского медицинского института; эта кафедра с момента своего возникновения уделяла большое внимание истории отечественной медицины. В 1946 г. с докладом «Своеобразие развития русской медицины в связи с историей развития русской классической философии и естествознания», обобщившим работу кафедры, выступил проф. Г. А. Баткис.

Первая же наша работа, посвященная деятельности одного из наиболее ранних представителей русской медицинской науки XVIII века — М. И. Шеина, показала недостаточность сведений о русской медицине XVIII века, содержащихся в литературных источниках, и заставила нас обратиться к изучению медицинских архивов XVIII столетия.

Предлагаемая читателю книга — первое обобщение этих исследований. Мы стремились показать своеобразие и передовой характер системы медицинского образования, созданной в России XVIII века передовыми русскими учеными, а также выявить роль врачей — воспитанников госпитальных школ в развитии отечественной медицины и здравоохранения того времени. Ограничивааясь этими рамками, мы, естественно, совершенно не затрагиваем деятельности медицинского факультета Московского университета и его выпускников, а также деятельности врачей-ученых, связанных с Академией наук.

В основу книги положены материалы медицинских архивов XVIII века, собранных в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), литературные источники XVIII века, изданные в России, а также диссертации русских лекарей, защищенные и изданные за границей. В приложении дается краткий биографический указатель врачей — воспитанников госпитальных школ, наиболее отличившихся в науке или практической деятельности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОСПИТАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ XVIII ВЕКА — ПЕРВЫЕ ОЧАГИ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Развитие медицины и здравоохранения в России в XVIII веке было тесно связано с социально-экономическими преобразованиями в стране, с развитием ее производительных сил и общим прогрессом отечественной науки и культуры. Начало XVIII столетия было ознаменовано петровскими реформами, в результате которых была создана мощная дворянско-чиновничья империя.

Петровские реформы явились толчком к дальнейшему росту производительных сил страны. Большое внимание было уделено развитию экономики страны. В сельском хозяйстве с целью избавления от привозного сырья и обеспечения армии продовольствием вводились новые культуры (табак, виноград, лекарственные растения и пр.), разводились новые породы продуктивного скота; распахивались и заселялись новые земли. Еще большее внимание уделялось развитию промышленности, которая должна была удовлетворить потребности армии и флота, а также обеспечить независимость страны в производстве основных промышленных изделий. Наряду с дальнейшим ростом мелких промыслов в этот период происходит резкое увеличение мануфактурного производства. Помимо расширения старых мануфактур, строились новые, весьма крупные по тому времени предприятия. Возникали новые промышленные районы. Уже в первые годы XVIII века на Урале были построены четыре крупных металлургических завода: Невьянский, Каменский, Алапаевский и Уктусский. В 20-х годах XVIII века возникают Колывано-Воскресенские и Нерчинские заводы в Сибири. Широко распространялись также полотняные и суконные мануфактуры, кожевенные и бумажные заводы.

Вместе с развитием промышленности и сельского хозяйства происходил рост внутренней и внешней торговли.

Усложнение экономики государства, развитие промышленности и торговли повысили роль городов и вызвали необходи-

мость пересмотра вопроса о системе управления государством, которое должно было строиться на более высокой культуре, отличной от управления боярской думы и приказной системы XVII столетия. «...русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма”...», — писал В. И. Ленин¹.

На местах было установлено более правильное и четкое административно-территориальное деление. В 1708 г. образуются губернии. В 1719 г. устанавливается деление страны на 50 провинций, состоящих из дистриктов, а с 1728 г. — из уездов. В 1775 г. ликвидируются провинции, увеличивается количество губерний и создаются губернские правления. С образованием в 1711 г. сената и в 1718 г. коллегий был перестроен по-новому центральный аппарат государственной власти.

Экономическое и политическое развитие России вызвало необходимость и военных реформ. Стрельцы и поместная конница были недостаточно надежным средством укрепления господства дворян, поэтому уже в первой половине XVIII века начинают создаваться солдатские полки. После Азовских походов 1695—1696 гг., вскрывших слабые стороны боевой подготовки поместной конницы и стрелецкого войска, началось быстрое создание регулярной армии, способной защитить государство от нападений извне и подавить выступления крестьян, боровшихся против феодального гнета. В дальнейшем на протяжении XVIII века русская армия, пройдя ряд войн, значительно окрепла и численно выросла. Если к началу Семилетней войны армия по штату составляла 231 148 человек, то к концу 1795 г. она уже насчитывала 502 229 человек, сформированных в 76 полевых полков и 55 батальонов, 52 конных полка, 104 пограничных и внутренних гарнизонных батальонов и 39 губернских команд². Одновременно с регулярной армией создавался военно-морской флот, необходимый для окончательной победы над Швецией и Турцией и для закрепления на морских берегах. За сравнительно короткий срок в России было создано 7 судостроительных верфей, на которых построено 395 больших и малых судов³.

Развитие производительных сил всегда вызывает потребность в знаниях. «Если после темной ночи средневековья вдруг наново возрождаются с неожиданной силой науки, на-

¹ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4-е, т. 15, стр. 308.

² Д. Ф. Масловский. Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России. СПБ, 1894, стр. 103.

³ Ф. Веселаго. Очерк русской морской истории. СПБ, 1875, т. I, стр. 505.

чинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству», — писал Ф. Энгельс¹.

Научные знания были необходимы для промышленного строительства и развития сельского хозяйства, для нужд армии и флота. Поэтому в XVIII веке проводятся мероприятия по развитию образования. В 1701 г. в Москве была открыта школа математических и навигационных наук, готовившая инженеров, моряков, геодезистов, архитекторов, мастеровых и учителей для «цифирных» школ². В том же году в Москве и Петербурге были открыты артиллерийские школы. В 1707 г. начинает работать медицинская школа при вновь построенном госпитале в Москве, в 1713 г. — инженерная школа в Москве. В 1715 г. организуется морская академия в Петербурге. С созданием в 1719 г. на Урале ремесленных школ начинается систематическая подготовка квалифицированных мастеров и техников для промышленности.

Особенно большое значение для развития русской науки имело создание в 1725 г. Петербургской академии наук и открытие в 1755 г. Московского университета.

Весьма положительную роль в развитии русской науки и культуры сыграла также Российская академия, основанная в 1783 г.

Вполне понятно, что, рассматривая роль реформ Петра I и дальнейший ход развития русского государства XVIII века, его экономики и культуры, не следует забывать их классовый характер.

Классики марксизма-ленинизма указывали, что рост производительных сил, экономические и культурные успехи в России XVIII века сопровождались резким усилением крепостного гнета. Энгельс отмечал, что от Петра I до Екатерины II царское «...законодательство позволяло помещикам все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливается»³.

Классовая борьба уже в условиях крепостнического строя XVIII века приводила к существованию двух национальных культур, о которых писал В. И. Ленин: культуры эксплуататоров — реакционной, антнародной, и культуры подлинно патриотической, передовой, связанной с народом.

Вполне понятно, что развитие производства в России XVIII столетия могло осуществляться только в форме роста помещичьего и капиталистического хозяйства. Научные открытия ученых того времени нередко приводили к созданию новых форм эксплуатации трудящихся. Но передовые рус-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XIV, М.—Л., 1931, стр. 439.

² Историко-статистический очерк общего и специального образования в России. Под ред. А. Г. Небольсина. СПБ, 1884, стр. 13.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1950, стр. 332.

ские ученые XVIII века стремились не к обогащению помещиков и капиталистов, а к развитию лучших условий жизни, к облегчению участия народа, к укреплению мощи государства.

Если созданные в начале XVIII века кадетские корпусы комплектовались, как правило, учащимися из числа дворянской правящей верхушки и выпускали офицеров и чиновников, получавших определенное классовое воспитание, то другие специальные учебные заведения не могли быть укомплектованы учащимися только дворянского происхождения. Учащиеся в них набирались по необходимости из самых различных слоев населения России. К числу таких учебных заведений с демократическим составом учащихся относились горнотехнические училища, гимназия при Академии наук и особенно медицинские школы, в которых почти не было учеников дворянского происхождения, так как звание лекаря, несмотря на то, что оно рядом указов прививалось к офицерскому рангу, считалось в дворянской среде весьма низким и недостойным.

В связи с этим в медицинские школы поступали учиться обедневшие дворяне, дети лекарей, поповичи, сыновья канцеляристов и мастеровых, мелких придворных служителей (певчих, кучеров и др.), солдатские дети и т. п. Таким образом, в России XVIII столетия развивалась не только дворянская, но и разночинная интеллигенция. Значительная ее часть покорно следовала за дворянством и верно служила ему, но в то же время именно из этой среды вышли ученые, видевшие в науке средство просвещения народа, поднятия его благосостояния и развития производительных сил страны.

Россия XVIII века дала многих передовых деятелей науки и культуры. Во главе их находился выходец из народа М. В. Ломоносов, гениальный ученый, создавший материалистическое учение о природе своими работами по атомистике, кинетической теории физических и химических явлений, разработкой принципа сохранения движения и вещества. Его материалистическое учение о природе было воспринято всеми передовыми русскими учеными XVIII столетия и положило начало материалистической традиции в отечественной науке.

Материалистическое мировоззрение М. В. Ломоносова, а также передовых русских просветителей и демократов второй половины XVIII столетия явилось идеальной основой творчества выдающихся русских ученых XVIII века, среди которых не последнее место принадлежит медикам.

Появление медицинских учреждений и рост врачебных кадров в России XVIII века отвечали потребностям страны. Развитие армии, увеличение ее численного состава требовали четко организованной медицинской службы, способной бороться с эпидемиями и обеспечить медицинское обслуживание раненых. Во время частых военных действий необходимо было организовать большое количество как временных, так и по-

сторонних военных госпиталей с соответствующим штатом лекарей и подлекарей.

Строительство большого военного и торгового флота вызывало развитие морской медицины, как корабельной, так и госпитальной. Уже в первой четверти XVIII века создаются адмиралтейские (морские) госпитали в Петербурге, Кронштадте, Астрахани и других городах.

Расширение фабрик и заводов и связанный с этим рост числа рабочих-горняков, металлургов и других умельцев, расположение предприятий в отдаленных районах страны под постоянной угрозой распространения инфекционных заболеваний и потери умелых людей, которых трудно было заменить, вызывали необходимость осуществления ряда мероприятий по охране здоровья мастеров, работающих на фабриках, заводах и рудниках.

В связи с ростом внутренней и внешней торговли потребовалось усиление карантинной системы на основных торговых путях для заслона против проникновения и распространения всевозможных «повальных» болезней и в первую очередь «моровой язвы» (чумы).

При реорганизации аппарата государственного управления создавалась своего рода система государственного здравоохранения, начиная с введения первых городовых лекарей в 1737 г. до образования в конце столетия врачебных управ в губерниях. Для удовлетворения всех этих нужд требовалось значительное число врачей.

Первые упоминания о русских врачах имеются еще в летописях Киевской и Новгородской Руси. Число их значительно увеличилось в период Московского государства в связи с ростом в нем армии. Во всяком случае уже в 1627 г. царский двор на предложение принять на службу иностранных лекарей, прибывших в Архангельск, смог ответить отказом, так как «у нашего царского величества дохтуры и аптекари есть многие Московского государства природные и иностранцы многих земель, а они (т. е. лекари-иностранные.—Б. П.) люди неведомые, свидетельствованных у них грамот и об них ни от кого к царскому величеству никакого письма нет»¹.

Медицинское образование первые русские врачи получали путем прохождения ученичества у вольнопрактикующих и полковых лекарей. Первая специальная школа для подготовки врачей была создана в России при Аптекарском приказе в 1654 г. и в нее было набрано 30 учеников из стрелецких детей. В этой школе преподавались анатомия, хирургия, ботаника, фармакология и практическая фармация, диагностика внутренних болезней («зnamена немочей»), амбулаторная практика.

¹ В. Джуниковский. Краткое обозрение врачебной науки в России. Всеобщий журнал врачебной науки. СПБ, 1811.

тика. После учебы в школе ученики проходили практику у лекарей, а также (во время русско-турецкой войны 1676—1681 гг.) на фронте в полках и военно-временных госпиталях, куда они выезжали вместе со своими преподавателями.

Школа Аптекарского приказа носила временный характер, она провела в XVII веке несколько наборов и выпусков. Первый выпуск 13 человек в стрелецкий приказ был произведен в 1658 г. В 1682 г. был дан указ об организации в Москве двух «шпитален» для гражданского населения. В них предусматривалась и подготовка врачей, но о дальнейшей судьбе этих больниц точных сведений нет.

Сопоставляя имена русских лекарей, приведенные в работах И. Д. Страшун¹, М. Ю. Лахтина², В. М. Рихтера³, Д. Цветаева⁴ и Л. Ф. Змеева⁵, легко установить, что число их к концу XVII века, считая только находящихся на государственной службе, превышало 60 человек. Кроме того, в городах к тому времени появилось немало вольнопрактикующих врачей. Однако этого числа врачей было совершенно недостаточно для удовлетворения потребностей страны, возросших в связи с экономическими сдвигами, происшедшими в ней в начале XVIII века. Для армии, флота и заводов требовалось большое количество врачей, которых нужно было готовить так, чтобы они могли заменить не только иноzemных хирургов, но и докторов, занимавшихся на Западе лечением внутренних болезней. Проблема подготовки таких врачей была решена в России в XVIII веке самобытным путем — созданием госпитальных школ или медико-хирургических училищ, как они стали называться позднее. Эти медицинские школы и явились первыми высшими медицинскими учебными заведениями в России, подобных которым в начале XVIII века не имела ни одна страна. Госпитали, при которых были организованы медицинские школы, получили название генеральных госпиталей.

1. Госпитальные школы в России в XVIII веке

а) Московская школа

Московская госпитальная школа явилась первым учебным заведением указанного выше типа. Указ о постройке военного госпиталя в Москве был дан Петром I 25 мая 1706 г. В нем

¹ И. Д. Страшун. Русский врач на войне. М., 1947.

² М. Ю. Лахтин. Медицина и врачи в Московском государстве. М., 1906.

³ В. М. Рихтер. История русской медицины. Т. I—III, М., 1814—1820.

⁴ Д. Цветаев. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896.

⁵ Л. Ф. Змеев. Былое врачебной России. СПБ, 1890.

предписывалось: «За Яузой рекою, против немецкой слободы в пристойном месте, для лечения болящих людей...» построить госпиталь, «а у того лечения быть доктору Бидлоо, да двум лекарям Андрею Рыбкину¹, а другому, кто прислан будет, да из иноземцев и из русских, изо всякого чина людей, набрать для аптекарской науки 50 человек»².

В 1707 г. постройка госпиталя была окончена, в него были помещены первые больные и с этого же года при нем начала функционировать медико-хирургическая школа. Постройка госпиталя, а затем содержание его и школы до 1755 г. осуществлялись на средства Монастырского приказа (позднее синода). В последующем госпиталь дважды восстанавливался после пожаров 1721 и 1737 гг., при этом деревянные здания постепенно заменялись каменными.

Первоначально госпиталь был рассчитан на 300 больных. В 1755 г. он был передан в ведение военной коллегии, а в 1756 г. П. З. Кондоиди обратился в военную коллегию с требованием расширить госпиталь за счет новых пристроек до 1000 мест, построить особые помещения для операций и для содержания психически больных. Госпиталь был несколько расширен, и к концу 1756 г. он вмещал 698 больных³.

Медико-хирургическое училище при Московском военном госпитале существовало 91 год (до 1798 г.), когда все медико-хирургические училища были упразднены, а взамен их образованы медико-хирургические академии. За время своего существования, если судить только по сохранившимся в архивах спискам, Московская школа выпустила около 800 врачей и дала стране таких выдающихся деятелей отечественной медицины XVIII века, как И. И. Виен, А. Ф. Масловский, Н. Г. Но-жевщиков, П. С. Симонтовский, Я. В. Стефанович-Донцов и др.

Преподавателями в Московской госпитальной школе в разное время были крупнейшие русские ученые медики XVIII века: К. И. Щепин, П. И. Погорецкий, П. М. Шумлянский, Н. Г. Но-жевщиков, А. Шафонский⁴.

¹ Имелся в виду немецкий лекарь Генрих Репкен.

² Полное собрание законов Российской империи. СПБ, 1830, т. 6, стр. 343.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 8, л. 449—454.

⁴ Биографические сведения о воспитанниках госпитальных школ даются в приложении.

Шафонский Афанасий Филимонович (1740—1811) в 1756 г. отправился за границу, где окончил три университета и получил степени доктора правоведения, доктора философии и доктора медицины. В 1763 г. вернулся в Россию. С 1769 по 1781 г. был старшим доктором Московского генерального госпиталя. Был назначен членом комиссии по борьбе с эпидемией чумы в Москве в 1770—1772 гг. Составил ее описание. С 1781 г. оставил медицину. (См. о нем статью В. А. Невского в журнале «Гигиена и санитария» 1950, № 11).

б) Школа при С.-Петербургском сухопутном госпитале

В связи с продолжающимся ростом потребности армии в медицинском обслуживании вскоре же после постройки Московского госпиталя была организована сеть новых госпиталей. Одним из первых (в 1716 г.) был открыт С.-Петербургский сухопутный госпиталь. В штате этого госпиталя, как и во всех

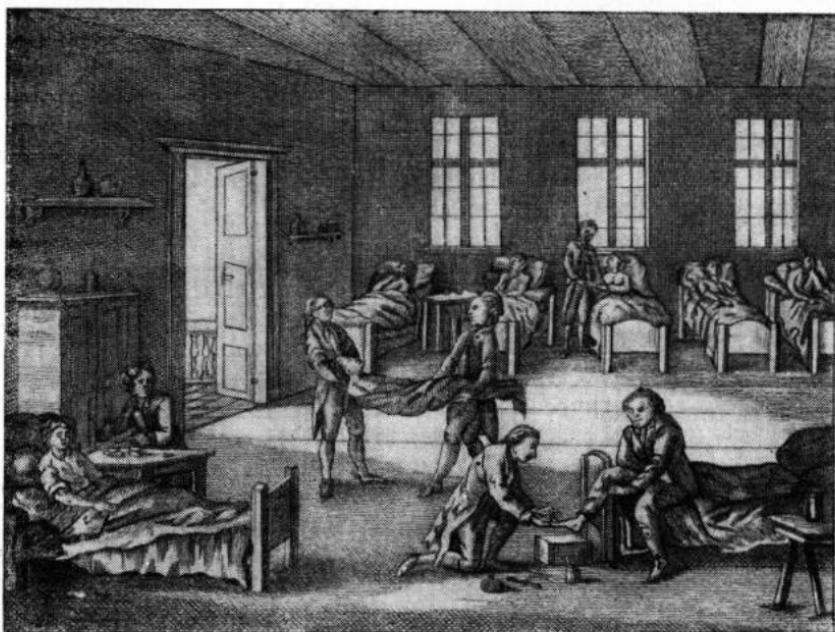

Рис. 1. Госпитальная палата (гравюра XVIII века).

госпиталях того времени, с самого начала было несколько лекарских учеников, но специального школьного обучения их не производилось.

Медико-хирургическая школа при С.-Петербургском сухопутном госпитале была организована в 1733 г. (одновременно со школами при адмиралтейских госпиталях — Кронштадтском и Петербургском) со штатом 10 подлекарей¹ и 20 учеников. В 1756 г. число учеников было увеличено до 50 человек².

¹ Подлекарь — медицинское звание, существовавшее в России в XVIII веке, среднее между фельдшером и врачом. Присваивалось после 1—2 лет учебы в медико-хирургическом училище. После этого подлекарь оставался в училище для окончания врачебного образования. При недостатке врачей использовались в армии на младших врачебных должностях. Звание подлекаря упразднено в 1799 г.

² Полное собрание законов. Т. 14, № 10 668, стр. 695.

В 1786 г. в ее состав влилась школа Петербургского адмиралтейского госпиталя. Таким образом, эта школа просуществовала 65 лет и в 1798 г. была реорганизована в Медико-хирургическую академию.

В первые годы своего существования Петербургская школа плохо укомплектовывалась преподавателями и учениками, в учебном и научном отношении значительно отставала от Московской школы. Со средины же столетия положение коренным образом изменилось вследствие ряда реформ преподавания, осуществленных П. З. Кондоиди. Постепенно в школе формируется ядро высококвалифицированных преподавателей, и она начинает занимать ведущее положение среди всех госпитальных школ. В числе преподавателей школы в разное время были: Н. М. Максимович-Амбодик, С. С. Андреевский, Г. И. Базилевич, П. А. Загорский, Н. К. Карпинский, А. Я. фон Меллен, В. В. Петров (физик), Я. О. Саполович, Г. Ф. Соболевский, М. М. Тереховский, Ф. Т. Тихорский, И. Шрейбер¹, К. И. Щепин и др. За время своего существования школа при Петербургском сухопутном госпитале выпустила около 500 врачей, многие из которых известны как выдающиеся ученые и деятели здравоохранения своего времени: Н. М. Максимович-Амбодик, С. С. Андреевский, Г. И. Базилевич, Е. К. Валлерян, М. Л. Гамалея, М. Н. Еллинский, П. А. Загорский, Е. Ф. Зверака, И. К. Каменецкий, И. В. Протасов, И. В. Руцкий, Я. О. Саполович, Г. Ф. Соболевский, М. М. Тереховский, П. М. Шумлянский и др.

в) Школа при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале

В первой же четверти XVIII столетия в связи с развитием морского флота в России возникает и военно-морская медицина, создается сеть адмиралтейских (морских) госпиталей. Одним из первых был открыт в 1719 г. С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, а в 1733 г. при нем была открыта медико-хирургическая школа.

Эта школа существовала как самостоятельная до 1786 г., когда она влилась в школу при сухопутном госпитале; но раньше этого нередко она имела общих с сухопутной школой преподавателей (проф. И. Шрейбер, Н. М. Максимович-Амбодик и др.). За 53 года ее существования из нее вышло около 300 врачей, в том числе получившие известность А. Г. Бахерахт, П. И. Погорецкий, Д. С. Самойлович, М. Я. Стефанович-Дон-

¹ И. Ф. Шрейбер — немецкий ученый, врач (1705—1760). С 1731 г. находился на русской службе. С 1742 по 1760 г. был профессором петербургских госпитальных школ. В 1732 г. описал чуму, наблюдавшуюся им на Украине. Является автором учебника, по которому учились слушатели русских госпитальных школ.

цов, Ф. Т. Тихорский, М. И. Шеин, А. М. Шумлянский и др. В числе наиболее выдающихся профессоров и преподавателей этой школы, работавших в ней в разное время, можно отметить Е. К. Валлериана, Н. К. Карпинского, С. М. Митрофанова, И. В. Руцкого, Я. О. Саполовича, Ф. Т. Тихорского, М. И. Шеина.

г) *Школа при Кронштадтском адмиралтейском госпитале*

Морской госпиталь в Кронштадте был открыт в 1720 г., а в 1733 г. (одновременно с петербургскими) при нем была организована медико-хирургическая школа. Первоначально ее штат, так же как и петербургских, состоял из 10 подлекарей и 20 учеников, а в 1756 г. число учеников увеличилось до 30.

Эта школа никогда не была полностью укомплектована преподавателями, не имела необходимого учебного оборудования, и ученики поступали в нее неохотно. Поэтому она почти никогда не имела штатного состава учащихся. Нередко ученики, видя плохую постановку преподавания, переводились из Кронштадтской в петербургские школы. Так в свое время поступили, например, А. И. Федоровский, Я. О. Саполович и др. Просуществовала эта школа 65 лет (до 1798 г.), когда была закрыта в связи с организацией медико-хирургических академий. Из числа преподавателей, работавших в ней в разное время, можно отметить Н. М. Максимович-Амбодика, И. Ф. Буша¹, Е. К. Валлериана, Д. П. Синопеуса², А. И. Федоровского. За время своего существования эта школа подготовила около 200 врачей.

д) *Медико-хирургическая школа при Колывано-Воскресенском горнозаводском госпитале*

Колывано-Воскресенские (Алтайские) металлургические заводы и рудники были основаны известным промышленником А. Н. Демидовым в 20—30-х годах XVIII века и представляли собой крупнейший промышленный центр. Первый госпиталь на заводах был открыт Демидовым в 1741 г.

В 1747 г. Колывано-Воскресенские заводы перешли в собственность царской фамилии и управлялись с этого времени так называемым кабинетом.

¹ Буш Иван Федорович (1771—1843). Уроженец Нарвы. В 1787 г. окончил Калининский медико-хирургический институт. Служил военно-морским врачом в Балтийском флоте. Был профессором анатомии и хирургии в Кронштадтском, а затем Петербургском медико-хирургическом училище. С 1800 г.—профессор хирургии Петербургской медико-хирургической академии. В 1833 г. ушел в отставку. Является автором около 50 научных работ.

² Синопеус Дамиан (Демьян Петрович) (умер в 1776 г.) — врач, зачислен на русскую службу в 1730 г. Впоследствии был главным доктором флота. Автор первой в России медицинской книги *Raterga medica* (1734).

Отдаленность района от центра, опасность распространения эпидемических заболеваний вызывали необходимость расширения сети медицинских учреждений. К 1751 г. на заводах имелся большой центральный госпиталь в Барнауле, госпиталь в Колывани и несколько лазаретов на рудниках (Змеиногорском и др.). Тогда же для обеспечения этого отдаленного края врачами было решено открыть при центральном заводском госпитале медико-хирургическую школу по образцу школ, состоявших в ведении медицинской канцелярии.

Указ этой канцелярии об организации медицинской школы при Колывано-Воскресенских горных заводах был дан впервые в 1751 г. при назначении главным лекарем заводов штаб-лекаря¹ Абрама Эшке. Количество учащихся при этом установлено не было. Вместе с Эшке туда было направлено для начала три ученика из петербургских госпиталей, остальных учеников, «сколько определено будет от тамошней канцелярии», он должен был набрать на месте. Содержание школы, как и госпиталей, осуществлялось канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства за счет средств, вычитаемых из жалования рабочих и служащих.

В инструкции, которая была дана медицинской канцелярией штаб-лекарю Эшке, ему предлагалось обучать учеников «в хирургии и анатомии, також в пользовании внутренних и наружных болезней по надлежащему». Для лучшего усвоения анатомии предлагалось производить вскрытия всех умирающих в госпиталях. Кроме практических занятий у постели больных, было указано проводить и теоретические занятия в классах; «притом чтобы вышеписанное все порядочно записывали и через то из них к пользе заводов произведены были добрые и надежные в лекарском деле люди». Эшке должен был также «им показывать растущих в тамошних местах лекарственных трав с истолкованием медицинских оных пользы и употребления, також толковать им будет о обыкновенных медикаментах, оных действие и меру и содержание их»². В программу школы были включены все дисциплины, изучав-

¹ Штаб-лекарь — высшее врачебное звание, установленное в России в XVIII веке. Присваивалось лекарям, прослужившим не менее 6 лет на государственной службе. Указом 28 февраля 1762 г. они приравнивались к чину капитана. По положению 1764 г. звание штаб-лекаря должно было присваиваться за научные работы, но медицинская коллегия не всегда придерживалась этого правила. По положению 28 декабря 1838 г. присваивалось лекарям, прослужившим на врачебных должностях 4—5 лет и представившим «собственное врачебное наблюдение или рассуждение по части врачебных или вспомогательных наук, или же медико-топографическое описание какой-либо страны». Звание штаб-лекаря давало право на занятие должности старшего полкового врача и главного лекаря госпиталей 1-го и 2-го класса. Присвоение званий штаб-лекаря отменено 18 декабря 1845 г.

² ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 225, л. 328.

шиеся в то время в Московской и Петербургских школах. Вторым преподавателем школы и лекарем госпиталя был назначен лекарь Янышев, умерший вскоре после приезда в Барнаул.

Никаких сведений о деятельности школы при Эшке не сохранилось; во всяком случае за время его пребывания на Колывано-Воскресенских заводах с 1752 по 1757 г. он не представил в медицинскую канцелярию ни одного ученика даже к производству в подлекари. В 1757 г., по истечении срока контракта, Эшке подал рапорт об освобождении от службы. Отставка его была принята. «Кабинет» всячески торопил медицинскую канцелярию с назначением на заводы новых лекарей, «понеже при означенных Колывано-Воскресенских серебряных яко нужных и полезных государству заводах штаб, обер-и унтер-офицеров и нужнейших в искусстве мастеровых как Российских, так и иностранных и других нижних чинов служителей находится не малое число и как во время повреждения при той службе, так и для других болезней искусный лекарь весьма там нужен и без того обойтись невозможно»¹.

Указом медицинской канцелярии в 1758 г. на Колывано-Воскресенские заводы с чином главного лекаря был назначен лекарь Н. Г. Ножевщиков, рекомендованный П. З. Кондоиди как человек «честного и трезвого состояния и в лекарском искусстве отличного знания»². Вместе с Н. Г. Ножевщиком выехал по собственному желанию подлекарь Петербургского сухопутного госпиталя Тимофей Андреев. При них школа получила настоящее развитие.

Сразу же по приезде Н. Г. Ножевщиков провел экзамен всем ученикам, и по его представлению медицинская канцелярия уже в 1759 г. произвела в подлекари трех человек. В том же году ему были высланы через берг-коллегию учебники для школы и другие медицинские книги, в том числе только что вышедший из печати перевод анатомии Гейстера. В школе устанавливается штатное количество учащихся — 10 человек, но в дальнейшем число их достигает 15 и даже 20. С этого времени медицинская школа при Колывано-Воскресенских заводах проводит регулярно выпуск лекарей и подлекарей вплоть до начала XIX столетия.

Колывано-Воскресенская школа была первой медицинской школой в Сибири. Ее местонахождение является не случайным. Колывано-Воскресенские заводы в середине XVIII столетия были не только крупнейшим культурным центром Сибири, но и одним из самых крупных культурно-промышленных центров России. В одно время с Н. Г. Ножевщиком в Барнауле

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 225, л. 336.

² Там же, л. 340.

работали талантливейшие русские конструкторы И. И. Ползунов и К. Д. Фролов.

Врачи-выпускники Колывано-Воскресенской школы работали и в Колыванском горном округе, и в крепостях Иртышской линии; отсюда же поступали врачи и в другие места Сибири вплоть до Охотска. Из числа выпускников этой школы выдвинулись такие представители русской медицины XVIII века, как штаб-лекари С. Шаньгин, М. Шеваньгин и Т. Андреев, первые организаторы оспопрививания в Сибири, штаб-лекарь А. М. Залесов — исследователь флоры Алтая, лекарь Козлов — один из первых исследователей сибирской язвы, Я. Картеников — впоследствии адъюнкт ботаники Харьковского университета, А. И. Федоров и др.

е) Елизаветградская медицинско-хирургическая школа

Этой школе принадлежит немалая роль в развитии медицинского образования в России. Елизаветградская школа существовала с 1788 по 1796 г. В известной работе Я. Чистовича¹ роль Елизаветградской школы значительно преувеличена. Он, видимо, не располагал всеми архивными материалами, поэтому у него и сложилось неправильное впечатление, что школа была мертворожденной, не имела штатных преподавателей, что ученики этой школы набирались случайно и не имели необходимого образования и т. п.

Изученные нами архивные материалы позволяют уточнить многие стороны работы школы. Первый госпиталь в Елизаветграде был организован для нужд гарнизона лекарем первого батальона крепости св. Елизаветы Д. В. Волченецким в 1777 г.². В октябре 1787 г. для медицинского обеспечения армии, действующей на русско-турецком фронте, создается сеть дополнительных госпиталей (в Болеславе, Никополе и др.). В связи с недостатком медицинских чинов в действующей армии и отсутствием надежд, что медицинская коллегия сможет пополнить их за счет выпуска лекарей из подведомственных ей школ, Г. А. Потемкин тогда же дал указ об организации в Елизаветграде нового большого генерального госпиталя (вместо старого гарнизонного) с медицинской школой при нем. Инспектором госпиталя и школы был назначен П. Шарой.

Ввиду отсутствия опубликованных сведений о Елизаветградской школе, остановимся на ней несколько подробнее. П. Шарой в своем докладе, поданном на имя Новороссийского генерал-губернатора в 1796 г., приводит подробные сведения

¹ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. 460—466.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 284, л. 59.

о деятельности школы. Школа начала функционировать с июля 1788 г. Управление ею осуществлялось вначале непосредственно Г. А. Потемкиным, после его смерти генералом Каховским, а с 1793 г.— А. В. Суворовым. Елизаветградская школа имела тот же источник пополнения учащимися, что и школы медицинской коллегии. Ученики набирались в нее из числа студентов Харьковского, Черниговского и других малороссийских духовных училищ, причем в Елизаветградскую школу они поступали значительно охотнее, так как она была намного ближе, чем Московская и Петербургская, и, кроме того, в Елизаветграде ученики получали на свое содержание большую сумму, чем в школах медицинской коллегии. Недостатка в учениках, о котором говорит Я. Чистович, школа никогда не испытывала.

Первыми преподавателями Елизаветградской школы были: старший доктор госпиталя П. Колб, получивший образование в Московской госпитальной школе, служивший затем подле-карём Кинбурнского драгунского полка и преподавателем в Петербургском госпитале. В 1789 г. он получил степень доктора и был назначен старшим доктором в Елизаветградский госпиталь, где, как он писал в своем письме на имя главного директора медицинской коллегии А. И. Васильева, «сверх оной должности преподавал лекарским ученикам, при той госпитали находящимся, в анатомии, физиологии и хирургии, а потом и врачебное веществословие»¹.

П. Колб состоял преподавателем школы с 1789 г. по день ее ликвидации. Доктор В. Доминициус преподавал в школе «материю медику» и «практику медиическую» с момента организации школы до 1793 г., когда был переведен в Черноморский флот. После отъезда Доминициуса преподавание было возложено приказом А. В. Суворова на дивизионного доктора И. Кернера, который, однако, отказался от преподавания, сославшись на болезнь. Тогда Суворов обратился в медицинскую коллегию с просьбой прислать преподавателя, и коллегия назначила на это место доктора Е. Ф. Звераку, который и приступил к работе в июле 1794 г. Он преподавал химию и «практику медиическую» и проработал в школе до момента ее ликвидации.

Кроме того, в разное время преподавателями Елизаветградской школы были: лекарь (будущий профессор) Е. О. Мухин, преподававший с 1792 г. остеологию и десмургию и исполнявший обязанности прозектора анатомии, штаб-лекарь Д. В. Волченецкий, первый организатор госпиталя, затем его главный лекарь, лекарь П. Черновецкий, состоявший демонстратором анатомии после Е. Мухина, штаб-лекарь Р. Чернявский, лекари: Д. Киселев, Н. Терновский, И. Бородулин и др.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 21, л. 1—6.

В 1796 г., к моменту ликвидации школы, преподавание в ней вели: доктор Е. Зверака, преподававший химию, ботанику, патологию и терапию; доктор П. Колб — физиологию и «материю медику»; штаб-лекарь А. Лаврениус — хирургию и акушерство; лекарь П. Черновецкий — анатомию¹. Таким образом, неверным является и положение об отсутствии в школе преподавателей.

С самого начала в школе был установлен строгий распорядок занятий. Помимо практических занятий в палатах госпиталя, ежедневно проводились теоретические занятия по следующему расписанию: «по утру от 10 до 12 часов о родах болезней, по полудни от 2 до 4 часов о лечении и лекарствах, от 7 до 10 часов об анатомии и хирургии»².

Елизаветградская медицинская школа сыграла большую роль в обеспечении врачами армии Потемкина, Черноморского флота и Украины. С 1788 по 1796 г. в школе обучалось 247 учеников и 10 волонтеров, за это время из школы выпущено в армию и флот 153 человека лекарей и подлекарей. В 1796 г. в школе состояло 95 учеников, из которых 50 человек были уже подготовлены к сдаче подлекарского экзамена, и 9 волонтеров³.

Первые выпускники школа производила самостоятельно, звания лекаря и подлекаря присваивались ордерами Потемкина, поэтому медицинская коллегия ничего о них не знала. Отсюда же происходит и ошибочное предположение, будто эта школа была «фельдшерской» и не готовила врачей. Уже в 1789 г. Елизаветградскую школу окончили 15 подлекарей, в этом выпуске были Е. Мухин и А. Быстроглазов, отличившийся впоследствии рядом научных работ. Лишь в 1793 г. А. В. Суворов ввел порядок, по которому результаты экзаменов представлялись в медицинскую коллегию и звания выпускникам присваивались ее указами.

В связи с прекращением военных действий и перемещением основной силы войск на побережье Черного моря (Одесса, Херсон, Николаев, Севастополь и т. д.) Елизаветградский госпиталь потерял свое значение, в нем было мало больных. Управление всем краем перешло в руки бездарного фаворита Екатерины II Зубова, который не имел представления о том, что в дальнейшем делать со школой и на какие средства ее содержать. Инспектор школы Шарой в 1795 г. представил главному директору медицинской коллегии А. И. Васильеву докладную записку с просьбой решить вопрос о дальнейшем существовании школы. В своем обстоятельном докладе Шарой предлагал сохранить ее и в дальнейшем, аргументируя это

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 17, л. 22.

² Там же, л. 21.

³ Там же, л. 19—20.

предложение следующими доводами: 1) школа готовит лекарей, знакомых с местным климатом и условиями жизни, и позволяет обходиться без приглашения иностранцев; 2) вблизи имеется большое количество духовных «коллегиумов», что позволяет легко комплектовать школу учащимися, имеющими необходимое предварительное образование; 3) подлекари, до утверждения их коллегией, проходят практику в госпиталях; 4) наличие школы избавляет медицинскую коллегию от необходимости направлять на Украину и в Черноморский флот медицинские чины из других училищ; 5) подлекари близлежащих воинских частей имеют возможность проходить при школе усовершенствование и готовиться к лекарскому экзамену¹.

Эти доводы, очевидно, показались коллегии достаточно убедительными, и она согласилась на сохранение школы, рекомендовав, однако, в своем ответе перевести школу в Херсонский госпиталь как более крупный, обеспечить ее необходимыми учебными пособиями и библиотекой и содержать в дальнейшем за счет ликвидации Кронштадтской школы. Но это осталось нереализованным, так как Зубов не желал сам заниматься вопросами школы и по его представлению Павел I передал Елизаветградскую школу в 1797 г. в ведение медицинской коллегии. Последняя, ознакомившись с состоянием школы, не имея возможности из-за отдаленности сразу же заняться школой, представила в том же году на имя Павла I доклад, в котором предложила: «До будущего выбора в южном краю удобнейшего места для хирургической школы и снабжения оной всеми нужными пособиями в пользу учащихся, дабы они при совершенном ныне во всем недостатке, требующем опытного рассмотрения, не препровождали в праздности времена, не благоугодно ли Вашему Императорскому Величеству высочайше повелеть находящихся ныне учеников перевести во врачебные училища, в обоих столицах учрежденные». И далее: «Затем же медицинская коллегия, собрав обо всем надлежащия сведения, не преминет и о тамошнем крае учинить рассмотрение, где и на каком основании тамо с лучшою пользою врачебные училища учредить и в свое время представить Вашему Императорскому Величеству»².

В ответ на это представление последовал следующий указ: «Согласно с мнениями, нам в докладе от медицинской коллегии представленными, повелеваем состоящую при Елизаветградской госпитали хирургическую школу упразднить и находящихся при той школе учеников распределить по рассмотрению коллегии во врачебные училища, в обеих наших столицах учрежденные, обратив и сумму на них издерживающую в ежегодное распоряжение медицинской коллегии, сколь-

¹ ЦГИЛЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 17, л. 23—24.

² Там же, л. 42—44.

ко ее по числу тех учеников отпускать. Павел. Июня 13 дня, 1797 года»¹.

На основании этого указа Елизаветградская школа была ликвидирована. Ученики, «кои своим прилежанием и способностями к наукам подают о себе добрую надежду», были переведены в Московское или С.-Петербургское училище по их собственному выбору.

В указе Павла ничего не было сказано о дальнейшей организации медицинского образования на Украине, вопрос этот заглох и длительное время оставался нерешенным.

Таким образом, основным источником создания национальных врачебных кадров в России XVIII века явились 6 госпитальных школ: две Петербургские, Московская, Кронштадтская, Колыванско-Воскресенская и Елизаветградская.

ж) Другие формы подготовки врачей в России XVIII века

Помимо названных школ, на протяжении XVIII столетия в России сохранялись и другие формы медицинской подготовки: ученичество в госпиталях, не имеющих школ, ученичество у лекарей в полках и на кораблях, у городских и провинциальных лекарей. Эти формы подготовки медиков играли лишь вспомогательную роль и сохранялись только потому, что ученики были нужны в госпиталях и у лекарей для ухода за больными, выполнения назначений врачей и т. п., т. е. они выполняли функции несуществовавших в то время медицинских сестер. Число таких учеников было довольно значительным.

В XVIII веке для нужд армии и флота было развернуто большое количество госпиталей. К концу XVIII столетия их насчитывалось свыше 30. Кроме того, во время военных действий создавалась для нужд действующей армии сеть постоянных и временных полевых госпиталей. Несколько таких госпиталей было организовано во время Северной войны и русско-персидской 1722—1723 гг. и значительно больше во время русско-турецких войн 1735—1739, 1763—1774, 1787—1791 гг. и во время Семилетней войны 1756—1763 гг.

Кроме военных госпиталей, организовывались госпитали при заводах Сестрорецком, Олонецких, в Екатеринбурге, Туле и других городах, а в конце столетия и городские госпитали. Количество лекарских учеников во всех этих госпиталях было различным. Чаще всего оно определялось в соответствии с ге-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 17, л. 42—44.

неральным регламентом о госпиталях 1735 г.— по 4 ученика и 2 подлекаря «на каждое двусотное количество больных»¹. Во всех адмиралтейских (не генеральных) госпиталях полагалось по 4 ученика. Но бывали и отклонения от этого правила.

Обучение учеников в госпиталях проходило в основном на практике, хотя медицинская канцелярия постоянно предписывала докторам и лекарям госпиталей проводить с учениками систематические учебные занятия и даже рассыпала им учебники. Так, например, в указе доктору Оренбургского госпиталя Валлериану в 1770 г. говорится об учениках, «коих притом ему доктору обучать хирургии и анатомии понадлежащему, дабы потом могли произойти в подлекари и лекари»².

При строительстве новых госпиталей в них обязательно предусматривались учебные помещения. Так, при строительстве Ораниенбаумского госпиталя в нем, по указанию медицинской канцелярии, построили анатомический театр и учебную комнату. Все же ученики госпиталей, не имеющих школ, после соответствующих экзаменов получали звание лишь подлекарей. Для достижения лекарского звания желающие, как правило, направлялись подлекарями же в один из генеральных госпиталей и после 2—3-летнего усовершенствования и сдачи соответствующего экзамена производились в лекари. Так, по указу медицинской коллегии в 1764 г. были переведены «за хорошие успехи» и «для лучшего обучения лекарской науке» из Астраханского адмиралтейского в Московский госпиталь ученики И. Иванов и П. Егоров. Чаще всего это делалось по прошению самих подлекарей. В 1764 г., например, переведен по прошению подлекарь Смоленского полка Никита Попов в Петербургский адмиралтейский госпиталь «для лучшего утверждения в анатомии и хирургии»³.

Относительно редко подлекари производились в лекари и без обучения в школах. Это были главным образом подлекари, длительно работавшие в полевых госпиталях; производство совершалось лишь после сдачи положенного экзамена доктору и лекарям по указанию медицинской коллегии. В марте 1764 г. опубликован указ медицинской коллегии всем дивизионным докторам и штаб-лекарям «О экзаменовании подлекарей в лекарском искусстве»⁴. Указ был вызван тем, что многие подлекари, находящиеся на службе в полковых и дивизионных лазаретах, получив достаточную практику и теоретическую подготовку под руководством лекарей, не имели возможности оставить свои части, чтобы поехать в Москву или Петербург для сдачи экзамена, тем более что в то время такая поездка была связана с немалой потерей времени.

¹ Полное собрание законов, 1830, т. 9, № 6852, стр. 662.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 42, л. 370.

³ Там же, кн. 2, л. 236.

⁴ Там же, кн. 4, л. 28.

Еще меньшее значение имело ученичество у лекарей, которое было особенно распространено во флоте на кораблях. Морским уставом 1720 г. были определены штаты медицинского состава кораблей и в том числе: на 50 й более пушечных по 2 ученика, на остальных — по одному¹. Были ученики и в полевых полках. В письме Петра I к царевичу Алексею от 17 июля 1709 г. упоминается о недостатке в 7 пехотных полках 11 лекарских учеников². Были лекарские ученики и у провинциальных лекарей. Так, доктор Валлериан доносил своим рапортом из Оренбурга в 1770 г., что ему положено «4 ученика в госпитале, да в трех провинциях по одному»³.

В «Инструкции лекарям, состоящим в армии, флоте и прочих командах» 1762 г. в специальном параграфе говорится, что при наличии лекарских учеников в ведении лекаря он обязан: «оных заставлять читать хорошие хирургические книги да притом сколько возможно и обучению латинского и немецкого языков, а по меньшей мере по-латыни читать и писать»⁴.

В большинстве случаев лекарские ученики, находящиеся при лекарях, проходили длительную службу и нередко всю жизнь оставались в этом звании. Иногда они достигали звания подлекаря, а для достижения лекарского звания они должны были, как правило, поступить в один из генеральных госпиталей.

Кроме того, в середине XVIII века при Рижском военном госпитале существовала фельдшерская школа, в которой в 1765 г. было 46 учеников. В том же году указом медицинской коллегии 12' наиболее способных из них были переведены в лекарские ученики, а остальные получили звание фельдшера⁵.

2. Состав учащихся и преподавателей в госпитальных школах

Важнейшей задачей, возникшей перед организаторами первых медицинских школ в России, была задача укомплектования их учениками, обладающими необходимой для изучения медицины общеобразовательной подготовкой. Основным требованием при этом являлось знание латинского языка, бывшего в то время международным языком ученых. В России того времени были школы, где в достаточном объеме преподавался латинский язык и которые давали достаточную общеобразовательную подготовку. Это были Московская славяно-греко-латинская академия и духовные училища, находившиеся в ведении синода. Из этих училищ Московская госпитальная

¹ Полное собрание законов, т. 6, № 3485.

² Письма и бумаги Петра Великого, т. 9, М., 1950, стр. 299.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 32, л. 529.

⁴ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 13, № 46.

⁵ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 6, д. 61, л. 593—606.

школа и черпала с самого начала своего существования необходимое пополнение учеников. Некоторые затруднения с набором учащихся были только в первые годы существования школы. Впоследствии комплект учащихся был почти всегда полным. К тому же, помимо штатных учеников, в ней всегда находилось до 10 и более волонтеров.

Так, в самом раннем дошедшем до нас списке учеников этой школы, относящемся к 1715 г., значится 23 русских ученика, поступивших из духовных училищ¹, в 1716 г. их было 31, а в 1736 г.—40. В 1719 г. по просьбе Н. Бидлоо синод дал специальное указание всем духовным училищам беспрепятственно отпускать учеников по их желанию в медицинскую школу. Постепенно в медицинские школы начинают поступать ученики не только из Московской академии, но и из провинциальных школ: в 1752 г. в них поступило несколько семинаристов из Тверской и Владимирской семинарий, в 1754 г. из семинарии Троицко-Сергиевской лавры и т. д.

В 1754 г. синод по просьбе архиатра П. З. Кондоиди дал указ Киевскому, Черниговскому, Белгородскому и Переяславскому архиереям и Московской славяно-греко-латинской академии, чтобы воспитанников этих школ, желающих учиться медицине, беспрепятственно отпускали в медико-хирургические училища².

В том же году в Московскую школу поступили первые два воспитанника Киевской духовной академии, которая в дальнейшем стала одним из основных источников пополнения медицинских школ. Много учеников поступало также из Харьковского, Черниговского и Переяславского коллегиумов. В 1756 г. синодский указ того же содержания был дан дополнительно в Новгородскую, Казанскую, Псковскую, Тверскую, Троицко-Сергиевскую, Рязанскую, Ростовскую, Владимирскую и Нижегородскую семинарии³. Эти указы были отменены синодом только в 1801 г.⁴.

Недовольствуясь обращениями через синод, медицинская коллегия в дальнейшем прибегает для приглашения учащихся в медицинские школы к посредничеству врачей, находящихся в городах, где имеются духовные училища. В 1770 г. был издан следующий указ: «В рассуждении, что ныне при Московском генеральном госпитале находится ученических вакансий двадцать одна (большое число учеников из госпиталя было откомандировано на борьбу с чумой.—Б. П.), приказали в Киев к доктору Митрофанову и к городовым лекарям в Переяславле Францу Вольфу, в Чернигов Узнянскому по-

¹ А. Алелеков. История Московского военного госпиталя, М., 1907, стр. 15.

² Полное собрание законов. СПБ, 1830, т. 14, стр. 39.

³ Там же, стр. 526.

⁴ Там же, т. 26, стр. 664.

слать указы, велеть, чтобы они, употребя благопристойный способ, постарались приглашать студентов, желающих определяться к обучению медико-хирургии», причем упомянутые врачи должны были выбирать «знающих по-латыни и в состоянии добропорядочном, которые б не меньше 14 и не старше 20 лет были»¹. Эта мера не замедлила оказать свое действие. В том же году и в продолжение нескольких следующих лет приток студентов из названных городов резко увеличился, поэтому недостатка в подготовленных учениках не было. Московская, а впоследствии Елизаветградская школа всегда полностью укомплектовывались ими.

Таким образом, госпитальные школы имели полную возможность набирать учеников, отлично владевших латинским языком, имевших некоторое общее образование в области классической литературы, философии и риторики.

Незначительное число учеников поступало в госпитальные школы другими путями. Среди них были учащиеся, переведенные из гимназии Академии наук, студенты из Московского университета, где вначале преподавание медицины проводилось без практики. Из письма ректора Московского университета Ададурова видно, что в 1764 г. 10 студентов университета и 14 учеников университетской гимназии выразили желание перейти в госпитальные школы². Поступали в школы и дети лекарей, изучавшие латинский язык дома, а в 1758 г. был издан специальный указ, по которому сыновья умерших медицинских чинов должны были определяться обязательно в госпитальные школы³.

Все поступающие, не исключая студентов духовных академий, подвергались экзамену по латинскому языку и лишь после этого зачислялись указом коллегии в одну из госпитальных школ. Московская школа имела право принимать учащихся самостоятельно с последующим извещением медицинской коллегии.

Отличительной чертой учеников госпитальных школ являлось их демократическое происхождение. Почти все они были выходцами из низших слоев общества. Очень многие являлись детьми мелкого духовенства, которое не могло рассчитывать на получение высоких мест в церковной иерархии. Именно из этой среды и формировались основные кадры просвещенных людей XVIII века (учителя, писцы, приказные и т. п.). К их числу относятся и многие видные впоследствии деятели медицины: П. И. Погорецкий, Г. И. Базилевич, П. А. Загорский, Н. М. Максимович-Амбодик, Е. Ф. Зверака, С. А. Леонтович, В. Е. Миронович, братья П. и Ф. Поддубики и пр. Были среди

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 40, л. 521.

² Там же, кн. 3, л. 186—197.

³ Полное собрание законов. 1830, т. 15, стр. 254.

них также дети казаков, как И. М. Максимович, Н. К. Карпинский, Д. В. Понырка, П. В. Малахов, Г. Ф. Мокренец, Г. П. Чернявский, А. Ф. Масловский и др. Довольно значительную часть учеников госпитальных школ составляли лекарские дети, как сын подлекаря корабельного флота И. Семенов или два сына штаб-лекаря М. Шеина. Были среди них, наконец, и солдатские дети, как сын солдата Преображенского полка П. Ширяев, и т. д.

Демократическое происхождение русских лекарей придало им те характерные черты, которые отличали их от большинства иностранных врачей, и прежде всего — стремление служить народу, его просвещению, которое так ярко проявляется во всех научных работах русских врачей XVIII века. Именно в силу своей принадлежности к демократическим слоям русского общества многие из них стали носителями передовых материалистических идей в медицинской науке того времени.

В петербургских и Кронштадтской госпитальных школах в противоположность Московской в первые годы (до 1735 г.) учеников русской национальности не было совершенно¹. Эти школы комплектовались по преимуществу детьми иноземцев, поселившихся в Петербурге и Кронштадте в качестве мастеровых, лекарей и т. п., или людьми, приехавшими из-за границы на поиски выгодной службы.

В дальнейшем медицинская канцелярия для укомплектования этих школ неоднократно переводила в них учеников из Московского госпиталя. Так, в 1741 г. переведены из Московского госпиталя в Петербургский сухопутный 6 учеников «по неже при С.-Петербургском госпитале надлежащего для пользования больных вспоможения в лекарских учениках имеется недостаток, а при Московской госпитали оных учеников стоит до 50 человек»². Постепенно количество русских учеников в этих школах увеличивалось, а начиная с 50-х годов все три школы регулярно пополнялись учениками из числа студентов духовных академий.

Если учесть, что общая численность учащихся во всех трех этих школах была равна численности одной Московской школы, следует предположить, что укомплектование их русскими учениками, имеющими соответствующее образование, не могло быть особенно затруднительным. Следовательно, отсутствие в них русских учеников вначале было не случайным.

С первых же дней организации медицинского образования в России оно было встречено в штыки представителями группы иноземцев, стремившихся сохранить монополию в медицинской практике в России и высокое положение в медицин-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 18, л. 142—143 и 528—529.

² Там же, оп. 2, кн. 61, л. 424.

ской администрации. Они чинили всевозможные препятствия в работе Московской школы, третировали русских врачей, не давали им возможности работать в госпиталях и на административных постах. В 1715 г. руководитель и организатор Московской школы Н. Бидлоо писал Петру I: «Егда то Вашего царского пресветлейшего величества дело начинал, многие хирурги советовали дабы я народу сего юношей не учили, сказуюше, что невозможеш сие дело совершить. Боялся, что многие из тех иностранных хирургов мне явились неприятели и яко уже ныне и вижду. Понеже сие против чести их и против их интересов сего народа юнош изучать, хотят убо оных моих посланных вместо слуг до смерти себе имети». И далее: «И как на первых от меня посланных в Петербург многие иностранные лекари наседали и изгоняли и как лживо их свидетельствовали, весьма явственно в моем мемориале, поданном господину адмиралу генералу Федору Матвеевичу Апраксину 1712 года. И в С.-Петербургской госпитали оных от меня посланных бывают иностранные лекари яко слышу, и вместо слуг, а не за молодых лекарей имеют»¹.

Если такое отношение к русским врачам было во время царствования Петра I, стремившегося поддержать развитие науки в России и поощрившего всеми мерами подготовку национальных кадров, легко себе представить тот произвол, который царил в России в период бироновщины. Петербургская и Кронштадтская школы в первые годы пополнялись слушателями лишь иностранного происхождения, иногда совершенно не имевшими общеобразовательной подготовки. Еще в 1754 г. проф. Шрейбер представил в медицинскую канцелярию рапорт о подготовке учеников петербургских школ, из которого следовало, что в сухопутном госпитале из 9 подлекарей 7, а из 16 учеников 13 не знают латинского языка и не способны слушать лекции. В адмиралтейском госпитале, по словам Шрейбера, ни один из 10 подлекарей не владеет латинским языком, а из 19 учеников лишь один Степан Венечанский «способен к слушанию всех лекций»². Именно из таких учеников формировались кадры противников развития русской национальной науки. Из этой категории вышли, в частности, братья Георг и Петр Аш. Первый из них в течение долгого времени стоял во главе русской медицинской администрации. Будучи первым по старшинству членом медицинской коллегии, он в своей деятельности последовательно проводил политику преследования русских врачей. Для них Россия никогда не была родиной. Не случайно Георг Аш вместе со своим

¹ А. Н. Алелеков. История Московского военного госпиталя. М., 1907, стр. 104.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 5, кн. 423, л. 367.

«отцом сделала богатый подарок Геттингенскому университету, который признал их «благодарными соотечественниками»¹.

В 50—60-х годах XVIII столетия, несмотря на все препятствия, чинимые иностранными докторами и лекарями развитию русской науки, Россия имела уже многих выдающихся деятелей медицины. Число их с каждым годом увеличивалось, ряды русских врачей непрерывно пополнялись за счет выпускников госпитальных школ, которые год от году все более успешно комплектовались русской молодежью.

Видя неуспешность своих попыток затормозить развитие медицинской науки в России, иностранные медики, находящиеся при царском дворе, решили сделать еще одну попытку закрепить свое господствующее положение в России. В 1783 г. Екатерина II по представлению лейб-хирурга Кельхена подписала указ об организации в Петербурге Медико-хирургического института. По мысли авторов этого проекта институт должен был пополняться исключительно немцами, преподавание должно было проводиться только на немецком языке. В то же время институт должен был иметь более расширенную программу преподавания по сравнению с госпитальными школами, с правом присвоения докторской степени. При распределении вакансий лучшие места должны были предоставляться выпускникам этого института. Короче говоря, это был план, рассчитанный на вечное закрепление в руках иноземцев наиболее важных административных и лучших мест в системе русской медицинской организации. Истинные цели создания этого института раскрыты в книге самого Кельхена, изданной в Петербурге в 1786 г.², и в записках доктора Вейкарта³.

Эта цель была ясно понята и русскими учеными. Доктор М. М. Тереховский, приглашенный на совещание к сенатору Завадовскому, назенненному попечителем вновь учреждаемого института, представил в противовес Кельхену свой проект организации в России медико-хирургического института, имевший целью развитие отечественной науки. Проект заканчивался словами: «Таким образом мы будем в состоянии на будущее время обходиться без иностранцев, которые если не все, то, наверное, многие суть отменные невежды и возвышают себя болтливостью, либо притязательностью»⁴. Предложение М. М. Тереховского было злобно встреченено иноземцами. Вейкарт так описывает выступление Тереховского: «Для меня было совершенной неожиданностью то, что вдруг он вытащил из кармана и прочел написанный им на латинском и русском языке проект, который был составлен педантично и направлен

¹ С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в. М., 1949, стр. 246.

² Kelchen J. Plan de l'Ecole Imperiale medico-chirurgicale, 1786.

³ Из записок доктора Вейкарта. Русский архив, 1886, кн. 3.

⁴ Там же, стр. 257.

исключительно на то, чтобы из института, предназначавшегося для немцев, сделать чисто русское учреждение¹. Однако выступление М. М. Тереховского не могло исправить положения, указ об открытии института был уже подписан императрицей. Институт открылся и существовал под названием Калинкинского училища.

Преподавание в нем было поставлено плохо. Институт не имел достаточной клинической базы, за исключением небольшой Калинкинской больницы. Не имел он и учебного оборудования, не было также достаточно опытных преподавателей. Приезжих немцев для пополнения учащихся в нем было недостаточно, а немцы, родившиеся в России, владевшие русским и латинским языками, предпочитали поступать для обучения медицине в петербургские медицинские школы, уровень преподавания в которых был значительно выше. В институте переходили главным образом учащиеся, не успевающие в госпитальных школах.

В 1802 г. институт по предложению медицинской коллегии был ликвидирован, так и не выполнив той задачи, которая возлагалась на него его организаторами, и не сыграв никакой существенной роли в развитии медицинского образования и науки в России.

Преподавание в госпитальных школах проводилось с самого начала медицинскими чинами госпиталей. Почти у всех историков русской медицины укоренилось ошибочное представление, что преподавание в госпиталях проводилось лишь докторами, поэтому из их поля зрения выпали и остались неотмеченными многие преподаватели, которые, не будучи докторами, сыграли тем не менее важную роль в развитии медицинского образования в России.

Уже в первой, по времени организации, Московской школе в преподавании участвовали все врачи госпиталя. На обязанности госпитального доктора, которым был Н. Бидлоо, лежало чтение лекций, проведение обходов больных. В отсутствие доктора его обязанности выполнял главный лекарь, который в остальное время также читал лекции по хирургии и наружным болезням, вел занятия в операционной и делал клинические обходы больных. Ведение практических занятий по анатомии и клиническим дисциплинам возлагалось на лекарей, к которым прикреплялись группы учеников. Подлекари госпиталя также участвовали в преподавании, помогая лекарям: показывали учащимся технику ухода за больными, учили их перевязкам, вскрытию трупов и т. п.

В Московском госпитале в течение почти 30 лет «искусство накладывания бандажей» преподавал подлекарь Ф. Богда-

¹ Из записок доктора Вейкарта. Русский архив, 1886, кн. 3, стр. 257.

нов, которого после его смерти (1742) заменил подлекарь Н. Ножевщиков.

В 1735 г. был утвержден «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей, также комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих ко оним подлежащих людей»¹. Этим регламентом были установлены штаты госпиталей и школ в составе: одного доктора (в генеральном сухопутном госпитале сверх того одного младшего доктора), одного главного лекаря, 5 лекарей, 10 подлекарей, 20 лекарских учеников, одного оператора, одного рисовального мастера «для лучшего обучения во анатомии», одного «студиоза» для обучения латинскому языку², и точно определены обязанности каждого из этих чинов.

Генеральный регламент по сути дела закрепил ту систему преподавания, которая до этого установилась в Московской школе. Доктор должен был утром и вечером проводить обход больных в присутствии всех лекарей, подлекарей и учеников, делая назначения, «при том же лекарям, подлекарям и ученикам доброе обучение по истинным знакам болезней давать и причины тому сказывать; також подлекарей и учеников заставлять, чтоб каждой из них болезни и пользование их порядочно у себя записывал, дабы оные впредь к пользе своей прислуживаться могли и видно б было, как больного лечили»³. Помимо преподавания внутренних болезней, доктор должен был присутствовать при хирургических операциях, которые производились лекарями: «В перевязке ран доктору лекарям добрым советом помочьствовать, при всяких тяжелых операциях присутствовать и учреждать, как им при том содержаться»⁴. Он же должен был проводить нечто вроде современных клинико-патологических конференций: «Велеть часто разборание анатомическоечинить в палате, определенной на то в госпитале, причем сам, також лекари, подлекари и ученики должны быть, которым должен он толковать о всех членах и о болезнях и о лекарствах, пристойных к тем болезням, а особливо которые будут болезни странные, тех отнюдь не пропускать без анатомического действия, и что достопамятно есть, оное велеть рисовальному мастеру срисовать и о том рапортовать архиятеру»⁵.

На доктора же возлагалось общее руководство преподаванием и контроль за работой других преподавателей: «Должен

¹ Полное собрание законов. 1830, т. 9, № 6852, стр. 662—682.

² Там же, стр. 662—663.

³ Там же, стр. 669.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 670.

о происхождении хирургической школы своего госпиталя всякое доброе смотрение иметь, и чтобы оператор и прочие учили должность свою притом добре исполняли, а молодые б люди во анатомии и хирургии порядочно и тщательно обучены были, и чтоб подлекари и ученики под дирекциею анатомика и своеручно во анатомии и хирургических операциях утверждалися; при том же смотреть, чтоб оной оператор им операции в надлежащем учении явственно и порядочно показывал»¹.

Вторым ответственным лицом после доктора как в руководстве госпиталем, так и в преподавании был главный лекарь, который должен «в науке хирургической и анатомической весьма основательным быть». Он являлся заместителем доктора и должен был «в небытность его все то, что до доктора надлежит, исправлять»². Но и в то время, когда присутствовал доктор, главный лекарь проводил самостоятельно два раза в день вместе со всеми лекарями, подлекарями и учениками обходы хирургических больных, делал в присутствии учеников операции и перевязки. Он же должен был преподавать диагностику и лечение хирургических и «наружных» болезней, к которым относились тогда кожные, глазные, болезни уха, горла, носа и т. п. «При всех болезнях и припадках, которые к лекарскому делу касаются, должен подчиненным своим действия лекарств к болезни толковать, и им показывать, как больных с искусством перевязывать и лечить надлежит»³.

Учитывая, что доктора из иностранцев, стоявшие первое время во главе русских госпитальных школ, при существовавшей на Западе системе университетской подготовки не могли владеть практической хирургией, понятно, что главные лекари по существу являлись основными преподавателями хирургии и «наружных» болезней. Помощниками их в этом преподавании были госпитальные лекари, проводившие практические занятия. «Каждому лекарю дать число подлекарей и учеников, також иметь под своим смотрением вестимое число больных», — говорилось в регламенте⁴.

Подлекари несли дежурства по госпиталю и во время дежурств руководили учениками, которые под их наблюдением выполняли назначения доктора и лекарей, делали перевязки.

Помимо этих медицинских чинов, в преподавании участвовали: оператор, преподававший оперативную хирургию на трупах (в Московской школе должность введена в 1756 г.)⁵, «рисовальный мастер», обучавший студентов зарисовке ана-

¹ Полное собрание законов. 1830, т. 9, № 6852, стр. 670.

² Там же, стр. 671.

³ Там же, стр. 672.

⁴ Там же.

⁵ Там же, т. 14, № 10675, стр. 703.

томических препаратов, и «студиоз» — преподававший латинский язык.

В связи с тем, что доктор госпиталя, помимо учебной работы, выполнял административные обязанности, отнимавшие у него много времени, по инициативе П. З. Кондоиди в 1742 г. была введена должность профессора хирургии — одна для обоих петербургских госпиталей. На нее был назначен проф. Шрейбер, впоследствии академик Петербургской академии наук, автор учебника хирургии и внутренних болезней.

По представлению того же П. З. Кондоиди указом сената в 1754 г. во всех генеральных госпиталях была введена должность младшего (или лекционного) доктора, который должен был читать лекции по анатомии, хирургии и фармакологии. Весьма интересно, что в указе было отмечено значение пребывания в госпиталях и для их собственного «утверждения самою практикою полученной в академиях медицинской науки...», «причем заблаговременно и навыкнут примечать, знать и пользоваться обычновенных армейских и морских болезней»¹. Обязанности остальных медицинских чинов госпиталя оставались при этом прежними. Впоследствии должности младших докторов, главных лекарей были введены и в некоторых не генеральных госпиталях².

В связи со все возрастающей потребностью России во врачах и тем обстоятельством, что существовавшие школы не могли удовлетворять эту потребность, возникают проекты расширения медико-хирургических школ. Первый такой проект был представлен медицинской коллегией в сенат в 1780 г. В проекте предусматривалось увеличение числа учащихся до 80 в каждом госпитале и создание трех независимых от госпиталей медико-хирургических училищ в Москве, Петербурге и Кронштадте. Одновременно с целью дальнейшего повышения уровня подготовки врачей предполагалось в каждом училище иметь трех профессоров: анатомии и хирургии; ботаники, «материи медики» и химии; патологии и медицинской практики. Проект по указанию Екатерины II был передан в специально созданную комиссию.

Не дождавшись ее решения, медицинская коллегия поручила составление нового проекта докторам М. М. Тереховскому и А. М. Шумлянскому. Одновременно было испрошено разрешение на их командировку за границу для изучения системы медицинского образования. По возвращении из-за границы они представили проект реорганизации школ, который и был с некоторыми изменениями утвержден в 1786.

С этого времени преподавание в русских медицинских школах поднялось на еще более высокую ступень. Они были

¹ Полное собрание законов. 1830, т. 14, № 10184, стр. 27.

² Там же, № 10727, стр. 766.

отделены в административном отношении от госпиталей и стали называться медико-хирургическими училищами. Обе петербургские школы были при этом слиты в одно училище.

Госпитали продолжали оставаться клиническими базами училищ, а их старшие доктора с 1790 г. получили должности инспекторов училищ. Ученики были освобождены от несения госпитальной службы. Преподавание в училищах было разделено на 4 кафедры, а преподаватели получили звание профессоров. Кроме того, в каждом училище был прозектор в помощь профессору анатомии, преподаватель иностранного языка и рисовальный мастер. В 1793 г. во всех училищах было введено преподавание физики и математики.

Утвержденным в августе 1795 г. «Предварительным постановлением о должностях учащих и учащихся», составленным членами медицинской коллегии С. Андреевским и Я. Саполовичем, в медико-хирургических училищах введены в помощь профессорам адъюнкты, которые должны были читать лекции в случае болезни профессора, проводили практические занятия, вели научные работы, готовясь к профессорскому званию.

С таким штатом преподавателей медико-хирургические училища просуществовали до 1798 г., когда они были преобразованы в медико-хирургические академии.

3. Характер обучения в госпитальных школах

Сроки обучения, учебные планы и программы в русских госпитальных школах на протяжении XVIII века неоднократно претерпевали изменения. В истории их развития можно отметить следующие этапы: первоначальный период до 1735 г.; установление твердой системы обучения «Генеральным регламентом о госпиталях» 1735 г.; реформы, осуществленные П. З. Кондоиди (50-е годы); организация медико-хирургических училищ в 1786 г.; преобразования 1795 г. на основе «Предварительного постановления о должностях учащих и учащихся».

а) Сроки обучения

При образовании Московской госпитальной школы твердого срока обучения установлено не было. Ученики лишь делились на три разряда (статьи) от третьего — младшего до первого — старшего. Время же нахождения в каждом разряде ограничено не было: все зависело от подготовленности ученика и его успехов в учении. Поэтому длительность обучения в Московской школе на первых порах значительно колебалась: от 5 до 10 лет. Деление учеников на три разряда сохранилось и при организации в 1733 г. петербургских школ и Кронштадтской школы. «Генеральный регламент о госпиталях» 1735 г. также не внес определенности в вопрос о сроке обучения

в школах, но сроки обучения постепенно сокращались и в этот период колебались от 3 до 6 лет.

Единый для всех школ семилетний срок обучения был впервые введен указом директора медицинской канцелярии П. З. Кондоиди 4 июля 1754 г. и сохранялся почти без изменения до 1795 г. Однако этот срок обучения полностью выдерживался редко. Как правило, хорошо успевающим ученикам уже через 2—3 года обучения при условии успешной сдачи экзамена присваивалось звание подлекаря; а через 1—2 года после этого — звание лекаря. Таким образом, фактически срок обучения в медико-хирургических школах составлял чаще всего 4—5 лет.

«Предварительным постановлением» 1795 г. был установлен новый порядок, при котором каждый ученик должен был по истечении трех лет обучения сдать экзамен и получить звание подлекаря; наиболее отличившиеся из них оставлялись в училище на четвертый год, по истечении которого получали звание кандидата хирургии, и, наконец, после пятого года обучения становились полноценными врачами — лекарями. Следовательно, полный курс обучения по этому положению составлял 5 лет.

б) Учебные предметы

Учебный план первых лет работы Московской госпитальной школы не сохранился. Однако по описаниям отдельных экзаменов, аттестатам, выдававшимся выпускникам этой школы, и некоторым другим косвенным данным можно заключить, что в него входили следующие предметы: анатомия, «материя медика» (курс, включавший в себя фармакогнозию, фармацию и фармакологию), хирургия с десмургией, внутренние болезни. Постепенно на протяжении XVIII столетия в этот первоначально сложившийся учебный план вводились новые предметы. При организации петербургских и Кронштадтской школ, в связи с тем что ученики, набиравшиеся в них, первое время не владели латинским языком, в них было введено преподавание латыни. Регламентом 1735 г. во всех школах было введено преподавание оперативной хирургии на трупах и рисование как вспомогательного предмета для лучшего усвоения анатомии.

Более систематизированный учебный план был установлен для всех школ указом П. З. Кондоиди от 4 июля 1754 г. Этот указ приведен в известной книге Я. Чистовича¹. По этому плану в течение первого и второго года обучения изучались: анатомия, фармация и рисование; на третьем году к этим предметам прибавлялась физиология; на четвертом году изу-

¹ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. 308—311.

чались физиология и патология; на пятом и шестом — физиология, патология, оперативная хирургия и медико-хирургическая практика. В последний, седьмой, год обучения учащиеся школ проходили клиническую практику в госпитале, а один месяц отводился для практических занятий в аптеке по приготовлению лекарств. За исключением небольшого числа лек-

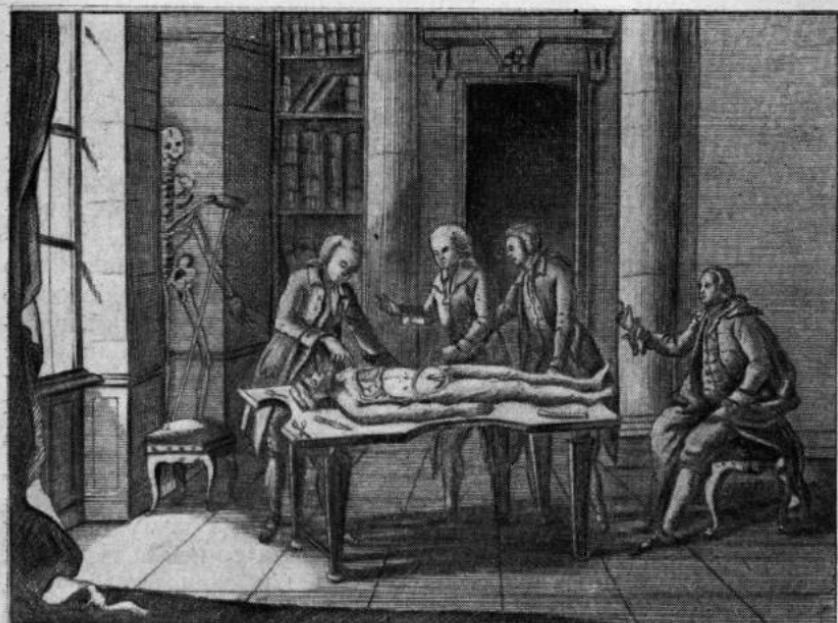

Рис. 2. В анатомическом театре (гравюра XVIII века).

ций о хирургических операциях и военно-полевой медицине, никаких других теоретических занятий на седьмом году обучения не было¹.

В 1763 г. было добавлено изучение акушерства, женских и детских болезней. В таком виде учебный план просуществовал до реформы 1786 г., по которой в медико-хирургических училищах учреждалось четыре ординарных кафедры: 1) анатомии, физиологии и хирургии; 2) патологии, терапии и медицинской практики; 3) ботаники, «материи медики» и химии; 4) акушерства, женских и детских болезней². Преподаватели этих предметов получали с этого времени звание профессоров. Кроме того, оставались возглавляемые преподавателями

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 6, кн. 418, л. 245—247.

² Последняя кафедра была добавлена к трем предыдущим в 1787 г. по предложению А. М. Шумлянского.

курсы рисования и латинского языка, а с 1793 г. введены курсы математики и физики.

Последний, еще более совершенный учебный план для медико-хирургических училищ был введен в 1795 г. так называемым «Предварительным постановлением о должностях учащих и учащихся», по которому на первом году изучались: математика, физика, химия, ботаника, анатомия и физиология; на втором — физика, химия, ботаника, анатомия, физиология, «материя медика», патология и терапия; на третьем — патология, терапия, ботаника и хирургия; на четвертом — хирургия и акушерство; на пятом — клиническая практика. По этому учебному плану исключалось преподавание латинского языка, а преподавание рисования проводилось для желающих факультативно¹.

Из числа теоретических дисциплин с момента организации госпитальных школ особенно большое внимание уделялось преподаванию анатомии. Ученики изучали анатомию не только по учебникам и атласам, но также обязательно производили вскрытие трупов умерших в госпиталях и доставлявшихся из полиции скоропостижно умерших, убитых и т. п. Этот порядок, возникший в Московской школе, был узаконен генеральным регламентом 1735 г., в котором говорилось: «надлежит на двадцать или на двадцать пять учеников одного учителя, которому анатомию, по всем частям оной, наиявственнее и точно ученикам показывать, к тому повсядневно, а именно зимою, в пристойнейшем к тому времени несколько часов употреблять; ученикам же самим в анатомии над телесами утверждаться дать, и им, как скелетов изготовлены, так и других препаратов анатомических, записать и показывать»².

В каждом госпитале должен был находиться анатомический театр, устроенный так, «дабы все присутствующие демонстрации его явственно видеть могли». «Для лучшего обучения в анатомии» в каждом госпитале, как уже говорилось, была введена должность рисовального мастера.

При генеральных госпиталях в анатомических театрах были организованы музеи, состоявшие из большого количества сухих и влажных препаратов. В основу этих музеев были положены препараты, изготовленные преподавателями и учениками. В переписке госпитальных контор с медицинской канцелярией мы постоянно встречаем требование на инструменты и препараты, необходимые для нужд преподавания. В январе 1738 г. были куплены 2 шприца «для набрызгивания человеческих телес» в Петербургский сухопутный госпиталь³, спустя

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, л. 380—381.

² Полное собрание законов. 1830, т. 9, № 6852, стр. 680.

³ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 19, л. 631.

несколько месяцев такая же покупка была произведена для Московского госпиталя¹. В июле того же года по указанию архитектора Фишера передается из Петербургского госпиталя в Московский ряд анатомических препаратов². О богатстве анатомических музеев можно судить по дошедшей до нас «описи погибшим инструментам и препаратам во время пожара в Московском госпитале в 1737 году»³. Сохранился также «Catalogus pugnatorum in Theatro anatomico Petropolitano», составленный доктором Х. фон Мелленом в 1762 г., по которому в музее значится 80 влажных препаратов, в том числе такие, как труп с отпрепарированными нервами, труп с инъецированными краской сосудами, препарат печени с инъецированными сосудами, такой же препарат почки, плод в оболочках и т. д. Там же значится 45 сухих препаратов, среди которых консервированные трупы с отпрепарированными органами живота, грудной клетки, гениталиями, мышцами и т. д.⁴. Значительное пополнение анатомические музеи госпитальных школ получили с покупкой в 1765 г. «Либеркюнова кабинета»⁵. В 1784 г. в описи препаратов музея, переданных лекарем Я. О. Саполовичем вновь назначенному профессору анатомии Н. К. Карпинскому, значится уже 210 влажных и 61 сухой препараты, большое количество скелетов и отдельных костей, 73 наименования анатомических и 169 хирургических инструментов⁶.

Анатомические музеи продолжали пополняться и в дальнейшем. В конце XVIII века они были настолько полно оснащены, что доктора Н. К. Карпинский и Я. О. Саполович, рассматривавшие анатомический кабинет, который продавался профессором Кнакштедтом в 1799 г., дали следующее заключение: «Из них многие такового же рода препараты, каковые имеются и при том в великом количестве, кроме доставленных из чужих краев, здесь сделанные при генеральных госпиталях в анатомическом театре»⁷.

Наиболее выдающимися преподавателями анатомии в русских госпитальных школах XVIII века были: в Московском госпитале доктора Н. Бидлоо, К. И. Щепин, лекари В. А. Григоровский, И. Каменский, С. Успенский; в петербургских—доктора И. Шрейбер, Х. фон Меллен, Н. К. Карпинский, Я. О. Саполович, П. А. Загорский и лекари М. И. Шеин,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 19, л. 1050.

² Там же, кн. 18, л. 1090.

³ Там же, л. 1120.

⁴ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 17, л. 1—15.

⁵ Коллекция макро- и микроскопических инъецированных препаратов и инструментов, приобретенная для госпитальных школ в 1765 г. у наследников немецкого анатома И. Н. Либеркюна (1711—1756).

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, д. 2, л. 1—9.

⁷ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 28, л. 117.

С. С. Андреевский, Д. П. Моренков; в Кронштадтском госпитале лекари И. Ф. Буш, А. И. Федоровский, И. И. Моляревский.

Вместе с анатомией в русских госпитальных школах преподавались и элементы гистологии¹.

Наряду с нормальной анатомией во всех госпитальных школах с самого начала преподавалась **патологическая анатомия**. Об этом свидетельствуют указания генерального регламента. Еще более детально об этом говорится в инструкции младшим докторам госпиталей, составленной П. З. Кондоиди в 1753 г. По этой инструкции требовалось безусловное вскрытие тел всех умерших в госпиталях и запрещалось главным докторам препятствовать этому, «понеже от анатомии мертвых телес для изыскания причины болезни, неуспешного лечения и смерти великое бывает всей медицины просвещение»². Впоследствии указания о проведении патологоанатомических вскрытий повторялись во всех инструкциях и положениях по преподаванию в госпитальных школах. Ученики же по указу медицинской канцелярии от 1745 г. должны были «быть в самой близости к тому, кто анатомию творит, особливо и аккуратно ему показывать и толковать, что найдено будет противонатурального, отчего причинилась болезнь и последовала смерть, которое все ему записывать аккуратно»³. В упоминавшихся выше списках оборудования анатомических музеев имеется много и патологоанатомических препаратов. Так, например, в списке фон Меллена имеются препараты опухолей различных органов, аневризмы аорты, пороки клапанов сердца и многие другие.

Вместе с анатомией преподавалась также **физиология**. Впоследствии, начиная с 1754 г., она была выделена в самостоятельный курс и преподавалась на третьем году обучения.

В анатомических театрах ученики госпитальных школ знакомились также с элементами **судебной медицины**. Хотя судебная медицина не была выделена в самостоятельный курс, но в соответствии с указами сената и медицинской канцелярии от 1746 г. все группы скоропостижно умерших, убитых и т. п. доставлялись для осмотра в госпитали, где они и вскрывались. Сюда же присылали пострадавших для различного рода судебномедицинских исследований. Таким образом ученики получали судебномедицинскую практику. Эта практика, как показывают материалы архива медицинской канцелярии, существовала еще до указов 1746 г. во всех госпиталях. Так, в 1737 г. в Петербургском сухопутном госпитале вскрывается скоропостижно умершая «дворовая женка

¹ С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М., 1949, стр. 205.

² ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 6, кн. 418, л. 246.

³ Там же, оп. 4, кн. 123, л. 348.

Агафья»¹; в 1739 г. — тело умершего «от ударов по голове» копииста тайной канцелярии Григория Елисеева² и т. д. В 1761 г. указом сената еще раз подтверждалась обязанность госпиталей производить судебномедицинские исследования³.

В большом объеме в школах преподавалась и «**материя медика**» — курс, включавший в себя фармакогнозию, фармакологию, фармацию, а впоследствии и ботанику. Практические занятия по этим предметам проводились в госпитальных аптеках под руководством аптекарей и в ботанических садах. Особенно много для развития этих наук в школах было сделано К. И. Щепиным, организовавшим в 1763 г. гербаризацию лекарственных растений силами учащихся в окрестностях Москвы⁴; Г. Ф. Соболевским, читавшим ботанические лекции в Петербургских госпиталах два раза в неделю с 1775 по 1797 г. и сделавшим очень много для изучения русской флоры и замены иностранного лекарственного сырья отечественным⁵; М. М. Тереховским, которым был представлен в медицинскую коллегию рапорт с описью растений и семян Петербургского ботанического сада, содержащего огромное количество экземпляров растений, собранных преимущественно им самим⁶.

С 1786 г. в программу преподавания училищ была введена также химия, а позднее математика с физикой. Из преподавателей химии получил большую известность академик В. М. Севергин. Математику и физику с 1793 г. в Петербургском училище преподавал известный русский физик В. В. Петров. В училищах были оборудованы специальные лаборатории для практических занятий по этим предметам. Списки оборудования их находятся в архиве⁷.

Большое внимание в госпитальных школах уделялось также преподаванию **клинических дисциплин**.

В отличие от медицинских факультетов ряда европейских университетов, которые не имели своих клиник и преподавание в которых было схоластическим, русские госпитали, имевшие при себе медико-хирургические школы, представляли собой солидную клиническую базу. В них всегда находилось значительное число больных разного возраста и с самыми разнообразными заболеваниями: хирургическими, внутренними, глазными, психическими, кожно-венерическими и пр. Разнообразие больных можно видеть из следующих примеров: в Московском госпитале в сентябре 1769 г. состоя-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 2, л. 353—355.

² Там же, л. 376—380.

³ Полное собрание законов. 1830, т. 15, стр. 846.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 3, л. 153—154.

⁵ Там же, оп. 2, кн. 119, л. 92—95.

⁶ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 17, д. 3.

⁷ Там же, л. 1—20.

ло 417 больных, в том числе с такими заболеваниями: раны разные — 45, язвы разные — 64, абсцессы — 21, грыжа мешочная — 1, перелом нижней челюсти — 1, выпадение прямой кишки — 1, глазные болезни — 3, туберкулез легких — 16, поносы — 7, сифилис — 90, мания — 8, эпилепсия — 2 и т. д.¹.

В августе того же года в Кронштадтском госпитале, рассчитанном на 1000 коек, состояло 1070 больных, в том числе с такими диагнозами: ожоги — 4, раны — 72, остеомиелит — 2, переломы — 3, вывих плеча — 1, опухоли — 16, грыжа паховая — 1, глазные болезни — 1, сифилис — 49, туберкулез легких — 3, цинга — 145, меланхолия — 1 и т. д.².

Помимо слушания лекций по различным клиническим дисциплинам, учащиеся ежедневно занимались непосредственно у постели больных под руководством лекарей, которые, таким образом, в генеральных госпиталях выполняли роль ассистентов. Учащиеся также наблюдали больных и вели истории болезней. Они же под руководством подлекарей несли суточные дежурства.

Главный доктор и главный лекарь госпиталя делали периодические обходы больных, на которых присутствовали все лекари, подлекари и ученики.

Инструкцией, данной в 1753 г. младшим докторам, во всех госпиталях отводились специальные палаты, в которые подбирались больные для целей преподавания, т. е. это были первые клинические палаты, возникновение которых большинство исследователей ошибочно относит лишь к 1795 г., а Д. М. Российский³ даже к 1797 г., считая организатором первой клиники М. Пеккена.

Инструкцией 1753 г. устройство этих палат определялось следующим образом: «С позволения госпитального доктора выбирать Вам и всегда пользовать до 6 человек больных, которых для этого, кроме прилипчивыми болезнями одержимых, в одной палате и в одной стороне рядом и положить... Выбирать Вам больных разными, не всегда легкими, но и тяжелыми болезнями одержимых, чтобы тем искусство Ваше наилучше показать»⁴.

Ошибкаочно также мнение Л. Лясса⁵ и В. П. Соколовского⁶, что первые истории болезни (скорбные листы) были введены в русских госпиталях лишь в 1806 г. На самом деле во всех госпиталях с момента их возникновения велись «скорбные

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 36, л. 41—46.

² Там же, л. 1—7.

³ Д. М. Российский. Первые русские терапевтические клиники. Клиническая медицина, 1947, № 12, стр. 113.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 6, кн. 426, л. 123—125.

⁵ Энциклопедический словарь военной медицины. 1947, т. II, стр. 1041.

⁶ В. П. Соколовский. О первой форме истории болезни Московского военного госпиталя. Военно-медицинский журнал, 1949, № 2.

~~677~~ ^{№ 9} письмо начальному ^{1885 года.} Директору
24.

Со Государственного Медицинского Коллеж:

От Медицинского Доктора Карпинского

Рапорт.

Достаточно ясного, что предложенное начальству
именно ведомства моим для поклонения ученых
и для обзора Оружия приобретенное не-
достаточно, тогда не имеется этого разъ Государст-
венного Медицинского Коллеже, чтобы оные инст-
рументы привезены Торговцем. Каждый из ини-
циаторов предложил 100руб, а сего суммой спасено.

Николай Карпинский

1785 года
Май.

Рис. 3. Рапорт Н. К. Карпинского об оплетеинии школы хирурги-
ческими инструментами.

билеты» на каждого больного с записью симптомов болезни, методов лечения и дневников. «Генеральный регламент о госпиталях» 1735 г. вменял в обязанность подлекарям и ученикам, «чтоб каждый из них болезни и пользование их порядочно у себя записывал, дабы оные впредь к пользе своей прислуживаться могли и видно б было, как больного лечили»¹. Инструкцией же 1753 г. были введены более подробные «истории болезни», включавшие в себя анамнестические данные, описание течения болезни, применявшимся методов лечения, эпикриз, а в случае смерти больного — данные патологоанатомического вскрытия. Они велись учениками, а также подлеакарями и лекарями².

Исходя из необходимости готовить врачей прежде всего для нужд армии, большую роль среди клинических дисциплин отводили хирургии. Курс хирургии включал в себя оперативную хирургию с изучением хирургического инструментария. Хирургия изучалась на трупах в анатомическом театре под руководством оператора и лекарей. Каждый ученик должен был сам проделать ряд операций на трупах.

Теоретический курс хирургии читался обычно доктором госпиталя, а в петербургских госпиталях в 1742 г. была введена специальная должность профессора хирургии и анатомии; на эту должность был назначен И. Шрейбер, прославивший там до своей смерти, последовавшей в 1760 г. Лекции по хирургии читались ежедневно по 2 часа в день.

Клиническую практику по хирургии ученики проходили под руководством лекарей, участвуя в обходах, неся дежурства в палатах, присутствуя на операциях. Десмургии учащиеся обучались на деревянных фантомах, а затем на больных. Подлеакари вначале ассистировали при операциях, а к концу обучения им поручалось оперировать больных самостоятельно.

В целях освоения военно-полевой хирургии госпитали еще по указу архитектора Фишера в 1737 г. были обеспечены полковыми лекарскими наборами и ученики изучали их практическое применение³. В 1785 г. эти наборы были пополнены и усовершенствованы доктором Н. К. Карапинским и лекарем Я. О. Саполовичем⁴.

Во второй половине XVIII века была сделана попытка организовать при Московском госпитале специальное травматическое отделение. Эта идея принадлежала доктору А. Ф. Шафонскому и была поддержана инспектором госпиталя генералом Фамициным, трижды обращавшимся в 1776 г. по этому поводу в медицинскую коллегию. Он просил разрешить принимать в травматологическое отделение и больных из

¹ Полное собрание законов. 1830, т. 9, № 6852, стр. 669.

² ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 6, кн. 426, л. 124.

³ Там же, оп. 1, кн. 4, л. 246.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 3, кн. 328, л. 26—30.

гражданского населения, ссылаясь на недостаточно большое количество травм среди военнослужащих, в результате чего не обеспечивалась полная загрузка отделения и не было достаточной практики для учеников. По мысли авторов проекта, необходимо было «принимать с предписанными поврежденными членами посторонних больных, определяя для пользования и содержания оных между ученическими бурсами залу и учредя некоторые дни быть госпитальным подлекарям и ученикам сверх их теоретического обучения при практическом»¹. Однако доктор Раушерт, сменивший Шафонского на посту главного доктора Московского госпиталя, не поддержал этой инициативы, и медицинская коллегия отвергла проект организации травматологического отделения под предлогом невозможности принимать в госпиталь гражданских лиц.

Вместе с хирургией в госпитальных школах преподавались «наружные болезни» (в основном кожно-венерические), недостатка в таких больных в госпиталях не было. Просматривая списки больных, лечившихся во всех госпиталях за многие годы, мы постоянно находили в них большое количество больных этой категории. При Петербургском госпитале имелось специальное женское венерологическое отделение, организованное в 1765 г.

История этого отделения, как она представляется по найденным нами архивным документам, такова: в 1762 г. опубликован указ сената о бесплатном лечении больных «французской болезнью», которые после лечения должны были высылаться в Нерчинск. Там была создана колония для больных сифилисом и был назначен специальный штатный лекарь «у пользования французской болезни». В течение 2 лет после опубликования указа медицинская коллегия не сделала ничего для его практической реализации, но в 1765 г. полицмейстерская канцелярия, вспомнив про указ сената, направила в медицинскую коллегию на лечение двух больных: «Московского купца Балетера дворовую девку Анну Иванову да Московского суконного двора суконщицу Федора Медведеву дочь девку Авдотью Федорову»². Коллегия вернула их обратно, сославшись, что по указу 1763 г. «Особливый лазарет» еще не организован из-за отсутствия помещения³. Тогда полицмейстерская канцелярия была вынуждена выделить для этой цели специальное помещение: «поблизости генерального госпиталя от главной полиции назначен построенный в доме купца Алексея Овчинникова под постой особливый покой, в котором ныне того постою не имеется»⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 119, л. 14, л. 1—6.

² Там же, оп. 1, кн. 10, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, л. 4.

Так была организована первая в России венерологическая больница. Для заведования ею выделялся лекарь из Петербургского сухопутного госпиталя. В начале 1768 г. ее возглавлял, в частности, Д. С. Самойлович, которого сменил М. С. Крутень, а последнего — лекарь Ф. Грабовский и др.¹. На базе этой больницы проводились практические занятия по венерологии учеников и подлекарей петербургских госпитальных школ.

Виднейшими преподавателями хирургии и наружных болезней в русских госпитальных школах XVIII века были: в Москве — доктора А. Ф. Шафонский, К. И. Щепин, П. М. Шумлянский; лекари В. Л. Григоровский, С. Успенский, Н. Ф. Чубенский, Н. Г. Ножевщиков, Г. Ф. Мокренец, Ф. Богданов, Г. Я. Яхонтов, В. Евсеевский; в Петербурге — доктора Н. К. Карпинский, Я. О. Саполович, И. Ф. Буш, П. А. Загорский, П. Р. Логинов; лекари М. И. Шеин, С. С. Андреевский, П. М. Шумлянский, В. Калашников; в Кронштадте — лекарь А. И. Федоровский.

Принципиально важным отличием русских госпитальных школ от западноевропейских хирургических являлось преподавание в них не только хирургии, но и внутренних болезней, курс которых назывался тогда просто медициной. Преподавание их было введено еще в Московской школе доктором Н. Бидлоо, а затем закреплено было генеральным регламентом для всех госпиталей. Преподавание внутренних болезней было возложено на докторов, практические занятия же осуществлялись, так же как и по хирургии, лекарями.

Преподавание внутренних болезней наряду с хирургией было возложено и на проф. Шрейбера. В данной ему в 1742 г. от медицинской канцелярии инструкции говорилось, что «хирургия, бесспорно, не что иное, как медицинская наука о наружных болезнях, и равномерно и медицина не что иное, как хирургическая наука о внутренних болезнях, и вообще сказать, обоего роду болезни имеют те же начала и одни причины в основании»². Таким образом, в России значительно раньше, чем в странах Западной Европы, был решен вопрос о единстве хирургии и медицины.

Постановлением медицинской канцелярии в 1754 г. с введением семилетнего срока обучения преподавание внутренних болезней начиналось с пятого года. В 1786 г. с реорганизацией школ в медико-хирургические училища в них была учреждена кафедра терапии. Вместе с терапией преподавались обычно инфекционные и детские болезни.

Крупнейшими преподавателями терапии в русских школах XVIII века были: в Москве — П. И. Погорецкий, К. О. Ягель-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 10, л. 112—264.

² Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 61, л. 246.

ский, М. Х. Пеккен; в Петербурге — Ф. Т. Тихорский, М. М. Тереховский, Г. И. Базилевич, И. Т. Смеловский; в Кронштадте — Е. К. Валлериан.

Акушерство вначале не являлось предметом преподавания в госпитальных школах, хотя в инструкции, данной младшим докторам в 1753 г., говорилось между прочим: «Когда случится женское мертвое тело, не упуская случая показывать подлецарям одним, и при том быть желающим лекарям, частей до генерации подлежащих и коими разнствует мужской с женским полом с благонравноюстыдливостью»¹. Этот пробел был ликвидирован указом медицинской канцелярии 1763 г., которым был установлен порядок чтения лекций и прохождения акушерской практики подлецарями госпитальных школ «у докторов бабичьего дела»: в Москве — у Эразмуса и в Петербурге — у Линдемана.

Особенно высокого уровня преподавание акушерства в петербургских школах достигло при докторе Н. М. Максимовиче-Амбодике. В 1781 г. он был переведен по его просьбе из Кронштадта в Петербург на должность «повивального доктора», «к заступлению коей,— писал он,— чувствуя себя особенно склонным и способным и желая удовлетворить главному намерению, с каким обучался я сему искусству»². Указом медицинской коллегии в 1781 г. ему было поручено «преподавать в здешних госпиталях подлецарям и лекарским ученикам один раз в неделю повивального искусства лекции»³. Чтобы обеспечить наглядность в преподавании, Максимович-Амбодик за собственные средства и по собственным чертежам изготовил «для обучения в госпиталях и бываемых экзаменов» акушерские фантомы, которые представляли собой «подобие ребенка по составам из дерева» и «акушерскую машину»⁴. В 1787 г. по его чертежам были изготовлены «повивальные стулья» и «повивальные постели».

В 1787 г. во всех училищах были учреждены кафедры акушерства.

Впоследствии учащиеся проходили практические занятия по акушерству в воспитательном доме. Объем акушерских операций, производимых ими, был довольно значительным. Так, по рапорту Н. М. Максимовича-Амбодика видно, что в 1794 г. в Петербургском воспитательном доме было принято 209 родов, в том числе 39 патологических. Щипцы при этом были наложены 13 раз. Кроме того, на дому он принял 26 родов, в том числе было 14 поворотов, 8 случаев наложения щипцов и 2 случая ручного отделения последа⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 426, л. 123.

² Там же, ф. 1296, оп. 3, кн. 209, л. 187.

³ Там же, л. 128.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 3, кн. 388, л. 58—61.

⁵ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 24, л. 37—38.

Помимо Н. М. Максимовича-Амбодика, видными акушерами в русских госпитальных школах XVIII века были А. М. Шумлянский, Г. И. Тимченко, Г. И. Сухарев, И. В. Руцкий, Г. П. Попов.

Кроме перечисленных клинических дисциплин, учащиеся госпитальных школ знакомились на практических занятиях с глазными, нервными и психическими болезнями. Такие больные постоянно встречаются в списках всех госпиталей. Знакомились учащиеся и с основами военной и военно-морской гигиены.

Такова обширная программа наук, преподаваемых в русских госпитальных школах XVIII столетия.

Большое значение для усовершенствования в практической медицине имели частые командировки учащихся госпитальных школ в армию в период военных действий и в губернии на борьбу с эпидемиями. Так, в 1737 г. из Московского госпиталя были командированы 13 учеников под руководством лекаря в Белгородскую губернию, где они пробыли около года на борьбе с эпидемией¹. В июле 1738 г. в Переяловочную из Московского госпиталя командировано 6 подлекарей с 6 учениками, а в августе того же года еще 6 учеников². Героически работали ученики Московской школы во время эпидемии чумы в Москве в 1771 г., многие из них сами стали жертвами этой болезни.

в) Экзамены

Выпуск учащихся из госпитальных школ и присвоение звания лекаря производились только после сдачи достаточно строгих экзаменов. С самого начала в Московской школе был установлен порядок, при котором в течение учебного года сдавались так называемые третные экзамены (т. е. по третям года); на основании этих экзаменов ученики переводились из одного класса в другой, причем для перевода в следующий класс не требовалось определенного срока обучения, необходимо было лишь выдержать экзамен по изучавшимся в классе предметам.

В конце учебного года проводился так называемый генеральный экзамен, на который приглашались различные почетные лица: штадт-физик, дивизионные доктора, а впоследствии обязательно члены медицинской коллегии. На генеральном экзамене присутствовали и могли задавать вопросы все врачи и лекари, работавшие в госпитале. По результатам генерального экзамена медицинская канцелярия своими указами присваивала ученикам школы звание подлекаря или лекаря. Этот порядок сдачи экзаменов впоследствии был перенесен во-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 18, л. 96.

² Там же, кн. 21, л. 432.

все госпитальные школы и узаконен генеральным регламентом о госпиталях¹.

Еще более строгий порядок экзаменов был установлен инструкцией 1745 г., по которой экзамены в школах делились на приватные и публичные. Первые были предназначены для повторения и лучшего усвоения пройденного материала. Делились они на недельные и месячные. Недельные приватные экзамены проводились каждую субботу госпитальным оператором в присутствии всех учеников. Ни доктора, ни лекари при этом не присутствовали.

В конце каждого месяца проводился месячный экзамен в присутствии всех докторов и лекарей госпиталя, но без приглашения посторонних лиц. Вопросы задавались всеми присутствующими, начиная с самого младшего лекаря. При этом лекари экзаменовали по анатомии и хирургическим болезням, оператор и главный лекарь — по оперативной хирургии и десмургии, госпитальные доктора — по внутренним болезням и наружным «обыкновенным» болезням. Во время экзамена учащиеся должны были демонстрировать анатомические препараты и хирургические инструменты, накладывать повязки на фантомах и больных, производить операции на трупах, приготавливать лекарства и т. п.

Публичные экзамены проводились по третям года и в конце года в том же порядке, что и месячные, но в присутствии почетных гостей. По результатам публичных экзаменов совершалось производство учеников в подлекари, а подлекарей в лекари. Все экзамены проводились в анатомическом театре. Этот порядок проведения экзаменов просуществовал почти до самого конца XVIII столетия.

Для иллюстрации хода лекарских экзаменов приведем несколько примеров. В 1773 г. в Московском госпитале были экзаменованы подлекари Андрей Шафрановский и Василий Македонец. В аттестате о них говорится: «как из хирургии, так и медицины довольно на все вопросы показали знания и в ученинных над телом операциями искусство, а именно: Шафрановский: 1) Лабиум лепоринум; 2) Ампутацию кубиты из суставов; 3) Отнятие большого пальца в ноге из сустава; а Македонец: 1) Трепанация; 2) Фистула лакрималиум; 3) Ампутация крурис ниже колена; 4) Отнятие среднего пальца руки»². Аттестат подписан докторами К. Ягельским, А. Шафонским, Г. Орреусом и оператором Энгелем. В аттестате, выданном подлекарю И. Каминскому после генерального экзамена в Петербургском сухопутном госпитале в 1779 г. за подписями докторов Ф. Тихорского, Г. Соболевского, штаб-лекаря Хемницера и оператора Гамена, говорится: «Подлекарь Иван Ка-

¹ Полное собрание законов. М., 1830, т. 9, № 6852, стр. 680.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 66, л. 151.

минский поведения весьма похвального, к больным и к ученикам приложен. На чинимые при экзамене вопросы отвечал изрядно и исправно, на мертвом теле демонстрацию мозга и начало чувствительных из мозга происходящих жил показывал порядочно. На операции вырезывание камня и снятие бельма делал исправно, почему к произведению в лекари совершенно достойным рекомендуется»¹.

Аналогичные экзамены сдавали ученики и подлекари во всех госпиталях, не имевших специальных школ. Примером этого могут служить экзамены, проведенные в Оренбургском госпитале в 1765 г. подлекарям Суркову и Якобинскому под руководством доктора Риндера в присутствии всех лекарей госпиталя. Сурков и Якобинский также экзаменовались по анатомии, хирургии и «в обычных болезнях», а в заключение каждый из них сделал самостоятельно три операции на трупе². В 1770 г. был экзаменован в госпитале при крепости св. Димитрия Ростовского главным лекарем А. Седовым в присутствии доктора Мира подлекарь И. Романовский, который отвечал на вопросы по анатомии, хирургии, внутренним болезням, демонстрировал препарат почки и в заключение делал операции на трупе: «Amputatio humeri ex articulo Labium Ieroginum» и «явился в том искусством»³.

В 1763 г. в Екатеринбургском госпитале был экзаменован подлекарь Панаев, который после ответов по всем предметам произвел на трупе операции: «трепанацию, ампутацию, парacentез пекторис и абдоминис». После сдачи экзамена он был произведен лекарем и направлен в Сибирь вместе с 4 подлекарями и аптекарем «для пользования больных оспою», с особой инструкцией от медицинской коллегии⁴.

Довольно часто ученики госпитальных школ вследствие большого недостатка врачей выпускались, не закончив полного курса обучения. В этих случаях они обычно через несколько лет возвращались в госпитали для окончания учения и получали звание лекаря. В некоторых же случаях подлекари, подготовившись к лекарскому экзамену заочно, являлись в госпиталь лишь для его сдачи. Таким примером может служить история производства лекаря Петра Маткина. Проучившись в школе при Московском госпитале с 1747 по 1752 г., он был произведен подлекарем и направлен для службы в 1-й Московский пехотный полк; в 1755 г. он обратился в медицинскую канцелярию с просьбой о сдаче лекарского экзамена, что ему и было разрешено. При этом был установлен следующий порядок: «Объявленного первого Московского полка подлекаря Петра Маткина в оной канцелярии штадт-физику доктору Лер-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 343, л. 826.

² Там же, оп. 1, кн. 8, л. 84—86.

³ Там же, кн. 41, л. 679.

⁴ Там же, кн. 1, л. 568—569.

хе, с штаб-лекарем Полманом да С.-Петербургской адмиралтейской госпитали с главным лекарем Мартыном Шеиним и лекарем Василием Калашниковым в хирургии и анатомии по всем принадлежащим частям экзаменовать...», «а потому оному подлекарю Маткину велеть явиться в генеральную сухопутную госпиталь к оператору фон Меллену, к которому из оной канцелярии послать ордер и велеть оному ж подлекарю Маткину в той госпитали учинить принадлежащие над мертвым телом операции, також приложение бандажей»¹.

В аттестате, выданном ему после экзамена, говорится: «Мы нижеподпавшиеся первого Московского пехотного полка подлекаря Петра Маткина в принадлежащих до лекарской науки свойствах экзаменовали, который на вопросы наши ответствовал как в анатомии, так и в хирургии и внутренних болезнях по всем принадлежащим частям основательно»².

Через 10 дней после экзаменов П. Маткин явился в анатомический театр сухопутного госпиталя, где в присутствии оператора Я. фон Меллена и лекаря Смирнова произвел операции на трупе³.

В очень редких случаях допускалась сдача лекарского экзамена непосредственно в частях, но и тогда требовалось присутствие на экзамене доктора, нескольких лекарей и по возможности производство операций на трупе.

г) Учебные пособия

Большое значение в системе подготовки врачей в русских госпитальных школах имели учебные музеи, лаборатории и библиотеки. Мы уже упоминали о богатых коллекциях анатомических и патологоанатомических препаратов, о ботанических садах и учебных аптеках, о химических и физических лабораториях, которыми были оснащены все госпитальные школы. Нам остается лишь прибавить несколько слов о медицинских библиотеках. Уже в Московской школе были учебники Блазиуса, Бланкарда и Бидлоо на латинском языке, привезенные доктором Бидлоо из-за границы. С момента организации петербургских госпитальных школ библиотеки их стали пополняться быстрее. В 1737 г. медицинская канцелярия выписывает и вводит в качестве учебных пособий во всех школах анатомические таблицы Кульма и учебник хирургии Гейстера⁴. Особенно много для организации библиотек при медицинских школах было сделано П. З. Кондоиди.

Как видно из акта, составленного М. И. Шеиним при вступлении его на должность главного лекаря Петербургского ад-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 225, л. 248.

² Там же, л. 249.

³ Там же, л. 251.

⁴ Там же, оп. 1, кн. 9, л. 244.

миралтейского госпиталя в 1753 г., медицинская библиотека при нем состояла уже из 47 названий книг по разным разделам медицинской науки, в том числе книг Гейстера, Кульма, Дювернуа, Винслова, Монро и др. К этому времени были созданы также большие медицинские библиотеки при медицинской канцелярии в Петербурге и медицинской конторе в Москве, в которых были представлены почти все периодические и непериодические издания, начиная с XVI века.

По указу медицинской канцелярии, подписанному П. З. Кондоиди в 1755 г., в Петербурге была организована публичная медицинская библиотека с читальным залом, предназначенная в основном для нужд преподавателей и учащихся госпитальных школ. Это была первая публичная медицинская библиотека в России. Работала она два дня в неделю, по средам и субботам, с 3 до 6 часов пополудни¹. Библиотека очень быстро пополнялась книгами как за счет приобретения, так и за счет пожертвования частных библиотек. В разное время в эту библиотеку влились крупные личные библиотеки П. З. Кондоиди, А. Г. Бахерахта, М. М. Тереховского и др. Пополнялись книгами и учебные библиотеки при школах. Так, в описи книг библиотеки Петербургского сухопутного госпиталя, составленной в 1758 г. исполнявшим обязанности библиотекаря подле-карьем С. Фиалковским, значится более ста названий медицинских книг².

После смерти П. З. Кондоиди организованные им библиотеки стали приходить в упадок: старые книги постепенно изнашивались, а новые не приобретались. Особенно в плохом состоянии была в это время библиотека при Московском госпитале, на которую из-за ее отдаленности медицинская коллегия вообще не обращала никакого внимания. П. И. Погорецкий в своем рапорте в медицинскую коллегию от 5 декабря 1765 г. отмечал, что «у учеников и подлекарей потребных к их званию книг, кроме Бургавовых афоризмов и материи медицинской, других почти никаких не находится»³.

Лишь с приходом к управлению медицинской коллегией А. И. Васильева и пополнением коллегии передовыми русскими учеными в начале 90 годов XVIII столетия библиотеки коллегии и школ вновь начинают усиленно пополняться книгами. К концу столетия медицинская коллегия располагала крупнейшей по тому времени библиотекой. Большое количество книг из нее систематически передавалось в публичный читальный зал, где ими пользовались преподаватели и учащиеся госпитальных школ. Только в 1796 г. в этот зал было передано 1360 книг из библиотеки медицинской коллегии⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 14, д. 1.

² Там же, ф. 1295, оп. 5, кн. 285, л. 968.

³ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 20, л. 303.

⁴ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 14, д. 4, л. 33—72.

В 1798 г. библиотека медицинской коллегии была передана во вновь образованную Петербургскую медико-хирургическую академию. Значительная часть этих книг до настоящего времени сохранилась в фондах библиотеки Ленинградской военно-медицинской академии имени С. М. Кирова.

4. Роль русских ученых в создании и усовершенствовании передовой системы медицинского образования

Система обучения врачей в русских госпитальных школах коренным образом отличалась от системы медицинского образования, принятой в то время в большинстве стран Западной Европы. Широкая разносторонняя программа теоретических курсов, выраженный клинический принцип преподавания основных медицинских дисциплин, сочетание хирургии и внутренних болезней обеспечивали высокий уровень подготовки русских врачей, выгодно отличавший их не только от зарубежных хирургов, но и от докторов с университетским образованием. Русские госпитальные школы XVIII века впервые в мире создали широкий профиль врача.

В большинстве случаев воспитанники госпитальных школ и именовали себя врачами до тех пор, пока в 1800 г. Павел I не запретил специальным указом это название, приказав им именоваться по чинам: лекарями, штаб-лекарями или докторами¹. Чтобы яснее представить эту разницу в системе медицинского образования, необходимо кратко представить его состояние в то время в странах Западной Европы. До конца XVIII столетия там существовало различие между хирургами и докторами. Хирурги на Западе не получали обычно систематического медицинского образования и готовились почти исключительно в порядке цехового ремесленного обучения у городских лекарей. Они не получали поэтому права на лечение внутренних болезней и выписывание рецептов. Еще в XVIII столетии, по словам Гезера, состояние хирургии было во многих странах не особенно утешительно. Главная часть хирургической деятельности находилась почти везде в руках цирульников². В 1744 г. в Германии Фридрих II специальным указом дозволил хирургическую практику палачам³.

По свидетельству известного английского хирурга XIX века Мак Кормика, в Англии лишь в 1745 г. хирурги отделились от цирульников и объединились в самостоятельное общество, преобразованное в 1800 г. в коллегию хирургов⁴.

Вопрос о необходимости специального образования хирургов был выдвинут во Франции лишь в 1724 г. лейб-хирургом

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 34, л. 294.

² Г. Гезер. Исторический обзор хирургии. СПБ, 1880, стр. 48.

³ Врач, 1881, № 22, Хроника, стр. 368.

⁴ Там же, 1901, № 18, Хроника, стр. 600.

Марешалем, предложившим открыть хирургическую академию; но из-за противодействия медицинского факультета открытие ее не состоялось¹.

Хирургическая академия в Париже стала функционировать лишь с 1731 г., т. е. на 24 года позже Московской медико-хирургической школы. В других странах Западной Европы подобные школы возникли еще позднее: в Вене в 1780 г., в Берлине в 1795 г.². Но дело не только в том, что медико-хирургические школы в России существовали раньше западноевропейских, само преподавание в них было построено совсем по-иному. На Западе в школы набирались люди, не имевшие необходимой общеобразовательной подготовки. Обучение ограничивалось анатомией и хирургией, без изучения терапии, акушерства, психиатрии и других общеврачебных дисциплин. К тому же Парижская академия во второй половине XVIII века пришла в упадок и потеряла свое прежнее значение. Характеризуя состояние зарубежных хирургических школ, Гезер писал: «Эти заведения, которые в большинстве случаев служили только для скучного, недостаточного приготовления молодых людей, без необходимой научной, часто даже без нужной общей подготовки»³.

Медики-доктора готовились в западноевропейских государствах на медицинских факультетах университетов, где практическая подготовка врачей стояла на еще более низком уровне. Клинический принцип обучения, введенный впервые в Падуанском университете в XVI веке Д. Монтано и развитый в дальнейшем в Лейдене (Ф. Сильвиус и Г. Бургав), не получил широкого распространения в европейских университетах.

Да и в самом Лейденском университете после смерти Бургава (1738) клинический метод обучения постепенно утрачивался. В 1755 г. посланный за границу адъюнкт Петербургской академии наук А. П. Протасов критиковал постановку преподавания медицины в Лейденском университете. Терапию там не преподают, по его словам, уже два года. «Однако без сей части всякий медик своей теории к действию употребить с успехом никак не может». Не удовлетворило его и преподавание хирургии. «Операций не больше показывается, как сколько дозволяет оных делать один кадавер... А чтобы обучающимся можно было видеть, как оные операции в самых болящих отправляются, то здесь получить не можно: ибо в Лейдене никакого нет госпиталя»⁴. В 1761 г. русский лекарь И. Пешковский перевелся из Лейдена в Страсбург, так как

¹ Lecène P. *L'evolution de la Chirurgie*. Paris, 1923, p. 204.

² Г. Гезер. Исторический обзор хирургии. СПБ, 1880, стр. 48—49.

³ Там же, стр. 49. Подробно о состоянии хирургии в XVIII веке на Западе см. работу М. Ю. Лахтина. *Этюды по истории хирургии*. М., 1901.

⁴ С. М. Громбах. Отвергнутая диссертация Протасова. Труды Института истории естествознания АН СССР. 1953, т. V, стр. 390.

«там (в Лейдене) преподается одна теория без практики»¹. Лишь в некоторых университетах к концу XVIII века начинают появляться клиники, причем чаще всего это были лишь палаты на несколько коек. Так, первые несколько коек в городском госпитале для целей преподавания в Венском университете выделены учеником Г. Бургава ван Свитеном в 1753 г.²; в Геттингене они появились лишь в 1784 г., в Монпелье — в 1780 г.

Особенно плохо в университетах было поставлено преподавание хирургии. В Геттингене, например, этот предмет стали читать только с 1766 г. Профессора, читавшие хирургию, сами часто не владели хирургической техникой, считая это унизительным для себя. Студенты также не практиковались в хирургических операциях.

Акушерство в большинстве случаев не преподавалось в университетах совершенно. Особенно поверхностным медицинское образование было в университетах США, которые стали возникать там со второй половины XVIII века. Это были чисто коммерческие учреждения. Учащиеся набирались в них без всякого вступительного экзамена и выпускались через 2—3 года после защиты весьма легковесной по содержанию диссертации.

Медицинский факультет Московского университета, возникший во второй половине XVIII века, в первый период своего существования также следовал традиции схоластического книжного образования. Первая клиническая палата в нем была организована лишь в 1798 г. Преподавание хирургии было на низком уровне. Чтобы представить это, достаточно привести подлинные слова Н. И. Пирогова: «Едва поверят мне теперь, что я выдержал экзамен на степень лекаря, не выдав ни одной операции, сделанной на трупе, и не сделав ни одной сам»³.

Из приведенного обзора становится совершенно очевидным преимущество системы медицинского образования, принятой в русских госпитальных школах XVIII века. Передовые деятели отечественной медицины того времени правильно оценивали истинную роль иноземных хирургов и докторов с их схоластической подготовкой в развитии русской медицины и понимали превосходство медицинского образования в России.

Не случайно медицинская коллегия в 1764 г. отвергла предложение немецкого хирурга Бильгера принять на себя подготовку хирургов для русской армии, ответив ему, что она сама организует «воспитание искусственных докторов и лекарей»

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 6, кн. 86, л. 91.

² Г. М. Герценштейн. Материалы для будущей истории медицинского образования в России. Врач, 1881, № 40, стр. 666.

³ Юбилей Н. И. Пирогова. Врач, 1881, № 23, стр. 389.

в России¹. А в 1797 г. группа членов медицинской коллегии — Андреевский, Карпинский и Саполович — представили главному директору коллегии А. И. Васильеву «Дополнение о испытании докторов из чужих краев прибывающих»², в котором они предлагали установить порядок, чтобы доктора-иностранные после сдачи теоретического экзамена в медицинской коллегии направлялись на год для практического усовершенствования в медицине в один из русских госпиталей и чтобы право практики предоставлялось им лишь после повторного экзамена с обязательным производством хирургических операций. Предложение было отклонено А. И. Васильевым под предлогом отсутствия средств.

Превосходство системы подготовки врачей в русских госпитальных школах XVIII века отмечалось многими из деятелей отечественной медицины того времени. Так, Д. С. Самойлович писал: «Кто может сказать, что это не самый лучший способ изучить медицину, если у нас каждый ученик с самого поступления в госпиталь должен ежедневно быть у постели больных, пускать им кровь, делать перевязки, прописывать лекарства — словом, исполнять все то, что предписывает ему врач или хирург, наблюдающий за их излечением. Не согласится ли всякий со мною, что лучше одновременно изучать теорию и практику, нежели одну теорию»³.

Об этом же писал и М. Пеккан в предисловии к своей книге «Начальные основания деятельности врачебной науки» (1790): «В России каждый имеет свободный доступ к преподаваемым о врачебных и касающихся к ним науках учениям и, беспрепятственно посещая больницы, наилучнейший имеет случай упражняться в деятельности врачебной науке под руководством искуснейших врачей, что в других государствах сопряжено с великими издержками, напаче же в Англии много требует иждивения».

Наиболее полная характеристика подготовки врачей в русских госпитальных школах дана И. Ф. Бушем, который писал: «Российские врачи никогда не входили в тщетные и без всякого сомнения как распространению врачебной науки, так и самому человечеству вредные прения иностранных врачей об отделении хирургии от медицины, о превосходстве одной над другой. Принятые в России названия лекарь и доктор предполагают только степень их учености». И далее: «В отечестве нашем нет таких, какие в других государствах под именем хирургов известны»⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 2, л. 603.

² Там же, оп. 10, кн. 21, л. 163—164.

³ Д. С. Самойлович. Избранные произведения. Вып. I, М., 1949, стр. 38—39.

⁴ И. Ф. Буш. О нынешнем состоянии хирургии в иностранных государствах и в России. Всеобщий журнал врачебной науки, 1812, кн. 1, стр. 5.

Буш дал убийственную и вместе с тем яркую и достоверную характеристику иностранных врачей без университетского образования: «Сии хирурги, будучи большей частью без всякого воспитания и ученого приготовления так, что некоторые не умеют читать и писать на своем природном языке»¹. Далее, говоря об академическом и университетском образовании за границей, Буш пишет: «Академическое учение, которому посвящают себя люди с философскими сведениями, продолжается обыкновенно три года, кончается экзаменом, диссертацией и докторством без особого исследования опыта. И сии доктора почтят хирургов как бы своими слугами»². Он резко осуждает отделение хирургии от медицины и видит в этом одну из важнейших причин отставания медицинской науки: «Врачебная наука не имеет посему в других государствах Европы желаемого единообразования, зависть, гордость и невежество спорят, кому наиболее иметь добычи от страждущего болезнями человека»³.

Быстрый рост армий и флота в начале XVIII столетия и необходимость немедленного укомплектования их достаточным количеством медицинских работников не позволяли ждать, когда будет подготовлено необходимое количество своих врачей, тем более что сеть медицинских школ вообще не могла удовлетворить потребности в них. Поэтому, особенно в первой половине XVIII столетия, в Россию приглашалось довольно большое число хирургов-иностранных, преимущественно из Германии. Немцы, занимавшие руководящие посты в медицинской администрации, оказывали им покровительство. В России им присваивалось наименование лекарей, хотя они ни в какой мере не соответствовали русскому пониманию этого звания. Вполне понятно, что в Россию приезжали далеко не лучшие представители западноевропейских хирургов. Это не означает, конечно, что среди иностранных врачей, прибывших в Россию, совершенно не было честных и достаточно знающих, но таких было не так уж много.

Стоит только посмотреть хранящиеся в архивах дела принятых в XVIII столетии в русскую службу иностранных хирургов, чтобы убедиться в этом. Так, в 1739 г. приняты на службу и зачислены лекарями К. Янке, учившийся у городского лекаря в Данциге 3 года, и Б. Конрау, учившийся у своего отца в Брауншвейге; оба они при экзамене очень плохо отвечали по анатомии и хирургии. В 1741 г. принят на службу И. Дитрих, учившийся у городового лекаря в Любеке, тоже

¹ И. Ф. Буш. О нынешнем состоянии хирургии в иностранных государствах и в России. Всеобщий журнал врачебной науки, 1812, кн. 1, стр. 7.

² Там же, стр. 11.

³ Там же, стр. 12.

оказавшийся при экзамене слабым в анатомии и хирургии¹. В 1770 г. доктор Аш, находясь в русской армии в должности генерал-штаб-доктора, принимает на службу лекарями: Заденвайга, Пабста, Цейгнера, Кравта, Гезелейна и Геберлейна — все они учились по 3 года у городовых лекарей². В 1774 г. принимают на службу Н. Гильтебранда, учившегося у городового лекаря в Ревеле 3 года, сдавшего посредственно экзамены, и зачисляют его по вакансии в штат Петербургского сухопутного госпиталя подлекарем, хотя за несколько дней перед этим под предлогом отсутствия мест отказывают в службе солдату Ивану Киселеву, блестяще сдавшему подлекарский экзамен³. Аналогичных примеров можно привести огромное количество. Среди иностранных хирургов, прибывших в Россию в XVIII веке, лишь немногие имели госпитальное хирургическое образование, в какой-то степени соответствовавшее уровню подготовки русских врачей.

Большинство иноземцев надменно относились к русскому народу и его науке, отличалось стяжательством, стремлением к наживе и первенствующему положению в стране, чего они, к сожалению, нередко достигали благодаря покровительству и поддержке, которую им оказывали представители русской дворянской знати, боявшейся развития политических и культурных сил своего народа.

Западноевропейские ученые долго игнорировали достижения русской медицинской науки. Да и в России в результате преклонения перед всем иностранным русские ученые-медики не пользовались известностью.

С выдающимися достижениями русской медицины зарубежные ученые познакомились во время победоносного шествия русских войск в войне с Наполеоном в 1813—1814 гг. Один из историков медицины начала XIX века доктор Я. Говоров писал об этом: «После пребывания русских в Париже в 1814 году французские врачи узнали, как могут блестать в сем роде искусства все, без исключения, наши врачи, которые, производя важнейшие операции в разных госпиталях оной столицы в присутствии первых французских хирургов, заслужили от них всю справедливость и самое удивление»⁴.

Передовые русские ученые-медики XVIII века творчески развили клинический метод обучения Лейденской школы, значительно расширили его и обогатили, соединив хирургию с терапией. Одной из главнейших задач, которую они ставили перед собой, было развитие медицинского образования в России. Русские доктора медицины, вышедшие из воспитанников

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, л. 9.

² Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 42, л. 168—182.

³ Там же, кн. 4, л. 433 и 437.

⁴ Я. Говоров. Всеобщая история врачебного искусства и опыт краткого врачебного обозрения кампании 1812—1815 гг. СПб, 1818, стр. 24.

госпитальных школ, несмотря на противодействие иноземных руководителей медицинской коллегии, стремились преподавать в медицинских школах, считая это своим патриотическим долгом. Это стремление отчетливо выражено П. И. Погорецким, который, будучи смешен в результате интриг с профессорской должности в Московской школе, писал в медицинскую коллегию: «Я моим местом и учительскою должностию доволен и другого места не желаю, тем напаче, что приметные моего учения труды, которые я теперь на собственный кошт в пользу моих учеников печатаю, иначе имеют пропасть и что, кроме меня, находятся еще в факультете безместные, но достойнейшие поминовения докторы. Если же сей перемене надлежало быть для того, что медицинская коллегия трудящимся при госпиталах у обучения учеников и подлекарей докторам большего у себя награждения не находит, как только определением самого отдаленного места, я, оставляя в казне четырехсотное мое жалование, всемилостивейшей государыне и отечеству охотно обязуюсь служить доктором у обучения при той же госпитали без всякого жалования на собственном моем содержании, ведая несомненно, что труды мои меня довольно наградят, и утверждая при этом, что неподвижный учитель и час от часа к похвале своего народа паче и паче успевающий, со временем несравненно больше принесет России чести, славы, пользы и преимущества»¹.

В тех случаях, когда русским ученым удавалось пробиться к преподавательской работе, они боролись с рутиной и косностью в методике преподавания, выступая против немецких преподавателей, пытавшихся внедрять в русских школах схоластику, которая господствовала в германских университетах того времени.

Первый руководитель Московской школы Н. Бидлоо, будучи воспитанником Лейденского университета, перенес в нее и развел клиническую систему медицинского образования. Опыт Московской школы был затем использован и всеми другими, вновь открываемыми школами. Распространению этого опыта способствовала деятельность возглавившего с 1734 г. медицинскую канцелярию доктора И. Фишера, уроженца России, окончившего, как и Бидлоо, Лейденский университет. При назначении в Московский госпиталь в мае 1735 г. доктора А. Детейльса вместо умершего Н. Бидлоо И. Фишер снабдил его инструкцией, которая определяла основные методы обучения. Ему предписывалось смотреть, чтобы «ученики во анатомии и хирургии, також в терапии генерали медицине, как и в специальных методах при болезнях обучены были»². Таким образом, им подчеркивалась необходимость изучения не

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, св. 34, л. 104—105.

² Там же, ф. 1295, оп. 1, кн. 4, л. 638.

только хирургии, но и терапии. Далее в инструкции говорится о необходимости тщательного отбора в школу вполне подготовленных учеников. Особое внимание уделяется наглядности в обучении анатомии, клинике и фармации: «Смотрение иметь, дабы определенной ко оной госпитали анатомикус молодых людей во анатомии порядочно и тщательно обучал и чтобы ученики иногда под дирекциею анатомика своеручно во анатомии упражнялись; притом же анатомикусу оным ученикам хирургических действ надлежащим курсом явственно и порядочно показывать»¹. И далее: «Смотрение иметь, чтобы аптекарь хирургическим ученикам медицинскую материю, место, где надлежащие к тому вещи растут, натуру их и составляемые из оной надлежащие медикаменты, особливо те, которые про армию и во флот отпускаются, тщательно демонстрировал и их приготовление показывал, також учеников в лаборатории в фармацевтических лаборациях с прилежанием на выкал»². Указывалось также на необходимость проведения практических занятий по ботанике в ботаническом саду.

К концу того же года И. Фишер добился утверждения «Генерального регламента о госпиталях», разработанного еще в 1730 г. на основе адмиралтейского регламента Петра I архитектором И. Л. Блюментростом. Этот регламент унифицировал методику обучения во всех госпитальных школах, определяя обязанности всех госпитальных лиц по лечебной работе и в отношении медицинской школы, о чем мы говорили уже раньше. Еще несколько раньше И. Фишер входил со специальным докладом в кабинет министров и добился назначения в каждый генеральный госпиталь оператора для преподавания сперативной хирургии и «рисовального мастера» для обучения учеников рисованию. Он добился также изъятия всех медицинских школ из ведения различных учреждений и подчинения их только медицинской канцелярии³.

По инициативе И. Фишера в России стали составляться первые учебные руководства для учеников госпитальных школ: анатомический и ботанический атласы. Им была также сделана попытка отобрать и направить в Париж лучших воспитанников русских медицинских школ для подготовки их к преподавательской деятельности. Эта попытка, как мы увидим дальше, не увенчалась успехом.

В дальнейшем в деле развития отечественного медицинского образования выдающуюся роль сыграл воспитанник Лейденского университета доктор П. З. Кондоиди. С детских лет П. З. Кондоиди жил в России, в 1733 г. он закончил Лей-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 4, л. 639.

² Там же.

³ До этого Московский госпиталь и школа находились в ведении синода, Петербургский сухопутный — в ведении кригс-комиссариата, а морские госпитали — в ведении адмиралтейской коллегии.

денский университет и с тех пор до своей смерти (1760) бес-
сменно находился на ответственных постах медицинской
администрации в России: сначала в армии в должности кор-
пусного доктора, а с 1738 г. генерал-штаб-доктора. В 1741 г.
с воцарением Елизаветы были отставлены все лица, занимав-
шие до этого высшие административные посты в государстве;
был отстранен от должности и архиятер И. Фишер, а на его
место был назначен бездарный интриган, фаворит императрицы Г. Лесток. Чувствуя, что он не в состоянии справиться со
столь ответственной работой, Лесток вызвал из армии и назначил своим помощником П. З. Кондоиди, который и управлял фактически медицинской канцелярией с февраля 1742 г.
по май 1743 г. и с марта 1745 г. по октябрь 1747 г. В марте 1754 г. после смерти преемника Лестока на посту архиятера Г. Бургава П. З. Кондоиди был назначен на эту должность и пробыл в ней до дня своей смерти.

С первых же дней своей работы в медицинской канцелярии П. З. Кондоиди обратил особое внимание на дальнейшее раз-
витие госпитальных школ. По его предложению в апреле 1742 г. в Петербургских госпитальных школах учреждается должность профессора (одна на обе школы), на которую назначается доктор И. Шрейбер. П. З. Кондоиди разработал подробную инструкцию для него, в которой прежде всего еще раз подчеркнул необходимость всесторонней подготовки будущих врачей, «которые бы не токмо разумели хирургию, но притом бы были обучены лечить те болезни, которые обыкновенно между солдатами и морскими людьми случаются и коим они подвержены»¹. Далее в инструкции неоднократно подчеркивается важность практических занятий: «Чтобы учащиеся получали понятие о частях человеческого тела, о медикаментах и хирургических инструментах больше очным познанием, нежели трудно понимаемыми описаниями»². Обучение оперативной технике предлагается вести на трупах, а для практического усвоения десмургии изготовить специальные фантомы: «Сделать деревянных составных корпусов человечьих, к которым как бандажи прикладывать показать оператору, а профессору хирургии толковать употребление оных бандажей»³. Кроме того, в инструкции определяется твердый срок обучения и расписание занятий в госпиталях.

В октябре 1745 г. П. З. Кондоиди была разработана по-
дробная инструкция о проведении экзаменов в школе. Эта инструкция предусматривала не только время и порядок про-
ведения экзаменов, но и методику их. Так, относительно еже-
недельного, текущего опроса учащихся рекомендовалось:

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 2, кн. 65, л. 346.

² Там же.

³ Там же, л. 349.

«вопросы чинить велегласно, кратко и ясно, а не всем разом предлагать один вопрос, но звав именем одного об одной, и по ответствии другого о другой материи вопрашивать и велеть ответствовать велегласно, дабы другие слыша пользоваться могли; в чем же ответ кого будет неисправен, того направлять ласково, доказательно и колико можно просто»¹.

В отношении же итоговых экзаменов (месячных и третных) были разработаны более подробные правила, точно определен их объем и методика. «При вопросах об анатомии, например об остеологии, велеть показать ту кость, о которой речь имеется, ее разделение и части именовать, ее сложение с другими какими именно и ее действие или usum и прочее, а для того как можно, так и должно всех костей человеческих иметь притом на столе в готовности разобраных. При вопросах о миологии спрашивать о начале, положении и конце мускулов и о действии оных, а где имеется человеческое тело с бальзамированными мускулами, яко то в генеральном сухопутном госпитале имеется, велеть им тех мускулов показывать на том теле или в таблицах напечатанного анатомического компендия, дабы тем лучше в памяти содержать могли. То же разумеется и о других частях анатомии. При вопросах о хирургических болезнях спрашивать притом и о пластырях, мазях и прочих употребляемых наружных лекарствах, и какой именно пластырь или какая мазь к какой, например, ране потребен или не потребен, и сколько часто прикладывать и переменять должно, и о прочем. При вопросах об операциях и бандажах велеть показывать, как те операции исправлять благоискусно надлежит и, во-первых, аппаратум готовить, расположка порядочно потребные инструменты, корпию и бандаж одно после другого так, как в самом действии употребляться имеет без помешательства; потом показывать на сделанном из соломы человеческом подобии; напоследок прикладывать действительно бандаж, причем спрашивать и об инструментах и о действии бандажей и для того потребных к обыкновенным операциям инструментов и бандажей завсегда в готовности в госпиталях иметь должно и бандажей через подлекарей и учеников приготавливать, дабы они заблаговременно обучались и привыкали оные благоискусно употреблять и ими действовать впредь. При вопросах о внутренних и наружных обыкновенных болезнях спрашивать о знаках диагностических и прогностических оных, о разных времен той же болезни, о дыхании, пульсе, урине, поту и экскрементах, о диете надлежащей и о мере оной, о потребных лекарствах, о силе, действиях, составлении и пропорции в составлении их и сколько часто когда давать должно и сколько какого лекар-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 3, кн. 80, л. 227.

ства особенно продозировать надлежит, о воспоследующих после болезней и о прочем»¹.

Здесь имеются также подробные указания, кому из экзаменаторов и в какой последовательности спрашивать, рекомендуется исправлять неправильные ответы, делать это «ласково и просто». Вопросы к экзаменам должен был составлять заранее проф. Шрейбер по согласованию с госпитальными докторами и передавать их «тайно» экзаменаторам.

Эта инструкция интересна также тем, что в ней впервые даются указания по составлению учащимися историй болезни, причем впервые упоминается и само название «история болезни»: «Понеже весьма нужно потребно иметь быть, чтоб подлекари и достойные к произвождению ученики заблаговременно привыкали обстоятельно примечать болезней и обучались оные описать искусно, и для того госпитальным докторам, по их рассмотрению, к горячим внутренним и другим примечания достойным болезням, особливо ж к чрезвычайным приставливать их и наставлять с самого приводу больного в госпиталь до окончания болезни примечать и записывать аккуратно наружный вид больного, его дыхание, пульс, урину, пот и прочие экскременты, действие и успех лекарств употребленных, случающиеся перемены и вновь припадки и что воспоследовать будет по выздоровлении от болезни до выпуска из госпиталя; ежели же больной умрет и тело анатомировано будет, то ему быть в самой близости и тому, кто анатомию творит, особливо и аккуратно ему показывать и толковать, что найдено будет против натурального, от чего причинилась болезнь и последовала смерть, которое все подлекарю или ученику записывать аккуратно и из того со всего составлять по своей возможности и искусству, на котором диалекте ему лучше возможно, на латинском или на германском, историю болезни (разрядка наша.—Б. П.) и оную подавать госпитальному доктору для рассмотрения и поправления по настоящему медицинскому знанию»².

Особенно энергично за преобразование госпитальных школ П. З. Кондоиди взялся после назначения его на должность директора медицинской канцелярии в 1753 г. Для усиления преподавания в школах, о чем говорилось выше, он вводит в госпиталях должность второго доктора и вновь разрабатывает подробную инструкцию о преподавании; вводит новый учебный план с распределением дисциплин по годам обучения (документы эти неоднократно цитировались нами); заботится об оснащении школ учебным оборудованием, о создании при школах ботанических садов, организует для учащихся и врачей публичные библиотеки; заботится о создании отечественных научных и преподавательских кадров. По его инициативе

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 3, кн. 80, л. 229.

² Там же, л. 331.

выдвигаются на должности главных лекарей крупных госпиталей русские врачи М. И. Шеин, Н. Г. Ножевщиков, Н. Ф. Чубенский. Им подготавливается отправка за границу 10 русских врачей для получения степени доктора медицины. При его деятельной помощи и поддержке издаются первые учебные руководства для медицинских школ: анатомический атлас, переводы на русский язык учебника анатомии Л. Гейстера и хирургии И. Платнера.

Ранняя смерть (1760) не позволила П. З. Кондоиди исполнить все его замыслы в области развития и усовершенствования медицинского образования в России.

Активным помощником П. З. Кондоиди был главный лекарь Петербургского адмиралтейского госпиталя штаб-лекарь М. И. Шеин. В архиве медицинской канцелярии сохранились его рапорты, относящиеся к 1753—1761 гг., в которых он вносит предложения по улучшению преподавания анатомии и хирургии в госпитальных школах, заботится о лучшем оснащении анатомических музеев и операционных, рекомендует расширять занятия по оперативной технике и т. п. Многие из этих предложений вошли в инструкции, составленные П. З. Кондоиди.

После смерти П. З. Кондоиди руководство медицинской канцелярией (а затем коллегией) и школами перешло, как и многие руководящие должности в русской администрации того времени, в руки немцев. Воспитанники немецких университетов, в которых процветала сколастика, постепенно отходили от передовых методов обучения, введенных И. Шрейбером и П. З. Кондоиди; школы пришли в упадок. Но начиная со второй половины XVIII века в число преподавателей госпитальных школ постепенно влиались передовые русские врачи, воспитанники П. З. Кондоиди; они боролись с рутиной и косностью в преподавании, стремились еще больше усовершенствовать систему медицинского образования в России. В числе таких преподавателей следует прежде всего назвать К. И. Щепина (1728—1770), состоявшего профессором Московской, а затем петербургских школ с 1762 по 1766 г.

Им были разработаны новые, более обширные программы обучения; в его трудах получил дальнейшее развитие принцип наглядности при изучении анатомии, фармакологии и клинических дисциплин. В частности, он впервые ввел в школах изучение основ бальнеологии. Большое значение К. И. Щепин придавал улучшению быта учащихся, выступал ярым противником телесных наказаний для них. Прогрессивные педагогические взгляды К. И. Щепина встретили ожесточенное сопротивление со стороны группы реакционных иностранных врачей, стоявших во главе госпиталей и медицинской коллегии, которые и добились его увольнения со службы¹.

¹ Подробнее о К. И. Щепине см. монографию В. В. Куприянова «К. И. Щепин — доктор медицины XVIII века». М., 1953.

Такая же участь постигла и доктора П. И. Погорецкого (1740—1780), сменившего К. И. Щепина в Московской школе и развивавшего его педагогические взгляды. Столкнувшись с первых дней работы с бездушным отношением к своему делу ряда преподавателей, которые успели к тому времени распространять лучшие традиции, сложившиеся в педагогической практике русских медицинских школ, П. И. Погорецкий послал в декабре 1765 г. специальный рапорт в медицинскую коллегию о том, в каком состоянии он нашел Московскую школу и что, по его мнению, необходимо сделать для исправления положения.

Он предлагал возобновить преподавание медицинской практики, причем преподавание этого предмета на русском и латинском языках брал на себя. Он считал необходимым также вновь организовать практическое изучение лекарственных растений в ботанических садах, ввести должности прозекторов (что и было сделано впоследствии), увеличить количество хирургического инструментария, пополнить библиотеку и снабдить всех учеников достаточным количеством учебников. Им были составлены проект распорядка дня в госпитале, расписание и инструкция ученикам для занятий по анатомии.

Однако все добрые намерения и проекты П. И. Погорецкого встретили сопротивление со стороны старшего доктора госпиталя К. Даля, главного лекаря Виля, оператора Энгеля и др. Их поддержала и медицинская коллегия, состоявшая в это время полностью из иностранцев. В результате этой неравной борьбы, едва спасшись от грозившего ему суда, П. И. Погорецкий был вынужден в 1769 г. оставить службу¹. Несмотря на печальную судьбу, которая постигла К. И. Щепина и П. И. Погорецкого, их прогрессивные идеи, как и идеи П. З. Кондоиди и М. И. Шеина, не пропали бесследно. Они были восприняты и получили дальнейшее развитие в научных трудах и практической деятельности большой группы передовых русских ученых XVIII века. В 1775 г. в предисловии к своей докторской диссертации Г. Ф. Соболевский отмечал преимущество наглядного обучения в русских госпитальных школах².

В качестве преподавателя ботаники и «материи медики» в петербургских школах Г. Ф. Соболевский вновь ввел забытые после К. И. Щепина практические занятия в ботаническом саду, гербаризацию растений, создал богатейшие гербарии и минералогические коллекции.

¹ Подробнее о П. И. Погорецком см.: С. М. Громбах «П. И. Погорецкий и его борьба за самостоятельность русской медицинской школы». Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 4, М., 1955, стр. 290—314.

² G. Sobolevsky. *Dissertatio physico-medica inauguralis. De potiore ductu naturae ad medicinam rationalem...* Lugd. Batav, 1775 (Предисловие).

Ряд весьма интересных мыслей в области усовершенствования медицинского образования принадлежит также выдающемуся деятелю русской медицины XVIII века Д. С. Самойловичу. В 1787 г. в книге «Opuscules sur la Peste», изданной в Париже, печатается его непроизнесенная «Речь к слушателям госпитальных школ Российской империи». В этой речи содержатся основные мысли Самойловича о желательной системе подготовки русских врачей. Прежде всего он ставит вопрос о моральном облике врача, указывая на высокие достоинства, которыми должен обладать каждый, решивший посвятить себя медицине, ибо, говорит он, «каждый из его соотечественников доверяет ему самое дорогое, что у него есть: свое собственное здоровье, здоровье своей дорогой супруги, своих детей, своих родителей или своих близких»¹.

Далее Д. С. Самойлович говорит о преимуществе системы подготовки докторов медицины из числа лиц, окончивших до этого русские госпитальные школы и прослуживших некоторое время врачами, высмеивая укоренившийся среди зарубежных ученых обычай писать многословные, не имеющие никакого практического значения докторские диссертации. Он требует, чтобы русским ученым было предоставлено право писать диссертации на русском языке и защищать их на родине, особо подчеркивая: «если случится, что кто-нибудь напишет ее (диссертацию,— Б. П.) очень бесполезной для страны, то медицинская коллегия может обязать автора ее переделать или написать другую; она даже может дать ему для разработки тему, такую она считает своевременной и полезной для народа»².

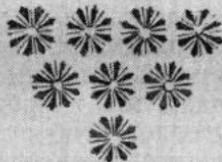
Под давлением прогрессивных русских ученых, в частности М. М. Тереховского, особенно в связи с очевидным провалом Калинкинского института, сенатом было решено провести реорганизацию медицинских школ. В порядке подготовки этой реформы было решено направить за границу для изучения опыта постановки медицинского образования за рубежом М. М. Тереховского и А. М. Шумлянского. Эта поездка продолжалась с марта 1785 г. по август 1786 г. Во время поездки М. М. Тереховский и А. М. Шумлянский разошлись во взглядах, они порознь вернулись в Россию и каждый из них представил свои соображения о реорганизации медицинских школ.

Несомненно, их предложения и легли в основу реформы медицинского образования, осуществленной в конце 1786 г. Однако не все их прогрессивные предложения получили одобрение медицинской коллегии, поэтому в 1787 г. А. М. Шумлянский издал без обозначения своего имени книгу: «Мнение одного истинолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки», в которой он изложил основные недостатки

¹ Д. С. Самойлович. Избранные произведения. М., 1949, стр. 30.

² Там же, стр. 42.

М Н Ъ Н И Е
ОДНОГО ИСТИННОЛЮБЦА,
о
поправленїи
наиполезнѣйшей для людей
НАУКИ.

Чтобы не забыть о книге, я ее поместила в самое видное место в своем доме.

Печатано
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1787.

Рис. 4. Титульный лист книги А. М. Шумлянского.

развития медицинской науки и образования и наметил пути улучшения подготовки врачей в России. Основной задачей медицины Шумлянский считает борьбу за продление человеческой жизни, указывая в то же время, что смерть является неизбежным явлением, завершающим жизнь: «самая жизнь, самая природа может быть причиной смерти; — о смертности своей не сомневается. Но продолжая исследовать природную сих частей крепость, стройное всех между собою согласие и постоянное само по себе их действие, не оставляет упования своего о продлении своей жизни»¹.

Медицина делится Шумлянским на четыре основные части: анатомию, физиологию, патологию и терапию. В противоположность западноевропейским ученым он объединяет хирургию с терапией, отмечая лишь, что в практике терапия разделилась на два отдела «внутреннюю, или науку врачей, и наружную, т. е. хирургию, или науку лекарскую». Акушерство относится Шумлянским к хирургии. Единство терапии и хирургии и необходимость изучения той и другой всеми врачами подчеркивается им неоднократно. «Хирургия одной практикой отличается от науки врачей (*Scientia medicorum*)»² и выделение ее нужно не по существу, а для сокращения в изучении, говорит он. К основным частям медицины он считает необходимым добавить «историю врачебной учености» и судебную медицину.

Отметив основные недостатки в развитии медицинской науки, Шумлянский переходит к изложению своих предложений, указывая, что причиной, побудившей его к написанию этой работы, является «долг мой и любовь к моему отечеству». Особое внимание он уделяет подбору учащихся в медицинские школы. Он считает, что учеников в госпитальные школы следует подбирать из числа одаренных юношей из неимущей части населения, создавая им необходимые условия для занятий. Он категорически возражает против привлечения в школы учеников из богатых семей, ибо трудно ожидать, «чтобы богатые спокойному времени препровождению предпочли трудное во врачебной науке упражнение, кольми паче чтоб приняли на себя должность врачей»³.

В разделе «Об учителях» Шумлянский определяет три основных качества преподавателя медицинских школ: знание предмета, трудолюбие и ревность к работе, и считает, что если первыми двумя качествами могут обладать и иностранные преподаватели, то третье свойство присуще прежде всего отечественным ученым. «Известно также, что одни сограждане,

¹ А. Шумлянский. Мнение одного истиннолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки. СПБ, 1787, стр. 7.

² Там же, табл. 2.

³ Там же, стр. 29.

соучаствующие в славе своего отечества, более могут удовлетворить последнему (т. е. ревности к работе,— Б. П.), нежели в нем пришельствующие¹. Поэтому ставится задача обеспечить школы преподавателями из числа воспитанников русских школ.

В разделе «О способе учения» Шумлянский предлагает: 1) привести в систему медицинскую науку, расположив соответствующим образом ее части; 2) издать необходимые учебники на русском языке. Разрабатывая «естественную» систему врачебной науки, Шумлянский исходил из передовых для того времени воззрений механистического материализма, рассматривая природу в единстве, которое и определяет связь различных отделов естествознания между собой: «По существу общего и единственного сих наук предмета, самой природы, кою они испытывают, существует неразрывный всех их между собою союз. Но по свойству ограниченного разума потребно было оных наук разделение на части»².

В приложении к книге в двух таблицах дается предлагаемая Шумлянским система медицинской науки и учебный план для медицинских школ.

В сентябре 1793 г. в медицинскую коллегию было представлено сочинение Д. С. Самойловича: «Способ всеудобнейший и ко восстановлению медико-хирургической науки в армии, в батальонах и при всех других воинских командах, и во флоте на кораблях, и ко приведению оной во всем государстве во всetonчайшее ее совершенство». Эта рукопись, к сожалению, до сих пор не разыскана³. О значении этого труда можно судить по ответному письму А. И. Васильева от 19 сентября 1793 г., текст которого приводим полностью: «Милостивый государь мой Данило Самойлович, письмо Ваше от 9 числа сего месяца с приложением мнения о способах для приведения в лучшее состояние в нашем отечестве медико-хирургической науки имел честь получить. Благодарю Вас усерднейше как за доверенность, сделанную мне открытием Ваших мнений о нынешнем положении сего столь полезного предмета, так равно и за старание подавать удобнейшие средства к получению надежнейших успехов в таком деле, где сверх великих познаний во всех частях оного, требуется при том и долговременная опытность. Начертание Ваше о сем принимаю я тем с большим уважением, что мне и посторонним образом отличные таланты Ваши довольно известны, и я, конечно, средства

¹ А. Шумлянский. Мнение одного истиннолюбца о поправлении наилучнейшей для людей науки. СПБ, 1787, стр. 38.

² Там же, стр. 11.

³ Уже во время подготовки данной книги к изданию в печати появилась статья В. Б. Куприянова («Вестник хирургии имени И. И. Грекова», 1957, № 3, стр. 137—140) с описанием этой рукописи Д. С. Самойловича, к сожалению, без указания, где именно автор ее обнаружил.

ми Вами предлагаемыми при удобном случае воспользоваться не премину, а между тем будьте уверены, что по желанию Вашему все оное единственно сохраню для себя. Пребывая в прочем с отличным моим почтением всегда Ваш милостивого государя моего покорнейший слуга А. Васильев»¹.

Не подлежит сомнению, что проект Самойловича, а также замечания Тереховского и Шумлянского легли в основу так называемого «Предварительного постановления о должностях учащих и учащихся, до воспоследования полного для врачебных училищ устава», составленного членом медицинской коллегии штаб-лекарем С. С. Андреевским и профессором Я. О. Саполовичем². Постановление обобщает опыт работы русских госпитальных школ XVIII века. Им устанавливается строгий порядок в обучении учащихся медико-хирургических школ, вводится новый учебный план и твердое расписание занятий. Обязанности профессоров разделяются на общие, т. е. относящиеся ко всем профессорам, и частные, относящиеся к профессорам отдельных кафедр.

В общих обязанностях профессоров рекомендуется излагать в лекциях главные разделы науки, особенно те, которые имеют практическое значение в медицине. В целях лучшего усвоения предмета учащимися профессорам предлагалось еженедельно проводить опросы учащихся и вести ведомости их успеваемости. На профессоров возлагалось не только обучение, но и воспитание учащихся в духе человеколюбия: «Должность профессора не только состоит в обучении юношества наукам, но и воспитании их в духе благонравия, человеколюбия и сострадания к удрученному болезнями человечеству»³.

В частных обязанностях профессоров особое внимание было обращено на максимальную наглядность в обучении. Так, профессору математики и физики предписывалось обязательно проводить физические демонстрации и решения математических задач, профессору химии и ботаники — «производить перед глазами их действия того предмета на опытах, о котором говорил им перед тем на словах»⁴, и раз в неделю заниматься гербаризацией растений в поле. Профессор анатомии и физиологии должен был преподавание сопровождать демонстрациями на трупах и анатомических препаратах с обязательными практическими занятиями в анатомическом театре; преподавание физиологии должно было обязательно сопровождаться экспериментами на животных: «Изъясняет физиологию во всей ее подробности, которая не только словами, но произведением физиологических опытов над живыми скотами

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 6, л. 23.

² Там же, кн. 16, л. 368—380.

³ Там же, л. 369.

⁴ Там же, л. 371.

сопровождаться долженствует»¹. При преподавании клинических дисциплин предлагалось обязательно демонстрировать больных, а в случае смерти подвергать их тело вскрытию с обязательным разбором каждого случая.

Особое внимание обращалось на человеколюбивое отношение к больным, поэтому рекомендовалось основные рассуждения о болезни и предполагаемых операциях проводить в отсутствие больных.

Весьма важной частью этого постановления был раздел «Об избрании профессоров». Профессора медико-хирургических училищ должны были не просто назначаться медицинской коллегией, но избираться «ученым собранием» путем тайного голосования. В число требований, необходимых для занятия должности профессора, помимо знания предмета и «дара слова в изъяснении своих мыслей», включается обязательное совершенное владение русским языком; лишь в крайнем случае, при отсутствии кандидатов, владеющих русским языком, мог допускаться к преподаванию профессор, знающий в совершенстве латинский язык, но лишь на срок в три года, в течение которых он обязывался изучить русский язык². Перед избранием каждый кандидат на должность профессора должен был представить оригинальную научную работу, прочесть в присутствии ученого собрания лекцию на русском языке и устно ответить на заранее поставленные вопросы.

Все эти мероприятия были направлены на укрепление профессорского состава, на пополнение его высококвалифицированными русскими учеными и удаление из числа преподавателей реакционных иноземцев, которые проникали в госпитальные школы при старом составе медицинской коллегии.

В отношении учащихся постановление вводит твердые сроки начала занятий и их продолжительности. Весь курс обучения делится на 5 лет. На первом году обучения преподается математика, физика, химия, ботаника, анатомия и физиология. На втором году продолжается физика, химия, ботаника, анатомия и физиология и дополнительно преподаются «материя медика», рецептура, патология и терапия. На третьем году продолжается курс ботаники, патологии и терапии и начинается курс хирургии и секционный курс. Эти три года обучения давали право на выход из училища со званием подлекаря.

На четвертом году изучались хирургия и акушерство. По окончании четвертого года после сдачи соответствующего экзамена учащимся присваивалось звание кандидата хирургии, в котором он и находился последний, пятый, год обучения. Кандидат хирургии в течение года вел под наблюдением гос-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, л. 371.

² Там же, л. 379.

питального доктора и штаб-лекаря больных, был обязан за это время сделать не менее четырех крупных операций на трупе и приготовить не менее двух анатомических препаратов; кроме того, он дежурил с учениками третьего года в клинической палате и представлял свои наблюдения профессору. По окончании пятого года обучения после соответствующего экзамена учащимся присваивалось звание лекаря.

Каждый лекарь, прослужив не менее 5 лет и защитив в медицинской коллегии диссертацию, мог получить звание доктора медицины.

В последние годы XVIII столетия, перед организацией медико-хирургических академий, дополнительные замечания об улучшении медицинского образования были представлены в медицинскую коллегию М. Пеккеном в 1793 г.¹ и П. Шумлянским в 1796 г.² М. Пеккену принадлежит и план оборудования клинической палаты на 15 коек³. В 1797 г. доктором Г. Базилевичем вносится предложение о введении должности ректора школы, назначаемого из числа профессоров⁴.

Весьма важным делом в области улучшения медицинского образования в России было создание учебных руководств для учащихся госпитальных школ. Такими руководствами были, с одной стороны, переводы лучших иностранных учебников и, с другой стороны, оригинальные руководства, созданные русскими учеными.

Пионером в области создания учебников для учащихся госпитальных школ на русском языке явился уже упоминавшийся нами штаб-лекарь М. И. Шеин. Обладая незаурядными способностями в рисовании, он был в 1738 г. зачислен «рисовальным мастером» сначала в Кронштадтскую, а вскоре переведен в Петербургскую адмиралтейскую госпитальную школу; затем, увлекшись медициной, подготовился и успешно сдал экзамен на звание лекаря, а позднее возглавлял Петербургский адмиралтейский госпиталь, будучи в нем главным лекарем. Удачно сочетая таланты художника и анатома, М. И. Шеин явился создателем первого русского анатомического атласа, печатание которого было закончено в октябре 1742 г. Этот атлас почти не был известен в литературе. Краткое упоминание о нем имеется в работе Я. Чистовича, но Чистович пользовался неполными архивными данными и не видел самого атласа; более того, сомневался в том, был ли он издан⁵. Название этого атласа приводится Чистовичем неверно. Он именует его «Compendium anatomicum», это название упо-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, л. 405—406.

² Там же, л. 449—453.

³ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 17, д. 9, л. 2—3.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 21, л. 157.

⁵ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. 293.

SYLLABVS
SEV
INDEX
OMNIVM. PARTIVM
CORPORIS. HVMANI
FIGVRIS. ILLVSTRATVS

IN. VSVM. CHIRVRGIAE. STVDIOSORVM
QVI. IN

NOSOCOMIIS. PETROPOLITANIS
ALVNTVR

PUBLICA. AVCTORITATE
CONSCRIPTVS ET. VVLGATVS

P E T R O P O L I

TYPIS. ACADEMIAE. SCIENTIARVM

H.P.MCELLENEROCK

Рис. 5. Титульный лист первого русского анатомического атласа с рисунками М. И. Шеина.

треблялось в официальной переписке об атласе еще до выхода его в свет; на самом же деле атлас был издан под названием: « *Syllabus seu index omnium partium corporis humani figuris illustratus* ».

Ни Я. Чистович, ни другие авторы, у которых имеется упоминание об этом атласе, не называют М. И. Шеина в качестве его автора. Они считают, что авторами атласа являются проф. Шрейбер¹, фактически написавший лишь предисловие к готовому атласу, и оператор Гангарт². До сего времени мы нашли лишь одно упоминание в литературе о роли М. И. Шеина в составлении атласа — это журнальная статья В. Джунковского, относящаяся к началу XIX века, в которой говорит-ся: «Сие сочинение еще и тем достопримечательно, что в оном все рисунки сделаны природными россиянами, обучавшимися в то время при врачебном училище рисовальному искусству и большею частью они служат доказательством трудов и искусства М. Шеина, известного переводами первых учебных медицинских книг»³.

В 1946 г. нам удалось разыскать подлинный атлас в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, а затем по архивным материалам восстановить историю его создания. Издание атласа было задумано Фишером в 1735 г., но в то время не было подходящего исполнителя, который обнаружился лишь в 1738 г. с приходом в госпитальные школы М. И. Шеина. Из 26 таблиц атласа 21 таблица, охватывающая важнейшие разделы анатомии, составлена и зарисована им с анатомических препаратов собственного изготовления. Все таблицы были гравированы на меди товарищем Шеина «рисовальным мастером» Петербургского сухопутного госпиталя Т. Ульяновым. Он же нарисовал остальные пять таблиц атласа.

Отпечатан атлас в типографии Академии наук в количестве 1000 экземпляров, из них 200 на меловой бумаге и 800 на обычной⁴.

Значение этой книги трудно переоценить. Это было первое руководство для практического изучения анатомии,данное специально для учащихся русских медицинских школ достаточным тиражом; в течение 13 лет, до выхода русского перевода анатомии, оно являлось по существу единственным учебником анатомии, а после этого еще очень долгое время атлас продолжал оставаться ценнейшим иллюстративным дополнением к учебнику.

¹ M. Heine. Fragmente aus der Geschichte der Medizin in Russland. M., 1851.

² B. Рихтер. История русской медицины. М., 1820, т. III, стр. 310.

³ B. Джунковский. Краткое обозрение врачебной науки в России. Всеобщий журнал врачебной науки. СПБ, 1811, № 1, стр. 18.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 2, кн. 77, л. 185—190.

Tab: XXIV.

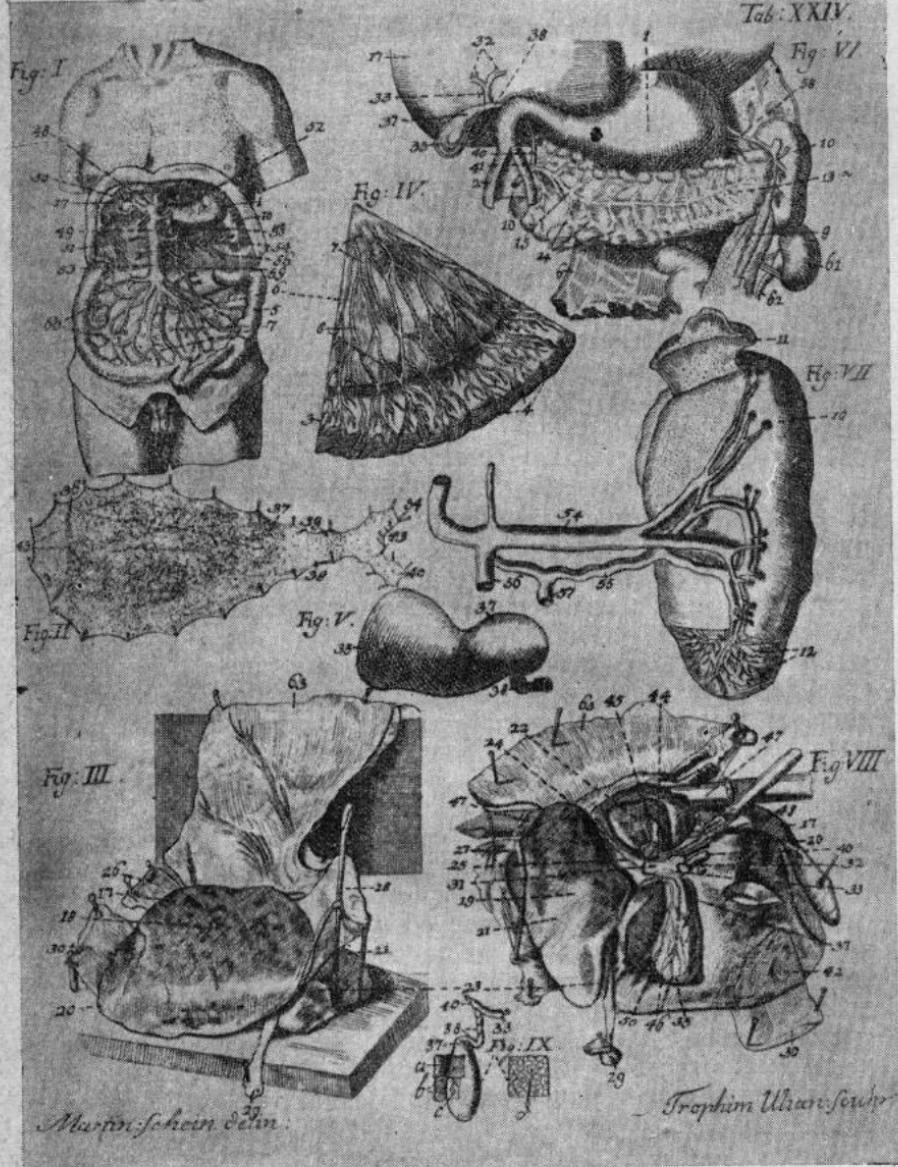

Рис. 6. Одна из таблиц анатомического атласа с рисунками М. И. Шеина.

В дальнейшем, став преподавателем госпитальных школ, М. И. Шеин принял на себя труд перевода на русский язык основных учебников по медицине. Уже к 1750 г. им были переведены с латинского языка книги Барбе «Хирургия с частью анатомии» и Джексона «Enchiridium medicum», которые по неизвестной причине не были напечатаны¹.

Заняв в 1753 г.² пост главного лекаря в крупнейшем столичном госпитале, М. И. Шеин продолжал всеми силами способствовать дальнейшему развитию медицинского образования в России. Он обеспечил госпиталь необходимыми учебными пособиями и литературой, всячески поддерживал талантливую молодежь. При его участии и поддержке работал Н. Ножевщиков, по его рекомендации отбирались молодые лекари для отправки за границу с целью подготовки к профессорскому званию: П. Погорецкий, С. Митрофанов, Ф. Тихорский, К. Ягельский, К. Рожалин и др. По его ходатайству остались в качестве преподавателей анатомии Дмитрий и Денис Павловские.

Помимо большой лечебной и преподавательской работы, М. И. Шеин занимался переводами медицинских учебников на русский язык. В 1757 г. вышел в свет переведенный им учебник анатомии Лоренца Гейстера³. Спустя 5 лет, в 1762 г., появился в свет на русском языке учебник хирургии Платнера в его же переводе⁴.

М. И. Шеин своими переводами положил начало созданию русской медицинской терминологии, поскольку научной медицинской литературы на русском языке (если не считать перевода анатомии Везалия, сделанного в XVII столетии, но не опубликованного, и изданной в 1749 г. краткой анатомии для живописцев Прейслера⁴) до М. И. Шеина не существовало.

Мы не можем утверждать, что задача создания медицинской терминологии была полностью разрешена М. И. Шеиным. В предисловии к переводу хирургии он сам писал: «Новость сего труда извинит меня в том, если в нем что не ясно изображено или по сходству и по подобию других вещей наименовано, изобретение приличных названий, или учебных слов, коль трудно есть, всякому упражняющемуся в науках известно»⁵. Работа в этой области была в дальнейшем продолжена А. Протасовым, Н. Амбодиком, Д. Самойловичем и др., но это не умаляет заслуг М. И. Шеина, так как термины,

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 289, л. 1009.

² Л. Гейстер. Сокращенная анатомия. СПБ, 1757.

³ И. Платнер. Основательные наставления хирургические. СПБ, 1762.

⁴ Д. И. Прейслер. Ясное показание и основательное представление об анатомии живописцев. СПБ, 1749.

⁵ И. Платнер. Основательные наставления хирургические. СПБ, 1762, стр. 5.

ІОГАННА ЗАХАРІЯ ПЛАТНЕРА
ДОКТОРА И ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНЫ
ВЪ ЛЕЙБЦИГѢ.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЯ
НАСТАВЛЕНИЯ
ХИРУРГИЧЕСКІЯ
МЕДИЧЕСКІЯ
и
РУКОПРОИЗВОДНЫЯ
ВЪ ПОЛЬЗУ УЧАЩИМСЯ

Переведены съ Латинскаго языка на Российской Сангкептеръ
бургской Адмиралтейской Гошпитали Штапъ Аѣкаремъ
МАРТИНОМЪ ШЕИНЫМЪ.

କେବୁ କେବୁ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ.
1761 года.

Рис. 7. Титульный лист учебника хирургии в переводе М. И. Шеина.

введенные им в русский язык, в течение долгого времени употреблялись в медицинской практике и служили примером для работы других переводчиков, а многие из них сохранились и до наших дней.

Спустя более 20 лет после выхода работ Шеина в медицинскую коллегию обратился доктор Червинский, практиковавший в Могилевской губернии, с жалобой, что судьи требуют от него давать медицинские заключения по вскрытию трупов на русском языке, и коллегия своим письмом в мае 1782 г. указала ему: «По требованию тамошних присутственных служащие по анатомии объяснения давать на российском языке, а буде паче чаяния в оном ощущает себя недостаточным, то для исправления сего недостатка старался бы Лаврентия Гейстера сокращенную анатомию на российский язык переведенную достать»¹.

В терминологической работе М. И. Шеина наряду с заимствованием названий из разговорного русского языка находятся яркие примеры словообразования: «жила кровевозращательная» — вена; «железа пригожемясная» — раковина; «жила сокопитательноносная» — vas lymphaticus; «плева подреберная» — pleura; «чирей безверхушечный» — abscessus; «разноглазность» — strabismus и т. д. Сохранились до нашего времени термины: кровеносные сосуды, грудобрюшная преграда, околоушная железа, мочеточник, семевыносящий проток и многие другие.

Перевод Шеина «Хирургии» интересен не только с терминологической стороны. Замечательно то, что, не удовлетворившись авторским текстом, он вносит в него ряд дополнений, замечаний и поправок, исходя из собственной медицинской практики. К числу таких дополнений относятся прежде всего пояснения некоторых медицинских понятий. Так, в примечании к § 261 имдается определение атрофии: «Атрофия — болезнь, называется, когда все тело или некоторая часть от естества не тучнеет, но помаленьку невидимо тончеет и иссыхает»². В другом месте (§ 141) ему принадлежит определение понятия «ихор». «Ихор часто значит сыворотку кровную, т. е. сукровицу, а иногда сок острый, елейный и водяной, из чирьев истекающий»³. Подобных примечаний к книге очень много.

Интересны также приводимые М. И. Шеином для иллюстрации учебника случаи из практики петербургских госпиталей. Так, например, в § 531 Платнер приводит известное положение, что при ударах по голове кости черепа повреждаются не только в месте удара, но и по всей окружности черепа.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 224, л. 284.

² И. Платнер. Основательные наставления хирургические. СПб., 1762, стр. 154.

³ Там же, стр. 82.

М. И. Шеин приводит к этому параграфу два примера. Первый из них относится к 1744 г.: «Здесь в С.-Петербургском сухопутном госпитале 1744 г. в зимнее время работник, несущи плаху дров, поскользнулся и упал одним боком на лед, по другому боку в голову несеною плахою так ударен, что от того удара череп головной пополам раскололся, например, начавшись щель от ударенной височной кости поперек череп головной так кругом обошла, что только не расколота немножко оная же ушибленная височная кость в части каменистой осталась, а прочие кости, как-то: обе теменные, противостоящая височная и основная были расколоты, однако больной 18 дней без великих припадков жил»¹.

Второй пример относится ко времени работы М. И. Шеина главным лекарем и заимствован из его собственной практики: «1758 г. в октябре месяце партикулярной верфи конопатчик привезен в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, который будучи на работе в некотором знатном доме, стоя на лестнице, конопатил в третьем appartаменте окна; по несчастью его служитель, борзо на извозчике едучи, подшиб с ним лестницу, он принужден был лететь и упасть на землю, камнем выстланную, в котором случае он не только кости челюстные из швов порастрогал, но и, проломив височную кость того бока, так череп расколол, что только некоторая частичка не переломлена осталась у кости основной в месте, седлом турецким называемом. Сей больной также через семь дней жил, однако вовсе без памяти»².

Еще более интересны приводимые М. И. Шеиным примеры, свидетельствующие о высоком уровне развития хирургии в русских госпиталях того времени. Среди них мы находим, например, описание пластических операций, производимых русскими хирургами. Наконец, среди этих дополнений имеются описания, отражающие личную практику М. И. Шеина и свидетельствующие о его незаурядных хирургических способностях. Из числа таких дополнений мы можем отметить две приводимые им истории болезни. Первую из них он помещает в примечании к § 513, в котором Платнер, описывая случай излечения хирургом Манне раненого с проникающим ранением черепа, заключает: «только чему (т. е. излечению, — Б. П.) почти никак верить невозможно». Шеин же подтверждает возможность излечения таких раненых собственным примером: «Не меньшего примечания достойна, мне кажется, и сия история, в С.-Петербурге случившаяся, у миниатюрного живописца Самсона. 1757 г. января с 19 дня на 20 в ночное время посторонние люди, желая через окно в раздел достать

¹ И. Платнер. Основательные наставления хирургические. СПБ, 1762, стр. 315.

² Там же.

пожитки его, служителя его Григория Максимова, который, их действия услышав, в том противился, из горницы через окно безменом в том же самом месте на левой стороне, так голову проломили, что оная рана не с гравенник, но с целый большой рублевик была, и череп в мозг был вдавлен перста на два; онай по указу медицинской канцелярии прислан в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, где с превеликим трудом оные обломки вынуты, тут найдена жестокая матеръ прорвана, мозг, как объявлено, вдавлен, однако он, будучи пользован онай госпитали главным лекарем Мартыном Шеином, который и самого мозгу унцов до четырех вычерпал, через 2 месяца и 8 дней почти без всяких важных припадков, кроме горячки в некоторое время, выздоровел; мозг наполнился, жестокая матеръ к дыре проломленной присовокупилась и произвела своими жилами бьющими из черепа головного новую кость, и таким образом он марта 29 дня здоровый при рапорте канцелярии медицинской обратно представлен»¹.

Вторую историю болезни он противопоставляет утверждению Платнера (§ 546), что вряд ли могут быть излечены раны в надбровной области из-за трудности производства здесь трепанации. М. И. Шеин по этому поводу пишет: «В С.-Петербургской адмиралтейской госпитали был случай такой: в 1756 году Шляхетного кадетского морского корпуса подключник Иван Волков, 68 лет, в квартире своей повздорил с нестарой своей женой, и, хотев ее зашибить, бросился к ней, она, не хотя того вытерпеть, поставила ему вскоре ухват между ноги, на который он, бедный старик, споткнулся, упал и бедро немного выше колена переломил; привезен в госпиталь, где хоть оная нога и перевязана, однако, будучи не хорошо вытянута, долго и худо срасталась, понеже через три месяца верхний бедренный отломок из тела концом высунулся, который, будучи отпилен, дал ране зажить. Однако господин подключник с короткою и кривой ногой не мог из госпиталя прежде 9-ого месяца выйти. Напоследок выписался, пошел к своему делу и отправлял должностность. Через 6 месяцев по должности его в сумерки надлежало ему в погреб, камнем устланный, идти, куда идучи, короткой ногой на лестнице оступясь, упал на каменья, рассек в несколько частей лоб и бровь на левом боку и расколол кость лобную насекроль с дугою бровной; привезен в госпиталь, где по обстоятельным исследованиям думали, что он от того случая умрет, а по крайней мере глаз потеряет; только все предсказанию противное явилось, через 6 недель рана залечена, глаз сбережен и больной старик вылечен»².

¹ И. Платнер. Основательные наставления хирургические. СПБ, 1762, стр. 303.

² Там же, стр. 324.

Как хирург, преподаватель, ученый и переводчик М. И. Шеин внес огромный вклад в развитие русской медицинской науки. В своих работах он отличался глубоким патриотизмом, был пламенным поборником просвещения России, развития в ней практической и теоретической медицины. В предисловии к переводу «Анатомии» он писал о стремлении помочь развитию русской медицинской науки. Свою работу он, как и большинство русских врачей того времени, расценивает как служение отечеству, подчеркивая, что перевод им сделан на общенародную пользу. Большой гордостью за русский народ и русскую науку звучат его слова: «Не начинали прежде государи Российские подданных своих, по природе остроумнейших и ко всем высочайшим наукам способнейших, обучать разным языкам, наукам и художествам, но сколь благополучно начал Петр Великий и так начал, что ныне довоины и иных научити»¹.

Продолжая ту же мысль, в предисловии к переводу «Хирургии» Шеин писал: «География, навигация, архитектура, медицина и прочие знания, которые прежде сего в России мало известны были, ныне столь нам открыты, что уже имеем природных российских географов, мореплавателей, архитекторов и медиков и, может быть, в краткое время потомки наши увидят все оное гораздо в большем совершенстве»².

Во второй половине XVIII столетия переводами медицинских книг на русский язык занимаются многие виднейшие русские ученые врачи. Так, в 1783 г. издается в переводе М. М. Тереховского руководство по военной медицине Свитена³, в 1789 г. в переводе М. Гороховского — учебник детских болезней⁴, в 1790 г. в переводе Н. М. Максимовича-Амбодика — курс венерических болезней Пленка⁵; к концу столетия появляются переводные руководства по судебной медицине, гигиене, медицинской химии и т. п.

Многие переводы, выполненные русскими лекарями, остались неизданными. К их числу относится ряд переводов М. И. Шеина, переводы курса глазных болезней и учебника по акушерству, выполненные А. Ф. Масловским⁶, и др.

В подавляющем большинстве случаев переводы медицинских учебников на русский язык были творческими. Переводчики исправляли неверные положения авторов переведенных книг, многие положения дополняли своими замечаниями,

¹ Гейстер. Сокращенная анатомия. СПБ, 1757, стр. 4.

² И. Платнер. Основательные наставления хирургические. СПБ, 1762, стр. 7.

³ Фан Свитен. Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях. СПБ, 1778.

⁴ О младенческих болезнях. СПБ, 1789.

⁵ И. Пленк. Врачебные наставления о любострастных болезнях. СПБ, 1790.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 30, л. 72.

заимствованными из практики русских госпиталей. Ввиду препятствий со стороны медицинской коллегии эти учебники нередко издавались на личные средства их переводчиков.

С середины XVIII столетия начинается также создание русских оригинальных учебников по разным отделам медицины. Первым таким руководством следует считать уже описанный нами анатомический атлас для русских госпитальных школ, составленный М. И. Шеиным¹.

В 1756 г. в Лейпциге издается на немецком языке составленный профессором петербургских госпитальных школ И. Шрейбером и предназначенный для учащихся этих школ курс диагностики и терапии внутренних и хирургических заболеваний². Учебник составлен на основе лекций, прочитанных в петербургских школах, и посвящен директору медицинской канцелярии П. З. Кондоиди.

В 1768 г. учебник Шрейбера переиздается в Москве П. Погорецким в переводе на общеупотребительный тогда в науке и хорошо известный русским ученикам госпитальных школ латинский язык³. В этом издании в учебник включены не вошедшие в первое лейпцигское издание главы о женских и детских болезнях. При издании книги Погорецкий написал обширное предисловие, в котором резко критиковал медицинскую коллегию и преподавателей-иностраниц Московского госпиталя — Виля, Энгеля, Даля и др., разоблачая их невежество и недобросовестность в преподавании. Предисловие было прочитано в типографии Московского университета доктором Эразмусом еще до выхода книги в свет. По жалобе Эразмуса московский штадт-физик Риндер пытался приостановить печатание предисловия, но книга тем не менее вышла в свет. Риндер пожаловался на Погорецкого в коллегию, которая к тому времени была уже настроена против него. Это послужило новым поводом для травли Погорецкого, закончившейся его увольнением со службы.

В 1781 г. учебник Шрейбера переводится на русский язык и издается Н. М. Максимовичем-Амбодиком. В предисловии к книге Н. М. Амбодик отмечает, что не внес в книгу никаких поправок и замечаний по той причине, что намерен издать их отдельной книгой⁴.

В этом же предисловии Н. М. Амбодик говорит о намерении издать медицинский латино-русский словарь в трех томах.

¹ *Syllabus, seu index omnium partium corporis humani figuris illustratus.* Petropoli, 1744.

² I. Schreiber. *Kurze doch zulängliche Anweisung Erkenntnis und Cur der Vornehmsten Krankheiten des menschlichen Leibes.* Leipzig, 1756.

³ I. Schreiber. *Manuductio ad cognoscendos et curandos morbos.* M., 1768.

⁴ Шрейбер. Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних. СПБ, 1781.

IO. FR. SCHREIBER.

Doctoris Medici, Anatomie & Chirurgiae Professoris, Consiliarii Aulici, ac Membri Honorarii Academiae Scientiarum Petropolitanae.

MANUDUCTIO

AD
COGNOSCENDOS ET CURANDOS
MORBOS.

cui accedit

ADPENDIX

DE
MORBIS SEXUS SEQUIORIS
ATQUE INEANTUM.

cura & sumptibus

PETRI POGORETSKI M. D.

Typeis Universitatis Cæsareæ Mosquenfis
Anno 1768.

Рис. 8. Титульный лист учебника для медицинских школ, составленного И. Шрейбером и переведенного на латинский язык П. Погорецким.

Намерение это было им выполнено. В 1783 г. он издает «Анатомико-физиологический словарь» — результат десятилетней работы. Исходя из нужд учащихся, словарю предпослано обширное введение «О пользе анатомии» и «О пользе физиологии», в котором дано определение анатомии и физиологии как наук и обращено особое внимание на неразрывную связь их между собой: «Анатомия с физиологией суть сопряжены весьма тесным союзом, и одна без другой, либо весьма малую, либо вовсе никакой пользы не приносят»¹.

Далее Н. М. Амбодик указывает на необходимость изучения анатомии на трупах, не ограничиваясь анатомическими атласами, а также на необходимость изучения и микроскопической анатомии, ибо «не без основания думать можно, что плавающие в жидкых телесных влагах и соках волоконцы, или частицы, ниточки подобные, посредством увеличительных стекол в них усматриваемые, суть не иное что, как самые начала первых, уже в теле простыми очами зримых волокон; кои должны быть составлены из других множайших еще тончайших частиц»². Здесь же им дается краткий обзор анатомии и физиологии человеческого организма.

В 1785 г. Н. М. Амбодиком издается для учащихся «Медико-патологико-хирургический словарь»³. Помимо этого, Н. М. Амбодик явился автором ряда других учебников для медицинских школ: в 1784—1786 гг. им издается шеститомное руководство по акушерству⁴; в 1783—1789 гг.—четырехтомное «Врачебное веществословие»⁵; в 1789 г.—перевод труда по физиологии⁶; в 1796 г.—«Ботаника»⁷.

Из других русских медицинских учебников XVIII столетия следует отметить «Фармакологию» Елизена, изданную в 1797 г.; «Фармакологию», составленную Н. К. Карпинским и изданную в 1798 г., и др.

Некоторые учебные руководства, составленные русскими учеными, остались неизданными. К их числу относится ряд рукописей, хранящихся в архиве медицинской коллегии: учебник анатомии, составленный штаб-лекарем А. Федоровским, «Первые начала анатомии или науки о строении частей тела человеческого, сочиненные для пользы юношей Кронштадтского

¹ Н. М. Максимович-Амбодик. Анатомико-физиологический словарь. СПБ, 1783, стр. V.

² Там же, стр. IX—X.

³ Н. М. Максимович-Амбодик. Novum medico-pathologico-chirurgicum vocabularium. Petropoli, 1785.

⁴ Н. М. Максимович-Амбодик. Искусство повивания или наука о бабичьем деле. Ч. I—6, СПБ, 1784—1786.

⁵ Н. М. Максимович-Амбодик. Врачебное веществословие. Т. I—IV, СПБ, 1783—1789.

⁶ Физиология или наука о естестве человеческом. СПБ, 1787.

⁷ Н. М. Максимович-Амбодик. Первоначальные основания ботаники. СПБ, 1796.

№ 738.

ПЕРВАЯ НАЧАЛЯ
АНАТОМИИ

или,

Наука о строении частей
человеческого?

Согласноя,

Для пользы Юноши. Крон =
штатского Брагинского уни-
верситета.

или

Для физиологии.

XXXIV

Рис. 9. Титульный лист рукописи неизданного учебника анатомии, составленного А. Федоровским.

врачебного училища или для фельдшеров»¹, представляющий оригинальный краткий курс анатомии; курс общей медицины для фельдшеров, составленный Еллизеном и переведенный на русский язык В. Джунковским «Краткое начертание всеобщей врачебной науки, сочиненное в пользу фельдшеров»². Эта рукопись отредактирована Н. К. Карпинским, который исключил неясные места и исправил многие неверные идеалистические положения автора. К числу неизданных учебников относится также работа И. Крейзеля «О нужнейших предметах при помощи в родах натуральных и противуестественных, о болезнях беременных, рождающих и родильниц, о попечении за новорожденными по-видимому мертвыми младенцами, о потребных к тому и действительных лекарствах»³. Этот труд представляет собой значительно расширенную и обновленную редакцию учебника, изданного тем же автором в 1792 г.⁴. В предисловии Крейзель указывает, что его сочинение основано на новейших достижениях акушерской науки и отражает личный 23-летний опыт автора. Он обращает внимание на необходимость изучения акушерства врачом любой специальности. Все сочинение проникнуто духом гуманизма. В своем обращении к врачам автор пишет: «Всякая беременная женщина да будет для нас без различия не отвергаема, достойна и почетна, для того что она та особа, которая с опасностью жизни своей размножает человечество»⁵.

В практике преподавания русские ученые, возглавившие во второй половине XVIII века ведущие кафедры медицинских училищ, были проводниками прогрессивных педагогических идей. Они отстаивали гуманное отношение к учащимся, выступали против телесных наказаний, унижавших человеческое достоинство, многие были сторонниками правильного сочетания теории и практики, отстаивали и проводили в жизнь принцип максимальной наглядности в преподавании. Так, Н. М. Амбодик, как уже указывалось, ввел обязательные практические занятия по акушерству на базе воспитательного дома; им же в 1782 г. были сконструированы оригинальные акушерские фантомы, которые стали применяться во всех медицинских школах⁶. Н. К. Карпинским и Я. О. Саполовичем в 1786 г. созданы специальные учебные наборы хирургических инструментов и фантомы для обучения десмургии⁷.

Г. Ф. Соболевский собирает большую коллекцию «Собрание натуральных вещей» и с первых же дней своей препода-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 30, л. 596—634.

² Там же, л. 130—161.

³ Там же, св. 45, л. 539—675.

⁴ И. К. Крейзель. Наставление начинающим упражняться в повивальном искусстве. М., 1792.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, л. 548.

⁶ Там же, ф. 1296, оп. 3, кн. 323, л. 61.

⁷ Там же, кн. 328, л. 26—30.

Краткое начертание

Всесобщая врачебная наука

Сочинение

всего полевого фельдшерства

Рис. 10. Титульный лист рукописи учебника для фельдшеров, составленного Г. Елизеном.

Доктора Йогана Карла Крейзеля,

Росийскаго Императорскаго Государственnoю Медицинскою Комиссиею въ столичномъ городѣ Москвѣ опредѣленнаго Акушера

Сочиненіе
О Нужнѣйшихъ предметахъ

при

помощи въ родахъ

натурамъихъ и противътесемныхъ, о болѣзняхъ беременныхъ, рождающихъ и родильницъ, о попеченіи за новороденными по видимому меритории младенцами, о потребныхъ въ томъ и дѣйствительныхъ лекарствахъ.

Москвы 1797 года.

Рис. 11. Титульный лист рукописи неизданного учебника по акушерству, составленного И. Крейзелем.

вательской работы требует средства для создания соответствующего учебного кабинета: «Как я ныне начал преподавать в госпиталях определенные мне лекции, а для демонстрации как ботаники, так и материи медики потребны разные объекты, без которых не можно ясно оных наук разуметь»¹. Благодаря его неутомимым трудам, а также деятельности М. М. Тереховского² во всех медицинских школах создаются большие минералогические коллекции, богатейшие гербарии отечественных лекарственных растений, расширяются ботанические сады.

Таким образом, русские ученые значительно углубили теоретически и осуществили на практике передовую систему медицинского образования, основанную на клиническом обучении и соединившую в себе медицину и хирургию в едином профиле врача. В педагогической практике они покончили со схоластикой, опередив тем самым многие зарубежные хирургические школы и медицинские факультеты университетов.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 169, л. 96.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 17, д. 5, л. 1.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВРАЧЕЙ — ВОСПИТАННИКОВ ГОСПИТАЛЬНЫХ ШКОЛ

Со времени уже упоминавшихся нами работ П. Гофмана и В. Рихтера в историко-медицинской литературе в течение длительного времени сохранился ошибочный взгляд на отсутствие русских оригинальных трудов в медицине XVIII века. Этот вымысел усиленно поддерживался реакционными придворными кругами дореволюционной России и имел широкое распространение среди историков медицины. Даже патриотически настроенный Л. Ф. Змеев писал в своей работе о русской медицине: «и тут ничего самостоятельного, все заимствовано лишь у одного Запада»¹.

Эти неправильные представления, принижающие русскую медицинскую науку, были перенесены без всякой критики и в литературу советского периода. Л. Скороходов в своей книге писал: «День основания первой медицинской школы, что произошло 25 мая 1706 г., является в сущности днем рождения русской медицины. Правда, еще в течение полутора столетия медицина у нас слепо следовала западноевропейским образцам, но это было исторически неизбежно»². В другом месте книги он говорит, что русская медицина XVIII века «слепо следует иностранным влияниям, не воспринимая их органически и не перерабатывая их согласно особенностям страны»³. Это же повторил И. Д. Страшун: «XVIII век не дал русских оригинальных медицинских работ. Все они носят на себе след иностранных влияний, рабски копируют их»⁴.

Принципиальная партийная критика вскрыла порочный характер не соответствующих действительности концепций,

¹ Л. Ф. Змеев. Чтения по врачебной истории России. СПБ, 1896, стр. 99.

² Л. Я. Скороходов. Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926, стр. 65.

³ Там же, стр. 43.

⁴ И. Д. Страшун. Медицина. БМЭ, Изд. 1-е, 1936, т. 17, стр. 648.

принижавших роль отечественной науки. В результате перестройки истории медицины, произошедшей под воздействием этой критики, советскими учеными на основании изучения ряда архивных и малоизвестных литературных источников установлены прогрессивный характер русской медицины XVIII века и ее самобытные черты. Однако изучение научного наследства русских врачей XVIII столетия еще далеко не закончено. До настоящего времени наименее изученной остается деятельность врачей — воспитанников русских госпитальных школ, сыгравших немаловажную роль в развитии русской медицины XVIII столетия.

В данной главе мы рассмотрим в общих чертах научные труды врачей — воспитанников русских госпитальных школ XVIII века. Для удобства изложения их можно разделить на три категории: 1) докторские диссертации, защищенные русскими врачами в заграничных университетах и, как правило, изданные там в виде монографий; 2) докторские диссертации, защищенные ими в России, и 3) неопубликованные научные труды русских врачей, собранные в архиве медицинской коллегии.

1. Диссертации, защищенные воспитанниками русских госпитальных школ в зарубежных университетах

Поездки юношей из России за границу для получения докторских дипломов практиковались задолго до XVIII века. Еще в 1476 г. в Болонском университете получил степень доктора медицины и философии Юрий Дрогобычский, который был потом профессором первого Венгерского университета в Пресбурге¹. В XV столетии в Краковском университете было так много русских студентов, что для них существовало специальное общежитие.

В 1512 г. в Падуе получил докторский диплом уроженец Полоцка Георгий Скорина². В начале XVII века в заграничные университеты было направлено 18 дворянских детей, но сведений о их возвращении в Россию не имеется³. По данным Н. Голицына, в 1616 г. выехал за границу для получения медицинского образования сын московского аптекаря Аренсен, в 1617 г. — сын переводчика посольского приказа И. Алманзенов⁴, в 1626 г. в Лейден выехал сын лекаря Бильс.

¹ А. С. Подражанский. Русский доктор медицины XV века профессор Юрий Дрогобычский. Врачебное дело, 1951, № 10.

² Д. М. Российский. Первый русский доктор медицины Георгий Скорина. Врачебное дело, 1951, № 2.

³ Л. Ф. Змеев. Чтения по врачебной истории России. СПБ, 1896, стр. 184.

⁴ Н. В. Голицын. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. М., 1898, стр. 18—20.

В конце XVII столетия в Падуе получили докторские дипломы П. Постников и Г. Волков. Однако все эти доктора медицины либо оставались за границей, либо по возвращении в Россию использовались на службе, не связанный с медициной.

В XVIII столетии круг лиц, выезжавших в заграничные университеты для получения диплома доктора медицины, все более расширяется. Вначале такие поездки носили частный и одиночный характер. Но с момента создания в России госпитальных школ возникла необходимость плановой подготовки ученых-докторов для преподавания в этих школах. Несмотря на то, что к тому времени в России имелась Академия наук и позднее был открыт Московский университет, подготовка профессоров для госпитальных школ проводилась за границей, так как царское правительство, следуя политике раболепия и низкопоклонства перед Западом, долго не решалось предоставить право присвоения ученых степеней отечественным научным учреждениям.

Первый указ сената относительно посылки за границу русских лекарей с целью подготовки к преподавательской деятельности относится к 1723 г. Этим указом определено: «содержать 4 человека студиозов хирургии, которых посыпать в другие края»¹. Этот указ не был выполнен. Из справки Московской медицинской конторы, представленной по требованию архитектора Фишера в 1738 г., видно, что за время с 1723 по 1738 г. было послано за границу по указу сената всего три человека: лекарь Штелин, получавший жалованье от медицинской канцелярии до 1737 г., аптекарь Эйхлер — с 1727 по 1730 г. и в 1730 г. — лекарь Мец². Ни один из них не сыграл впоследствии никакой роли в развитии русской медицины.

Вопрос о подготовке отечественных преподавателей для госпитальных школ оставался нерешенным. Архитектор Фишер в мае 1738 г. вновь обратился в «Кабинет»³ с доношением, в котором просил, «дабы позволено было от медицинской канцелярии послать в Париж на несколько лет молодых лекарей шести человек с годовым жалованьем каждому по триста рублей, чтобы там в хирургии и анатомии так утвердились, дабы при вышеозначенных четырех главных госпиталях в Российском государстве для обучения подлекарей и лекарских учеников могли употреблены быть»⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, л. 160.

² Там же, ф. 1296, оп. 2, кн. 53, л. 167.

³ Кабинет ее величества — высший совещательный и исполнительный орган при особе императрицы. Образован в 1731 г. Анной Иоанновной в составе трех кабинет-министров взамен ликвидированного Верховного тайного совета. Впоследствии постепенно превратился в управление хозяйственными и финансовыми делами царского двора. Существовал до 1826 г., когда вошел в состав Министерства императорского двора.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 53, л. 164.

Характерно, что в целях подготовки преподавателей для русских госпитальных школ был избран не какой-либо университет, а Парижская хирургическая академия как единственное в то время медицинское учебное заведение за рубежом, в котором сочеталось преподавание хирургии и внутренних болезней и при котором имелся анатомический театр. Разрешение «Кабинета» было получено, но подбор кандидатов для отправки на учебу затянулся на несколько лет. В сентябре 1738 г. Фишер доносил, что «к той посылке лекарей еще не имеется»¹, ибо все они заняты в действующей армии и на борьбе с эпидемиями. В октябре того же года он приказал генерал-штаб-докторам Кондоиди и Лерхе подобрать из числа лекарей и подлекарей, находящихся в действующей армии, подходящих кандидатов и выслать их в Петербург в феврале 1739 г. В этом же указе медицинская канцелярия рекомендует для отправки за границу подлекарей Столярова и Яхонтова². Уже через две недели этот указ был отменен: «понеже после того в медицинской канцелярии уведомлялось, что в Изюмских, Белогородских и Украинских местах еще опасные болезни имеются и затем ныне обретающихся при армии и флоте ее императорского величества лекарей и подлекарей оттуда брать невозможно, понеже в оных лекарях и подлекарях имеется в тех местах необходимая нужда»³.

Лишь в 1741 г. после ликвидации эпидемии чумы на Украине и заключения мирного договора с Турцией медицинская канцелярия вновь обращается к армейским генерал-штаб-докторам с требованием отбора и направления в Петербург кандидатов для отправки на учебу за границу. Такие же указания получили и старшие доктора генеральных госпиталей. Наиболее добросовестно к выполнению этого указа отнеслись доктор Кондоиди, представивший кандидатуры лекаря Азовского пехотного полка М. Шидловского и лекаря Вестмана, и доктор Московского госпиталя Л. Блюментрост, который представил с отличными характеристиками учеников госпиталя Никиту Ножевщикову, Логина Новикова, Якова Побредухина, Адриана Седова и Осипа Шумлянского⁴. Доктор Лерхе не подобрал ни одного кандидата, ограничившись направлением рекомендованного медицинской канцелярией подлекаря Г. Яхонтова. Из петербургских и Кронштадтской школ было представлено 6 кандидатов, все иностранцы, трое из них сами отказались от поездки, а трое не выдержали отборочного экзамена.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 53, л. 170.

² Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, л. 172.

³ Там же, л. 178.

⁴ Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, л. 182.

После экзамена, проведенного в медицинской канцелярии, для посылки в Париж были отобраны лекарь М. Шидловский, подлекари Г. Яхонтов и Х. Миннат, лекарские ученики Н. Ножевщиков, И. Шумлянский и Н. Цирольд. В отношении же учеников Л. Новикова, Я. Побредухина и А. Седова, хотя они и выдержали экзамен успешно, было решено произвести их в лекари и использовать на службе в России¹. Отправка в Париж отобранных кандидатов из-за начавшейся войны со Швецией не состоялась и на этот раз. Все они были временно прикомандированы к Петербургскому сухопутному госпиталю. Вскоре в связи с дворцовым переворотом и сменой руководства медицинской канцелярией начатое дело было прекращено. Ни один из отобранных кандидатов так и не выехал на учебу. Все они постепенно получили разные назначения и мысль об их отправке за границу была забыта².

Впервые воспитанники госпитальных школ выехали за границу с целью подготовки к преподавательской деятельности лишь в 1761 г. Отправка их в течение нескольких лет настойчиво подготавливалась П. З. Кондоиди, но после его смерти медицинская канцелярия во главе с доктором Лерхе стала вновь тормозить это дело. Из числа десяти кандидатов, намеченных Кондоиди, Лерхе решил в начале 1761 г. направить в Лейден лишь двух: И. Пешковского и П. Погорецкого.

По жалобе лекаря С. Митрофанова, которого Лерхе не отпустил за границу, сенат в марте того же года специальным указом приказал медицинской канцелярии отпустить С. Митрофанова в Голландию «для основательного обучения подлежащих до медицины наук», установив при этом двойной оклад жалованья для тех, «кто из таких же русских пожелает для оных наук за море ехать»³. Несмотря на указ сената, Лерхе решил отправить в Лейден лишь четырех человек: И. Пешковского, П. Погорецкого, А. Сидоровича и К. Ягельского. Он снова отклонил кандидатуру С. Митрофанова, сославшись на его якобы неспособность к наукам, и настаивал на том, «чтобы сверх помянутых четырех человек впредь до указу более лекарей и подлекарей для наук за море не посыпать», ибо в них, особенно «по нынешнему военному времени.. может последовать совершенно крайняя нужда»⁴. В ответ на это последовал новый грозный указ сената: «Лекаря Митрофanova в силу преждепосланного из сената указа для обучения подлежащих до медицины наук в иностранные государства отпустить немедленно, не утруждая более правительству-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, л. 185.

² Указания М. Ю. Лахтина и А. Н. Алелекова о их выезде ошибочны и, видимо, основаны на неполном ознакомлении с архивными документами.

³ Полное собрание законов. СПБ, 1830, т. 15, № 11227, стр. 681.

⁴ Там же, № 11250, стр. 713.

щий сенат никакими представлениями, ибо у него о добром его состоянии... атtestаты есть; також и о других Российских лекарях, впредь желающих для науки в иностранные государства ехать, представлять правительствующему сенату, не удерживая их никакими недельными остановками, под опасением взыскания на той канцелярии по указам»¹. Лерхе был вынужден подчиниться и отправил за границу С. Митрофanova, а в мае 1761 г. дополнительно лекарей И. Ласкевича, И. Тимковского и Ф. Тихорского и в сентябре того же года — С. Фиалковского, К. Рожалина и М. Крутеня². Все они, кроме Пешковского и Ласкевича, получив докторскую степень и вернувшись на Родину, сыграли большую роль в развитии медицинской науки и образования в России.

В том же году были отправлены в Париж за казенный счет два сына известного ученого-лекаря М. И. Шеина — Иван и Григорий Шеины. Отправка врачей для усовершенствования за границу на государственный счет в силу противодействия членов медицинской коллегии не получила дальнейшего развития.

В 70—80-х годах XVIII столетия ряд русских врачей, совершенствовавшихся за границей по акушерству, получал стипендию за счет процентов с капитала, завещанного для этой цели Е. Д. Голицыной-Кантемир. К числу таких стипендиатов относились М. М. Тереховский, Н. М. Максимович-Амбодик, А. М. и П. М. Шумлянские и Г. И. Базилевич.

Многие русские врачи, начиная с середины XVIII века, выезжали за границу для получения докторской степени «на своем коште», беря разрешение на выезд от медицинской канцелярии. Еще в 1746 г. выехал таким образом лекарь Петербургского адмиралтейского госпиталя А. Г. Бахерахт, в 1756 г.— А. Ф. Шафонский, в 1758 г.— И. Маут, в 60-х годах — Г. Ф. Соболевский, С. А. Леонтович и др., в 70-х годах — Н. К. Карпинский, И. В. Руцкий, Д. С. Самойлович, Е. Ф. Зверака и др. Некоторые из них, как, например, Соболевский и Самойлович, были впоследствии зачислены на государственное содержание.

Поездки врачей за границу для усовершенствования продолжались до 1799 г., когда они были прекращены по приказанию Павла I из-за боязни проникновения в Россию революционных идей. В 1800 г. попечитель Московского воспитательного дома Сиверс обратился к директору медицинской коллегии А. И. Васильеву с письмом, в котором напоминал, что в течение длительного времени остаются неиспользованными средства, завещанные Е. Д. Голицыной для усовершенствования русских лекарей в акушерстве. В ответ А. И. Васильев

¹ Полное собрание законов. СПБ, 1830, т. 15, № 11250, стр. 714.

² Там же, № 11257, стр. 719 и № 11334, стр. 792.

писал: «Прошедшего 1799 февраля в 12 день его императорское величество, утвердив доклад по части медицинской, мною подписанный, где между прочим в седьмом пункте предлагалось отправление в чужие края молодых лекарей из природных россиян, изволил собственноручно написать: „быть по сему, кроме 7 пункта по причине нынешних обстоятельств, заражающих нравственность“». В заключение Васильев предложил деньги хранить по-прежнему и подбирать лекарей, «пока при перемене обстоятельств восследует таки всемило-стившее на то дозволение»¹.

Разрешение было получено в 1803 г. и тогда же было разработано «Наставление лекарям, в иностранные государства отправляемым». В нем предписывалось изучить сначала в Берлине анатомию, физиологию, хирургию, ботанику и повивальное искусство, затем в Вене — патологию, терапию и скотские болезни и, наконец, в Париже — физику, химию, естественную историю, человеколюбивые заведения для глухорожденных и слепых. На обратном пути рекомендовалось заехать в Геттинген, Лейпциг и Страсбург для ознакомления с больницами. По этой инструкции лекари «должны приобретать успехи во всех частях медицины, но избрав определенную — изучить ее в совершенстве»².

Как указывает В. А. Невский³, в течение XVIII столетия за границей в различных университетах защитили диссертации 332 русских автора. В это число входит 38 авторов, родившихся вне России и получивших медицинское образование до приезда в Россию. Часть авторов выезжала в заграничные университеты без предварительной медицинской подготовки на Родине.

Наибольший интерес из числа диссидентов представляет группа лекарей, получивших первоначальное медицинское образование в России. Число таких авторов, по нашим данным, составляет 89 человек. От прочих диссидентов XVIII столетия как русских, так и иностранных их отличает обширная теоретическая и практическая подготовка, полученная предварительно в русских медицинских школах. Они приходили в университет не студентами, а зрелыми специалистами. Широкий медицинский кругозор позволял им глубоко и всесторонне решать частный вопрос, которому посвящалась их диссертация. В большинстве случаев они приезжали в заграничный университет с созревшим замыслом диссертации и с запасом собранных в русских госпиталях клинических наблюдений.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 33, л. 214—216.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 13, л. 43.

³ В. А. Невский. Диссертации русских врачей XVIII века. Советская медицина, 1951, № 3.

Один из таких диссертантов, крупнейший русский ученый Д. С. Самойлович, был страстным сторонником того, чтобы к защите докторских диссертаций допускались только лица, имевшие уже врачебный стаж у себя на родине. В одной из своих работ он писал: «Если покажется удивительным, что я требую или, лучше сказать, доказываю совершенную необходимость посыпать совершенствоваться только тех, кто служит уже в звании лекаря или даже штаб-лекаря,— вот мои доводы: если мы посыпаем молодых людей, уже служивших в качестве лекарей или штаб-лекарей, очень вероятно, что для достижения этого чина они уже сдали все необходимые экзамены и таким образом подразумевается, что они уже обладают известным количеством знаний в той профессии, которую они избрали... Из этого следует, что они знают лучше, чем кто-либо, какую область этой высокой науки надо предпочитательнее развивать для выгоды и блага народного; им уже известно, к какой части их искусства им надо особенно прилежать, в какие виды болезней им надо более углубиться в соответствии с особенностями различных стран. Одним словом, они сразу поймут, над чем следует им предпочтительнее работать, чтобы отличиться у себя на родине; и если у них будут важные наблюдения, которыми они могли бы поделиться с учеными, то они не преминут это сделать, и это доставит огромное удовлетворение им»¹.

В той же работе Самойлович, называя имена крупных русских ученых-медиков XVIII века, делает следующее примечание: «Нужно знать, что все эти славные врачи первоначально были лекарями на своей родине, после чего они путешествовали и получили степень. Из чего я заключаю, что их первоначальная подготовка создала им преимущество в этой науке. Потому что из всех тех, которые путешествовали, но не были ранее лекарями на родине, мы не имеем до сего времени почти никого, кто бы себя проявил»².

Предварительная клиническая подготовка, полученная врачами в русских госпитальных школах, позволяла им критически относиться к тому, что преподавалось на медицинских факультетах западноевропейских университетов. В своих диссертациях русские врачи смело восставали против идеалистических взглядов, противопоставляя им данные, добытые экспериментальным путем, с материалистическим истолкованием явлений. Таковы работы М. М. Тереховского³.

¹ Д. Самойлович. Речь к слушателям госпитальных школ. Избранные произведения. М., 1949, стр. 34—35.

² Там же, стр. 39.

³ М. Тереховский. De Chao infusorio Linnaei. Argentorati. 1775.

VII А. М. Шумлянского¹, Н. К. Карпинского², Г. И. Базилевича³,
К. О. Ягельского⁴, С. М. Митрофанова⁵ и др.

В своих диссертациях они часто осуждают сколастические методы исследования зарубежных ученых. Так, М. М. Тереховский говорит о своих противниках: «В первом отряде этих хулигов воюют те все знающие мудрствователи, которые, презрев всякий опыт и основываясь на богатстве собственно-го ума, сплетают в стенах своего кабинета непрерывную цепь гипотез из так называемых врожденных идей и, в конце концов, выдумывают для себя, наперекор природе, целые, неведомо какие системы призраков. Исходя из этих своих измышле-ний и привыкнув с важностью, точно с треножника прорица-теля, решать все вопросы, они готовы, словно путем какого-то гадания, с легкостью объяснить любые тайны природы»⁶. И далее там же: «В этом поистине важном споре, не желая смотреть чужими глазами, ни клятвенно подтверждать чьи-либо слова, я решил не собирать чужих открытий; я предпо-чел учиться у самой природы, этой наилучшей наставницы, путем собственного опыта»⁷.

А. Шумлянский, говоря в своей диссертации о работах таких крупных ученых, как Мальпиги и Рюиш, отмечал: «Мы относимся с величайшим уважением к именам этих славных мужей, однако мы не должны ради них жертвовать истиной»⁸. Точно так же Н. К. Карпинский в своей диссертации указы-вал, что только те врачи, которые «стараются изо всех сил тщательно исследовать человеческий организм и находят сущность болезни, обогащают хирургию новыми, более пра-вильными методами»⁹. И далее: «Достойны славы люди, которые, будучи движимы самоотверженной любовью к страж-дущим больным, не хотели идти прежним путем и избрали новые пути в хирургии, вопреки своим предшественникам»¹⁰.

Диссертации русских врачей, защищенные и изданные за границей, знакомили зарубежных ученых с достижениями русской медицинской мысли и практики. Почти во всех из них имеются примеры из опыта русских госпиталей. В названной

¹ А. М. Шумлянский. *De structura renum*. Argentorati, 1782.

² Н. К. Карпинский. *De impedimentis in lithotomia occurrentibus*. Argentorati, 1781.

³ Г. И. Базилевич. *De systemate resorbente*. Argentorati, 1781.

⁴ К. О. Ягельский. *De passione hysterica*. Lugd. Batav. 1765.

⁵ С. М. Митрофанов. *De spontaneo aeris introitu in pulmonem*. Lugd. Batav, 1765.

⁶ С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических иссле-дований в России в XVIII веке. Изд. АН СССР, 1949, стр. 469.

⁷ Там же, стр. 476.

⁸ Там же, стр. 396.

⁹ Н. Карпинский. *De impedimentis in lithotomia occurrentibus*. Argentorati, 1781, р. 2.

¹⁰ Там же, стр. 3.

диссертации Карпинского приводится случай операции, произведенной им вместе с доктором Тихорским и лекарем Руцким в Петербурге в 1779 г. На материале русских госпиталей написаны диссертации С. Леонтичика¹, А. Бахерахта², Ф. Тихорского³ и др.

Труды русских врачей внесли значительный вклад в развитие мировой медицины XVIII столетия. Многие из них были отмечены рецензиями в различных медицинских изданиях того времени. Значительное количество диссертаций русских врачей неоднократно переиздавалось за границей, переводилось на разные языки. Были переизданы диссертации А. Шумлянского, Д. Самойловича, П. Шумлянского, Н. Карпинского, И. Данилевского, Н. Квятковского, Г. Базилевича, М. Тереховского и др.

В различных медицинских руководствах, изданных за границей в XVIII и начале XIX столетия, содержатся многочисленные ссылки на работы русских врачей. Так, И. Майер в восьмитомном руководстве по анатомии, вышедшем в Берлине в 1783—1794 гг., неоднократно ссылается на диссертацию А. Шумлянского «О строении почек». Майер отмечает, что Шумлянский дал наиточнейшее по сравнению с другими авторами описание строения почек, введя совершенно новый метод инъектирования почечных сосудов. Этим же автором в анатомическом атласе использованы гравюры из диссертации Шумлянского, изображающие строение почек⁴. В сочинении Зоммеринга «О перекресте зрительных нервов»⁵ приводятся данные из работы русского врача Квятковского⁶.

По свидетельству С. Соболя, диссертация М. Тереховского цитируется в курсе зоологии Леске и упоминается в «Системе природы» Линнея, переработанной И. Гмелиным⁷. По данным Л. Ф. Змеева, в иностранной печати в конце XVIII века появилось восемь рефератов и положительных рецензий о диссертации А. Шумлянского⁸.

В числе 89 защищенных за границей диссертаций воспитанников русских госпитальных школ имеются работы по всем разделам медицинской науки. Вопросам анатомии и физиоло-

¹ С. Леонтичич. *De partu praeternaturali ex vitiis truncii foetus orto. Argentorati, 1766.*

² А. Бахерахт. *De morbi ligamentorum. Lugd. Batav., 1750.*

³ Ф. Тихорский. *De podagrae. Lugd. Batav., 1765.*

⁴ И. Майер. *Beschreibung des ganzen menschlichen Körpers. B. V. Berlin, 1784, S. 2—25.*

⁵ Соэммеринг. *De decussatione nervorum opticorum Magintinae. 1786.*

⁶ Н. Г. Квятковский. *De nervorum fluido decussatione. Regiomontae, 1781.*

⁷ С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. Изд. АН СССР, 1949, стр. 297.

⁸ Там же, стр. 390.

DISPUTATIO PHYSICO-MEDICA
INAUGURALIS
DE
SPONTANEO AERIS INTROITU
IN PULMONEM,
QUAM,
ANNUENTE SUMMO NUMINE
Ex Autoritate MAGNIFICI RECTORIS,
FRIDERICI WILHELMI PESTEL,
JURIS UTRIUSQUE DOCTORIS ET PROFESSORIS JURIS PU-
BLICI ET PRIVATI IN ACAD. LUGD. BAT. ORDINARII,
NEC NON
Amplissimi SENATUS ACADEMICI Consensu, &
Nobilissimae FACULTATIS MEDICAE Decreto,
PRO GRADU DOCTORATUS,
Summisque in MEDICINA Honoribus & Privilegiis,
rite ac legitime consequendis,
Publicæ ac solemni Eruditorum disquisitioni sijlit
SILA MITROPHANOW,
MOSCOVIA-RUSSUS.
Ad diem 2. Novembris MDCLXV. H. L. Q. S.

LUGDUNI BATAVORUM,
Apud SAMUELEM ET JOANNEM LUCHTMANS, 1765.

Рис. 12. Титульный лист диссертации С. Митрофанова.

гии, нормальной и патологической, посвящено 16 работ. Из них особенно выделяется работа А. Шумлянского, подробно исследованная уже С. Соболем и рядом других авторов.

Из других анатомо-физиологических диссертаций интересны работы С. Митрофанова «О самопроизвольном вхождении воздуха в легкие», в которой на основании ряда наблюдений и опытов обосновывается физиология акта дыхания; Г. Базилевича — «О всасывающей системе», которая содержит исследование по физиологии, патологии и терапии заболеваний кровеносной и лимфатической систем, а также диссертация П. Шумлянского — «О непосредственной причине местного воспаления»¹.

Значительную группу (11 работ) составляют диссертации по различным разделам хирургии. Из них весьма интересна диссертация Н. Карпинского «О затруднениях при операциях по удалению камней мочевого пузыря», в которой подробно излагаются осложнения, возникающие при операции камнесяния, и способы их предотвращения. К этой же группе относится работа А. Бахерахта «О болезнях связок», представляющая собой капитальный труд по болезням суставов и связочного аппарата, а также работа П. Даля «Об ампутации плеча в суставе»² и одно из первых исследований русских авторов в области урологии — диссертация Х. Цубера «О болезнях мочевого пузыря»³.

14 врачей посвятили свои диссертации вопросам патологии в акушерстве. Акушерством как важнейшей для родины науки мечтал заняться крупнейший ученый XVIII столетия Д. Самойлович. В посвящении к своей диссертации «О симфизеотомии и кесаревом сечении»⁴, адресованном президенту медицинской коллегии Ржевскому, он развивает план организации акушерского института в России⁵. Из числа акушерских диссертаций заслуживает также внимания работа С. Леонтиевича «О ненормальных родах, зависящих от положения плода»⁶.

Различным химико-фармакологическим темам посвящены 17 диссертаций. Из них выделяется работа П. Погорецкого

¹ П. М. Шумлянский. *De proxima topicae inflammationis causa.* Argentorati, 1789.

² П. Даль. *De humeri amputatione ex articulo.* Goettingae, 1760.

³ Х. Цубер. *De vesicæ urinariae morbis.* Argentorati, 1771.

⁴ Д. Самойлович. *Dissertatio medico chirurgica inauguralis sistens comparationem inter sectionem symphyseos ossium pubis et sectionem Cæsaraeum.* Lugd. Batav., 1780.

⁵ Это посвящение в русском переводе опубликовано в книге: Д. Самойлович. Избранные произведения. М., 1952, в. 2, стр. 453—459.

⁶ С. Леонтиевич. *De partu praeternaturalis ex vitiis truncī foetus orto.* Argentorati, 1766.

DISSERTATIO INAUGURALIS
MEDICO - CHIRURGICA
DE
IMPEDIMENTIS
IN
LITHOTOMIA OCCURRENTIBUS
QUIBUS
ACCEDIT SINGULARIS VESICÆ URINARIE
OBSERVATIO,
QUAM
PRO LICENTIA
SUMMOS IN MEDICINA HONORES
ET PRIVILEGIA DOCTORALIA
LEGITIME IMPETRANDI
IN INCLYTA ARGENTORATENSIMUM UNIVERSITATE
ANNO MDCCCLXXXI. DIE XXIV. JULII
SOLENNITER DEFENDET
AUCTOR
NICON KARPINSKY
UCRANO - RUSSUS.

H. L. Q. C.

ARGENTORATI

Type Joh. Henrici Heitzii, Universitatis Typographi.

Рис. 13. Титульный лист диссертации Н. Карпинского.

«О полуметалле никеле»¹. Она состоит из двух частей. В первой части описываются исследованные им физико-химические свойства никеля, открытого незадолго перед этим, в 1751 г., Кронштедтом, но в существовании которого сомневалось большинство химиков того времени. П. Погорецкий на 10 лет ранее Бергмана изучил подробно свойства никеля, доказав тем самым его самостоятельность, и указал на его близость к кобальту.

В приложении к диссертации Погорецкий описывает русский народный способ лечения абсцессов, указывая на важность изучения народной медицины вообще: «Не нужно пренебрегать советами и сказаниями народа своего и чужого о домашних их средствах при болезнях»².

Болезни внутренних органов и инфекционные заболевания рассматриваются в 18 диссертациях. Среди них наиболее значительны работы К. Рожалина «О цинге»³, Ф. Тихорского — «О подагре»⁴ и И. Руцкого — «О чуме»⁵.

В числе прочих 12 диссертаций следует отметить работу Г. Соболевского «О предпочтительном следовании природе для рациональной медицины, или о том, что природа ведет врачей скорее к рациональному, чем эмпирическому методу»⁶. В ней содержится 4 раздела: а) наброски первоначального происхождения медицинского искусства; б) указание причин затруднений в медицине; в) о требованиях природы к рациональной медицине; г) об эмпирии. В целом эта диссертация направлена против чистого эмпиризма в медицинской науке, требует осмыслинного научного подхода к наблюдаемым явлениям.

Исключительно большой интерес представляет диссертация И. Л. Данилевского «Государственная власть — самый лучший врач»⁷. Положения этого труда во многом созвучны идеям письма М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову «О размножении и сохранении Российского народа».

И. Л. Данилевский последовательно проводит мысль, что оздоровления народа, повышения рождаемости, снижения заболеваемости и смертности можно достичь только в результате общегосударственных санитарно-гигиенических мероприя-

¹ П. Погорецкий. *De semimetallo Nickel cui accedit examen medicum modi que vulgus expilare ulcera solet*. Lugd. Batav., 1765.

² Там же, стр. 2.

³ К. Рожалин. *De scorbuto*. Lugd. Batav., 1765.

⁴ Ф. Тихорский. *De podagrae*. Lugd. Batav., 1765.

⁵ И. Руцкий. *De peste*. Argentorati, 1780.

⁶ Г. Соболевский. *De potiore ductu naturae ad medicinam rationalem, sive qua disquisitur, an medicos Natura potius ad rationalem quam ad empiricam ducat praxim*. Lugd. Batav., 1775.

⁷ И. Данилевский. *De magistratu medico felicissimo*. Goettingae, 1784. Эта диссертация полностью переведена на русский язык и подготовлена к печати старшим преподавателем курса латинского языка Благовещенского медицинского института Н. М. Лемпель.

Q. D. B. V.

DE

PARTU PRÆTERNATURALI
EX VITIIS TRUNCI FOETUS ORTO

DEO TRIUNO PRÆSIDE

CONSENSU

GRATIOSÆ FACULTATIS MEDICÆ
PRO SUMMIS IN ARTE MEDICA HONORIBUS

ET

PRIVILEGIIS DOCTORALIBUS
RITE CONSEQUENDIS
SOLENNITER DISSERET

S A B B A S L E O N T O W Y T S C H
EX PARVA RUSSIA

DIE XXX. JULII MDCCCLXVI.

H. L. Q. C.

ARGENTORATTI

Typis JOH. HENRICI HEITZII Universitatis Typographi.

Рис. 14. Титульный лист диссертации С. Леонтического.

тий. «Итак не знаю, каким образом власти в состоянии... смотреть спокойно изо дня в день на великие бедствия простого народа, возросшую везде смертность, без того чтобы немедленно не положить конец злу и при любой опасности приходить на помощь лекарством»¹, — пишет он. И далее: «А пока авторитет врачей среди совершенно здоровых граждан не велик, не дело ли, пожалуй, самого государства, его отцовской власти в рождении здорового потомства, в организации физического воспитания молодежи, в укреплении здоровья граждан и в полнейшем изжитии, в конце концов, недостатков, которые по известным причинам угрожают человеческому организму?»².

Говоря о причинах, уменьшающих рождаемость, он указывает на вред, приносимый религиозными предрассудками (обет безбрачия, обряд оскопления), а также длительной солдатской службой, войнами и связанным с этим распространением венерических заболеваний.

Задавая вопрос: «Что в самом деле могли бы сделать управители, если бы все же они хотели открыть уши для правды и уничтожить причины зла?», он тут же отвечает: «Оставили бы губительные мероприятия по подготовке войн, прилагали бы короли заботу для распространения здорового потомства и сохраняли бы своих здоровых юношей для отцовских полей!»³.

Следующие разделы своей работы И. Л. Данилевский посвящает вопросу организации родовспоможения путем подготовки квалифицированных акушерок, охране здоровья детей, распространению оспопрививания, считая, что все это должно осуществляться как общегосударственные мероприятия. Значительная часть диссертации посвящена вопросам нравственного и физического воспитания молодежи, которые рассматриваются как основа здоровья населения. «Если тело и нервы в детском возрасте не укрепляются физическими упражнениями, то сердце в зрелом возрасте не выдержит более тяжелое испытание»⁴.

И. Л. Данилевский рекомендует также и разнообразные санитарно-гигиенические меры: уничтожение водоемов со стоячей водой вблизи населенных пунктов, поливку улиц для борьбы с пылью, организацию надзора за продажей пищевых продуктов, уничтожение бродячих собак с целью борьбы с бешенством и т. п. Все это, по его мнению, должно осуществляться путем санитарного законодательства. «Какую пользу они (врачи, Б. П.) окажут государству, вылечив немногих с помощью медицины, когда теперь очень большая часть граж-

¹ И. Данилевский. *De magistratu medico felicissimo*. Goettingae, 1760, § 54.

² Там же.

³ Там же, § 9.

⁴ Там же, § 12.

S P E C I M E N C H E M I C U M
 I N A U G U R A L E
 S I S T E N S A L I Q U A
 D E
S E M I M E T A L L O
N I C K E L.
C U I A C C E D I T
E X A M E N M E D I C U M M O D I ,
Q U O V U L G U S E X P I L A R E
U L C E R A S O L E T ,
Q U E ,
 A D S P I R A N T E S U M M O N U M I N E ,
E x A u t o r i t a t e M A G N I F I C I R E C T O R I S ,
F R I D E R I C I W I L H E L M I P E S T E L ,
 JURIS UTRIUSQUE DOCTORIS ET PROFESSORIS JURIS PU-
 BLICI ET PRIVATI IN ACAD. LUGD. BAT. ORDINARIJ ,
 N E C N O N
A m p l i s s i m i S E N A T U S A C A D E M I C I C o n s e n s u , E s p
N o b i l i s s i m a F A C U L T A T I S M E D I C A E D e c r e t o ,
P R O G R A D U D O C T O R A T U S ,
 Summisque in M E D I C I N A Honoribus & Privilegiis ,
 ritè ac legitime confequendis ,
 Publicè ac solemni Disquisitioni submittit
P E T R U S P O G O R E T S K I ,
 U C R A N U S .
Ad diem 28. Junij MDCCCLXV. H. L. Q. S.

L U G D U N I B A T A V O R U M ,
 Apud T H E O D O R U M H A A K , 1765.

Рис. 15. Титульный лист диссертации П. Погорецкого.

дан преждевременно умирает вследствие разнообразных болезней? Да зайдутся, наконец, управители причиной опасного положения, чтобы совершенно искоренить зловещие бедствия на богатейшей ниве, где возможности врача ограничены. Бесспорно, начала б власть действовать, приказала бы осушить болота, более углубить рвы, провести мелиорацию рек; после таких мер на болотистой местности в очагах лихорадки вырастут сено для овец, весьма целебные растения, приятные для взора граждан»¹.

И. Л. Данилевский указывает также на тяжелое материальное положение «простого народа», дороговизну хлеба и других продуктов питания как на одну из причин распространения различных болезней, считая, что и это может быть исправлено государственной властью. Большую роль в борьбе с болезнями он отводит также санитарному просвещению народа. Считает, что во всех школах должны преподаваться «первоосновы сохранения здоровья», а «в календарях, вместо обычных пустяков, помещать предостережения и наставления об обычно свирепствующих болезнях»².

В ряде разделов своей диссертации И. Л. Данилевский резко выступает против религиозных предрассудков и суеверий, бичует развращенность служителей церкви. «А от столь многих болезней не спасло человечество снисхождение „наи высшего повелителя“ через взломленные железные запоры монастырей дев-весталок, что все врачи не были в состоянии справиться с ними!.. А сколько ослабление уз девственности и полная разнуданность, допущенная монахами в обетах воздержания, погубили людей!»³.

Основываясь на ряде фактов из истории различных государств, он приходит к выводу, что лечебная работа врачей не может искоренить болезней; что только проведение санитарно-гигиенических мер законодательным путем, улучшение положения «простого народа», создание государственного здравоохранения, борьба с религиозными предрассудками и санитарное просвещение народа могут уничтожить причины болезней. «Исцеление болезней, искоренение их причин следует ожидать не от врачей и аптекарей, а только от государственной власти», — говорит он, заканчивая свою диссертацию⁴.

В высказываниях и взглядах И. Л. Данилевского нельзя не заметить влияния идей просветителей XVIII века. Во всех примерах и случаях он прямо не говорит о России, а ссылается на различные государства Европы, но все его мысли проникнуты

¹ И. Данилевский. *De magistrato medico felicissimo.* Goettingae, 1760, § 13.

² Там же, § 19.

³ Там же, § 8.

⁴ Там же, § 20.

заботой о сохранении жизни и здоровья «простого народа» России, любовью к родине.

Для большинства русских ученых-врачей того времени вообще характерны высокий патриотизм, стремление поставить науку на службу своему народу. Так, М. М. Тереховский в своем прошении писал: «а ныне я вознамерился отъезжать для обучения медицинской науке на партикулярном содержании в чужестранные государства, чтобы через то снискать совершеннейшее в оной знание и потом большой отечеству приносить пользу»¹. Г. Соболевский в письме в медицинскую коллегию из Лейдена писал: «...будучи в Париже, прилежал я к ботанике и к химии, проследуя моей собственной к оным наукам склонности и предвида оттуда непременную мою пользу и к отечеству моему будущую услугу»². Еще более рельефно задача служения родине выражена Д. Самойловичем в непроизнесенной речи к слушателям госпитальных школ: «Если Вы будете посланы совершенствоваться в заграничные университеты, помните всегда, что хотя Вы вдали от Родины, но Вы ответственны перед ней за Ваше поведение»³. И далее там же: «Всякий охотно пожертвует частью своей жизни, чтобы стать видным членом общества у себя на родине. Они не будут руководствоваться никаким иным интересом, кроме любви своей родины и своих сограждан»⁴.

2. Диссертации врачей — воспитанников госпитальных школ, защищенные в России

Несмотря на то, что уровень подготовки врачей в русских госпитальных школах XVIII века был более высоким, чем на медицинских факультетах многих западноевропейских университетов, царское правительство, идя на поводу у верхушки медицинской администрации, состоявшей из иноземцев, долго не решалось ввести защиту докторских диссертаций у себя в стране. В этом факте отражалась антинародная политика самого царского правительства, приводившая его к слепому преклонению перед всем иностранным. И все же под давлением передовых русских ученых Екатерина II была вынуждена в 1764 г. издать указ, разрешающий медицинской коллегии самостоятельно присваивать докторскую степень. В этом указе говорилось: «По установлению новому медицинскому факультету, каковое состоит теперь в государстве нашем под управлением медицинской нашей коллегии, ни малая больше нужда не настоит, чтоб кандидаты медицины производимы были через

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 238, л. 188.

² Там же, кн. 217, л. 348.

³ Д. Самойлович. Избранные произведения. М., 1949, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 37.

экзамены в университетах чужестранных в докторы сего факультета. И сего ради повелеваем нашей коллегии медицинской, по собственным ее экзаменам, всех обучающихся сей науке производить в докторы медицины и давать на то каждому патент на пергаменте за рукою президента коллегии с приложением нашей печати. Июня 9 дня 1764 года. Екатерина»¹.

Однако члены медицинской коллегии, боясь выдвижения русских ученых, яростно сопротивлялись этому нововведению. На пути соискателей степени ставилась масса бюрократических рогаток. Один из самых отъявленных врагов русской науки, главный директор медицинской коллегии Фитингхоф, спустя 25 лет после издания этого указа, в 1789 г., докладывал Екатерине, что коллегия не может возводить в докторскую степень «потому, что не в таком образе теперь существует учение в России»². В результате такой политики медицинской коллегии большинство русских ученых вынуждено было по-прежнему выезжать для защиты диссертаций за границу.

И все же степень доктора медицины в России в XVIII веке получили не 5 человек, как полагает Д. М. Российский³, а значительно большее число. И, конечно, совершенно не прав И. Страшун, называя Барсук-Моисеева, первым защитившего диссертацию в Московском университете в 1794 г., первым русским доктором медицины⁴.

По материалам архива медицинской коллегии история присуждения докторских степеней в России XVIII века представляется следующим образом. Первым соискателем степени доктора медицины, обратившимся в медицинскую коллегию на основании нового указа, был воспитанник Петербургского училища лекарь Г. Орреус. Защита состоялась в октябре 1765 г., но лишь ценой большой настойчивости и хлопот, после специального указа Екатерины II, ему удалось получить докторский диплом в 1768 г. Такое отношение к соискателям ученоей степени надолго отびло желание у лекарей обращаться в медицинскую коллегию за получением докторских дипломов. Лишь через 16 лет после Орреуса, в 1781 г., в коллегию обратился второй соискатель — оператор Московского госпитала Энгель, который благодаря дружеским связям с членами коллегии в том же году получил докторский диплом⁵. В 1784 г. в медицинской коллегии была присвоена степень доктора медицины воспитаннику Московской госпитальной школы профессору анатомии и хирургии Московского университета Ференцу

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 3, л. 288.

² История Военно-медицинской академии. Под ред. Ивановского. СПБ, 1898, стр. 24.

³ Д. Российский. Русские доктора медицины в XVIII веке. Военно-медицинский журнал, 1949, № 7.

⁴ И. Страшун. Медицина. БМЭ, Изд. 1-е, т. 17, стр. 443.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 9.

Керестури. К концу XVIII столетия в связи с приходом в коллегию группы передовых русских ученых, сменивших в ней реакционных иноземцев, число защитивших докторские диссертации в России значительно возросло. В 1785 г. степень доктора получил лекарь Ф. Дуссик, в 1789 г.—лекарь Ф. Лойовский, в 1790 г. докторская степень была присвоена лекарям И. Горну и Ф. Вендреху, в 1791 г.—И. Вильмеру, в 1792 г.—штаб-лекарям Я. Сандул-Стурдзе и И. Крейзелю и лекарю У. Сави, в 1793 г.—штаб-лекарям А. Гузенскому и П. Берковичу, в 1796 г.—штаб-лекарю А. Масловскому и лекарю М. Гороховскому, в 1797 г.—штаб-лекарю Я. Стефановичу-Донцову.

Таким образом, по нашим данным, во второй половине XVIII века в медицинской коллегии защищили диссертации и удостоились степени доктора медицины 16 русских врачей¹.

Все соискатели докторской степени представляли в коллегию диссертацию, которая рецензировалась членами коллегии, а затем держали публичный экзамен в присутствии всех действительных и почетных членов коллегии. Требования к докторантам предъявлялись достаточно высокие. От них требовалось описание нового, неизвестного случая болезни или применения оригинальных методов лечения. Обращалось также внимание на доказательность приводимых фактов. Умозрительные сочинения отвергались. Так, в 1793 г. медицинская коллегия не пропустила диссертации И. Буркарда и А. Пабста. Относительно диссертации первого из них рецензент дал заключение, что она ничего нового в себе не содержит². Диссертация Пабста «О мании» получила более развернутую характеристику: «Материя общая, многими писателями уже весьма обстоятельно описанная, по своему содержанию не заслуживает должного внимания. В заключении сочинитель предлагает три случая, в которых употребление уксуса в самое короткое время желаемую пользу в сей болезни принесло. Определение времени, в которое употребление уксуса действие произвело, превосходит всякое вероятие, а тем еще более, что оные никакими свидетельствами не подкрепленные, словом изъясняемые обстоятельства требуют новых доказательств, на опытах основанных»³.

С 1797 г. медицинская коллегия перестала присваивать степень доктора медицины, так как эту функцию стал выполнять Московский университет, получивший право возведения в степень доктора в 1791 г.

Подготовка ученых-медиков в медико-хирургических училищах, подчиненных медицинской коллегии, с этого времени приняла иную форму. В августе 1795 г. было утверждено так называемое «Предварительное постановление о должностях

¹ В это число не включены доктора Ф. Ершов и И. Тимковский, которые не были воспитанниками госпитальных школ.

² ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 16.

³ Там же, д. 19.

учащих и учащихся», которым была учреждена при всех кафедрах в медико-хирургических училищах адъюнктура. Кандидатами на должность адъюнктов должны были выдвигаться следующие лица: «1) Обладающие даром слова в изъяснении своих мыслей; 2) имеющие способность, склонность и совершенные успехи в той наипаче части, для которой каждый определяется; 3) при выборе и назначении в сию должность крайне надлежит взирать и на нравственные качества, как на такие свойства, которые для учителя необходимы»¹.

Адъюнкты являлись помощниками профессоров в преподавании, т. е. выполняли роль ассистентов. «Чтобы пребывая безотлучно при преподаваемых наставлениях, облегчали труды профессоров в то время, когда для невыразумевших изъясняемого предметы нужно будет повторение или приватное испытание. Профессор может иногда заставить его и самые лекции преподавать»². Адъюнкты заменяли профессора в случае болезни или отпуска: «в случае действительной болезни или отлучки своего профессора вступал в отправление его должности»³. Кроме того, адъюнкты вели под руководством профессоров научную работу и готовились к профессорскому званию, «...чтобы каждый адъюнкт на открывшееся своего профессора место непременно определяем был, когда он в исправлении порученной ему должности исправным и рачительным находился и когда он действительно одарен теми качествами, которые для профессора необходимы, и сделал важное сочинение, заслуживающее быть преданным тиснению»⁴.

В начале 1796 г. должности адъюнктов были полностью укомплектованы. В Петербургском училище были утверждены адъюнктами: по кафедре патологии и терапии при проф. Базилевиче — лекарь И. Смеловский; по кафедре ботаники и химии при проф. Соболевском — лекарь Т. Смеловский; по кафедре хирургии при проф. Саполовиче — лекарь П. Логинов; по кафедре анатомии и физиологии при проф. Карпинском — штаб-лекарь А. Федоровский; по кафедре акушерства при проф. Конради — лекарь Г. Сухарев. В Московском училище были назначены: по кафедре анатомии при проф. Гильдебранде — лекарь П. Загорский, а затем И. Книгин; по кафедре патологии и терапии при проф. Пеккене — лекарь Е. Мухин; по кафедре акушерства — лекарь Г. Попов, по кафедре хирургии при проф. П. Шумлянском — лекарь В. Миронович.

Все адъюнкты оказались неплохими преподавателями и исследователями. Каждый из них представил в коллегию серию научных работ. Впоследствии, в 1799 г., сдав установленный экзамен и прочтя в присутствии членов медицинской коллегии

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, л. 369.

² Там же, л. 372.

³ Там же, л. 373.

⁴ Там же, л. 375.

пробную лекцию, все они были утверждены в звании адъюнкт-профессоров во вновь учрежденных медико-хирургических академиях. Поэтому следует считать, что эти ученые, которые прошли подготовку в адъюнктуре, проведя ряд научных исследований, не уступающих по значению докторским диссертациям, и получили право занимать кафедры в академиях, должны быть присоединены к числу докторов медицины XVIII века, вышедших из воспитанников госпитальных школ, тем более что почти все они в дальнейшем были удостоены степени доктора медицины без защиты диссертации.

К числу докторов медицины того времени следует отнести также двух ученых, получивших звание профессора за научную и педагогическую деятельность без прохождения адъюнктуры: штаб-лекаря Я. Саполовича, утвержденного профессором хирургии Петербургского училища в 1790 г., и лекаря И. Буша, утвержденного профессором анатомии и физиологии в 1798 г.

Таким образом, следует считать, что число русских врачей, получивших степень доктора медицины в России в XVIII веке, составляет 26 человек.

Труды диссидентов и адъюнктов почти не издавались и поэтому остались неизвестными. Из числа всех этих работ были напечатаны только две докторские диссертации. Одна из них — работа штаб-лекаря Я. В. Стефановича-Донцова¹, представляющая собой результат его десятилетних трудов по изучению случаев отравления спорыней, которые в то время часто встречались на юге Украины, и содержащая материалы по этиологии, патогенезу, диагностике и терапии этого заболевания. Вторая — труд штаб-лекаря московского городового акушера И. К. Крейзеля, который представляет собой учебник для акушерок². Он состоит из двух частей: первой — «О натуральных родах» и второй — «О противоестественных родах посредством поворота».

При изучении архива медицинской коллегии нам удалось разыскать рукописи почти всех неизданных диссертаций и адъюнктских работ, представлявшихся в коллегию. Большинство из них написано на латинском языке. Все они посвящены вопросам, имеющим большое практическое значение, и вносят значительный вклад в науку. Мы уже говорили о работе Я. Стефановича-Донцова, связанной с появлением массовых отравлений спорыней в армии и среди населения на юге Украины. Другой диссидент, штаб-лекарь Я. Т. Сандул-Стурдза, представил в коллегию в 1792 г. диссертацию под названием «Обрядное рассуждение о крымской народной болезни, на право законного докторства сочиненное верноподданным российским,

¹ Я. Стефанович-Донцов. Описание о черных рожках, причиняющих корчи и помертвение членов, с присовокуплением наблюдения о сухих трудных родах. СПБ, 1797.

² И. Крейзель. Наставление начинающим упражняться в повивальном искусстве. М., 1792.

О П И С А Н И Е
о
ЧЕРНЫХЪ РОЖКАХЪ,
причиняющихъ корчи и померщвѣніе
членовъ.
Съ
присовокупленіемъ наблюденія о сухихъ
прудныхъ родахъ.

Сочиненіе
Коллежскаго Ассесора и Штабъ-Лѣкаря
Стефановича - Донцова.

Печашано съ дозволенія
Государственной Медицинской Коллегіи.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ Типографіи Государственной Медицинской
Коллегіи, 1797 года.

Рис. 16. Титульный лист диссертации Я. Стефановича-Донцова.

сыном и питомцем отечества своего Яковом Тимофеевичем Стурдзою в граде святого Петра октября 23-го дня 1792 года»¹, посвятив ее изучению проказы, которая в то время стала встречаться среди русских войск, находившихся в Крыму, Астраханской и Оренбургской губерниях.

Упоминавшаяся уже нами диссертация И. Крейзеля, защищенная в 1792 г., и диссертация П. Берковича «О различии между зрелым и незрелым плодом»², защита которой состоялась в 1793 г., защищены на 10 лет раньше диссертации Венсовича, которую до сих пор считали первой акушерской диссертацией в России³.

В диссертации лекаря У. Сави «О сохранении жизни людей»⁴ рассматривается проблема долголетия; лекарь Ф. Лойовский изучил вопросы диагностики и лечения заболеваний желудка⁵; лекарь М. Гороховский исследовал физиологию дыхания⁶.

Большинство диссертаций основано на обобщении большого опыта и характеризуется материалистическими взглядами их авторов. С этой точки зрения особенно интересна диссертация Я. Т. Сандул-Стурдзы. В предисловии, иронизируя над сколастикой зарубежных исследований и обосновывая важность избранной им темы, он писал: «что бы пользы принесло для отечества, если бы я от нее (т. е. от медицинской коллегии,— Б. П.) получил возможность решить или хотя подтвердить драгоценные споры: где и в котором точно месте душа наша жилище свое имеет? Довольно знать, что она в нас существует и в естественном состоянии человека получает впечатления вещей посредством здоровых наружных чувств и что она с телом до смерти имеет тесную и неразрывную связь... Напротив того, описание болезни, пожирающей ежегодно и пожравшей великое множество наших сограждан, паче воинов, принесет превеликую пользу новоцелющим и целящимся»⁷.

Аналогичный характер имеют адъюнктские работы. Среди них выделяется прежде всего сочинение А. Федоровского «Первые начала анатомии»⁸. Адъюнктская работа П. Загорского состоит из трех частей: а) анатомическая — описание редкого уродства с собственноручным рисунком автора; б) патолого-анатомическая — описание аневризмы аорты; в) клиническая — описание произведенной автором операции трепанации сосцевидного отростка⁹. В сочинении адъюнкта И. Смеловского

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 11.

² Там же, д. 17.

³ Г. Червакова. Первая диссертация по акушерству, защищенная в России. Акушерство и гинекология, 1951, № 5.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 5.

⁵ Там же, д. 8.

⁶ Там же, д. 1.

⁷ Там же, д. 11, л. 368—369.

⁸ Там же, св. 30, л. 596—634.

⁹ Там же, св. 8, л. 433—488.

ОБРАДНОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ

~~№ 221~~

Хрымской народной болѣзни
на Право

Законнаго докторства

сочиненное

вѣтрогодданнамъ россійскимиъ.
сыномъ и пимоницемъ отечества своею

Якопомъ Тимофѣевицемъ Стурдзыю

въraudѣ свѣтлого Петра

октября 23го дна 1792го вѣка

Сурого пельме: свое рукоѣтие. Сурда.

Рис. 17. Титульный лист рукописной диссертации Я. Сандул-Стурдзы.

«Элементы практической медицины» содержит обширное вступление, посвященное обзору состояния медицинской науки, и раздел о лихорадках¹. Адъюнкт И. Книгин представил обширное исследование «О пенетрирующей язве желудка», написанное им совместно с лекарем И. Каменским по материалам Московского госпиталя².

Таким образом, неизданная научная продукция русских диссертантов и адъюнктов достаточно велика, гораздо больше, чем это принято считать.

3. Рукописные научные труды русских врачей XVIII века

Значительно большую группу составляют рукописные сочинения рядовых русских врачей, собранные в архиве медицинской коллегии.

Установить точно время появления первых научных исследований, осуществленных русскими врачами, не представляется возможным. Несомненно, что такие труды появились очень рано. В литературе упоминаются: лекарь Назаров, описавший чуму в Казани в 1655 г.³; Епишев Семен, который еще в 1674 г. описал лекарственные растения, произраставшие в окрестностях Якутска⁴. К началу XVIII века относится ряд медицинских рукописей лекаря Ивана Венедиктова⁵.

Некоторые медицинские наставления, составленные русскими врачами, преимущественно по вопросам борьбы с эпидемическими заболеваниями, рассылались по губерниям для руководства от имени медицинской канцелярии. Таковы инструкция о борьбе с гриппом, относящаяся к 1729 г.⁶, инструкции медицинской канцелярии о предупреждении цинги, относящиеся к 1741 г.⁷, предложение медицинской канцелярии о создании карантинных домов 1754 г.⁸ и т. п. Вначале сочинения лекарей присыпались в медицинскую канцелярию по их собственной инициативе. Из-за отсутствия медицинских журналов они не издавались и остались неизвестными.

Попытки специального собрания научных трудов русских врачей относятся к середине XVIII столетия. Впервые эта задача ставится в «Инструкции лекарям, состоящим в армии, флоте и прочих командах», составленной архиятером Монзенем в 1762 г. В § 7 этой инструкции говорится: «Каждый лекарь

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 46-а.

² Там же.

³ Л. Ф. Змеев. Чтения по врачебной истории России. СПБ, 1896.

⁴ Словарь «Русские ботаники», т. 3, стр. 260.

⁵ И. Б. Зархин. Медицинские рукописи начала XVIII века. Военно-медицинский журнал, 1947, № 9, стр. 34.

⁶ А. Е. Сегал. Гриппозные заболевания и борьба с ними в России в XVIII и в начале XIX в. Клиническая медицина, 1950, № 10, стр. 80—81.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 2, кн. 54, л. 438; кн. 62, л. 772—783.

⁸ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 8, л. 193—197.

должен о важнейших болезненных приключениях и о лечении оных готовить обстоятельные ведомости, и для отсылки в медицинскую канцелярию подавать докторам или штаб-лекарям»¹.

Вопрос о необходимости периодического издания для опубликования научных трудов русских врачей возник при учреждении медицинской коллегии. Одновременно с изданием указа об ее организации в 1763 г. была утверждена и «Инструкция коллегии медицинской», в которой предлагалось, чтобы все практикующие доктора и лекари присыпали регулярно свои журналы с различными научными замечаниями и сочинениями: «Но чтоб коллегия лучше и ближайше каждого доктора и лекаря искусство персональное знать могла, то надобно, чтоб каждый из них повседневного своего врачевания журнал у себя вел и описывал метод, каким он кого и в какой, а особливо хронической и экстраординарной болезни лечил, и тот бы журнал в три месяца, или как назначат, в коллегию присыпал»². Этой же инструкцией предлагалось и издание «Записок докторов российских» на латинском языке, в которые должны были включаться наиболее выдающиеся сочинения русских врачей из числа присыпаемых в коллегию. Для ведения всей научной корреспонденции, хранения научных трудов и их обработки для издания устанавливалась должность секретаря коллегии.

Во исполнение этих пунктов инструкции медицинская коллегия издала 3 марта 1764 г. специальный указ, в котором предложила всем «мединкам и лекарям» присыпать в коллегию «истории медицинские, то есть описания разных новых, редко бывающих, трудных или других каких-либо примечания достойных болезней, с показанием, как он их лечил»³. Этот указ предлагал врачам широкий выбор тем из всех отраслей медицинской науки. «Сверх того медики и лекари еще весьма отличают себя и тем, когда, кроме историй о болезнях, будут присыпать и другие примечания достойные сочинения и записки по медицинской науке, а именно о таких вещах и делах, которые еще не довольно известны и о которых в книгах немного объясняется. Оным сочинениям и описаниям быть должно из физиологии, патологии, терапии, хирургии, фармации, физики вообще, ботаники, анатомии, натуральной истории, химии, истории и филологии медической, також математики, поелику она до физиологии касается»⁴. Особое значение придавалось таким трудам, в которых лекари «изобретут новые лекарства из находящихся в России вещей»⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 2, л. 2.

² Там же, кн. 1, л. 44.

³ Там же, кн. 2, л. 112—117.

⁴ Там же, кн. 8, л. 114.

⁵ Там же.

Дело № 64

Ходатайство

Разоуденіиъ Государственной медицинской
Коллегии описанномъ врезольщю затратою
достоинить отдувщиу понерсъ Я ИМП С
РАМОРОСТОЕ ВЪИССІПСО Указеніиъ меди-
цинскими полетіи высочайшее свое намереніе оно
Зать юшююша иппомъ ипотъ медиціи иже
награда Суденія иппозиції инициаціи цин-
кшюю поискихъ изызюгомъ. ОБ видно вна-
тиатанной при погашенииъ зѣщимъ иппомъ
иѣтъ Государственнѣй означданной иппозиції
медицинской полети. Тотъ же прописи съ
помощью наѣзда взыщетъ Я Императорскаго
Въицеспса находящагося медика лекага иат-
рическага инициаціи познаніиъ иихъ потомъ
произойдите неизыгая никакого преміи нубъ
чусъ иныхъ награжденіаъ спѣногъ она ни
была. описанная коллегиа ищетъ супѣта
иопы что всякой медиціи и лекаго вѣтсодара
спѣте лесна способно морепѣтъ полетъ иѣс
домитѣ ожидите пошой наѣзъ икезъ тѣ
выитетъ сѣтъ изъ затратиа иппозиції
Дѣ дальному благополучию, ионажъ си располож
нѣпомно всемъ общѣству лесна полезныи со-
чиниа онѣиъ медицинскимъ искитема и
такъ пытюши, что коллегиа никако несомнѣ-
шаетъ, иппомъ наѣзъ иныхъ охоне иппозиції

Рис. 18. Указ медицинской коллегии от 8 марта 1764 г. о присылке
врачами научных сочинений.

По условиям, объявленным указом, сочинения могли представляться на русском, латинском, французском, немецком, английском или итальянском языке по выбору автора. Было объявлено также, что в дальнейшем коллегия при повышении лекарей в должности или в чине, помимо срока выслуги, будет учитывать наличие у них ученых трудов, а наиболее выдающиеся научные труды, одобренные коллегией, будут печататься в «Российских медицинских комментариях». Указ был разослан по списку персонально всем находящимся в то время на государственной службе в России докторам и лекарям.

Указ медицинской коллегии от 8 марта 1764 г., несомненно, сыграл значительную роль в развитии медицинской науки в России. Получив надежду, что их ученые труды не будут больше бесследно исчезать в канцелярских дебрях, а послужат на пользу развития отечественной науки и будут опубликованы в печати, врачи расширили свои научные исследования. Поступление их сочинений в коллегию резко увеличилось. Однако медицинская коллегия, состоящая из группы реакционных иноземцев, вовсе не была заинтересована в развитии русской медицинской науки. Издав указ о присылке в коллегию научных сочинений, она в дальнейшем нимало не беспокоилась об его исполнении. Вопреки этому указу, лучшие должности и чины по-прежнему доставались лекарям-иностранным, ничем не проявившим себя в области медицинской науки, а десятки русских ученых-врачей остались безвестными. Несмотря на наличие богатого материала, не было осуществлено и издание «Российских медицинских комментариев».

Ученые секретари коллегии Х. Пеккен (1763—1779) и особенно Я. Рейнегс (1786—1793) недобросовестно относились к своим обязанностям. Поступавшие в коллегию научные сочинения русских врачей ими даже не рассматривались, а многие из них были попросту затеряны. Ученый архив коллегии находился в крайне заброшенном состоянии.

Сопоставляя списки сочинений русских врачей, оставшихся в архиве после смерти Рейнегса, с другими архивными документами, легко можно обнаружить утрату многих исследований. Так, оказались утерянными сочинения доктора Полетики «О моровой язве» (1770)¹, лекаря Слонецкого — «О заразительной болезни» (1771)², лекаря Я. Стефановича-Донцова — «О грудном нагноении» (1779)³, лекаря П. В. Малахова — «О моровой язве» (1783)⁴, лекаря А. Дистона — «Об

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 42, л. 318.

² Там же, оп. 2, кн. 66, л. 39.

³ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 6, л. 19.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 6, кн. 444, л. 107.

опухоли левого бедра» (1788)¹, лекаря И. Андреевского — «О шейном провале» (1786)² и многие другие. Штаб-лекарь Я. Стефанович-Донцов писал в 1794 г. в коллегию о направленах им ранее трех сочинениях: «на такие примечания мои в течение 16 лет не имел я от коллегии ни на одно не только одобрения, но и ответа»³.

Несмотря на такое положение, в ученом архиве медицинской коллегии после смерти Рейнегса, в 1793 г., находилось все же 468 рукописных сочинений русских врачей. Интересно, что только 73 из них были написаны лицами, имеющими степень доктора медицины; 78 сочинений были представлены штаб-лекарями, а 304 сочинения присланы рядовыми лекарями, 6 работ — подлекарями и 7 аптекарями⁴.

Только в 1793 г. после прихода на должность главного директора медицинской коллегии А. И. Васильева⁵ и пополнения ее состава передовыми русскими учеными медицинская коллегия изменила свое отношение к научным трудам русских врачей.

Васильев потребовал от коллегии точного учета всех присыпаемых научных работ, рассмотрения их на ученых собраниях и подготовки к изданию первого тома «Записок русских врачей». В соответствии с этим коллегия утвердила новую инструкцию ученому секретарю, указав, что его первой обязанностью является изучение присыпаемых в коллегию сочинений русских врачей и представление их на рассмотрение коллегии⁶. В должности ученого секретаря былтвержден штаб-лекарь И. И. Виен, проделавший большую работу по изучению и подготовке к изданию рукописных научных трудов русских ученых-врачей.

Членами медицинской коллегии доктором Н. К. Карпинским и И. И. Виеном был разработан порядок рассмотрения поступивших в коллегию врачебных сочинений и их классификации. Их предложение было сформулировано в следующем письме в коллегию: «При рассмотрении посыпаемых в медицинскую коллегию различного рода примечаний необходимо нужно сделать такое положение, чтобы каждое из них было предложено общего собрания членов суждению, было рассматриваемо с крайним разбором и получило настоящую цену. Для сего столь нужного обстоятельства и во избежание при таком случае могущего последовать затруднения и

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 224, л. 408.

² Там же, кн. 328, л. 515.

³ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 6, л. 20.

⁴ Там же, св. 1, д. 21.

⁵ А. И. Васильев (1742—1806) — русский государственный деятель, первый министр финансов в России. С 1793 по 1803 г. занимал пост главного директора медицинской коллегии.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 13, л. 14.

неудобства, удобным средством служить может разделение оных на 4 разные класса или раздела, по которому и трудившиеся сами собою разделены будут.

К первому классу все те примечания принадлежать будут, кои ученостью слога и важностью редкой или вовсе новой материи исполнены будут, а також и вносимы должныствуют быть в Российские врачебные сочинения без всякого или с некоторым только поправлением. Во второй класс те только вносимы быть имеют, кои хотя и содержат в себе весьма важную, редко случающуюся или вовсе нового откровения материю, но такого рода материя буде попадается в руки какого-либо врача, слабо знающего свою должность, который, не будучи в состоянии дать ей настоящей цены, опишет притом самым беспорядочным, неосновательным и исполненным погрешностей слогом, требующим для внесения в акты совсем нового обрабатывания. В третий класс все те включены будут, кои хотя и содержат в себе обыкновенную и уже другими сочинителями достаточно описанную материю, но описаны будут важным, ученым, красоты исполненным слогом. На таковые должно обратить особое внимание и отличать перед теми, кои по случаю только вошли во второй класс сего разделения. К четвертому классу относиться будут самые простые, обыкновенные, ни слогом, ни содержанием в них знания сочинителей не доказывающие. И таковы оставляемы быть имеют без всякого внимания. 28 сентября 1793 года Никон Карпинский и Иван Виен¹.

Медицинская коллегия полностью одобрила и утвердила этот порядок рассмотрения научных сочинений и их классификацию.

Из приведенного письма видно, что наибольшее значение коллегией придавалось сочинениям первого и второго классов, которые предназначались для включения в предполагаемые «Записки русских врачей» и давали право на повышение в чине или должности. Что же касается сочинений третьего класса, не содержащих в себе никаких открытий и отличающихся лишь красивым слогом, то они этого преимущества не давали. Такое толкование подтверждается, в частности, письмом И. Виена к лекарю Ф. Купицу, в котором И. Виен сообщил от имени коллегии, что Купиц не может быть по положению награжден штаб-лекарским чином, так как его сочинение отнесено к третьему классу².

Одновременно с разработкой указанного положения медицинской коллегией были приняты меры к восстановлению утраченных сочинений и более многочисленному поступле-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 1, л. 1.

² Там же, св. 2, д. 6, л. 13.

нию новых. С этой целью И. Виеном от имени коллегии было разослано всем докторам и лекарям следующее объявление:

«Государственная медицинская коллегия, по самостройжайшему и беспристрастно свойственному ей суждению, признав нарочитое число хранящихся в ученой ее архиве медико-физических сочинений достойными обнародования и намереваясь оные предать тиснению, к лестному прославлению врачей Российской империи, особенно сынов отечества, полагает себе неминуемым долгом устремить все силы свои, дабы сии ее медико-физические ученому свету предъявленные акты имели образование и степень преимущественного желаемого совершенства.

Но как соображая несоразмерно малое количество полученных наблюдений в сравнении долговременности, протекшей от сооружения коллегии, более нежели вероятно полагать следует, что многие из таковых или действительно вовсе не дошли, или легко быть может и в оной были утрачены за совершенным небытием, а более еще и по случившимся долговременным отлучкам на пред сего бывших ученых секретарей; то Государственная медицинская коллегия, ни мало не сомневаясь, чтобы в числе сих не находились и исполненные проповеди, усердно желая иметь случай всячески и безобидно каждому лично знающему и к обогащению врачебного знания трудившемуся врачу воздать следуемое рвению и талантов его уважение, и ласкаясь ныне совершенно удовлетворить честолюбие отличившихся сочинителей помещением творений их в первый том медико-физических российских актов, за благо рассудила через меня возвестить, дабы каждый из обогативших некогда коллегию своими писаниями благоволил, усердствуя общей пользе, прислать оных паки к ней дублеты не в продолжительном времени, не далее полугодичного срока, и о сем бы коллегскому положению дал сведение своим сотоварищам и подчиненным, дабы оная сим пособием могла наискорее приступить к желаемому довершению предположенного предмета.

Санкт-Петербург февраля 6 дня 1794 года Государственной медицинской коллегии ученый секретарь, надворный советник

Иван Виен¹.

Это объявление помогло восстановить только часть утраченных сочинений, так как многих авторов, ранее присылавших в коллегию сочинения, к этому времени уже не было в живых.

Сразу же по утверждении положения о порядке рассмотрения и отбора для печати врачебных сочинений коллегия

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 2, л. 1.

приступила к изучению тех сочинений, которые остались в архиве коллегии после смерти Рейнгса и вновь поступили в течение 1793 г. Сочинения рассматривались на специальных заседаниях медицинской коллегии в присутствии всех действительных и почетных ее членов. Заседания проводились еженедельно в течение почти двух лет, с 10 августа 1793 г. по 13 июня 1795 г. За это время на заседаниях было рассмотрено 496 врачебных сочинений¹. К первому классу было отнесено 82 сочинения шестидесяти авторов, из которых 5 имели докторскую степень, а остальные 45 имели звание лекарей или штаб-лекарей.

В числе отнесенных к первому классу были сочинения штаб-лекаря Л. Тетерина «О изящном действии аконита в параличах», штаб-лекаря А. Поддубного «О переломах костей» и «О параличе стопы»; штаб-лекаря С. Андреевского «О сибирской язве», лекаря Розанова «О полезном действии угольного порошка в наружных болезнях», штаб-лекаря П. Симонтовского «Об аневризме аорты, разрушившей грудную кость» и «О камнях желчного пузыря» и др.

Ко второму классу было отнесено 47 сочинений такого же числа авторов, из которых только шесть были докторами медицины, а остальные лекарями. В числе сочинений второго класса были рукописи лекаря Федотова «О целительном источнике в Нерчинске», лекаря Киричевского «О гемералопии», лекаря Лазаревича «Об опухоли живота», лекаря Поступовского «О минеральных источниках в Перми», лекаря Д. Волченецкого «О некрозах», лекаря Романовского «О сухой гангrene» и др.

К третьему классу было отнесено 162 сочинения 122 авторов, из которых 33 были докторами медицины, а остальные лекарями. Среди этой группы находились сочинения штаб-лекаря Н. Ножевщикова «О сибирской язве», лекаря П. Симонтовского «О чуме в Оренбурге», лекаря Левандовского «О чуме в Херсоне», лекаря И. Протасова «О липоме», штаб-лекаря Е. Белапольского «О херсонской болезни», штаб-лекаря Г. Мокренца «О переломах черепа», штаб-лекаря В. Жуковского «О сибирской язве» и др.

И, наконец, 205 сочинений были отнесены к четвертому классу.

Закончив рассмотрение сочинений, коллегия признала 103 сочинения из числа отнесенных к первому и второму классам достойными напечатания и поручила их обработку И. Виену², после чего он должен был направлять их для заключения всем членам коллегии. 26 сочинений первого и второго классов были возвращены авторам для уточнений и

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. I, л. 22.

² Там же, л. 22.

1195^о Гага. Февраль 1923 года.

33^о

М. А. П.

†

Комитет по делам врачей

На рабочем заседании
отдела здравоохранения и труда
и социального развития СССР
по представлению членов
18 марта было решено:

Собрание членов коллегии обратить

всеобщее внимание на то, что в настоящее время
на первом месте в списке членов Г. Ученых слушания
и избрание обработанных материалов, 118 первых фамилий
должны, согласно Решению коллегии, быть
столбом для особой приставки (подпись) Кандидатов
на всех общих политических демонстрациях, при демонстра-
циях и митингах, а также на других мероприятиях, включая
митинги национальных меньшинств, где проводятся
имеющие значение общественные собрания, от которых
участвуют представители коллегии Г. Врачей и медицин-
ской сестры. На разрешение Решения коллегии Г. Врачей
представления о том, чтобы ввести подобное ограничение
всеобщему, просим обратиться к соответствующим
различным органам и учреждениям Г. Врачей, подчиненным
единому фармацевтическому образцу. Их же и

именно, будущим, гигантским
митингам и демонстрациям предложить
считать первенство этого решения

и главного здравоохранения.

Акционет Коллегии

(Печать Администрации)

Макаров Фёдор Григорьевич

Рис. 19. Решение коллегии о подготовке издания сочинений русских врачей.

поправок. В отношении сочинений третьего класса было поручено ученому секретарю разобрать их и решить, кто из авторов заслуживает повышения в чине или похвалы и отзыва коллегии. Вся эта колossalная работа по изучению, а затем редактированию и обработке научных сочинений русских врачей была проделана в основном ученым секретарем коллегии И. Виеном и его помощником лекарем И. Смеловским.

Вполне понятно, что члены медицинской коллегии, относя то или иное врачебное сочинение к определенному классу, исходили из уровня знаний медицинской науки конца XVIII столетия. Поэтому с современной точки зрения их определения, несомненно, подлежат переоценке. Во всяком случае ими не приходится руководствоваться при оценке значения того или иного труда. Так, например, имеющие большое значение работы Н. Ножевщикова, В. Козлова и В. Жуковского о сибирской язве отнесены коллегией лишь к третьему классу, а замечательные исследования И. Протасова о профессиональных болезнях металлургов и неизвестного лекаря о профилактике детских заболеваний признаны «не заслуживающими внимания» и отнесены к четвертому классу.

Меры, предпринятые коллегией по изучению поступающих в нее врачебных сочинений и их обработке, а также письма ученого секретаря коллегии к авторам сочинений с указанием оценки их работ и замечаниями по их содержанию всколыхнули широкие массы русских лекарей, возбудили в них еще больший интерес к научным изысканиям. Начиная с конца 1796 г. поток врачебных сочинений, направляемых в медицинскую коллегию, начинает возрастать и достигает максимума в 1797—1798 гг.

Для рассмотрения сочинений, поступивших в коллегию после 1795 г., был установлен несколько иной порядок. Все полученные сочинения рассматривались ученым секретарем, после чего он направлял их для отзыва к одному из действительных или почетных членов медицинской коллегии по специальности. На заседании коллегии докладывались лишь мнения ученого секретаря и рецензента без чтения самих работ, после чего и решался вопрос об отнесении сочинения к тому или иному классу. В архиве сохранились рецензии на присланные работы, составленные Е. Валлерианом¹, М. Тереховским², А. Бахерахтом³, Г. Соболевским⁴ и другими учеными.

Вначале работа по рецензированию и отбору сочинений добросовестно выполнялась И. Виеном, но с 1797 г. он по

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 1, л. 84.

² Там же, л. 25.

³ Там же, л. 13.

⁴ Там же, л. 14.

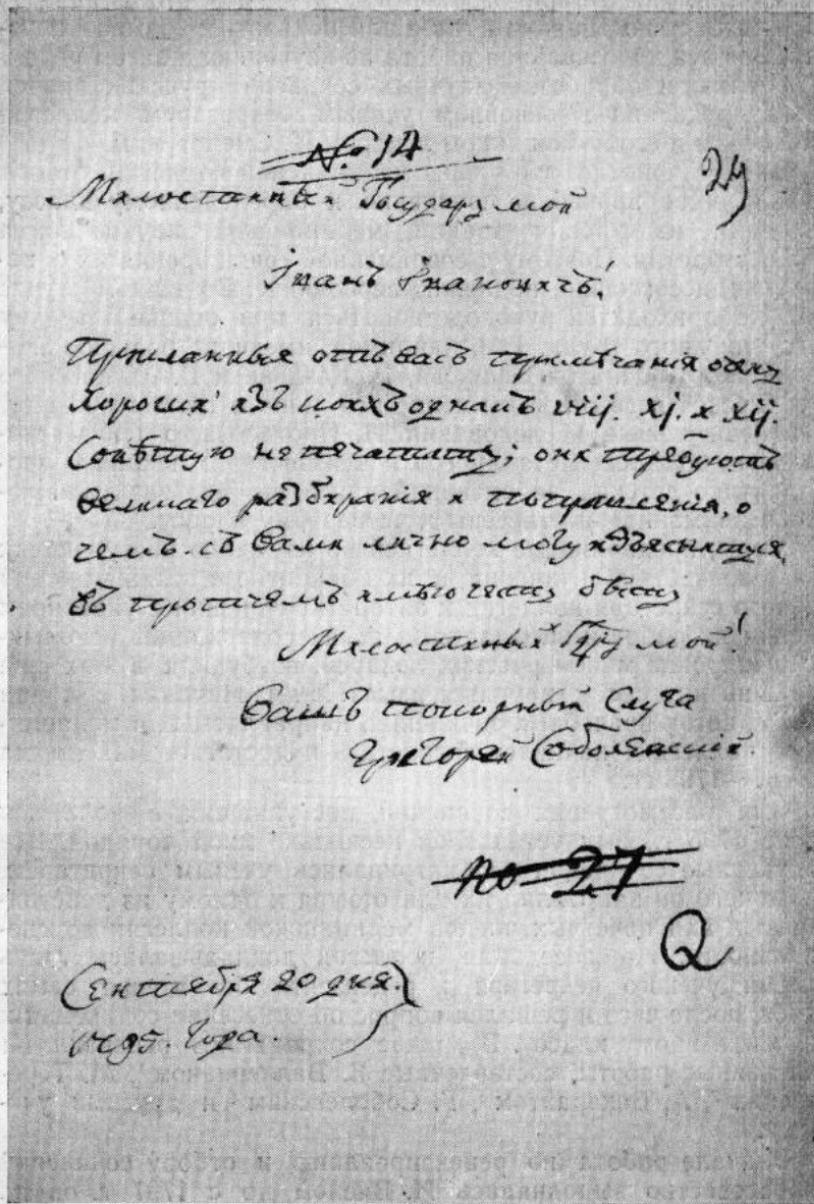

Рис. 20. Письмо доктора Г. Ф. Соболевского к И. И. Виену с отзывом о сочинениях.

поручению коллегии занялся специальной подготовкой к изданию первого тома собрания научных сочинений русских врачей. Эта работа отнимала очень много времени, и поэтому постепенно накапливались нерассмотренные врачебные сочинения из числа вновь поступающих. В начале 1799 г. на должность ученого секретаря коллегии был избран доктор Г. И. Базилевич, но он страдал тяжелой болезнью и в 1801 г. оставил эту должность, не успев сделать ничего серьезного по упорядочению ученого архива коллегии. Сменивший Базилевича ученый секретарь Ф. Уден окончательно развалил установившийся ранее порядок: врачебные сочинения при нем снова стали складываться в архив без всякого рассмотрения.

Несмотря на предпринимавшиеся медицинской коллегией попытки к изданию научных сочинений русских врачей, основная масса их так и не увидела света. Указом медицинской коллегии в начале 1797 г. печатание первого тома «Записок российских врачей» было возложено на И. Виена. Вопреки требованию Г. Аша, настаивавшего на издании сочинений только на латинском языке, «Записки» было решено печатать на русском и латинском языках. Но и это решение осталось невыполненным; дело с изданием тянулось несколько лет, а затем и сама медицинская коллегия была ликвидирована.

Лишь в 1805 г. И. Виен на собственные средства издал собрание научных трудов русских врачей¹, включив в это издание 50 работ русских ученых из числа отобранных коллегией для печати еще в 1795 г. и поступивших позднее. Среди них вошли сочинения Е. Валлериана, П. Поддубика, М. Еллинского, С. Успенского, Ф. Другова, Е. Раппа и др. Таким образом, остались неизданными многие сочинения даже из отнесенных к первому классу еще в 1795 г.

Весь ученый архив медицинской коллегии при ее ликвидации в 1803 г. был передан Медицинскому совету Министерства внутренних дел и на долгие годы погребен в его бумагах, поэтому и остался неизвестным исследователям русской медицины. Лишь в 1948 г. рукописные сочинения русских врачей XVIII столетия были обнаружены в этом архиве В. М. Корнеевым, который в своих работах² подробно описал научные исследования И. Протасова и Е. Белопольского и дал краткий обзор части других врачебных сочинений.

В 1950 г. этот архив был нами детально рассмотрен и аннотирован. При тщательном исследовании нам удалось разыскать 914 рукописных сочинений русских врачей, посту-

¹ *Observationes medico-chirurgorum Rutheni Imperii collectae et in ordinem redactae a. I. M. Vien. Vol. I Petropoli, 1805.*

² В. М. Корнеев. И. В. Протасов. Гигиена и санитария, 1951, № 8; штаб-лекарь Ефим Белопольский. Военно-медицинский журнал, 1949, № 5; Передовые деятели русской военной медицины второй половины XVIII века. Дисс., 1948.

O B S E R V A T I O N E S
M E D I C O - C H I R U R G O R U M
R U T H E N I I M P E R I I,
collectae et in ordinem redactae

a

L. M. VIEN.

Consiliario Status, Imperiali Collegio Medico ab epistolis,
Sodalique ejusdem emerito.

P E T R O P O L I
in Typographia Medica,
M D C C C V.

Рис. 21. Титульный лист сборника научных трудов, изданного И. И. Виеном.

пивших в медицинскую коллегию до 1800 г. Эти работы в большинстве своем сосредоточены в ученом архиве, находящемся в делах Медицинского совета Министерства внутренних дел (ЦГИАЛ, ф. 1294), и небольшая часть их рассеяна в различных делах медицинской коллегии и медицинской канцелярии (ЦГИАЛ, ф. 1295 и 1296). Если к ним добавить работы, выполненные русскими врачами в начале XIX столетия, большая часть практической и научной деятельности которых прошла в XVIII столетии и завершилась в начале XIX столетия, то общее количество рассмотренных нами рукописных врачебных сочинений составляет 1144.

Среди них находятся работы по различным отраслям медицины. Рукописные работы русских врачей по отдельным специальностям распределяются следующим образом:

Анатомия и физиология	42
Ботаника, фармакология, химия	97
Хирургия	174
Внутренние болезни	64
Акушерство и гинекология	34
Детские болезни	6
Инфекционные болезни	267
Венерология и кожные болезни	36
Психиатрия и невропатология	20
Глазные болезни	9
Болезни уха, горла и носа	6
Гигиена	81
Организация здравоохранения и история медицины	25
Прочие	283

Детальное изучение научного наследия русских врачей XVIII века должно быть осуществлено специалистами соответствующих клинических дисциплин. Мы ограничимся лишь кратким обзором некоторых работ, чтобы показать разнообразие вопросов, которые они охватывают. Среди анатомо-физиологических работ находятся уже упоминавшиеся нами рукописи учебников анатомии А. Федоровского и Е. Еллизеяна. Значительное число сочинений этой группы (П. Загорского, Г. Базилевича, И. Книгина, П. Симонтовского, А. Нудова и др.) посвящено вопросам тератологии.

В четырех рукописях рассматриваются вопросы патологической анатомии, среди них работа И. Книгина и И. Каменского «Замечание о пенетрирующей язве желудка»¹.

Большое внимание уделялось русскими врачами изучению отечественной лекарственной флоры с целью замены дорогостоящего зарубежного лекарственного сырья. Среди ботани-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 24, л. 11—14.

ческих исследований имеются работы, в которых описываются свойства и применение отдельных лекарственных растений и также гербарии растений, собранные врачами в различных местах России. Весьма интересна большая группа фармакологических исследований (56 работ), в которых описывается действие различных лекарственных веществ, предлагаются новые лекарственные прописи и т. д. Во многих случаях русские врачи в этих вопросах стояли на передовых позициях. Так, лекарь П. Беляков в работе «Излишнее без нужды употребление лекарств и строгая диета, через долгое время употребляемая, расслабляя тело человеческое, не только пользы не делает, но и во вред служит»¹ восстает против злоупотребления лекарственными веществами и строгой диетой, что часто назначалось в то время многими зарубежными врачами.

Десять сочинений посвящены описанию различных минеральных источников и 17 работ — вопросам токсикологии, среди которых особенно значительна группа сочинений о спорынье. На них мы дальше остановимся несколько подробнее.

В числе хирургических работ следует выделить труды, посвященные вопросам общей хирургии. В этой группе содержится 80 сочинений, написанных на самые различные темы (огнестрельные раны — 8 сочинений, воспалительные процессы — 16, ожоги и обморожения — 4 сочинения и т. д.), 24 сочинения посвящены вопросам оперативной хирургии, 13 — травматологии, 29 — урологии и 24 — проблемам онкологии.

Многие из работ по терапии посвящены патологии органов дыхания, сердечно-сосудистой системы (в том числе лекаря Райх «О лечении сердечных заболеваний наперстянкой»²), органов пищеварения, ревматизму и т. д.

Основная часть акушерских работ посвящена патологии родов. Имеются также труды, отражающие патологию беременности, послеродового периода и вопросы гинекологии.

Наибольшее количество научных исследований русских врачей посвящено борьбе с инфекционными болезнями, представлявшими в то время наибольшую опасность для жизни и здоровья народа. Из отдельных заболеваний больше всего уделено внимания оспе и оспопрививанию (67 рукописей); затем последовательно идут работы о чуме (40 рукописей), сибирской язве (27 рукописей), различных лихорадочных заболеваниях (19 сочинений); по нескольку работ посвящено гриппу, проказе, кори и другим инфекциям. В ряде работ нам не удалось отчетливо представить, о каком именно инфекционном заболевании идет речь, тем более что значительное количество инфекций в то время вообще не было выделено в отдельные нозологические формы.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 18.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 76.

Большой интерес представляет группа сочинений, относящихся к кожным и венерическим заболеваниям. Больше всего в ней работ по сифилису. Среди них есть и работы, относящиеся к вопросам этиологии и клиники этого заболевания (такие, как «О происхождении любострастной болезни» штаб-лекаря Орлай¹, «О постоянстве паховых бубонов при любострастной болезни» штаб-лекаря Елинского², «О ранах венерических» лекаря Петровского³ и др.), и особенно много о лечении. Среди них сочинения Х. Брезинского⁴, предлагающего свою модификацию серой ртутной мази; лекаря Аверина⁵, рекомендующего лечение запущенных форм сифилиса азотистой ртутью. Лекарь Выражевич в своей работе⁶ выступает против гомеопатических методов лечения сифилиса. Он указывает на недостаточность предложенных С. Ганеманом доз ртутных препаратов и предлагает учитывать при назначении препарата «разность телосложения и степень раздражительности оного»; далее он разрабатывает свою систему дозировок и иллюстрирует ее применение 150 случаями из своей практики.

Штаб-лекарь В. Гоголев⁷ также критически рассматривает методы лечения сифилиса, предлагаемые различными авторами, и приходит к выводу, что все они нередко дают рецидивы заболевания. Особенно резко он выступает против рекомендуемого ван Свитеном назначения суплемы внутрь. Свои исследования, касающиеся лечения сифилиса, В. Гоголев проводил в специально созданной им в Боровске Калужской губернии больнице для венерических больных, одной из первых противовенерических больниц в провинции. Замечательно его предложение завести учет всех больных сифилисом и установить за ними длительное наблюдение после лечения. На основании своих наблюдений Гоголев приходит к выводу, что «венерический яд» в результате лечения может стать недействительным и давать измененные формы заболевания.

Не останавливаясь на относительно немногочисленных сочинениях по педиатрии, глазным болезням и психиатрии, обратимся к краткому обзору сочинений гигиенических и по вопросам организации медицинской службы и истории медицины. Среди первых наибольшее количество работ представляют так называемые «Медико-топографические описания». Наиболее раннее из них — «Медико-топографическое описание

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 25.

² Там же, св. 30, д. 37.

³ Там же, св. 43, д. 64.

⁴ Там же, св. 45, д. 30.

⁵ Там же, св. 29, д. 4.

⁶ Там же, св. 45, д. 68.

⁷ Там же, св. 30, д. 26, л. 5.

Кизляра» — описано в работе Я. Чистовича¹, а часть их исследована в 1949 г. Б. С. Сигалом².

Из других работ по гигиене следует отметить сочинение лекаря корабельного флота Н. Петровского «О нечистоте как причине болезней»³, в котором подробно характеризуется санитарное состояние Кронштадта. В загрязнении города автор видит основную причину распространения инфекционных болезней, «гнилых горячек» и «поносов», противопоставляя свое мнение ученым, связывавшим происхождение заразных болезней с ветрами и влиянием влажности воздуха. Свое мнение он подкрепляет примером из практики: «В Таврической области в г. Керчи, где гораздо жарче климат, крепость со всех сторон окружена водою, до тех пор царствовали все вышеупомянутые болезни, доколе благоразумием высшей команды, по представлению тамошних врачей, не приказано было очистить оный от нечистоты, для испражнений велено было вырыть глубокие ямы, чаще оные чистить и помет вывозить за город в воду; в непродолжительном времени число больных уменьшилось и, наконец, никогда не бывало толикого количества больных теми болезнями, а что удивительнее всего, гнилых поносов совсем избавились, что по справедливости должно быть отнесено произведенном от несохранения чистоты»⁴. В заключение автор предлагает провести очистку Кронштадта, а для прекращения поносов усовершенствовать отхожие места.

Из десяти работ, освещавших вопросы гигиены питания, наибольшее количество (8 сочинений) посвящено мерам предохранения солдат и матросов от цинги. Первое из них относится к началу 1741 г. и написано архиятером Фишером. В нем указывается на нарушение пищевого режима как причину цинги и рекомендуется для предохранения «от цинготной болезни настаивать квас яшный и пиво осиновой корой, шишками еловыми или сосновыми и добавлять хрену по 1 фунту на 6 ведер»⁵. В конце того же 1741 г. им была издана дополнительная инструкция, которая в качестве средств, предупреждающих цингу, рекомендовала в летнее время употреблять в пищу борщ из свежих овощей, крапиву и лебеду, а в зимнее время — капусту, свеклу и репу⁶.

В дальнейшем сочинения о цинге представляли в коллегию: в 1784 г. А. Бахерахт (впоследствии оно было издано

¹ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. 158.

² Б. С. Сигал. Первые медико-топографические описания в России. Вопросы гигиены, Л., 1949.

³ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, л. 751—759.

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 62, л. 772—773.

⁶ Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 54, л. 438.

Об сторое с флагами ыю анутох
разноевъ по макѣ латроинъ бѣво. Евр.
може удерготи се отъ обиорона; ибо об
опиахъ суть передовышие пургии та
поперхности земли, подоршивъ и то по-
на мякоть парода; оттакъ передована
быть от природы то губище от земли
сопроводитъ ибо дуло исходящий изъ
налья плюзовъ бы таинъ земли таинъ
надѣлъ въ яко губище. Въ и то виртой
Вторая Страна оно же Солнце пріѣхалъ
мой нахожда горгии, ыпъ и Чокъ Квар-
тиро-бали чрезъ въ гостину Саркозъ
презасилья мети стране надворъ;
Велики посогти постыди, възмыши
надворъ и леги; однакъ юдучъ
зесова надворъ геродети немоши.

Рис. 22. Страница из рукописи лекаря Н. Петровского «О нечистоте как о причине болезней».

отдельной книгой)¹, в 1791 г.—И. Вильмер (диссертация «О цынге»)², в 1793 г.—лекарь М. Елинский³, в 1796 г.—лекарь Орлов⁴, в 1798 г.—Д. Писчеков, который рекомендует больным щавель, лимоны, обильное движение на свежем воздухе и пребывание на солнце⁵; в 1799 г.—штаб-лекарь морского флота Х. Кюестер⁶.

В 1801 г. медицинская коллегия на основе данных, изложенных в упомянутых работах, издала официальное «Постановление, какими средствами предохранять от цынготной болезни людей на военных судах во время мореплавания».

Таким образом, еще в 40-х годах XVIII столетия русские врачи применяли ряд рациональных средств не только для лечения цинги, но и для ее предупреждения, а исследования русских лекарей второй половины XVIII столетия—А. Бахерахта, М. Елинского, А. Масловского, Д. Писчекова и других значительно пополнили учение о цинге.

Среди работ по вопросам организации медицинского дела в стране особое место занимает труд П. Малахова «К умножению благоденствия в народе и увеличению населения»⁷, представляющий собой обширное сочинение, содержащее план улучшения родовспоможения, охраны детства и внедрения в быт гигиенических правил.

Значительное место в этой группе занимают также работы по организации госпитальной службы, из них особенно интересен труд Лефлера, который ставит перед собой задачу «дать госпиталям и лазаретам вообще лучший вид и выгоднейшее внутреннее и внешнее расположение, нежели каковые в некоторых из оных по сие время были»⁸. Помимо замечаний по госпитальной гигиене, в этом труде содержатся правила организации обслуживания больных, ведения историй болезни, режима в госпиталях и т. п. Ряд работ по организации медицинского дела будет рассмотрен в следующей главе.

Исключительный интерес представляет собой очерк истории медицины, составленный штаб-лекарем И. В. Протасовым «История врачебного искусства в девяти эпохах с особым присовокуплением истории Российского врачебного искусства, в лекциях юношеству во врачебном классе при Пермской семинарии преподанная и исправленная»⁹. В предисловии говорится о необходимости для всякого, занимаю-

¹ А. Г. Бахерахт. Практическое рассуждение о цынготной болезни. СПБ, 1786.

² ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 8, л. 243—278.

³ Там же, св. 1, д. 21.

⁴ Там же, св. 9, л. 23.

⁵ Там же, св. 45, л. 522—524.

⁶ Там же, св. 45, л. 84.

⁷ Там же, св. 62, л. 1—50.

⁸ Там же, св. 45, л. 172.

⁹ Там же, св. 30, л. 300—383.

щего медициной, знать ее историю: «Неудовлетворительно будет для любопытства и подражания учащихся вступать во внутреннее искусства познание, тогда когда они о начале, распространении и столпах, его поддерживающих, ничего еще не знают»¹.

Всю историю медицины И. В. Протасов делит на девять эпох:

- 1) от «первых людей» до «ассирян и египтян»; 2) от ассириян и египтян до Гиппократа; 3) от «греков» до «римлян»; 4) от «римлян» до «аравитян» (до VII века); 5) от «аравитян» до «непременного врачебного искусства в Европе утверждения» (от VII до XII столетия); 6) от XII века до Гарвея; 7) от Гарвея — до Галлера (XVII век); 8) XVIII столетие; 9) с начала XIX столетия.

Далее им приводится характеристика развития медицины в каждую эпоху. В отличие от Гофмана и Рихтера автор при описании развития медицины в XVIII столетии упоминает ряд имен русских ученых, высоко оценивая их заслуги в медицинской науке. Так, в разделе анатомии он наряду с именами Винслоу, Дугласа, Альбина называет имя И. Вейтбрехта. В разделе физиологии имя Н. Максимовича-Амбодика ставится им наряду с Блуменбаумом, Пленком и другими зарубежными учеными. В разделе «врачевания» автор отмечает заслуги А. Шафонского, Д. Самойловича и др. В области фармакологии им приводятся работы Н. Максимовича-Амбодика и Н. Карапинского. В естественной истории И. В. Протасов высоко оценивает работы С. Крашенинникова, отмечает также заслуги Н. Озерецковского, В. Севергина и И. Лепехина. В области химии работы М. В. Ломоносова оцениваются им выше заслуг Лавуазье. Заканчивая обзор, мы должны заметить, что к разряду прочих сочинений мы относим 283 сочинения различных авторов, являющиеся небольшими заметками с описаниями отдельных случаев и не представляющие особого интереса. В их число входят в основном работы, отнесенные медицинской коллегией к четвертому классу.

Каково же значение и особенности рукописного научного наследия русских врачей XVIII века?

Характерной особенностью научных работ русских лекарей XVIII столетия является их злободневность, целенаправленность на решение важнейших вопросов практической медицины. Именно поэтому большинство сочинений относится к области инфекционных заболеваний, свирепствовавших в то время повсеместно и уносивших массу человеческих жизней. При этом исследуются самые опасные и массовые заболевания того времени: чума, оспа, сибирская язва и т. п. Второе место по количеству занимают сочинения по хирургии, что

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, л. 305.

вызывалось необходимостью удовлетворять требования военной медицины, для которой и предназначались в первую очередь врачи в XVIII столетии.

Исходя из необходимости освобождения страны от ввоза лекарственного сырья из-за границы, многие лекари посвятили свои работы изучению отечественных лекарственных растений и их применению. Практическими потребностями объясняется и сравнительно большое количество гигиенических исследований.

Русские ученые XVIII столетия очень быстро откликались на появление неизвестных заболеваний, направляя всю свою энергию на подробное и всестороннее их изучение, обязательно разрабатывая при этом не только методы диагностики и лечения, но и способы профилактики. Примерами таких исследований являются известные работы Д. С. Самойловича по чуме, а также исследования отравлений спорынью, проказы и сибирской язвы, осуществленные группой русских ученых. Рассмотрим подробнее эти работы.

Одним из первых русских исследователей, описавших случай массового отравления спорынью, был штаб-лекарь Остерского уезда Киевского наместничества Я. Стефанович-Донцов¹, который в 1786 г. представил в медицинскую коллегию сочинение «Примечание о неслыханных и редко бываемых болезнях от употребления неспелого с рожками хлеба»²; правильно определив в нем этиологию заболевания, Я. Стефанович-Донцов подробно описал клинику, способы лечения и меры профилактики. Не получив никакого ответа от коллегии, он в 1794 г. после опубликования повторного объявления коллегии, будучи к тому времени уже в должности главного лекаря Петербургского сухопутного госпиталя, прислал в коллегию дополненный рядом замечаний вариант своего сочинения под названием «Описание о перемежающихся корчах в Малой России 1785 и 1786 годов бывших, от которых члены почернев отпадают»³. Работы Я. Стефановича-Донцова об отравлениях спорынью были отнесены коллегией к первому классу и изданы в 1797 г.; тогда же ему была присуждена степень доктора медицины.

В 1794 г. массовые заболевания, связанные с отравлением спорынью, появляются среди солдат гарнизона крепости Гаджебей (ныне Одесса). И сразу же в изучение вопросов этиологии, диагностики и терапии этих заболеваний включаются многие врачи крепостного гарнизона.

Первое сочинение на эту тему поступило в медицинскую коллегию от лекаря Приморского grenадерского полка И. Ро-

¹ До него на эту тему писали Г. Шобер (1723) и Х. Пеккен (1767).
^(Приим. ред.)

² ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 5, л. 2.

³ Там же, д. 6.

мановского в июне того же года. В этом исследовании, озаглавленном «Описание сухой гангрены»¹, И. Романовский устанавливает причину заболевания «от ядовитых частиц, содержащихся в незрелом с рожками хлебе», а также описывает симптоматику заболевания и разрабатывает вполне рациональную систему терапии, обеспечивающую выздоровление всех больных в его полку.

Аналогичные выводы об этиологии этих заболеваний и дополнения к диагностике заболеваний приводятся в сочинениях других полковых лекарей; так, лекарь В. Переяславец приводит данные наблюдений над 43 больными², лекарь Я. Тихонов — над 37 больными³. Заболевание в Гаджибее изучали также специально командированные для этой цели адмиралом Дерибасом доктор Доминикус⁴ и штаб-лекари Е. Белопольский⁵ и Поджио⁶. Из них наиболее полным является исследование Е. Белопольского.

Большая группа больных, отравившихся спорыней в Гаджибее и Овидиополе, была эвакуирована на лечение в Богоявленский госпиталь. В нем изучением заболевания занялись штаб-лекарь Д. Волченецкий и лекарь В. Червинский.

В. Червинский начинает свое сочинение с введения, в котором говорит о практической цели своего исследования, противопоставляя его помпезным, переполненным различными отступлениями и ссылками на авторитеты сочинениям западноевропейских ученых: «Не стану я выводить истории эпидемической болезни сей громогласными словесами, начиная от римлян и иных других самодревнейших наименований древненародных, поскольку все это самая токмо будет гордяня, в набористо надутых словах изъявленная»⁷ — пишет он. Далее он впадает в ошибку, отвергая мнение о спорыне как причине заболевания. К такому выводу он приходит на основании микроскопических исследований спорыни, произведенных им, а также Ливановым — «профессором хлебопашства, мужем знаменитым в науке своей». Не найдя в результате этих исследований «ничего вредного в рожках», он и приходит к отрицанию их роли в происхождении заболевания. В. Червинский пользуется системой лечения, предложенной Д. Самойловичем.

Штаб-лекарь Д. Волченецкий в своем сочинении разрабатывает показания к ампутации при гангрене конечностей и технику самой операции⁸.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 12.

² Там же, д. 10, л. 52—53.

³ Там же, л. 54—55.

⁴ Там же, д. 8.

⁵ Там же, д. 10, л. 37—40.

⁶ Там же, л. 41—42.

⁷ Там же, д. 13, л. 67.

⁸ Там же, д. 9.

Исследования отравлений спорыней, осуществленные русскими лекарями, позволили медицинской коллегии составить подробное руководство для военных лекарей и врачебных управ по вопросам этиологии, клиники и терапии этого заболевания. Составление этого руководства было осуществлено ученым секретарем коллегии И. Виеном¹.

Руководствуясь этими же данными, члены Полтавской врачебной управы А. Сенковский, И. Тишевский и Никитников в 1803 г. разработали систему профилактических мероприятий при наличии спорыни в хлебе. В своей работе они рекомендовали: выбирать спорынью из колосьев; зерна перед помолом тщательно промыть водой; хлеб, выпекаемый из зерен, пораженных спорыней, тщательно пропекать; не делать из него галушек и пресного хлеба; не гнать из него вина; при появлении первых признаков отравления вызывать рвоту и немедленно обратиться к врачу².

Вторая группа исследований русских ученых, на которых мы остановимся подробнее, посвящена изучению проказы. Ю. И. Миленушкин, освещая историю изучения проказы на протяжении XIX столетия, утверждал, что проказа в России изучается «в продолжении более чем 80 лет»³. На самом же деле проказа достаточно подробно изучена русскими учеными еще в конце XVIII столетия.

В середине столетия Гмелин описал случаи этого заболевания в России. При этом он категорически отрицал его тождество с сифилисом⁴. В архиве сохранились также девять рукописных сочинений русских врачей, посвященные проказе. Наиболее ранним из них является сочинение лекаря Германа, изучившего проказу в Астраханской губернии в 1786 г.⁵.

На примере исследований по проказе ярко проявляется прогрессивный характер работ воспитанников русских школ по сравнению с врачами-иностранными, получившими схоластическое образование. Последние, более или менее точно описывая клинику заболевания у наблюдавшихся ими больных, проявляли полную беспомощность в своих теоретических обобщениях, строя их исключительно на умозрительных выражениях. Поэтому ни один из них не оказался в состоянии решить более или менее убедительно вопрос об этиологии и эпидемиологии этого заболевания, а также разработать методы его профилактики. Так, штаб-лекарь Пархимус в своей работе: «Медико-топографическое описание Кизлярского

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 11.

² Там же, д. 15.

³ Ю. И. Миленушкин. Г. Н. Минх и борьба с проказой в России. ЖМЭИ, 1949, № 1.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 6, л. 28—31.

⁵ Там же, св. 6, д. 6.

уезда» (1797)¹, описывая поверхностно клинику заболевания, пришел к совершенно нелепому выводу об этиологии его, считая, что проказа — «это соединение цынготной и французской болезни». Аналогичны по своему содержанию сочинение лекаря Д. Германа, полагающего, что проказа происходит от употребления в пищу больших количеств мяса, и сочинение доктора Бьюберга².

Совершенно иное значение имеют исследования русских ученых лекарей Федора Стриневского³, изучавшего проказу в Тамбовской губернии в 1797 г., Павла Зимовича⁴, исследовавшего заболевание в Астрахани в 1794 г., Якова Сандул-Струдзы, Петра Симонтовского и др.

Работы этих врачей проникнуты духом величайшего патриотизма, любви к своему народу и искренним желанием помочь ему путем искоренения этой тяжелой болезни. Работы русских ученых отличаются тщательным изучением заболевания, стройной логичностью и научностью своих выводов.

Штаб-лекарь Сандул-Струдза в предисловии к своей докторской диссертации, посвященной проказе, представленной в медицинскую коллегию в 1792 г., объясняя причины, побудившие его взять для диссертации именно эту тему, пишет: «Нет приличнее к сему случаю, нет приятнее для меня и нет полезнее для отечества моего, как рассуждать о Крымской народной болезни»⁵ (так называлась в то время проказа — Б. П.). Далее в том же предисловии он с глубокой иронией высмеивает ученых-метафизиков, занимающихся решением пустых и никому ненужных, чисто умозрительных вопросов, противопоставляет им материалистическое понимание явлений.

В диссертации Сандул-Струдзы описывается клиника заболевания и разрабатывается система профилактических мероприятий.

Еще более интересны исследования штаб-лекаря Петра Симонтовского, проведенные им в Уральске в 1796 г. по поручению медицинской коллегии. История этой командировки такова. В 1795 г. бригадир Уральского казачьего войска Донсков донес в сенат о массовом заболевании людей в Уральске неизвестной болезнью. В том же году И. Салтыков письмом на имя главного директора медицинской коллегии А. И. Васильева потребовал, чтобы врачи «через знающих и искусных медиков, освидетельствуя болезнь сию, изыскали надежные способы к лечению и совершенному ее искорене-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 5.

² Там же, д. 6.

³ Там же, св. 45, д. 8.

⁴ Там же, д. 24.

⁵ Там же, св. 8, д. 11.

нию»¹. Коллегия, получив соответствующее указание от А. И. Васильева, решила в 1796 г. «препоручить сие дело находящимся в Астраханских батальонах штаб-лекарям Петру Симонтовскому и Михайле Неткачеву, известных коллегии по их службе и искусству».

Тогда же членом медицинской коллегии С. Андреевским была разработана специальная инструкция, которой должны были руководствоваться командируемые в Уральск лекари. В инструкции предлагалось:

1) быстрее ехать в Уральск; 2) по приезде изучить подробно «свойства болезни», произвести патологоанатомическое описание, если окажутся умершие от нее, и решить, «новая эта болезнь или уже известная»; 3) выяснить, какая часть населения более поражается ею; 4) выяснить, «подлинно ли сия болезнь прилипчива и до какой степени»; 5) решить вопрос, возникла ли болезнь на месте или занесена из других мест и если занесена, то какими путями; 6) изучить водоисточники, атмосферу, род жизни жителей, их пищу; 7) «дерзнуть определить вероподобным образом, какового долженствует быть рода болезненная острота (*miasma*) сей скорби. Проказная ли? Цынготная ли? иль венерическая? или какая ни есть до сих сложная»; 8) найти методы лечения заболевания².

Получив указ коллегии и инструкцию, П. Симонтовский тотчас же поехал в Уральск. М. Неткачев, который должен был выехать вместе с ним, по болезни не смог этого сделать.

П. Симонтовский пробыл в Уральске около года. За это время он тщательно исследовал заболевание, установил, что оно является проказой. Им даны описания различных клинических форм этого заболевания. Тщательно изучив эпидемиологию заболевания, он устанавливает его заразительность и путь распространения из Ирана через Астрахань. Испытав различные методы лечения, он приходит к заключению, что все они не дают эффекта и по его указанию в Уральске организуются первые лепрозории: «Для недопущения этой болезни к повреждению здоровых в особый вне городского жительства нарочито устроенный дом больных всех собрав, там человеческую любовь и попечительное им содержать прizрение»³.

Таким образом, не в конце XIX века, как полагает Ю. Миленушкин⁴, а на целое столетие раньше русскими учеными была установлена заразительность проказы, и заболевание это отдифференцировано от сифилиса.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 17, д. 70.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 6.

³ Там же, св. 6, д. 4.

⁴ Ю. И. Миленушкин. Г. Н. Минх и борьба с проказой в России. ЖМЭИ, 1949, № 1, стр. 72.

401949

464.

Въ Государственную Медицинскую Коллегию

Арх

Отъ Штаб-лѣкаря Петра Симонтовскаго

Рапортъ

По прибытии часовъ въ Городъ Уральскъ для изысканія и прекращенія доказуемой таѣжной существующей болѣзни членовъ Кромѣ того постъ назначенній. Въъѣздъ въ городъ произведенъ въ позднѣйшій часъ дѣйствія нашей арміи. Чемъ болѣе болѣзнь эта подозрѣна изъѣзжая у погателей поѣзда именемъ Европейской аутопсіи не получено. А Карлъ въ свою отраду указываетъ болѣзнь, и доказаніе за недоказаніемъ. Въѣзжая ее это брѣженнѣе отъ родителейъ или пасъ-предѣкодѣйствія ихъ да хотя и отъ арміи постороннію працѣніи вслѣдъ вслѣдъ именемъ Европейской аутопсіи не получено. Въѣзжая скажу, что всѣца отъ болѣзни поставила болѣзнь недоказаніемъ: оговариваю только по результатамъ тѣхъ болѣзней для недопущенія онихъ въъѣзда въ городъ. Въъѣздъ въ городъ въѣзжая Уральскъ жители съѣзжаются наѣзжать устроеніемъ гаишниковъ всѣхъ мѣстъ, таѣжнѣе изысканіе и погателѣніе не имѣетъ языка приѣздѣ, въѣзжая всѣхъ членовъ не требуетъ рѣшился я просить у Товарищеска Бондарьера и Бондарьера въѣзжая болѣзни доказывали триѣвѣа да и въѣзжая въѣзжая отпукѣ именемъ вѣдомства Петровскаго. Петровскаго и наѣзжавшаго скоро отпугнули, въѣзжая въѣзжая доставленіе за изысканіе болѣзни и инструментальной. Языкъ цитрическое о и вѣдомства вѣдомства приѣзжая всѣе приѣзжая приѣзжая. 1196 года. Августа 28-го. Штаб-лѣкарь Петръ Симонтовскаго

Изъ Уральска

Рис. 23. Рапорт штаб-лекаря П. Симонтовского о результатах поездки в Уральск для изучения проказы.

Не удовлетворяясь выполнением порученного задания, П. Симонтовский попутно изучает санитарное состояние Уральска, делает ряд выводов и практических предложений об его улучшении, излагая их в своей работе «Замечания некоторые до города Уральска касающиеся»¹. В ней он предлагает ряд мер для очистки города, улучшение водоснабжения, ликвидацию водоемов со стоячей водой в окрестностях города, делает совершенно правильное заключение, что черви на рыбе являются личинками мух и т. п. Оба эти сочинения были представлены Симонтовским в медицинскую коллегию в начале 1797 г., но не были ею опубликованы. Еще более замечательную и яркую страницу в истории отечественной медицины XVIII столетия составляют исследования сибирской язвы.

Как известно, это заболевание описывалось во многих странах Европы и Азии и до XVIII века. Наиболее подробное описание сибирской язвы у рогатого скота составлено Рамадзини, наблюдавшим эпизоотию в Италии в конце XVII века. Однако во всех этих описаниях заболевание не было выделено в отдельную нозологическую единицу, смешивалось с другими карбункулезными болезнями; не была изучена клиника, терапия и патологоанатомическая картина болезни, не установлена идентичность заболевания у скота и людей.

Авторы всех позднейших работ, освещавших историю исследования сибирской язвы, начиная от Гейрота, затем Хотовицкий², Любимов³ и кончая Розенберг⁴, ссылаясь на работы Бартолеми, Леро и др., считают, что выделение заболевания в отдельную нозологическую единицу принадлежит Фурнье и Томассену, а первое описание патологоанатомической картины и установление тождественности этого заболевания у скота и людей относят к началу XIX столетия.

О работах русских ученых в области изучения сибирской язвы в XVIII веке очень кратко упоминают Гейрот и Уден. Так, например, Гейрот, упоминая о работах Гмелина и Палласа, пишет: «Санкт-Петербургская государственная медицинская коллегия получила сверх того и еще многие о сей болезни известия, а наипаче, когда оная во многих провинциях Российской империи свирепствовала»⁵. Более конкретно говорится в работе Удена: «Она не безизвестна кажется и в других землях, но в России давно уже не только описаны припадки ее, но также более 70 лет употребляют настоящий способ лечения». И далее: «Описания сей болезни, учиненные Российскими врачами, почитаются достовернейшими, поелику меч-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 7.

² С. Ф. Хотовицкий. О сибирской язве. СПБ, 1831.

³ И. Любимов. О сибирской язве на людях. СПБ, 1861.

⁴ Л. П. Розенберг. Сибирская язва у человека. Кишинев, 1948.

⁵ Ф. Гейрот. Медико-практическое описание болезни, называемой сибирской язвой. СПБ, 1807.

тательное предположение в природе несуществующего насекомого, названного адскою фуриею, не может почитаться важным открытием¹.

Однако ни Гейрот, бывший главным лекарем С.-Петербургского военного госпиталя, ни Уден — ученый секретарь медицинской коллегии, безусловно располагавшие всеми материалами русских врачей, не упоминают ни одного имени русских ученых, не приводят сведений об изучении этой болезни в России и, противореча своим словам, приписывают основную роль в изучении сибирской язвы иностранным ученым, а Гейрот называет ее «болезнью Фурньира».

Истинная же картина ее исследования такова.

Гмелин, путешествуя по Сибири, наблюдал эту болезнь среди скота и людей в Таре в 1731 г., не дав, однако, подробного ее описания. Такое описание сибирской язвы, позволившее выделить ее в самостоятельную нозологическую единицу, отграничить от других карбункулезных заболеваний, представили в медицинскую коллегию главные лекари Колывано-Воскресенских заводов Абрам Эшке и Никита Ножевщиков.

А. Эшке, бывший главным лекарем этих заводов с 1751 по 1758 г., представил в медицинскую коллегию сочинение под названием «Краткое известие о Колыване и окололежащих местах, о свирепствующих там болезнях между людьми и скотом, напоследок о растущих в некоторых местах Сибири травах и минералах»².

В этой работе он подробно описывает клиническую картину заболевания у людей, указывает на его тождественность с заболеванием животных, отмечает сезонность заболевания. Изучение сибирской язвы продолжил Н. Г. Ножевщик, один из выдающихся русских лекарей XVIII века, сменивший в 1758 г. Эшке на посту главного лекаря Колывано-Воскресенских заводов.

В 1762 г. он представил в медицинскую коллегию свое сочинение о болезнях, встречающихся среди людей в Колывано-Воскресенском округе и на Иртышской линии. В этом сочинении имеется подробное описание сибирской язвы: «...бывает ежегодно в Барнауле, Колыване, на рудниках и заводского ведомства в слободах и деревнях по большей части в июле месяце и первой половине августа, пока большие жары продолжаются, на людей обоего пола некоторый род чирьев, моровым чирьям или карбункулам подобный. Здесь называют оную болезнь язвою или пятном, а по деревням ветроносною болезнью; по линии же Иртышской, то-есть в Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской, Бийской и прочих крепостях, оный род чирьев называется неизвестной болезнью»³.

¹ Ф. У д е н. Наставление о скотских заразах. СПБ, 1807, стр. 4.

² ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 1.

³ Там же, д. 2.

№ 1233 Служебный рапорт. 2-й лист № 3. Год
самъ Владимира Евдокимова

№ 19

Ат. 2

Объ Медицинскую Номенклатуру Делавского Альбома
Нижегородской губернии.

Пополнительный рапортъ.

Бѣ съ приложеніемъ Ея Імператорскаго
Славянска и русинскаго языка Европейскаго
школы въ Петербургѣ 17. йюни Пополненіе тѣхъ же
1762. года Октябрь 17. днѣмъ 11 часовъ. Обратившись
ко Присланному въ Рязань Замѣдѣ. Погибшему
Ялону Иудею Бирту. Абнака Европы на съѣзжаніе
Сибирскаго горного наука съѣзда по предмету Евр.
Октябрьскому. Въ послѣдніи. Задача по изобрѣтѣ
растительнаго обѣрада 229 предметами. Книги въ
Сибири. Стоимость тарифъ и подѣльщиковъ въ Астрахань
съюзъ наукъ Европы. Состоящимъ въ Знаніи Академіи
кихъ. Погибшемъ спорышемъ. Чугунная наука
изобрѣтѣ въ Астрахань привезеніемъ со собою тѣхъ
же. Задача. Академіи въ Евр. Чугунной
кихъ. Книги постѣльно упакованныхъ Европы. Академіи
изобрѣтѣ пополненіе Европейскаго. Состоитъ въ пополненіи
рѣчи Европейскаго языка. Въ тарифѣ зѣ въ
Чугунной науки учредилъ. Пополненіе тѣхъ предметовъ
отъ стоящемъ въ Астрахань. Погибшемъ. Привезеніи
Задача въ Астрахань города Погибъ. Въ пополненіи не
сталъ тѣхъ наукъ погибшихъ тѣхъ. Кто состоитъ пропа-
захъ. Кто изъ погибшихъ доставленъ живъ или
иная въ пополненіе языку. Кто привезенъ въ
Сибирь Замѣдѣ. Кто тѣхъ предметовъ Октябрь подѣль-
ствъ изобрѣтѣ прѣдписаніе города Погибъ
изобрѣтѣ и тѣхъ. Академіи изобрѣтѣ въ Астрахань

Рис. 24. Лист из рапорта Н. Ножевщикова с описанием сибирской языка.

Далее Ножевщиков приводит подробное описание заболевания, которое заканчивается следующим выводом: «знаки оной болезни суть опухоль с распадением, твердая, безболезненная, шилом или иглою ежели оную прокалывать, то оная скрипит, пока не пройдут до здоровой части, из проколотых дырочек вытекает пасока». Возражая тем, кто видел причину болезни в укусах насекомых, в жаре, половодье и т. п., Ножевщиков пишет: «Примечания достойно, что оная болезнь хоть очень редко, однако и зимою случается»¹. За это сочинение Н. Ножевщиков был удостоен звания штаб-лекаря.

А. Эшке и Н. Ножевщиков в своих работах дали столь полное описание этой болезни, что когда в 1764 г. по рапорту генерал-поручика Шпрингера сенат потребовал ее изучения от медицинской коллегии, последняя с полным правом могла донести: «Болезнь оная в Сибири уже довольно известна»; она «людей и лошадей заражает и смертельна бывает, ежели не надлежащим порядком пользована. Обстоятельства сии собраны из достаточных описаний оной болезни, сочиненных бывшими на Колывано-Воскресенских заводах главными лекарями Эшке и Ножевщиковым»².

В дальнейшем по предложению медицинской коллегии изучением сибирской язвы занимались медицинские чины сибирского корпуса, в большинстве иноземцы: доктор Тиль, штаб-лекарь Фавас, лекари Мейстер, Кизинг, Рихтер, Борнеман и др. Однако все они, не будучи заинтересованы судьбой страны и ее населения, находясь под влиянием западноевропейских идеалистических школ, не дали в своих работах ничего нового, ничего оригинального. Работа Рихтера была справедливо оценена ученым секретарем медицинской коллегии, как сочинение «весъма посредственного содержания». Штаб-лекарь Фавас рекомендовал лечение сибирской язвы примочками из мочи человека. Тиль писал, что «болезнь сия происходит от ядовитого насекомого, а что это за насекомое, сего не могу точно определить». Для того чтобы каким-то образом объяснить наличие заболеваний сибирской язвой в зимнее время, когда насекомых в природе не бывает, он придумал следующее: неизвестное насекомое заносится в избы, где откладывает яйца, из которых потом зимой от тепла выводятся молодые насекомые, вызывающие своими укусами болезнь.

Следующим этапом в изучении сибирской язвы в XVIII веке является работа штаб-лекаря Андреевского.

Своей службой, а также рядом присланных в коллегию врачебных сочинений он был настолько известен коллегии, что при требовании сената послать специальную комиссию для изучения болезни, которая «ежегодно случается в Челя-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 2.

² Там же, д. 3.

бинской округе и причиняет большой урон», коллегия безоговорочно решила: «Для сей комиссии назначены яко искусные и известные в своих знаниях, практикующий медицины доктор Борнеман и состоящий в службе лекарь Андреевский и с ними подлекари СПБ сухопутного госпиталя Вальтер и Василий Жуковский»¹.

«Комиссия» выехала в Уфимское наместничество в марте 1786 г. Приехав на место, они разбились на две партии. Борнеман и Вальтер выехали в Челябинск, а Андреевский с Жуковским — в Троицк. Борнеман, не вдаваясь ни в какие исследования, поспешил представить в коллегию свое чисто умозрительное сочинение, хвастаясь главным образом успехами в излечении больных, и спешно выехал в Екатеринбург под предлогом необходимости химического исследования воды, которую он считал источником болезни. Дальнейшее трехлетнее изучение болезни С. Андреевский производил один с помощью подлекаря В. Жуковского. В своем рапорте в 1786 г. он писал, что после отъезда Борнемана, «будучи побуждаем к точнейшему преследованию причин сей болезни, поставлял первейшим предметом производить в деятельность анатомические над упальми мертвенинами замечания»².

Уже в 1788 г. он представил коллегии подробное сочинение «О сибирской язве», которое, как это видно из его рапортов и указа коллегии, содержало топографическую карту мест распространения болезни, подробное описание болезни, собственноручные его рисунки, «представляющие вид, величину, внутреннее строение и начало опухолей, людей и скот поражающих», и анатомические препараты умерших от этой болезни. Это сочинение, к сожалению, не сохранилось. За проведенные исследования Андреевский был награжден званием штаб-лекаря.

С. С. Андреевский не прекратил на этом своих исследований и оставался в Челябинском округе еще год. Необходимо было решить вопрос о природе болезни, установить окончательно тождественность заболевания у скота и людей, доказать заразительность болезни. С величайшим самопожертвованием он решает эти вопросы путем прививки себе сибирской язвы от больного. В результате прививки он перенес тяжелую форму сибирской язвы, чуть не стоившую ему жизни. Об этих дополнительных исследованиях он сообщил во втором сочинении, представленном в медицинскую коллегию по возвращении его в 1789 г. В нем он пишет: «Входя в беспристрастное исследование всех сделанных мною опытов и примечаний, я не мог еще оставаться вовсе удовлетворенным в моих желаниях. И хотя причины, начало, прохождение и следствия

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 5, кн. 412, л. 17.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 16.

хода въ Вирчестрастное и вселебане
всехъ Докладныхъ лицъ отвѣтъ и
причины, иъ толкъ я Ещъ оставалъ
бѣзъ удовѣренияъ въ лицъ фармакѣ.
И хотя пришло, нарасу, предупреждѣніе
и содѣствіе скончанію, наѣзду, чѣмъ-
нице иже головно доставлено
иъ подианію (Ex); но я не представилъ си-
стемѣ нахъ Ещъ не доведеніемъ до наде-
жного подтверждѣнія, Ещъ оставилъ
личинъ за сорокъ сутки въ болѣзни сопут-
ствія; съдователю и не расшифровано
присяло виновника угрозы обѣщанія.
Къ жалѣй сихъ дасъ толкъ отвѣтъ досто-
вѣрѣній, огутнѣніи и письмѣнѣ чре-
зъ сомнѣніе не подвергнѣнъ; и съ то-
го времени проізвѣлъ я надѣ съчиненіе
сего, посредствомъ привитіи лицъ
сего извѣ.

Приводимъ отвѣтъ сего книга си-
дущій:

Въ началѣ проізвѣлъ я сеѧѣ дата въ про-
цессѣ вѣдернаніи, предупрежденіе сихъ
и оному сакію, и тѣль содѣствіемъ огуб-
шую свои уласы исконично народа фармакѣ.
Сто проізвѣніе отвѣтъ, и письмо 18^{мѣсяцъ}
иша проізвѣло 1788го года, атварѣ Мунов-
скій оставилъ по мѣрѣ извѣнную ма-
терію. Вѣну же надѣ въ воскресенію
сестъ отъ прѣстѣнія Юрина, тирафен-
нало Глемона зѣвко. Сіи слѣдніе

Рис. 25. Страница из сочинения С. Андреевского с описанием привития им себе сибирской язвы.

оной болезни, казалось, учинилися мне довольно достаточными к познанию ее, но я не преставал считать их еще не доведенными до надлежащего совершенства, еще оставляющими за собою следы некоторого сомнения, следовательно, и не заслуживающими прямого внимания ученого общества. Нужен был для того опыт достоверный, ощутительный и никакому уже сомнению не подверженный; и сей-то опыт произвел я над самим собою посредством привитой мною себе язвы¹.

Опыт был произведен им 18 июля 1786 г. в Челябинске в присутствии лекаря Жуковского, челябинского городничего фон Швейгофера и судьи Оловянникова. После прививки Андреевский ежедневно записывал свое состояние и течение болезни, пока состояние его настолько не ухудшилось, что он уже не мог вести наблюдений, о чем он и говорит в своем сочинении с большим сожалением: «Расстройство и помешательство мыслей, соединенные с превеликим страданием, воспрепятствовали мне сохранить в памяти тогдашнее мое состояние во всем существе его»².

Своими работами Андреевский полностью отверг существовавшее в западноевропейской медицине и поддерживавшееся большинством врачей-иноzemцев в России мнение о происхождении болезни от укусов насекомых. Он установил также и то, что ими отрицалось,— ее заразительность и возможность передачи от животных животным и людям.

Свои теоретические представления по этому вопросу он подкрепляет опытами на животных, патологоанатомическими вскрытиями и, убедившись в своей правоте, смело выступает против признанных авторитетов: «Некоторые описывают действие и причину сей болезни совсем напротив. Не касаюсь я прежнего всего описания, в котором осмелился им возражать и приводить многие доказательства, как умственные, так и практические, присоединю токмо к нему последние мои замечания, которые толико же их системе противоречат, колико и прежние»³.

Им дано подробное и полное описание клинической картины болезни, установлено деление болезни на три степени по тяжести течения; на основании более 200 патологоанатомических наблюдений он установил наличие сибирской язвы с поражением внутренних органов без кожных проявлений. Затем он разработал свою методику лечения в зависимости от формы и тяжести заболевания и, наконец, предложил методы профилактики заболевания. Среди мер, предложенных им, мы находим следующие: 1) запрещение торговать скотом при

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 28.

² Там же, д. 22.

³ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, д. 16-а.

наличии заболевания и снимать кожу с павшего от сибирской язвы скота; 2) отделение заболевшего скота от здорового; 3) запрещение подходить к здоровому скоту в одежде, в которой находились около больных, и надевать сбрую больных лошадей на здоровых; 4) глубокое закапывание павшего скота и т. п.

Сенат предложил медицинской коллегии на основании работ Андреевского издать две книги. Одну для врачей, «в которой содержаться будет физическое и топографическое описание, ближайшие и отдаленные причины, различные степени болезни со всеми признаками и припадками, анатомические наблюдения над людьми и различного рода скотом, от язвы погибшими, учиненные, снабденное рисунками, географическою картою и пр.»¹, и другую — для широких слоев населения, армии и гражданских чиновников «в кратчайшем начертании в пользу тамошнего народа средств»².

Первая из этих книг, к сожалению, не была издана, не найдена и рукопись ее. Вторая же была издана медицинской коллегией лишь в 1796 г. под названием «Краткое описание сибирской язвы, содержащее предохранительное и врачевательное средства, в пользу простого народа» и разослана через сенат в Пермскую, Колыванскую, Уфимскую, Тобольскую и Иркутскую губернии. Главным составителем и редактором этой книги был Андреевский; однако в угоду некоторым членам коллегии он был вынужден внести в нее ряд пунктов о причинах заболевания и мерах профилактики, противоречащих его мнению, так как книга издавалась от имени коллегии.

В 1796 г. заслуги Андреевского в деле изучения сибирской язвы были, наконец, оценены. По представлению Васильева он был награжден орденом.

После работ Андреевского исследование сибирской язвы продолжалось рядом других русских лекарей. Из числа этих исследований наибольшее значение имеют: книга штаб-лекаря Пермской губернии М. Гамалея, изданная в Перми в 1792 г.³; сочинение лекаря 2-го пограничного Тобольского батальона Василия Козлова «Примечание о именуемой ветряной или воздушной сибирской язве»⁴, представленное в медицинскую коллегию в 1796 г.; сочинение штаб-лекаря Василия Жуковского, сподвижника С. С. Андреевского по Уфимской экспедиции, оставшегося добровольно на службе в Оренбургском крае и прослужившего там всю жизнь в должности

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, д. 16-а.

² Там же.

³ М. Л. Гамалея. О сибирской язве и о ее народном лечении. Пермь, 1792.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 17.

о
сибирской язвѣ
и о ея

народномъ лѣченіи,

съ прибавленіемъ о скотскомъ па-
дежѣ и о осторожностиахъ, быва-
емыхъ во время падежа.

Сочинилъ Штабъ-Лѣкарь

Михайло Гамалея.

Съ дозволенія Государственной Меди-
цинской Коллегіи.

ПЕЧАТАНО ВЪ ПЕРМИ,
При Намѣстническомъ Правлениі
1792 года.

Рис. 26. Титульный лист книги М. Гамалея.

оператора врачебной управы, «О лечении сибирской язвы»¹; сочинение штаб-лекаря Пиняева «Начертание способов, коими оканчивается болезнь, известная под именем сибирской язвы», представленное им в коллегию в 1797 г.², и ряд других.

Для всех этих работ русских врачей характерно стремление направить свои исследования на помощь народу в целях избавления его от болезней, поэтому ни один из них не ограничивается только теоретическими рассуждениями, но, как правило, разрабатывает ряд профилактических мер, способствующих прекращению эпидемии. В предисловиях к своим сочинениям они всегда подчеркивают стремление служить народу. Андреевский в своей работе писал: «Вся цель и все труды мои клонились единственно к общественной пользе»³.

М. Л. Гамалея в предисловии к книге также указывает на общественное значение своей работы: «Желая быть по возможности полезным обществу, осмеливаюсь представить в пользу сибирских жителей мои примечания о двух бедностных приключениях, от которых сибирские жители много претерпевают»⁴. Аналогичные высказывания мы находим также в сочинениях Жуковского, Козлова и др.

Второй особенностью их является стремление строить заключения не на умозрительных положениях, а обосновывать выводы практическими опытами и наблюдениями. Через все эти работы красной нитью проходит борьба с идеалистическими представлениями о существе заболеваний и с метафизическими умозрительными представлениями, которые внедрялись в Россию врачами-иноzemцами, последователями западноевропейских идеалистических школ. Андреевский в цитируемой выше работе пишет: «По учинении сих дополнительных наблюдений, обоснованных на самых опытах, и по изысканиям всевозможных способов, как себя предохранять и как лечить оную болезнь, не воображал я себе, однако, что уже вовсе достиг той цели, которая бы заслуживала внимания ученого общества. Целые почти три года мыслил я токмо о сем одном предмете: переходил из одного места в другое, изучил наиболее такие места, где болезнь в высшей степени изливалась свою жестокость, анатомировал собственными руками множество разного скота, упражнялся в лечении людей обоего пола и различного возраста, одним словом, старался всевозможными образами получить хотя не совершенное, но по крайней мере достаточное и неопровергимое понятие о начале и следствиях той болезни»⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 15.

² Там же, д. 21.

³ Там же, д. 22.

⁴ М. Л. Гамалея. О сибирской язве и о ее народном лечении. Пермь, 1792.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 22.

М. Л. Гамалея в своей работе указывает на установленный его наблюдениями факт бесспорной передачи заразы от животных человеку, говорит о возможности переносов заразы от больных к здоровым с помощью насекомых: «...сии напившись крови на заразительном скоте или подле, садясь сообщают людям прямо в кровь то-есть язвя, или только сядясь, а отсюда рождается язва людская»¹.

Лекарь Козлов первым указывает на возможный микробный фактор возникновения сибирской язвы. «Известно нам из доказательств физических, что в воздухе нашем довольноное число носимых бывает таковых мелких, невидимых глазами нашими червяков, которых он может всегда удобно глотать с воздухом, вероятным очень может быть, когда человек на работе своей пашни или где ни есть также и без работы в летний жаркий день довольно потел, то в то время человеческие поры находятся отверстными, в кои удобно может вкрапиться какого-нибудь рода мелкая насекомая или тончайший червячок, ветром нанесенный»².

Штаб-лекарь Пиняев в упоминаемом выше сочинении, изучив патологоанатомическую картину сибирской язвы, указывает на три возможных исхода болезни при кожном поражении: разрешение, отделение, нагноение.

Таким образом, сибирская язва, свирепствовавшая в XVII и XVIII столетиях в ряде стран Европы и Азии, изучена и описана русскими лекарями XVIII столетия. Заслуга выделения ее в самостоятельную нозологическую форму и описания клинической картины принадлежит главным лекарям Колывано-Воскресенских заводов А. Эшке и Н. Ножевщикову и относится к 1755—1760 гг. Установление с помощью опытов заразительности болезни, доказательство тождественности заболевания у скота и людей, описание патологоанатомической картины заболевания, описание различных клинических форм, разработка методов лечения и профилактики — все это является заслугой штаб-лекаря Андреевского и относится к 1788—1789 гг. С. Андреевскому же принадлежит современное название этой болезни «сибирская язва», данное им по месту ее изучения. Дальнейшее изучение методов лечения и профилактики болезни осуществлено лекарями Жуковским, Гамалея, Пиняевым, Козловым и др. в 90-х годах XVIII столетия.

Как мы уже говорили, подробное изучение врачебных рукописных сочинений XVIII века должно явиться предметом исследования специалистов соответствующих отраслей медицинской науки и не входят в нашу задачу. При общей же оценке сочинений русских врачей следует отметить, что большин-

¹ М. Л. Гамалея. О сибирской язве и о ее народном лечении. Пермь, 1792, стр. 21.

² ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 17.

ство из них представляет собой вполне зрелые научные труды, содержащие в себе оригинальные исследования. В противоположность лекарям-иноzemцам, чьи работы чаще всего присыпались в виде приложения к рапорту с просьбой о чине и должности, как средство получить лучшее место, представляли малый интерес и заслуженно получали от медицинской коллегии отрицательную оценку, русские лекари — воспитанники госпитальных школ, происходившие, за небольшим исключением, из низших слоев населения России, кровно связанные с ним, в своих изысканиях руководствовались сочувствием к угнетенным и обездоленным труженикам. Первейшей целью своих научных исследований они считали облегчение участия народа, борьбу с болезнями, приносившими ему страдания и уносившими массу человеческих жизней.

Посылая сочинения в коллегию, они в противоположность иноземцам почти никогда не требовали за это повышения в чине или других наград, указывая обычно лишь на желание служить народу.

Русские исследователи в большинстве случаев не ограничивались одним сочинением, а продолжали свои научные исследования на протяжении всей своей деятельности.

В научных работах русских врачей XVIII века ясно обнаруживается их связь с передовыми материалистическими идеями великого русского ученого, основоположника русской материалистической философии М. В. Ломоносова и русских философов-просветителей второй половины XVIII столетия. Многочисленные цитаты из сочинений М. В. Ломоносова и ссылки на них имеются в трудах Д. Самойловича, письмах Н. Ножевщикова, сочинениях А. Масловского и многих других врачей. Несомненно, под влиянием работ М. В. Ломоносова написаны сочинения И. В. Протасова «О состоянии рабочих на заводах»¹ и К. Балановского «О рабочих на ситцевой фабрике в Шлиссельбурге»², касающиеся вопросов гигиены труда.

Отмеченное рядом автором (С. М. Громбах, В. М. Корнеев, С. Л. Соболь, М. А. Тикотин и др.) преобладание материалистических идей в трудах русских ученых-медиков XVIII века полностью относится и к их рукописным сочинениям.

Вполне понятно, что материализм русских ученых XVIII столетия не был последовательным материализмом. Это был естественноисторический материализм, ограниченный, антидиалектический, т. е. материализм «наполовину бессознательный» и стихийно верный духу естествознания.

В противоположность идеалистическим представлениям о душе, свойственным большинству зарубежных ученых того времени и отразившимся в ряде рукописных сочинений, при-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 73.

² Там же, св. 42, д. 5.

надлежащих в основном представителям зарубежной медицины в России (работы лекарей А. Шетлера¹, И. Франкена² и др.), русские ученые, как правило, не отрывали психическую деятельность человека от других физиологических функций его организма.

Мы уже говорили о сочинении Я. Сандул-Струдзы, в котором он писал, что душа «в естественном состоянии человека получает впечатление вещей посредством здоровых наружных чувств и что она с телом до смерти имеет тесную и неразрывную связь»³. Члены Астраханской врачебной управы писали в 1797 г. в своем сочинении: «Душевные чувства, будучи в порядке, как сердца нашего, так и всех жизненных тела нашего действия суть нужная пружина»⁴. Члены Пермской врачебной управы М. Гамалея, Н. Карпов, И. Протасов и др. в своем руководстве для сельских врачей⁵ писали, что люди имеют «разности в строении тела и душевных нравах», которые зависят и изменяются под действием окружающей их среды⁶.

В своем сочинении о профессиональных заболеваниях И. Протасов⁷ уделил большое внимание зависимости заболеваний рабочих-металлургов от их физического развития и условий окружающей среды. Влияние внешней среды на состояние здоровья населения отмечается почти во всех гигиенических работах русских врачей XVIII столетия.

Отражением материалистического мировоззрения русских лекарей является и методика их научных исследований.

В противоположность зарубежным ученым, среди которых господствовало метафизическое мировоззрение и которые пытались перенести свои умозрительные суждения на русскую почву, русские лекари-ученые в подавляющем большинстве были сторонниками экспериментального, опытного исследования природы. Это явление отражало общее положение, характеризующее естественноисторический материализм XVIII века. Маркс и Энгельс указывают, что французское просвещение и в особенности французский материализм XVIII столетия представляют собой борьбу не только против существующих политических учреждений, религии и теологии, но также борьбу против всякой метафизики⁸.

В опубликованных трудах русских врачей-ученых XVIII столетия содержатся многочисленные указания на необходимость опытного исследования болезней и явлений природы.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 41.

² Там же, св. 24, д. 5.

³ Там же, св. 3, д. 11.

⁴ Там же, св. 45, д. 20, л. 110.

⁵ См. о нем ниже, стр. 196.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 89, л. 984.

⁷ Там же, д. 79.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1929, т. III, стр. 154.

Так, Н. Максимович-Амбодик в своем руководстве по ботанике писал: «Одни кабинеты, многочисленными книгами переполненные, не довлеют ему (т. е. ученому-ботанику,— Б. П.) для снискания совершенного в сей науке сведения, он не довольствуется чтением оных, старается видеть собственными очами растения»¹. Многочисленные указания такого же рода имеются в трудах Д. Самойловича. М. Тереховский в своей диссертации писал: «Нужно не сочинять или выдумывать, а исследовать, что делает или приносит природа»².

В рукописных трудах русских ученых эта борьба с метафизическими воззрениями также ярко выражена. Работы русских ученых, как правило, содержат оригинальные исследования, основанные на наблюдении многих больных, изучении патологоанатомических препаратов, зачастую с постановкой различных экспериментов. В результате таких исследований русские ученые в ряде случаев приходят к выводам, противоречащим признанным авторитетам, и смело выступают против них.

Так, лекарь С. Иванов в своей работе «О существе зелено-ватой пыли, поднимающейся при счете ржавых медных денег» на основании ряда опытов приходит к правильному выводу, что ржавчина, образующаяся на медных деньгах, представляет собой соединение «медных частиц с воздушною кислотою» и может служить причиной отравления³. Лекарь М. Петровский в сочинении «О нечистоте как причине болезней» правильно определяет эпидемиологические факторы, обусловливающие возникновение желудочно-кишечных инфекций⁴. Лекарь П. Беляков в своем труде «Излишнее без нужды употребление лекарств и строгая диета, через долгое время употребляемая, расслабляя тело человеческое не только пользы не делает, но и во вред служит» на ряде примеров показывает несостоительность чрезмерного увлечения назначением больным строгой диеты и обильного количества различных лекарств⁵, свойственного большинству докторов-иноzemцев. Лекарь Т. Митрофанов в сочинении «О камнях почек»⁶ правильно определяет причину образования почечных камней, восстает против распространенного среди ряда ученых того времени мнения о происхождении этих камней из проглощенных костей или фруктовых косточек. Лекари В. Гоголев в работе «Примечания, чинимые над ртутными средствами от любострастной болезни, с опытными наблюдениями»⁷ и Выражевич в работе

¹ Н. М. Максимович-Амбодик. Первоначальные основания ботаники. СПБ, 1796, стр. 4.

² С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М., 1949, стр. 470.

³ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 29, л. Н-79.

⁴ Там же, св. 45, 71.

⁵ Там же, св. 43, 7.

⁶ Там же, св. 42, д. 8.

⁷ Там же, св. 30, д. 26.

«Практические примечания о действии Ганнемановой растворимой черной ртути, употребляемой против любострастной болезни при лазарете Ново-Ингерманландского мушкетерского полка»¹ критически разбирают методы лечения венерических болезней, предложенные зарубежными учеными, и разрабатывают основы рациональной терапии этих заболеваний.

Разница между схоластическими, умозрительными теориями учёных-иноzemцев и опытным изучением явлений русскими учёными отчетливо выявляется в подробно изложенной нами истории изучения проказы и сибирской язвы в России. Именно желание установить точно и доказательно научные истины приводит русских учёных к опытам над собой, сопряженным с величайшим самопожертвованием. Д. Самойлович в 1771 г. проделывает ряд опытов над собой с целью исследования чумы; С. Андреевский в 1786 г. прививает себе с исследовательской целью сибирскую язву.

Русским лекарям — воспитанникам госпитальных школ принадлежит ряд открытий. Роль пищевых факторов в этиологии цинги открыта в 1741 г. и обобщена в 1770—1780 гг. в работах А. Бахерахта, А. Масловского и Д. Писчекова.

Выделение сибирской язвы в самостоятельную нозологическую единицу и описание ее клиники осуществлено штаб-лекарями А. Эшке и Н. Ножевщиковым в 1755—1760 гг. Дальнейшее ее изучение проведено в конце XVIII столетия С. Андреевским, В. Козловым, М. Гамалея, Пиняевым, В. Жуковским и др.

Токсикология спорыньи изучена в 1785 г. Я. Стефановичем-Донцовым и пополнена исследованиями В. Червинского, И. Романовского, В. Переяславца и др.

Штаб-лекарь М. Стефанович-Донцов в 1773 г., задолго до Джексона и других авторов, описал травматическую эпилепсию.

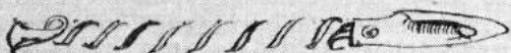
Лекарям П. Капельскому и Дримпельману принадлежат оригинальные методы лечения переломов конечностей. А. Масловский изобрел ряд новых инструментов для акушерских операций. Штаб-лекари М. Стефанович-Донцов и Цеклинский усовершенствовали отоларингологические инструменты, Рейнер — глазные.

Таким образом, русским учёным-медикам XVIII века, помимо значительного числа научных трудов, изданных в России и за границей, принадлежит огромное по тому времени количество исследований, оставшихся неопубликованными.

Знакомство с этими работами позволяет говорить о большой активности научной медицинской мысли в России XVIII века, мысли пытливой, настойчивой и прогрессивной.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 68.

нарастки и съединяли и въ билъ подъ одну шпунту
и съ верхушкой и вънъ одинъ наростъ подъ нимъ
прикреплялся изъ истомы, болѣй въ скорой
штадоровѣ и вынималъ изъ тарои инструментъ
съ рисованной узко подковою

Съ ого инструментомъ портупеѣ былъ Здѣланъ изъ
извѣстной подъцѣлѣ прополочи. Гады въѣтъ спороги
были гибкі

и въ сихъ иѣли оторвѣтъ съ первымъ
сопротивлѣніемъ тѣлѣи тѣлѣи и огнѣтѣлѣи
1782 го года въ Штадорспѣленную южночанскую
Коллѣгію лишилиъ подъ доказательство усердія
и службы подъѣзжаны

де рѣстъ о Зарадѣ

въ 1784 году изъ артиллеріи первого ранга
Императорской поліи, въ изъ тарои въ прополочи
штадору, въ ступицѣ въ пошли въ городъ мѣдіи,
Пло скаго лазарета разголовондъ въ Сѣтъ нова
штади, где отъ За вѣзеніи изъ турецкой осман
отъ ташаровѣ отъризанѣ вѣсодица Зарада
рѣстъ умъ наѣзжалъ, обѣ съ Заради былъ
отъ подъ доказательство главною мѣдідукомъ, будь
штадупе съ Императорскими оружіемъ графу Галантину,
и побѣдилъ его спѣдѣтельствованіи доказательство
жилъ и имѣлъ въ мѣдіи артиллеріи чина
подъѣзжанъ либо приупомѣщенніи Иона
Антоновѣ.

Рис. 27. Лист из сочинения штаб-лекаря М. Я. Стефановича-Донцова с изображением сконструированного им инструмента для удаления инородных тел пищевода.

4. Научные труды выпускников госпитальных школ, изданные в России

Как мы отмечали, большинство научных работ русских врачей XVIII века осталось неизданным, ибо медицинская коллегия, серьезно занявшаяся подготовкой их издания лишь в самый последний период своего существования, не успела осуществить своих намерений. Тем не менее на протяжении второй половины XVIII века в России вышло в свет некоторое количество книг, авторами которых являлись русские врачи — выпускники госпитальных школ.

Среди них прежде всего можно назвать ряд учебников для госпитальных школ, авторами и издателями которых были Н. М. Максимович-Амбодик, М. И. Шеин, М. Х. Пеккен и др.; о них мы уже говорили в первой главе. Появились в русском издании и некоторые, весьма немногочисленные докторские диссертации русских врачей. В их числе защищенная в Эдинбурге и переведенная на русский язык П. Богдановичем диссертация Д. Я. Писчекова «Новый легчайший и безопаснейший метод лечения чесотки» (издана в 1786 г.), а также уже упоминавшиеся нами диссертации И. К. Крейзеля и Я. В. Стефановича-Донцова, защищенные в медицинской коллегии.

Сравнительно небольшое количество книг издавалось медицинской коллегией за государственный счет. В основном это инструкции по вопросам организации медико-санитарной службы и эпидемиологии. Среди них прежде всего ряд наставлений, изданных в Москве во время известной эпидемии чумы 1771 г.: «Некоторые примечания в прибавление к наставлениям для предохранения от заразительной болезни» и «Уведомление, каким образом вообще яд язвенный в домах и вещах зараженных и сумнительных истреблять»; книга Г. Орреуса «Краткое уведомление, каким образом познавать моровую язву», а также подробное описание московской эпидемии, составленное А. Ф. Шафонским и другими участниками борьбы с ней, «Описание моровой язвы», изданное в 1775 г.

Медицинская коллегия издала в 1801 г. также книгу И. В. Протасова «Начертание врачебного осмотра рекрут», представляющую собой первое в России руководство по военно-врачебной экспертизе, и в 1796 г. уже упоминавшееся нами «Краткое описание сибирской язвы», составленное С. С. Андреевским; оно переиздавалось затем в 1798 г. и с некоторыми дополнениями в 1829 г. В первой главе этой книги дается определение болезни и описываются ее основные симптомы. В определении подчеркивается, что эта болезнь у людей и животных «одинакового свойства»¹. При описании клиники

¹ С. С. Андреевский. Краткое описание сибирской язвы. СПБ, 1796, стр. 2.

заболевания выделяются три ее формы: первая — легкая, протекающая без особых нарушений общего состояния больного; вторая — с выраженным общими расстройствами и третья — «когда болезнь падает на внутренние части и производит прежестокий жар, несносную тоску, тугость и мучительную в животе боль, величайший бред, сумасшествие и т. п.»¹.

Во второй главе «О причинах болезни» полностью отвергается высказывавшаяся некоторыми, особенно иноземными, врачами мысль о происхождении болезни от укусов насекомых. Подчеркивается чрезвычайная заразительность болезни и отмечаются факторы, способствующие ее распространению: отсутствие отделения больных животных от здоровых, плохое захоронение трупов павших животных, использование сбруи с больных животных и т. п.

В третьей главе «О предохранительных врачебных средствах» приводятся основные противоэпидемические правила: глубокое захоронение павших животных, запрещение торговли скотом во время эпидемии; тщательный осмотр скота, забиваемого на мясо; запрещение снятия кожи с павших животных; немедленное отделение больных животных от здоровых; запрещение пользоваться сбруей с больных животных и т. п.

В заключение рекомендуются способы лечения, в основном — народные, ибо, как говорится в примечании, в тех местах, где распространена сибирская язва, нет врачей и аптек.

В конце книги напечатана статья лекаря Колывано-Боскресенских заводов Кизинга о лечении сибирской язвы травой Омега и рекомендуется всем врачам проверить на опыте предлагаемый им способ лечения.

Московским университетом были изданы на латинском языке три речи воспитанника Московской госпитальной школы проф. Ф. Керестури: «Речь об ощущениях, оказывающих необходимую дружественную помощь человеку как в предохранении здоровья, так и в исправлении нанесенного здоровью вреда», прочитанная 22 апреля 1778 года, «Рассуждение о необходимости познания жизни для того, чтобы яснее обнаружить внутреннюю природу человеческого тела», произнесенная 28 июля 1783 г. (эта речь была затем представлена им в медицинскую коллегию в качестве докторской диссертации), и «Речь о медицинской полиции и о применении ее в России», произнесенная 28 июня 1795 г. Этим почти и исчерпывается перечень книг русских врачей, изданных государственными учреждениями.

Не находя возможности официально издать свои труды, некоторые из авторов издавали их на собственные средства.

¹ С. С. Андреевский. Краткое описание сибирской язвы. СПБ, 1796, стр. 11.

Вполне понятно, что это было по средствам лишь очень немногим врачам, поэтому число таких изданий сравнительно невелико. Большинство из них было издано в Петербурге и лишь одиночные издания вышли в некоторых губернских городах, располагавших типографиями.

Наибольшее количество таких книг посвящено инфекционным болезням. В их числе видное место занимают труды Д. С. Самойловича о чуме, на которых мы несколько подробнее остановимся в дальнейшем.

Чуме же посвящены книга Г. Орреуса «Описание чумы, которая в 1770 г. в Яссах и в 1771 г. в Москве господствовала», изданная в 1774 г. на латинском языке в Петербурге, и книга И. И. Виена «Лоимология, или описание моровой язвы» (1786). Обе эти книги подтверждают опровергнутые Д. С. Самойловичем взгляды иностранных ученых о происхождении чумы от бурь, испарений и т. п.¹.

Описанию сибирской язвы, помимо приведенной выше официально изданной книги С. С. Андреевского, посвящены работа штаб-лекаря И. Петерсена «Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреновою или воздушною язвою», изданная в 1790 г. в Тобольске, и работа М. Л. Гамалея «О сибирской язве и ее народном лечении», изданная в 1792 г. в Перми.

В 1769 г. в Петербурге А. Г. Бахерахтом издана книга «Описание и наставление о прививании оспы», излагающая метод вариолязации, получивший в то время распространение в России и других европейских государствах.

В 1798 г. в Житомире напечатана книга лекаря Гинтера и Шильдкнекта «Достоверный способ поныне неиспытанным растением исцелять кровавый понос», в которой излагается применение опия и растений, содержащих дубильные вещества, для лечения поносов.

Следующее место по количеству изданных работ занимают книги по ботанике и фармакологии. Среди них «Аптека для Российского флота» А. Г. Бахерахта, изданная в 1783 г.². Большой интерес представляет двухтомная «Санктпетербургская флора» Г. Ф. Соболевского, вышедшая в 1801—1802 гг., результат его 24-летних исследований. В этом труде описано 1038 видов растений, дана их ботаническая характеристика и подробные сведения о их лечебном и промышленном применении.

Популяризации ботанических знаний посвящены поэма М. М. Тереховского «Польза, которую растения смертным при-

¹ Подробнее об этом см. работу С. М. Громбаха «Данило Самойлович» в кн.: Д. Самойлович. Избранные произведения. Вып. 2, М., 1952.

² Д. М. Российский. Военно-медицинский журнал, 1947, № 5, стр. 48—54.

носят», вышедшая в 1796 г., и книга Д. Я. Писчекова «О пользе естественных произведений, творцом в природе благоустроенных», напечатанная в 1798 г.

Кроме того, в Петербурге в 1772 г. была издана книга штаб-лекаря М. Я. Трохимовского «Рассуждения о растениях в Крымской степи, полковым лекарем усмотренных»¹.

В книгах А. Г. Бахерахта «Практическое рассуждение о цынготной болезни» (1786) и Д. Я. Писчекова «Наставление в пользу поселян, болезнующих цынготною болезнью» (1798) излагаются методы предупреждения и лечения цинги свежими овощами, настоями хвои и т. п.

А. Г. Бахерахту принадлежит также обширное руководство по военно-морской гигиене «Способ к сохранению здоровья морских служителей», изданное в 1780 г. и переизданное в 1790 г. на немецком и французском языках. В этой книге он подробно освещает гигиену корабельной службы; определяет основные санитарные требования к помещениям корабля, продуктам питания, входящим в матросский рацион; еще раз касается профилактики цинги; проводит идею гуманного отношения к матросам.

Не оставлен был без внимания этим плодовитым автором и важнейший для того времени вопрос борьбы с венерическими болезнями. В 1775 г. им напечатана книга «О неумеренности в любострастии обоих полов и болезнях, приключжающихся от оного», которая затем трижды переиздавалась (в 1780, 1782 и 1800 гг.) и, кроме того, еще трижды печаталась в совместной с С. Венечанским книге «Собрание разных полезных лекарств» (в 1779, 1783, 1787 гг.). Работа С. Венечанского издавалась также отдельно в 1776 г. под названием «Способы и наставления, по которым зараженные французской болезнью поселяне и прочие старанием своих помещиков сами собой вылечиваются».

Из других книг, написанных воспитанниками госпитальных школ, можно указать на уже упоминавшуюся нами работу А. М. Шумлянского «Мнение одного истинолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки» и книгу П. М. Шумлянского «Объяснение испытанного действия воды на тела, огнем охваченные, и другие, стужею пораженные». В первой части этой книги автор указывает, что вода гасит огонь, прекращая доступ воздуха к горящим предметам, и рекомендует заменять ее другими более рациональными, по его мнению, веществами (жидкой глиной) или сжигать вокруг горящих предметов смесь пороха с селитрой. Во второй части рассматривается вопрос о помощи при отморожениях, при этом рекомендуется помещать обмороженные конечности в холодную воду, чтобы обеспечить их постепенное согревание.

¹ Нам отыскать ее не удалось.

Методы оказания первой помощи при несчастных случаях описываются в книге штаб-лекаря И. Петерсона «Краткое наставление, как воспомоществовать тем, кои от насильственных или внезапных случаев приходят в такое положение, что уже мертвыми кажутся», изданной в Тобольске в 1794 г. Популярную книгу для народа о первой помощи при укусах змеи и бешеных животных издал в 1780 г. Д. С. Самойлович под названием «Нынешний способ лечения с наставлением, как можно простому народу лечиться от угрозения бешеною собаки и от уязвления змеи».

В 1789 г. издана книга И. И. Виена «Диссертация о влиянии анатомии на скульптуру и живопись», представляющая собой описание исторических связей между развитием анатомических знаний и изобразительным искусством.

В Риге в 1796 г. штаб-лекарь К. Зоммер напечатал на латинском языке свои медико-хирургические наблюдения.

Наиболее значительный интерес представляет уже упомянутый нами сборник научных работ русских врачей, изданный в 1805 г. на латинском языке бывшим ученым секретарем медицинской коллегии И. И. Виеном¹. В сборник вошло 50 работ, в основном из числа присланных в медицинскую коллегию и отнесенных ею еще в 1793—1795 гг. к первому классу. Среди этих сочинений немногим более десятка принадлежат докторам, прибывшим на русскую службу из зарубежных университетов (сочинения Х. Пеккена, Е. Раппа, Я. Виллье, Р. Симпсона, И. Гильтебрандта, К. Борна), основная же масса сочинений, вошедших в сборник, написана русскими врачами — воспитанниками госпитальных школ. Некоторым из них принадлежит по нескольку работ (А. Пальм — 2 статьи; П. Поддубик — 2, М. Елинский — 3, Я. Юшкевич — 2 статьи и т. д.).

Почти половину всех опубликованных в сборнике работ составляют описания различных хирургических заболеваний, в том числе 7 сочинений о мочекаменной болезни. Среди этих сочинений были: работа И. Гильтебрандта «О сечении камней по Венедиктову», содержащая обобщение опыта известного в России в конце XVIII века оператора каменной болезни, описания камней мочеточников лекарей М. Елинского и Е. Рензинга, сочинение «О выхождении камня мочевого пузыря через свищ промежности» лекаря Т. Ольховича, описания камней необычной величины и формы И. Гильтебрандта, Н. Билича и А. Беллена.

Четыре сочинения (штаб-лекарей Ф. Другова и И. Энегольма, лекарей Ф. Иваницкого и И. Рундквиста) со-

¹ *Observationes medico-chirurgorum Rutheni Imperii collectae et in ordinem redactae a I. M. Vien. Vol. I. Petropoli, 1805.*

держат описания злокачественных опухолей различных органов.

В нескольких статьях описываются различные травматические повреждения. Так, лекарь А. Травулинский приводит случай ранения черепа, при котором пуля без особых последствий в течение 20 месяцев находилась внутри него. Лекарь Ейзерле описывает метод ампутации плеча без перевязки сосудов. В статье лекаря И. Отто говорится о лечении пункциями тяжелой контузии головы с расхождением швов теменных костей; лекарь П. Кремпин описывает удачное лечение тяжелой раны груди, сопровождавшейся выпадением части легкого.

Здесь же напечатана работа доктора Е. Рензинга о трепанации черепа с помощью особого, изобретенного им, трепана.

Очень интересна работа штаб-лекаря П. Поддубика «О развитии мозолей после переломов костей», в которой сообщены существовавшие в то время методы лечения переломов.

Три из опубликованных работ относятся к проблемам отоларингологии: Л. Дебу «О удалении миндалин» и «О инструментах для извлечения инородных тел из пищевода», А. Блюмнера «О трепанации сосцевидного отростка».

Глазные болезни представлены в сборнике лишь двумя статьями известного окулиста И. Рейнера о лечении трихиаза.

Вопросы акушерства и гинекологии освещаются в статьях А. Пальма «О применении вяжущих средств при маточных кровотечениях», штаб-лекаря Ф. Чернявского «О внематочной беременности» и И. Риттмейстера «О хрящевом плоде».

Четыре сочинения касаются проблем невропатологии: лекарь И. Цилов описывает случай излечения пареза нижних конечностей, продолжавшегося в течении 22 лет, штаб-лекарь С. Успенский приводит случай эпилепсии, явившейся следствием новообразования паутинной оболочки; случай эпилепсии описывается также в сочинении Я. Юшкевича, а штаб-лекарь Поддубик дает описание паралича нижних конечностей после острого лихорадочного заболевания.

Инфекционным болезням в сборнике посвящены две работы доктора Х. Пеккена (об эпидемической болезни печени и об эпидемии злокачественной рожи) и сочинение Я. Виллье об употреблении мышьяка при перемежающихся лихорадках.

В статьях докторов Р. Симпсона и Е. Раппа описывается применение препаратов ртути для лечения венерических болезней.

Из других работ, опубликованных в сборнике, изданным Виеном, можно отметить статью Е. К. Валлериана, в которой содержится описание заболевания желудка (очевидно, рак), приведшее к прорастанию его в поперечноободочную кишку,

✓) статьи штаб-лекаря М. Н. Еллинского о панцирном сердце и «О дополнительном почечном протоке», а также статью лекаря П. Усова «О бадяге».

Перечисленными трудами и исчерпываются изданные в России в XVIII веке сочинения русских врачей — воспитанников госпитальных школ. Как видно из вышеизложенного, они охватывают лишь очень незначительную часть их научного наследия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВРАЧИ — ВОСПИТАННИКИ ГОСПИТАЛЬНЫХ ШКОЛ КАК ДЕЯТЕЛИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАРОДА

Госпитальными школами на протяжении XVIII столетия было подготовлено значительное число врачей. Оно не могло, конечно, удовлетворить полностью потребности страны, тем не менее именно воспитанники госпитальных школ составляли и в те времена основную массу врачей в России и сыграли выдающуюся роль в деле развития отечественного здравоохранения. В начале столетия их деятельность распространялась лишь на армию и военно-морской флот. Отсутствие в нашем распоряжении архива медицинской канцелярии за первые годы ее существования, уничтоженного пожаром 1737 г., не позволяет установить численность и имена первых выпускников русских госпитальных школ XVIII века.

Несомненно, однако, что указание В. М. Корнеева¹, будто русские врачи в начале столетия составляли лишь 3% военных врачей, является ошибочным. Их было гораздо больше. Нельзя, как это делает В. М. Корнеев, считать русскими лишь врачей, имеющих русские фамилии, не учитывая, что в русских медицинских школах и путем ученичества у лекарей в России воспитывались врачи не только русской национальности. Нет никакого основания относить таких врачей, родившихся и получивших образование в России, к числу иностранцев.

Самоотверженная деятельность русских военных врачей нуждается в специальном изучении. Работа И. Страшунова, посвященная этому вопросу², слишком кратка и дает неверную картину. Освещая заслуги докторов-иноземцев, И. Д. Страшун слишком мало говорит о роли русских врачей в медицинском и санитарном обеспечении боевых операций войск.

В России лекари находились в составе воинских частей с начала XVII столетия, но лишь в XVIII веке в связи с созданием регулярной армии они вошли в постоянный штат пол-

¹ В. Корнеев. Передовые деятели русской военной медицины второй половины XVIII в. Дисс. Л., 1948.

² И. Д. Страшун. Русский врач на войне. М., 1947.

ков. Недостаток лекарей в армии причинял большую тревогу командующим. Так, в 1708 г. генерал-фельдмаршал А. И. Репнин в докладе Петру I о ходе формирований трех новых полков писал: «в пехотном ни в одном полку ни одного лекаря нет», на что и последовала резолюция Петра: «Теперь взять одного, а как раненые повылечатся, тогда другого»¹.

К 1720 г. в составе армии, не считая госпиталей, было 129 лекарей². К концу же столетия их число увеличилось почти в 4 раза. Как видно из докладной записки, поданной медицинской коллегией министру внутренних дел в 1804 г., в армии было 753 лекарские должности, из которых замещено лекарями было 473 должности³.

В историко-медицинской литературе, начиная с работ Я. А. Чистовича, господствует мнение, что русские врачи стали впервые занимать видные места в госпитальной администрации «лишь со средины XVIII века». Не ставя себе задачу писать о роли русских врачей в развитии военной медицины XVIII века, мы должны здесь лишь упомянуть, что уже в первой половине XVIII столетия выдвинулись своими организаторскими способностями талантливые русские врачи, которые возглавляли крупные военные госпитали. Из числа таких врачей следует назвать лекаря Ф. Петрова, находившегося на службе с 1703 г., а в 30—40 годах возглавлявшего морской госпиталь в Астрахани⁴.

Отличными познаниями в медицине и большими успехами в лечении больных и раненых прославились отмеченные приказами командующих войсками в 1738 г. лекари М. Худяков и М. Туров⁵.

К середине же столетия число таких способных организаторов военно-медицинской службы из числа русских врачей все более увеличивалось. Помимо упоминавшихся уже в работах Я. А. Чистовича лекарей М. И. Шеина и Н. Ф. Чубенского, мы можем привести еще несколько имен. В 1741 г. окончил Московскую госпитальную школу с блестящим аттестатом и направлен в Павловский полк лекарь А. Седов. Прослужив много лет в полках, он впоследствии руководил в качестве главного лекаря крупнейшим военным госпиталем в крепости Дмитрия Ростовского, где воспитал немало подлекарей и лекарей. Его учеником, в частности, был лекарь И. Романовский, автор ряда научных работ. Доктор Мира, обследовавший

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1950, т. 9, стр. 510. (Имеется в виду направление в полки лекарей из временных полевых госпиталей,—Б. П.)

² С. Семека. Медицина военная. Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1948, т. 3.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 11, л. 110.

⁴ Там же, оп. 2, кн. 54, л. 168.

⁵ Там же, оп. 1, кн. 4, л. 23.

этот госпиталь в 1769 г. во время русско-турецкой войны, доносил медицинской коллегии, что нашел госпиталь в прекрасном состоянии при наличии в нем 894 больных и раненых, которые, как писал он, «находятся здесь и пользуются главным лекарем Андреаном Седовым с большим искусством». Доктор Мира просил коллегию о награждении Седова штаб-лекарским званием за выдающиеся успехи в лечении больных и раненых. Коллегия же, легко раздававшая чины иностранцам, на этот раз отвечала: «Как ныне штаб-лекарских порожних мест не имеется, поэтому произвесть его Седова штаб-лекарем не можно¹. Впоследствии Седов служил в Астрахани губернским лекарем.

К числу незаурядных деятелей отечественной военной медицины середины XVIII века относится также лекарь Г. Е. Яхонтов. С 1732 г. он был учеником Московской школы², а в 1738 г. в звании подлекаря был командирован вместе с проф. Шрейбером на фронт, в армию Ласси, где служил в Дербентском полку, принимая участие во всех его боевых операциях³. В 1741 г. он был направлен в медицинскую канцелярию в числе наиболее способных врачей для поездки в Париж с целью подготовки к профессорскому званию для преподавания в русских медицинских школах. Так как эта поездка не состоялась, он был экзаменован в медицинской канцелярии доктором Миниатом и лекарем Эгиди, которые засвидетельствовали в аттестате, что он «по вопросам их как в анатомии, так и в хирургии и в пользовании обыкновенных болезней ответствовал весьма изрядно⁴. После экзамена его произвели в лекари и назначили на должность полкового врача в Петербургский гарнизонный полк.

С 1761 г. в течение 10 лет Яхонтов, будучи лекарем Московского госпиталя, преподавал ученикам хирургию. Умер он 28 мая 1771 г., заразившись чумой во время бывшей в Москве эпидемии⁵.

Значительное число врачей было на службе и в военно-морском флоте. По свидетельству В. Иванова⁶, основная часть первых выпускников Московской школы была направлена в Балтийский флот. В 1720 г. из 39 врачебных должностей в Балтийском флоте было укомплектовано 38. К концу XVIII столетия при росте числа штатных врачебных должностей укомплектованность их во флоте составила лишь немногим более 50 %, значительно уступая проценту укомплектованности

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 36, л. 1—3.

² Там же, оп. 2, кн. 45, л. 27.

³ Там же, ф. 1295, оп. 1, кн. 18, л. 279.

⁴ Там же, оп. 2, кн. 53, л. 666.

⁵ Там же, оп. 2, кн. 75, л. 86.

⁶ В. Иванов. Военно-медицинские кадры. Энциклопедический словарь военной медицины, т. 2, 1947.

должностей городских и провинциальных врачей. В упоминавшейся уже нами записке медицинской коллегии отмечено, что в 1803 г. во флоте числилось 409 врачебных должностей, из которых замещено было 215¹.

Первые русские военно-морские врачи заложили основы отечественной военно-морской гигиены, разрабатывали систему противоцинготных мероприятий. Так, участники второй Камчатской экспедиции В. Беринга (1733—1743) лекари Иван Дягилев и Николай Быстров в своих докладных записках в медицинскую канцелярию требовали снабжения участников экспедиции сушеными овощами и свежими продуктами для предупреждения цинги, заботились о создании гигиенических условий для матросов на кораблях². Аналогичную работу проделал и лекарь Гриневский, участник экспедиции на Алеутские острова (1764—1770)³.

Лекарь астраханской флотилии М. Седов приложил много усилий для предупреждения заноса эпидемии чумы из Ирана. По его предложению и под его руководством в 1739 г. у устья Волги на Каспийском море был организован постоянный карантинный пост⁴.

Особого внимания заслуживает личность флотского хирурга и одного из первых русских врачей, ставшего во главе крупного госпиталя и возглавившего всю медицинскую службу военно-морских сил, принимавших участие в русско-турецкой войне 1735—1739 гг., С. Евреинова. С 1713 по 1721 г. он учился в Московской школе. Закончив обучение со званием подлекаря, служил в Балтийском корабельном флоте⁵. С 1722 по 1724 г. С. Евреинов совершенствовался в хирургии в Петербургском адмиралтейском госпитале и получил звание лекаря. Затем он служил лекарем в Астраханской флотилии, откуда в 1735 г. переведен в связи с начавшейся войной в Азов, а в 1736 г. назначен главным лекарем Азовской флотилии и крупнейшего морского госпиталя в Азове⁶.

Приведенные примеры показывают, что в развитии отечественной военной медицины русские врачи начали играть значительную роль гораздо раньше, чем это принято считать. Начиная же со второй четверти XVIII века в связи с развитием гражданской медицинской службы в России, они наряду с организацией военно-медицинской службы начинают принимать все большее и большее участие в строительстве здравоохране-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 11, л. 110.

² Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, л. 137—139.

³ Там же, кн. 56, л. 124.

⁴ Там же, кн. 53, л. 140.

⁵ Там же, оп. 1, кн. 9, рис. 142.

⁶ Там же, кн. 9, л. 245—246.

ния в стране. Постепенно появляются врачи, состоящие на службе в городах, на фабриках и заводах, а к концу столетия— и в деревнях, на службе у помещиков.

1. Воспитанники госпитальных школ на гражданской службе

Уже в далекие времена в ряде городов России имелись врачи, но число их было невелико. Штатные должности городовых врачей были введены впервые в 1737 г., когда было установлено 56 должностей врачей в городах, не считая Москвы и Петербурга¹. Эти 56 должностей распределялись следующим образом: 11 — в губернских городах², 31 — в наиболее крупных провинциальных городах³, 9 — в Малороссийских⁴ и 5 — в Слободских⁵ полках⁶.

В 1737 г. городовые врачи были назначены лишь в Ярославль и Новгород. Комплектование остальных врачебных должностей в городах задержалось и к 1754 г. было укомплектовано врачами лишь 26 должностей. Это происходило исключительно по вине медицинской канцелярии, которая весьма неохотно направляла врачей в города. Сами же врачи относились к службе в городах по-иному. С момента введения этих должностей, несмотря на трудности службы и тяжелое материальное положение городовых врачей, врачи буквально осаждали медицинскую канцелярию прошениями о переводе на службу в города и провинции.

Медицинская канцелярия не обращала никакого внимания на городовых врачей. Мизерное жалование, получаемое ими от магистратов, выплачивалось с большими задержками. Городовые врачи обращались с жалобами в сенат. Сенат неоднократно издавал указы о своевременной выплате жалования врачам⁷, но они оставались обычно без последствий. Городовые и провинциальные врачи не могли рассчитывать и на обеспечение в случае старости или болезни, так как в противопо-

¹ В Петербурге к этому времени уже были должности штадт-физика и лекаря при нем, а в Москве — должность лекаря при ратуше.

² Кроме Петербурга и Москвы, губернскими городами в это время были: Архангельск, Астрахань, Белгород, Воронеж, Иркутск, Казань, Киев, Нижний Новгород, Новгород, Смоленск и Тобольск.

³ Города эти следующие: Арзамас, Алатырь, Бахмут, Белозерск, Великие Луки, Великий Устюг, Владимир, Вологда, Вятка, Галич, Елец, Калуга, Кострома, Орел, Пенза, Переяславль-Залесский, Переяславль-Рязанский, Псков, Свияжск, Севск, Симбирск, Соликамск, Сузdalь, Тверь, Тула, Углич, Уфа, Шацк, Юрьев, Ярославль.

⁴ Гадячском, Лубенском, Миргородском, Нежинском, Переяславском, Полтавском, Прилуцком, Стародубском и Черниговском.

⁵ Ахтырском, Изюмском, Острогожском, Сумском и Харьковском.

⁶ Полное собрание законов. 1830, т. 10, 7245, стр. 136.

⁷ Там же, т. 15, № 10632, стр. 646; № 11086, стр. 494.

ложность войсковым врачам не считались находящимися на государственной службе. И тем не менее большое число русских врачей XVIII века посвятило себя службе в провинциях, видя в ней благородную задачу помочь народу в борьбе с болезнями, поднять его санитарную культуру.

В дальнейшем штаты врачей были расширены. В 1756 г., кроме должности городового доктора, были учреждены должности губернского доктора и губернского лекаря в Москве¹, в 1757 г. — должность губернского доктора в Астрахани² и провинциального лекаря в Эзельской провинции³. «Учреждением о губерниях» 1775 г. предусматривалось содержание в каждой губернии доктора, а в каждом уезде — лекаря.

В конце XVIII столетия, в связи с приходом в медицинскую коллегию группы передовых русских ученых и образованием врачебных управ, дело комплектования врачебных должностей в городах значительно улучшилось. В 1803 г. в губерниях из 662 штатных врачебных должностей было укомплектовано 629⁴, т. е. процент укомплектованности их во много раз пре- восходил укомплектованность врачебных должностей в армии и флоте.

Псковский провинциальный лекарь И. Пяткин в 1766 г. организовал в Пскове инфекционную больницу для изоляции заразных больных — одну из первых инфекционных больниц в России⁵. Следует также отметить двух выдающихся городских врачей середины XVIII века, способностям которых не суждено было проявиться в полную меру, так как они были вытеснены из госпиталей и школ реакционными иноземцами.

Первый из них М. М. Шидловский. Вследствие травли группой реакционных врачей он был вынужден в 1745 г. подать прошение об увольнении из Петербургского сухопутного госпиталя и был назначен городовым лекарем в Тулу, где и оставался до конца своей жизни⁶. Находясь в Туле, он провел большую работу по оздоровлению города и труда рабочих оружейных заводов, впервые организовал там акушерскую помощь. Так же сложилась жизнь и другого выдающегося врача Осипа Шумлянского. Несмотря на ходатайства П. З. Кондоиди, он не получил возможности преподавать в госпитальных школах и в 1751 г. перешел на гражданскую службу, занимая в начале должность лекаря Севской провинции, а с 1769 г. — губернского лекаря Белгородской губернии. На этом

¹ Полное собрание законов, 1830, т. 14, № 10527, стр. 531.

² Там же, № 10726, стр. 765.

³ Там же, № 10755, стр. 785.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 11, л. 110.

⁵ Там же, оп. 10, кн. 17, л. 336—344.

⁶ Там же, оп. 2, кн. 141, л. 48.

посту он провел большую работу по борьбе с эпидемическими заболеваниями. В 1770 г. О. Шумлянский первым обнаружил случаи чумы и не допустил ее распространения.

Во второй половине XVIII века деятельность врачей в городах и провинциях получила дальнейшее развитие. Ими внесено много предложений с целью улучшения системы государственного здравоохранения, приближения медицинских учреждений к народу. Большинство таких предложений в условиях феодально-крепостнической царской России оставалось, конечно, нереализованным.

Полтавский городовой лекарь И. Тишевский в 1797 г. построил на свои сбережения городскую больницу на 50-коек и лечил в ней бесплатно бедных больных. В 1797 г. в ней лечилось таких больных 113 человек, в 1798 г.—254, в 1799 г.—179 человек¹. Не получая поддержки от городских властей, истратил все свои сбережения и в 1803 г. обратился в медицинскую коллегию с просьбой принять больницу на государственное содержание или выдать ему денежную ссуду. «Влекомый чувствительностью к удрученным различными болезнями и по бедности без признания остающимся людям, учредил я в 1797 году собственным моим иждивением в городе Полтаве больницу, принимал в оную больных, сам их пользовал и бедных содержал моим собственным коштом, но таковое мое пожертвование общему благу не приметно привлекло мой собственный дом в упадок, угрожая самому семейству моему бедностью»²,—писал он в своем прошении.

Медицинская коллегия обратилась к Александру I с предложением о принятии больницы Тишевского на государственное содержание. Придворная канцелярия запросила мнение малороссийского генерал-губернатора Куракина, который, не вникая в суть дела, ответил, что «важной пользы от больницы Тишевского не было». После этого последовало «высочайшее» решение: «Повелеть Тишевскому заложить дом на общих основаниях»³. Так печально закончилось это благородное начинание.

Лекари Д. Самойлович, Л. Тетерин, Ф. Грабовский и доктор М. Крутень в 1765—1773 гг. последовательно проводили большую работу по созданию первой венерологической больницы для гражданских лиц в Петербурге, организуя выявление и лечение этих больных. С большой настойчивостью в течение многих лет доктор Оренбургской губернии Е. Валлерян добивался перестройки губернского госпиталя и введения должностей провинциальных врачей в Исетской, Ставропольской и Уфимской провинциях⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 1, кн. 4, л. 7—12.

² Там же, л. 3.

³ Там же, л. 37—41.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 36, л. 1—77.

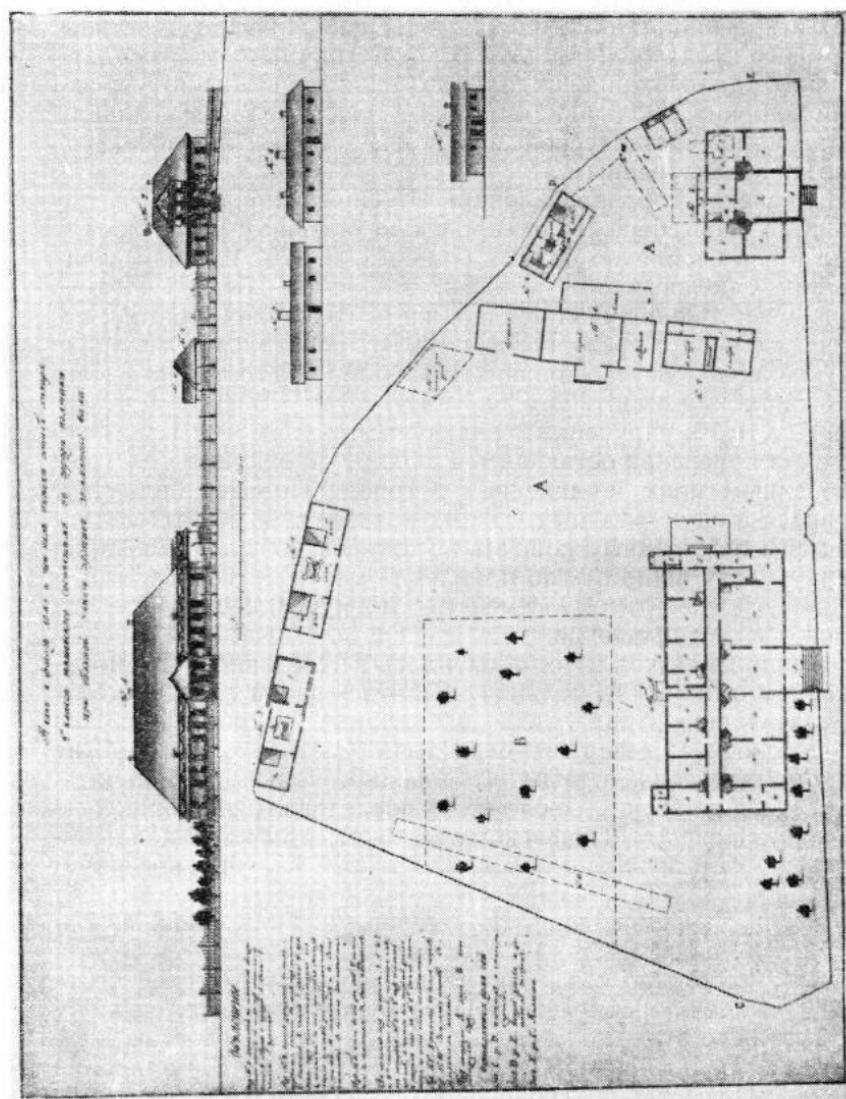

Рис. 28. План больницы, построенной И. Тишевским в Полтаве.

Лечебно-профилактическую работу по оздоровлению крестьянских детей в Крыму, в селе Акшуат, проводил лекарь, имя которого, к сожалению, не известно. В представленной им в медицинскую коллегию в 1798 г. без указания имени работе содержится теоретическое обоснование примененного им профилактического метода обслуживания детей. В этом сочинении он требует, чтобы провинциальный лекарь стал домашним врачом в крестьянских семьях: «Выгоднее всего то, что домашний лекарь может или заблаговременно предупредить, или отвратить свирепствующие уже болезни, часто опустошающие целые деревни, а особливо похищающие малолетних детей и младенцев»¹. Далее он указывает основные болезни, являющиеся причиной детской смертности: «Воспа, корь и поносы суть те пагубные боли младенца», и излагает систему профилактических мероприятий при каждом из этих заболеваний. Основную роль в профилактике оспы автор отводит оспопрививанию, рекомендуя прививать оспу всем детям. В качестве примера он приводит случай из собственной практики: «Не желая остаться только посторонним зрителем толицких несчастий и чтобы возбудить в них доверенность к прививанию, первую сделал собственному моему мальчику при некоторых нарочно собранных крестьянах»².

Разбирая причины высокой заболеваемости и смертности крестьянских детей в летний период, он указывает и социальную причину этого явления — изнурительный труд крепостных крестьян: «Посреди толицких трудов своих собственных, также и помещичьих, коими изнуряются они даже до беспамятства, забывают они почти свой естественный долг»³.

В целях борьбы с детскими поносами этот неизвестный лекарь организовал наблюдение над детьми на дому: «Я же со своей стороны, вместо прогулки, ходил и смотрел, разделив на четыре части село, всякий день одну часть и сколь скоро какой ребенок подозрительным казался, то я брал свои меры»⁴. Среди матерей-крестьянок автор сочинения проводил беседы о порядке вскармливания детей, о сохранении пищи от порчи и т. д.

По его предложению все малолетние крестьянские дети во время полевых работ собирались в одном специально выделенном доме под присмотром пожилых крестьянок, а он осуществлял медицинское наблюдение за детьми.

В заключение автор этой работы обращается с горячим призывом ко всем городовым и провинциальным лекарям обратить внимание на медицинское обслуживание крестьян:

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 29, л. 187.

² Там же, л. 188.

³ Там же, л. 191.

⁴ Там же, л. 192.

Антихарские составы, какими на пр. избѣ-
гали, рецита Добрь, Борь; и пр. За годально
находится такого и въ дниши ^и изъ огор-
одовъ, что бы отъ приспелыхъ въ руки кресто-
валъ съ пасхой употребить Майд. Но Баскотъ
всего то, что днишии ^и Ильевъ, можетъ какъ
заслуженно предупредитъ какъ отвратить
опустошенніе ^и где Сѣдна, гаско опустоша-
щихъ деревни, а осадко посыпавши
малюткии ^и ягоды ^и плоды. Босна, какъ
и поноси сумъ, тѣ пасхальныи ^и ягоды
чубъ, и это видятъ проходящее въ руки
въ деревни у этого драгоценныя, и о комъ
погибъ, мало лисе, какъ земли огнемъ
отъление и пристаніе, здѣсь предупредитъ; и
но буду ^и какъ на пасхѣ Систематизаціи
прѣбываѣтъ, при ожиданіи съѣздъ Дѣдни; по склону
можетъ пристаніе употребленіе ^и отвратить.
а употребленіе ^и можно предупредить и предот-
вратить для отвращенія ^и болѣзни отъ всѣхъ.

Съ таюшъ Майд Майдъ въ деревни
этого драгоценныя озабоченъ состоятеленъ Босна,
и въ съѣздѣ этого упомянутъ всѣхъ, начиная присто-
ваниемъ до поспѣхомъ зреющими въ Баскотинѣ;
первое чено въ упомянутыхъ рукахъ то, что отъ Баскоти-
нальныхъ юношъ держатъ въ бедствии тѣ же
юношъ юношъ, кумыкъ притомъ въ тѣхъ пасхаль-
ныхъ рукахъ, чтобы Босна скрѣпъ ^и вспомнила, и что въ

Рис. 29. Страница из рукописи неизвестного врача
о профилактической работе в деревне.

«Вы! носящие на себе звание городовых врачей, обратите внимание и на деревню. Употребите то праздное время, которое может быть, вы в городах за картами проводите, на лучший, вам собственно принадлежащий предмет: не лекарства ваши нужны, но советы; сыскав у простаков доверенность, можете сделать им благо, да и себе славу. Совесть ваша за то будет лучшею наградою, время, употребленное на то, не будет погибшее, да притом сможете собирать зрелые плоды вашего искусства»¹. Это сочинение не было должным образом оценено медицинской коллегией и отнесено ею к четвертому классу.

Немалую роль сыграли русские врачи и в развитии родовспоможения. Начало этому важному делу в России было положено П. З. Коидиоди, который разработал и представил в сенат в 1754 г. проект «О бабичьих школах» в С.-Петербурге и Москве и о содержании в этих городах «присяжных» акушерок для обслуживания населения². В 1759 г. по его же предложению сенат принял решение об оказании бесплатной помощи неимущим роженицам³.

Из-за отсутствия в то время отечественных специалистов дело организации родовспоможения в первые годы попало в руки иноземцев и не получило должного развития. К тому же и царское правительство, принимая под давлением общественного мнения то или иное решение, направленное на улучшение медицинского дела в стране, в дальнейшем мало заботилось об его осуществлении. Так было и с родовспоможением. «Присяжные» акушерки не получали в срок положенного жалования, число их было незначительным, «бабичьи школы» из-за недостатка средств власти жалкое существование.

Во второй половине XVIII века с появлением отечественных специалистов-акушеров родовспоможение в стране несколько улучшается. Ими разработаны организационные мероприятия, которые они пытались проводить в жизнь. Вопросами организации родовспоможения в России занимались многие передовые врачи. Особенно значительны в этой области заслуги Н. М. Максимовича-Амбодика (Петербург), И. В. Руцкого, Г. И. Тимченко и А. М. Шумлянского (Москва), А. Ф. Масловского (Киев). Все они с большим желанием и сознанием ответственности принимали звание городовых акушеров и прилагали много энергии для широкого распространения среди народа квалифицированной медицинской помощи при родах.

Занимался вопросами родовспоможения и мечтал посвятить этому всю свою жизнь и один из наиболее выдающихся деятелей русской медицины XVIII века — Д. С. Самойлович. Как уже упоминалось, акушерству была посвящена его докторская диссертация. По возвращении в Россию вследствие недобро-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 29, л. 194.

² Полное собрание законов. 1830, т. 14, стр. 396.

³ Там же, т. 15, стр. 360.

желательства медицинской коллегии Д. Самойлович не смог заниматься любимым делом, к которому себя готовил. Вся его дальнейшая деятельность связана с эпидемиологией, где его талант организатора и исследователя проявился не в меньшей степени, но до конца своих дней он не забывал о своем акушерском призвании. В 1794 г. он обратился с письмом к А. И. Васильеву, в котором просил присвоить ему звание профессора «повивальной науки». В этом письме он перечисляет свои труды по акушерству: диссертацию, перевод книги «Городская и деревенская повивальная бабка», «Совершеннейший план о всеудобнейшем заведении в отечестве нашем школ для вседовольного науки сей изучения повивальных бабок, яко всюду по городам, а паче по селениям весьма нужнейшего дела»¹. Здесь же Самойлович указывает, что в 1780 г. представил свой план Бецкому, который и использовал его при создании воспитательных домов: «Почему при воспитательных домах по указанию его высокопревосходительства наука сия тогда же и начала преподаваться. Но при воспитательном доме в С.-Петербурге во место меня, аки первого оного изобретателя, поставлен был первым профессор Моренгейм»². Просьба Д. Самойловича и на этот раз не была удовлетворена.

Специальный доклад об организации родовспомогательных учреждений в городах был представлен также доктором Н. М. Максимовичем-Амбодиком; его предложения также не были реализованы, но ему удалось приложить свои познания в области акушерства в практической деятельности. В мае 1781 г. он подал рапорт в медицинскую коллегию с просьбой о назначении его доктором «при повивальном деле», ссылаясь на то, что «при продолжении врачебных наук в Страсбургском университете обучался я как всем прочим знаниям, возводящим на степень докторскую, так наипаче прилежал к повивальному искусству, с особливом рачением и успехом тамо преподаваемому»³. Просьба его была удовлетворена, и в течение многих лет он вел преподавание акушерства в петербургских медицинских школах, читал публичные лекции по акушерству и проводил практические занятия с повивальными бабками. Кроме того, он работал и в воспитательном доме.

Весьма интересна полемика Н. М. Амбодика с проф. Рихтером по поводу предложения последнего о создании повивального института в Москве⁴. Проект был составлен Рихте-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 15, л. 14.

Д. Самойлович, по-видимому, имеет в виду соображения, высказанные им в посвящении его диссертации А. А. Ржевскому. См. Д. Самойлович. Избранные произведения. В. 2, М., 1952, стр. 453—459. (Прим. ред.)

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 15, л. 14.

³ Там же, оп. 3, кн. 209, л. 127.

⁴ История этого проекта не совсем точно освещается Я. Чистовичем. Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. 282—288.

ром по поручению императрицы Марии Федоровны, которая открытием этого института желала продемонстрировать свое показное человеческое коллежио. Но так как при этом неудобно было обойти медицинскую коллежию, то Рихтер в 1800 г. направил проект для рассмотрения главному директору медицинской коллежии А. И. Васильеву. Последний, отнесясь к делу со всей серьезностью, поручил изучение проекта ученому секретарю коллежии Г. И. Базилевичу и почетному члену коллежии Н. М. Максимовичу-Амбодику. Оба рецензента, давая свои заключения раздельно, единодушно забраковали проект Рихтера. Основной его недостаток они совершенно справедливо видели в отрыве подготовки акушеров от системы общего медицинского образования, в стремлении противопоставить акушерский институт существовавшим медико-хирургическим академиям. Помимо того, Амбодик в своем решении указывал и другие недостатки проекта Рихтера².

В этой же рецензии Амбодик напоминает коллежии о существовании более приемлемого проекта, ранее предложенного им: «За долг считаю припомнить, что за несколько лет перед сим, еще до устройства существующих ныне в граде св. Петра акушерских заведений, подавал я в государственную медицинскую коллежию план, несколько сему подобный, о сем же предмете, т. е. об учреждении особливой акушерской школы для преподавания в оной теоретической и практической науки повивальной; с тем однако ж, чтобы такая школа устроена была не по средине сей столицы и не на особом отделенном месте, а при больницах или при медико-хирургическом училище; но исполнение оного осталось без внимания. При всем том учащиеся обоего пола пользовались моими наставлениями без дальнейших прожектов, планов и излишних издережек»³.

В заключение рецензии Амбодик делает несколько ядовитых замечаний по поводу пристрастия Рихтера, как и многих других иностранцев, более к проектам, чем к практическим делам: «Напоследок и сего умолчать не могу, что прожектёров много, а исполнителей мало и что прожекты и планы сочинять легко и удобно; но исполнять оные трудно, а иногда и отнюдь невозможно. Да случается и то, что нередко сомнению и подозрению подвергает себя тот, кто без дольных опы-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 30, л. 181.

² Там же.

Последние слова Н. М. Максимовича-Амбодика подтверждаются газетным объявлением, сообщавшим, что «оный доктор при здешних госпиталях подлечарам и лекарским ученикам сего ж искусства (т. е. акушерства) лекции уже преподавать начал». (Прибавление к газете «Санкт-Петербургские ведомости», 1781, № 72, стр. 515—516.)

тов затевает строить и созидать чужие огромные палаты, не имея у себя своей собственной ни убогой хижины»¹.

Медицинская коллегия, рассмотрев проект Рихтера и замечания на него, согласилась с мнением рецензентов и отвергла его, обосновав свое решение основными доводами, изложенными Амбодиком. В заключении указа коллегии говорится: «Для заведения при медико-хирургических академиях части практического акушерства коллегия имеет полнейшее и пространнейшее описание, сочиненное почетным ее членом, господином коллежским советником Амбодиком»².

Такое решение медицинской коллегии противоречило желанию императрицы. Поэтому, после того как Рихтером были внесены некоторые поправки в первоначальный проект, А. И. Васильеву была объявлена воля императрицы следующим письмом: «Ее величество, желая учредить при Московском воспитательном доме училище для обучения нескольких воспитанниц повивальному искусству на иждивении ее величества, высочайше указать мне изволила отписать к Вашему высокопревосходительству, дабы Вы, милостивый государь, благоволили предложить медицинской коллегии, чтобы находящегося там акушера Рихтера утвердить при оном институте директором»³. Медицинской коллегии после этого ничего не оставалось делать, как, вопреки своему справедливому мнению, выполнить «высочайшую» волю. Таким образом, вместо коренного решения вопроса об организации акушерского образования в стране, предлагавшегося Амбодиком и Самойловичем, было организовано учреждение, которое не столько способствовало развитию родовспоможения, сколько удовлетворяло тщеславие императрицы.

Должность городового акушера в Москве неоднократно становилась объектом притязаний со стороны многих докторов-иностранцев, думавших более о теплом месте для себя, нежели о развитии родовспоможения. Так, после смерти доктора Маса в 1782 г. на это место претендовали доктора Клинт, Пегелов, Френкель и др. Однако коллегия по настоянию президента Ржевского назначила на эту должность доктора И. В. Руцкого, который, по его словам, «в том искусстве не только находясь в чужих краях, но и здесь не мало упражнялся»⁴. Работая в акушерской школе, И. В. Руцкий представил в медицинскую коллегию ряд предложений по улучшению родовспоможения и расширению акушерского образования, но все они были оставлены коллегией без всякого внимания. Судя по отзывам Д. С. Самойловича и

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 30, л. 181.

² Там же, л. 183.

³ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 34, л. 325.

⁴ Там же, оп. 3, кн. 224, л. 138.

Н. К. Карпинского, И. В. Руцкий был способнейшим ученым и лишь продолжительная болезнь и преждевременная смерть не дали возможности проявиться в полную меру его таланту.

Много ценных начинаний проявил в своей работе следующий московский акушер доктор Г. И. Тимченко, но большинство его предложений, натолкнувшись на кость медицинской коллегии, осталось неосуществленным.

После его смерти в 1793 г. вновь появляется ряд иностранных претендентов на эту должность. К А. И. Васильеву идет поток писем от различных влиятельных придворных сановников с просьбами об определении того или иного доктора-иностраница. К чести Васильева, много сделавшего для ликвидации засилья иностранцев в русской медицинской администрации, следует отметить, что и на этот раз он отклонил все ходатайства высокопоставленных лиц, ответив им, что должность московского городского акушера связана с преподаванием и поэтому для нее должен быть подобран «человек известный»¹.

Выбор Васильева остановился на докторе А. М. Шумлянском, который писал ему в своем письме: «Императорскому С.-Петербургскому воспитательному дому ведомо, что я, находясь через 6 лет в разных иностранных государствах, приуготовлял себя быть при оном доме акушером, а государственной медицинской коллегии также известно, что в 1787 г. по представлению, от оной коллегии Ея Величеству для конфирмации поднесенному, о заведении при хирургических училищах повивальной науки я и назначен был впервые профессором оной при С.-Петербургских госпиталях, а в ожидании высочайшей на то конфирмации, того ж года определен я был до времени в Московский госпиталь в должность профессора патологии и терапии, которую и поныне отправляю»².

В ответном письме Васильев пригласил А. М. Шумлянского переехать в Петербург и принять активное участие в работе медицинской коллегии. Приводим текст этого письма полностью:

«Милостивый государь мой, Александр Михайлович!

Письмо Ваше от 15 сего месяца имел честь получить и будучи очень уверен о Вашем знании и искусстве по тому месту, к определению которого Вы желаете, весьма я готов удовлетворить сей Вашей просьбе, зная притом совершенно, что место сие по важности своей и по Вашим достоинствам Вам бы, конечно, приличествовало.

Но как Вы теперь, находясь при хирургическом училище профессором, весьма с хорошим успехом отправляете свою должность, то с другой стороны, не меньше мне сожалитель-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 13, л. 22.

² Там же, л. 67.

но, ежели Вы из сего круга выдете вступлением в градские акушеры, ибо исправление сих двух должностей одному человеку никак несовместно.

А притом откровенно Вам скажу, что как теперь предполагается здесь и в Москве быть медико-хирургическим училищам на обширнейшем перед прежним основании, при которых и повивальной науке обучать назначено; то, довольно наслышавшись о Ваших дарованиях, желал бы, чтобы Вы приняли на себя труд преподавать сию науку в том или другом месте. Сверх же того, как Вы в путешествиях своих, без сомнения, довольно приобрели сведений и относительно заведений медико-хирургических училищ, как это и предмет был Вашего отправления в чужие края; почему и в сем случае мне бы очень приятно было, если бы Вы нашли свои выгоды переместиться в Петербург, дабы здесь, имея личное с Вами знакомство, мог я во всякое время и советами Вашими пользоваться. Какого Вы будете о сем мнения, прошу не оставить меня уведомить.

В прочем уверяя Вас об отличном моем к Вам почтении, пребываю всегда Ваш милостивого государя моего покорнейший слуга

А. Васильев»¹.

А. М. Шумлянский поблагодарил Васильева за высокую оценку его трудов, но отказался от переезда в Петербург, ссылаясь на плохое здоровье и бедность, не позволяющие ему жить в столице: «Позвольте мне еще открыть Вашему превосходительству мое сердце и сознать, что нужда и скучность, сопутствующие мне во всю мою жизнь, которые доселе переносил я равнодушно, теперь убеждают меня просить Вашего умилостивления»².

Просьба Шумлянского была удовлетворена. Помимо официального указа коллегии о назначении его московским городовым акушером, Васильев еще раз обратился к нему с письмом, в котором писал: «Из отправленного к Вам указа от медицинской коллегии. Вы уже известны об определении Вас в Москве на акушерское место; радуюсь искренне, что мог я сим случаем сколько-нибудь оказать усердное мое к Вам расположение, и надеюсь при том, что Вы хотя по занимаемому Вами теперь месту некоторым образом поотдалились от нашего круга, однако ежели бы случилось в Ваших трудах или советах какая нужда, то Вы, конечно, и в нынешнем Вашем положении не оставите в том способствовать»³.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 6, л. 27—28.

² Там же, кн. 13, л. 75.

³ Там же, л. 85.

Через несколько месяцев после вступления на должность городового акушера А. М. Шумлянский представил Васильеву подробный доклад «Рассуждения о повивальном деле» с изложением основных недостатков в организации родовспоможения в Петербурге и Москве, которые, по его словам, «препятствуют доселе возникнуть сей науки в народе»¹. В этом докладе Шумлянский отмечал недостаточность школ для обучения повивальных бабок, затем еще раз повторил многократные заявления своих предшественников—И. В. Руцкого и Г. П. Тимченко — об отсутствии необходимых условий для правильной подготовки акушерок: «В Москве предместники мои за неимением анатомии, больницы для родильниц и акушерских фантомов с куклами показывали бабкам детородные части, переменных оных действия в беременности и чадорождении, также и самые ручные операции единственно на теории»².

В заключение Шумлянский поднимает важнейший вопрос о содержании повивальных бабок на государственный счет. А. И. Васильев по докладу Шумлянского начал длительную переписку с московским губернатором по этому вопросу. Губернатор в своем ответе сообщил, что повивальные бабки должны содержаться за счет добровольных взносов населения, а так как этих взносов не поступает, то они и не получают жалованья. Не помогло и обращение Васильева к главнокомандующему в Москве Измайлову. Вначале Измайлов пообещал изыскать средства на оплату жалованья повивальным бабкам, но вскоре умер А. М. Шумлянский, и об этом забыли³.

Помимо медицинской службы в городах и провинциях, в первой четверти XVIII века в России зарождается фабрично-заводская медицина. Трудность пополнения умелыми людьми фабрик, заводов и рудников, особенно в отдаленных окраинах России, постоянная угроза возникновения эпидемических заболеваний среди рабочих и приписных крестьян, находившихся в ужаснейших условиях, заставляли правительство и отдельных предпринимателей проявлять хоть минимальную заботу о здоровье рабочих, чтобы не потерять рабочую силу и не понести убытки. Так, уже в 1709 г. У. А. Сенявин, ведавший делами строительства в Петербурге, подал Петру I доношение, в котором писал: «Из работных людей бывают больные и берут жалование напрасно. До сроков их в дома отпускать ли? И для осматривания больных и лечения каменщиков и кирпичников и мастеровых людей дабы

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 15, л. 188

² Там же.

³ Там же, л. 190—195.

повелено было держать лекаря». На что и последовала резолюция Петра I: «Дать лекаря»¹.

Организатор и строитель уральских заводов В. Геннин перед отъездом на Урал в 1722 г. писал Петру I: «Понеже всегда грудью скорблю и, может быть, что без лекаря безвременно умру, того ради прошу не для меня, но для отправления дел и для лечения будущих при мне нужнейших мастеровых людей, которые заскорбят, дать лекаря с лекарством, ибо ежели оные в скорбях без лекаря внезапно умрут, то будет великая во всех делаах остановка»². По указанию Петра I архитектор Блюментрост направил на Урал лекаря И. Спринцеля, а в 1723 г. в Екатеринбурге был построен заводской госпиталь и утвержден его штат в составе старшего и младшего лекарей и трех учеников. По данным Н. Федотова, на Колывано-Воскресенских заводах А. Демидова уже в 1736 г. организована аптека, а с 1741 г. существовал заводской госпиталь в Барнауле³.

Во второй четверти XVIII столетия заводские лекари и госпитали появляются и на других заводах, фабриках и рудниках. Еще больше их становится во второй половине столетия. Содержание всех этих госпиталей и врачей осуществлялось обычно за счет самих рабочих путем установления специальных вычетов на «госпиталя» из их жалованья.

Если правительство и заводчики, создавая первоначальные элементы фабрично-заводской медицины, рассчитывали в первую очередь на обслуживание заводской администрации и работающих на заводах иноземных специалистов, которые не подписывали контракта на работу, если на предприятиях не было врачей, то сами заводские врачи в большинстве случаев рассматривали свои обязанности по-иному. Они вникали во все стороны труда и быта рабочих, изучали причины профессиональных заболеваний, искали меры борьбы с ними.

Уже в середине XVIII столетия ряд заводских лекарей: П. Ширяев⁴ и Ф. Данилевский⁵ — на Сестрорецком заводе, Г. Томилов — на Дучарском сереброплавильном заводе⁶ и главный лекарь тульских заводов Ф. Смирнов⁷ в своих работах ставят вопросы об улучшении условий труда рабочих, о принятии мер против профессиональных заболеваний.

Главные лекари Колывано-Воскресенских заводов Ф. Эшке и Н. Ножевщиковых в 50-х годах описали основные профес-

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9, М., 1950, стр. 485.

² В. Геннин. Дневник. Горный журнал, 1826, кн. 4, стр. 97.

³ Н. П. Федотов. Очерки по истории медицины Сибири в связи с историей ее колонизации. Автореферат. Томск, 1950, стр. 54.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 25, л. 1100—1102.

⁵ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 1, л. 348.

⁶ Там же, ф. 1295, оп. 1, кн. 8, л. 96.

⁷ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 30, л. 95—99.

сиональные болезни горняков, работавших на добыче серебряных и медных руд, и разработали систему профилактических мероприятий, обеспечивавших безопасность труда в шахтах¹.

Профессиональным вредностям на «медных и железных» заводах посвятил свое исследование красноуфимский уездный лекарь И. Протасов. В представленном им в 1798 г. в медицинскую коллегию докладе он писал, что на «медевыделываемых заводах наиболее страждует человечество; от ядовитости пыли мастеровые хотя и кажутся людьми, но здесь всю свою жизнь бывают сухи, удущливы и часто припадчивы»². Указывает он и на вредность работы в горячих цехах металлургических заводов.

В этом труде И. Протасов отмечает, что администрация заводов не ведет борьбы с профессиональными вредностями: «Касательно средств для отвращения болезней, происходящих от ядовитой медной пыли, удивляться надобно, что по сие время никаких оных не предпринимается»³. И. Протасов наметил систему профилактических мероприятий: улучшение питания, вентиляция цехов, соблюдение гигиены тела и одежду рабочих, укорочение рабочего дня, сменность рабочих в горячих цехах. «Почтож бы не внести в должное,— писал он,— чтобы мастеровые в описанные мастерские фабрики с тощим желудком не ходили... Почтож бы в фабриках не сделать вентиляторы, посредством коих пыль поднималась бы вверх и исходила бы наружу вне фабрик... Почтож бы по окончании работы не купаться мастеровым в воде или не омывать оною тело и не одеваться свежим чистым бельем... А в рассуждении прочих припадков из всех средств наиболее потребно человеколюбие, которое предписало бы у тяжелых работ при огнях горных одним людям долго не работать, а быть двум сменам, из коих дабы одна прохлаждалась, а другая работала»⁴.

И. Протасовым выдвигаются и принципы профессионального трудового отбора. Он указывает, что необходимо «иметь в телосложениях, в возрастах и здоровье расчет, ибо не могут все люди быть одинакового сложения, затем что одни сложения крепкого, следовательно, и трудов и всяких изнурений более перенести могут, а другой, телосложения будучи слабого, притом очень молод или стар и недюжлив, которого и посредственные трудности изнурить и ослабить в состоянии»⁵.

Замечательнейшее исследование И. Протасова о профессиональных болезнях металлургов было погребено в архивах меди-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 2.

² Там же, св. 45, л. 781.

³ Там же, л. 783.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 734.

цинской коллегии как «не заслуживающее дальнейшего замечания»¹.

В конце XVIII столетия штаб-лекарь К. Балановский изучил условия труда и заболеваемость рабочих Шлиссельбургской ситцевой фабрики. Он указывал на то, что хозяин фабрики грабит рабочих, продавая им через свою лавку негодные продукты: «Сей содергатель имел на острове собственную лавку, из которой выдаваемы были им съестные припасы весьма худого качества, как-то солонину старую, сельди, гнилую капусту, картофель и прочее»². В недоброкачественном питании, а также в скученности в жилищах и скуке, царившей среди рабочих, он видел и причины их высокой заболеваемости.

Разносторонние организационные попытки русских врачей зачастую выходили далеко за пределы чисто медицинских вопросов. Так, например, штаб-лекарь Шателович, служивший оператором Астраханской врачебной управы, в 1797 г., заботясь об экономическом развитии губернии, представил свои соображения по развитию шелководства в Кизляре и его окрестностях, опровергая при этом мнение инспектора Пархимуса о вреде насаждения шелковиц для здоровья людей³. Лекарь Гладгейм внес предложение об организации общества травников для изучения лекарственного сырья и о разведении культуры чая в России. Оба эти предложения были отвергнуты: первое по причине того, что этим должны заниматься сами врачи, а по поводу второго последовала резолюция: «Сомнительно весьма, чтобы наши собственные Европы произрастания могли заменить китайский чай»⁴.

В своем стремлении к служению простому народу врачи в ряде случаев приходили в столкновение с существовавшим строем и подвергались полицейским преследованиям. Показательна в этом отношении история штаб-лекаря М. Я. Стефановича-Донцова. В 1797 г., будучи уездным лекарем в г. Плес Костромской губернии, Стефанович-Донцов возбудил дело о неправильных действиях исправника, который, получив взятку от князя Козловского, разрешил похоронить без вскрытия тело крепостного крестьянина, повесившегося в результате издевательств помещика. Стефанович-Донцов, отказавшись от взятки, потребовал эксгумации трупа и проведения расследования. Дело это кончилось тем, что его после предварительного вынуждения перевели уездным лекарем в г. Семенов Нижегородской губернии.

На новом месте служба его продолжалась также недолго. Он неоднократно уличал городничего и исправника во взяточ-

¹ Впервые о И. Протасове и его трудах по профессиональной гигиене сообщил В. М. Корнеев (Гигиена и санитария, 1951, № 8).

² ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 42, л. 196.

³ Там же, св. 1, л. 160—162.

⁴ Там же, св. 43, л. 372—373.

ничестве, и они принимали все меры к тому, чтобы избавиться от строптивого лекаря. Случай к этому скоро представился. Один из окрестных помещиков изнасиловал девушку, которая забеременела и вызвала выкидыши. Возникло следствие. Стефанович-Донцов своим актом полностью подтвердил факт изнасилования, но напуганная начальством девушка на суде от всего отказалась и Стефановича-Донцова отдали под суд за ложное свидетельство. Напрасны были все его прошения. Он приехал в Петербург, чтобы доложить об этом деле сенату, но его пешком под конвоем отправили в Нижний Новгород на суд, который и приговорил его к 10 годам каторги. Лишь амнистия по случаю вступления на престол Александра I спасла Стефановича-Донцова от тюремного заключения, но он навсегда был лишен права государственной службы и дальнейшая судьба его не известна¹.

В органах медицинской администрации роль воспитанников русских госпитальных школ смогла проявиться в XVIII веке лишь на протяжении короткого времени в конце столетия.

В 1714 г. Указом Петра I был упразднен Аптекарский приказ² и во главе всего медицинского управления в России был поставлен архиятер — единоличный начальник всей медицинской части в стране. Для ведения делопроизводства и финансовой части при нем состояло учреждение, носившее название медицинской канцелярии, поэтому в официальной переписке архиятер часто именовался директором медицинской канцелярии.

Впоследствии, несмотря на отдельные попытки ввести систему коллегиального управления медицинской частью, архиятерство просуществовало до 1763 г. Должность архиятера в большинстве случаев занимали иностранцы, совершенно не заинтересованные в развитии русской медицины, а иногда, как, например, граф Лесток³, просто карьеристы, использовавшие это звание для личного обогащения и интриг.

Лишь два из архиятеров оставили светлую память о своей деятельности. Это И. Фишер, бывший архиятером с 1735 по 1741 г., и особенно П. З. Кондоиди, занимавший пост архиятера с 1753 по 1760 г. И. Фишером были реорганизованы госпитальные школы и разработаны основные положения о физикатах — первых органах санитарного надзора в России. В период

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 26, л. 1—37.

² Высшее государственное медицинское административное учреждение в России XVII века. Организован в 1620 г. из аптекарской палаты. Ведал вопросами охраны страны от заразных болезней, проверкой документов и испытаниями врачей и аптекарей, приглашенных из-за границы, подготовкой врачей, производством судебномедицинской экспертизы, обеспечением войск медикаментами и т. п.

³ Г. Лесток — придворный врач, фаворит Елизаветы. Принимал деятельное участие в дворцовом перевороте 1741 г. Как медицинский деятель ничем себя не проявил.

деятельности П. З. Кондоиди подверглась коренным изменениям система медицинского образования, были организованы первые родовспомогательные учреждения, начата подготовка отечественных ученых-медиков, разработаны многие вопросы организации медико-санитарного обслуживания войск.

Указом Екатерины II 12 ноября 1763 г. вместо архиятерства была учреждена медицинская коллегия, которая должна была давать распоряжения, «касающиеся до врачевания во всей империи и до распространения науки медицинской, хирургии и всех частей, к тому принадлежащих»¹. По инструкции, утвержденной одновременно с изданием указа, медицинская коллегия должна была явиться коллегиальным органом управления всеми медицинскими учреждениями страны. В состав ее входили президент (не медик) и семь членов с правом решающего голоса, в том числе три доктора, один штаб-лекарь, один лекарь, один оператор и один аптекарь. Перед коллегией были поставлены две основные задачи: «Сохранение врачеванием народа в империи и заведение российских докторов, операторов, лекарей и аптекарей»².

Первым президентом коллегии был назначен барон А. И. Черкасов, а ее членами утверждены доктора Г. Аш, Х. Пеккен и А. Линденман, штаб-лекарь И. Блок и аптекарь И. Модель³. Если Черкасов и пытался каким-то образом решать задачи, поставленные перед коллегией, то члены ее, подобранные исключительно из числа реакционных, чуждых России лиц, не только не помогали в решении насущных вопросов развития медицины в России, но в значительной мере препятствовали этому. Именно они создавали всевозможные затруднения в получении научных степеней русскими учеными в России, препятствовали выезду их для этой цели за границу. Они всеми силами вытесняли из госпитальных школ прогрессивных русских профессоров. Ими же были погребены в архивах и обречены на забвение труды русских врачей, содержащие ряд научных открытий. Особенно яростными противниками русской медицинской науки в коллегии были Г. Аш, А. Линденман и И. Блок, а впоследствии — Дольст и ученый секретарь — Я. Рейнегс.

В период президентства А. И. Черкасова, пользовавшегося большим влиянием при дворе и бывшего сторонником развития отечественной науки, они не могли открыто проявлять свое враждебное отношение к русским ученым, но впоследствии, при президентстве А. А. Ржевского (1775—1785) и А. О. Закревского (1785—1792), враждебная русской науке группа членов медицинской коллегии полностью захватила управление здрав-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 1, л. 39.

² Там же.

³ Там же, л. 42.

воохранением в России. Особенно мрачным периодом в деятельности медицинской коллегии были 1788—1792 гг., когда по указу Екатерины II над медицинской коллегией в должности ее главного директора¹ был поставлен злобнейший противник русской науки и культуры самовластный деспот И. Ф. Фитинггоф.

Совершенно иную картину представляет собой деятельность медицинской коллегии в последнее десятилетие ее существования, с момента назначения на должность главного директора А. И. Васильева (1793). Будучи патриотом и горячим сторонником развития русской науки, имея значительный вес при дворе, управляя к тому же в должности государственного казначея всеми финансами страны, А. И. Васильев сделал очень много для развития медицины и здравоохранения в России.

Вступив в должность и ознакомившись с состоянием дел коллегии, А. И. Васильев представил на рассмотрение ее членов свои замечания и предложения. Прежде всего он обратил внимание коллегии на то, что она совершенно не выполняет возложенных на нее обязанностей. Он отметил недостатки в системе медицинского образования и засилие иностранцев в школах и медицинской администрации: «Судя по времени, с которого врачебная наука начало свое в России восприяла, нельзя сомневаться, чтобы число российских врачей не было доныне достаточно, и чтобы между оными не находились многие украшенные отличными знаниями и сведениями; к сожалению, однако ж сказать надлежит, что доныне самые наивидные и выгодные места почти большую часть заняты иностранными, что тому причиною, я не вхожу в исследование»².

А. И. Васильев отметил также произвол, царивший в коллегии при защите докторских диссертаций, и предложил создать специальную постоянную комиссию в составе двух профессоров, двух докторов физиката и двух лекарей для проведения докторских экзаменов и рассмотрения диссертаций.

Особое значение он уделил изданию научных трудов русских врачей, отметив небрежное отношение к ним со стороны медицинской коллегии: «Нашел я, что коллегия получила из разных мест обсервации и другие сочинения. И так соображаясь с долговременным бытием коллегии и, следовательно, великим множеством присыпаемых к ней таковых сочинений, в числе коих, без сомнения, находились и весьма достойные обнародования, полагал видеть огромную и любопытную архиву и, наверное, считал найти в оной многие различные заслуживающие внимания издания; но вместо того, к сожалению,

¹ Должность главного директора медицинской коллегии была введена в 1788 г. для приведения в порядок крайне тяжелого финансового и экономического состояния коллегии. Главному директору подчинялась вся коллегия, в том числе и ее президент.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 6, л. 40.

не токмо ничего такого не нашел, но, напротив, увидел, что и самые присылаемые к ней обсервации были в крайнем небрежении и все почти утрачены, так что само малейшая токмо часть ученой архивы существует, да и в той многие собраны уже старанием нового ученого секретаря, который требовал оных вновь от тех, от коих были получены»¹.

Для упорядочения этого дела он предложил завести точный учет всех присылаемых научных работ, широко оповестить всех врачей о необходимости прислать в коллегию повторно ранее присланые сочинения; все присылаемые сочинения давать на рецензию одному из членов коллегии по специальности, после чего рассматривать их на заседании коллегии с приглашением на такие заседания всех почетных членов; начать подготовку к печати первого тома сочинений русских врачей.

Кроме того, Васильевым были принятые меры к пополнению медицинской библиотеки при коллегии, заведен точный учет всех врачей, работающих в России, с подробной аттестацией, чтобы «определять их к местам не по знакомству, а по заслугам»².

В заключение своего доклада А. И. Васильев предложил пополнить количество почетных членов коллегии кандидатами из числа выдающихся русских врачей³.

В дальнейшем А. И. Васильев неуклонно проводил в жизнь свои предложения. Прежде всего был изменен состав медицинской коллегии путем пополнения ее виднейшими русскими учеными. В состав коллегии, помимо ранее состоявшего в ней Ф. Тихорского, вошли Н. К. Карпинский, С. С. Андреевский, Я. О. Саполович, И. И. Виен, Г. И. Базилевич и И. Каменецкий; почетными членами коллегии были избраны Д. С. Самойлович, Н. М. Максимович-Амбодик, Г. Ф. Соболевский, Е. К. Валлериан, А. Г. Бахерахт, Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, П. М. Шумлянский, А. Ф. Масловский и др.

Оставшийся в одиночестве представитель старой антипатриотической группы Г. Аш, хотя и продолжал числиться первым членом коллегии, фактически перестал играть какую-либо заметную роль в ее работе.

Медицинская коллегия в обновленном составе проделала значительную работу по развитию отечественного здравоохранения. Ее члены принимали самое горячее участие в разработке мероприятий по упорядочению и развитию системы здравоохранения в России: Ф. Тихорский разработал первое наставление о судебномедицинской экспертизе, Я. Саполович организовал производство медицинского инструментария на отечественных заводах и разработал несколько конструкций походных ящиков

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 6, л. 44.

² Там же, л. 46.

³ Там же, л. 50.

для военных врачей, С. Андреевский совместно с Н. Карпинским, Я. Саполовичем, Г. Базилевичем и др. подготовил создание медико-хирургических академий, разработал карантинный устав, положение о врачебных управах, упорядочил больничное дело. Собрав подробные сведения о состоянии гражданских больниц во всех губерниях, а во многих из них ознакомившись с положением лично, С. Андреевский разработал первые в России научно обоснованные структуры и штаты больниц, а также табели их хозяйственного и медицинского оборудования.

В 1793 г. С. С. Андреевский составил «Инструкцию физикуту», которая была принята медицинской коллегией. Эта инструкция определяла роль и значение физиков как органов государственного санитарного надзора. В ней излагалась также методика проведения отдельных видов санитарного наблюдения и контроля. Задачи физикута сформулированы следующим образом: «Физикат есть блюститель здоровья человеческого и испытатель всех причин в оное вливающихся»¹.

И. И. Виен провел большую работу по подготовке к изданию научных трудов русских врачей.

Большой интерес представляет попытка медицинской коллегии организовать акушерскую помощь на селе. Поводом к этому послужило обращение в 1798 г. в медицинскую коллегию одного из приходских священников Смоленской епархии Селянинова. В своем письме он предлагал организовать подготовку «повивальных бабок» из числа крепостных крестьянок, считая, что всю организационную часть при этом должны взять на себя сельские священники. Медицинская коллегия поддержала это предложение и вошла с составленным Н. М. Амбодиком представлением на имя Павла I; в нем отмечалась недостаточность числа введенных указом 1797 г. повивальных бабок (по две в губернских городах и по одной в каждом уезде) и предлагалось: 1) организовать во всех врачебных управах школы для обучения повивальных бабок, возложив преподавание на акушеров управ, в качестве же учениц должны были подбираться «как с казенных, так и с помещичьих селений женщины, способные учиться повивальному искусству»; 2) отвести в каждом губернском госпитале место для занятий с повивальными бабками и выделить палаты на шесть родильниц; 3) коллегии издать необходимые руководства и наставления². Н. М. Максимовичем-Амбодиком были составлены план и программа обучения, разработаны подробные наставления к обучению крестьянок «повивальному искусству».

А. И. Васильев доложил этот проект Павлу I, который заявил на это, что введение повивальных бабок повсеместно в деревнях является преждевременным и предложил начать под-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 13, л. 11.

² Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 26, л. 185—188.

готовку акушерок пока для примера в приходе священника Селянинова, предложившего эту идею. Селянинов, получив письмо медицинской коллегии, объехал свой приход и уговорил 10 помещиков выделить и содержать за свой счет по одной повивальной бабке. Однако дело затянулось надолго, лишь в 1801 г. удалось собрать в Смоленске четырех крестьянок, с которыми и проводились занятия по акушерству, но затем постепенно и они разъехались по домам, и дело подготовки акушерок для деревень надолго заглохло¹.

Плодотворная деятельность медицинской коллегии была внезапно прервана в 1803 г., когда был издан указ о ее ликвидации. Функции медицинского управления передавались Министерству внутренних дел, в котором в качестве совещательного органа был, правда, организован медицинский совет, но при утверждении его состава из числа бывших активных деятелей русской медицины были включены лишь Н. Карпинский и Ф. Тихорский, которые не могли играть какой-либо роли, так как во главе совета были поставлены приглашенные из-за границы Вильье, Роджерсон, Фрейганг и др. Деканом совета был назначен старинный враг русской медицины Г. Аш, ученым секретарем — Ф. Уден². Многие начинания медицинской коллегии, которые она не успела осуществить, были преданы забвению.

К последнему периоду деятельности медицинской коллегии относится создание органов медицинского управления в губерниях — врачебных управ.

Врачебные управы в губерниях были созданы по предложению медицинской коллегии в январе 1797 г. Каждая управа состояла из трех членов. Возглавлял управу инспектор (доктор или штаб-лекарь), кроме которого в каждой управе были оператор и акушер, руководящие деятельностью городовых и уездных лекарей каждый по своему разделу.

Нельзя согласиться с Я. Чистовичем, считавшим, что они были только «лишнею канцелярией для нового рода чиновников»³.

Не подлежит никакому сомнению, что в большинстве своем врачебные управы представляли собой действительно бюрократические органы, далеко стоящие от нужд народа и его интересов. Но в то же время нельзя не отметить, что в ряде случаев, особенно в первый период их деятельности, когда во главе медицинской коллегии находилась группа прогрессивных русских ученых, врачебные управы были укомплектованы передовыми русскими врачами, отличившимися на административном

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 26, л. 193—194.

² А. Моисеев. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПБ, 1913, стр. 6.

³ Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. 534.

и научном поприще. В числе таких врачей, возглавлявших в конце XVIII и начале XIX столетия врачебные управы, можно назвать инспекторов Д. Самойловича, А. Масловского, Я. Стефановича-Донцова, Я. Сандул-Стурдзу, П. Логинова, Д. Иванова, М. Гороховского, Д. Писчекова, Д. Волченецкого, М. Гамалея, Г. Мокренца; операторов — В. Жуковского, А. Поддубного, И. Протасова, М. Имшенецкого; акушеров — П. Симоновского, Ф. Еллинского, И. Тишевского и др.

В дальнейшем, после ликвидации медицинской коллегии и передачи медицинского управления в ведение Министерства внутренних дел, в связи с засильем реакционных элементов в нем и отстранением от руководства передовых русских учесных врачебные управы все более и более деградировали и становились подлинно чиновниче-бюрократическими органами.

Передовые врачи, стоявшие во главе врачебных управ, подробно изучали состояние больничного дела в губерниях и внесли ряд ценных предложений по его реорганизации. Особенно интересен доклад инспектора Белорусской управы А. Лефлера «Некоторые практические примечания и начертания о госпиталях», представленный в коллегию в 1797 г. Начинается доклад с вопроса о выборе места для больниц. По мнению автора, оно должно удовлетворять следующим условиям: 1) иметь вблизи хорошую воду, 2) иметь чистый воздух, 3) не должно быть низменным, а наоборот, лучше возвышенным, 4) для защиты от холодных ветров с северной стороны должны быть посажены деревья¹. Наиболее подходящей системой застройки больничных участков он считает павильонную.

Обращая большое внимание на вентиляцию, Лефлер указывает, что для чистоты воздуха важна его смена, а не курение благовонных порошков. Он рекомендует так же иметь при каждой больнице фруктовый сад и огород для обеспечения больных свежими овощами и фруктами.

В этом докладе содержится ряд наставлений врачам о гигиене больных, рекомендуется вести историю болезни, производя запись в них непосредственно у постели больного, а не после обхода. А. Лефлер отмечает возможность заражения больных при оперировании их одними и теми же инструментами: «Еще одно весьма нужное и для лекаря полезное, но столь всеми и с великим вредом пренебрегаемое правило состоит в следующем: не всех хирургических больных перевязывать одними инструментами, ибо ничего нет легче при перевязке ран и язв одними инструментами как переходжение и приставание посредством сего болезненной остроты от одного больного к другому»².

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, л. 174—175.

² Там же, л. 183.

Свой доклад Лефлер заканчивает словами: «Не помещение многих больных, а выпускание многих выздоровевших составляет настоящее достоинство госпиталя»¹.

Делая многие сотни верст на перекладных по бездорожью, члены врачебных управ объезжали губернии, воспитывали молодых уездных врачей, боролись с эпидемиями, наблюдали за санитарным состоянием сел и городов. В делах медицинской коллегии сохранились объездные журналы инспекторов врачебных управ, свидетельствующие об их неутомимой энергии в стремлении сохранить здоровье населения.

Большую поездку совершил по губернии инспектор Орловской управы доктор А. Масловский в 1798 г., после чего он представил орловскому губернатору специальный рапорт о необходимых преобразованиях. Помимо вопросов, связанных с улучшением работы уездных врачей и устройством больниц, он затрагивает вопросы санитарного состояния крестьянских жилищ, рисуя мрачную картину быта крепостных, и предлагает, чтобы помещики принимали меры к улучшению санитарного состояния крестьянских жилищ². Позднее аналогичную работу Масловский провел в Звенигородском и Чигиринском уездах Киевской губернии, куда он был переведен по службе. Там он издает специальное наставление для крестьян по гигиене жилищ, первой помощи при заболеваниях и предупреждению цинги.

Акушер Новороссийской управы доктор медицины Д. Писчеков организовал борьбу с цингой, появившейся в 1798 г. среди крестьян в Тираспольском и Овидиопольском уездах. Он разработал и издал специальную инструкцию, предлагая употребление в пищу щавеля, пребывание на свежем воздухе, на солнце и т. д.³.

В ряде управ были разработаны инструкции и наставления для городовых и уездных врачей. Особенно подробно составлена инструкция для уездных врачей в Калужской управе. В этой инструкции приводятся обязанности уездных врачей по лечению больных, предупреждению инфекционных болезней, выявлению и лечению венерических больных, а также по санитарному надзору за населенными пунктами. Она обязывает врачей вести просветительную работу среди населения: «Врачебная управа еще долгом себе поставляет уездным врачам имеющиеся в простом народе вредные заблуждения и застарелые пагубные привычки дать на замечание, дабы каждый из них все меры полагал ясными доказательствами, советами и наставлениями оные отвращать»⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, л. 184.

² Там же, св. 29, л. 97.

³ Там же, св. 45, л. 524.

⁴ Там же, св. 13, л. 9.

Малый сельский врачъ

на ид docere. Ludendo discere

Сентябрь 1го дня 1799 года

Рис. 30. Титульный лист руководства для сельских врачей, составленного Пермской врачебной управой.

В Пермской врачебной управе при участии оператора М. Гамалея и акушера И. Протасова была составлена в 1800 г. инструкция в виде руководства для сельских врачей «Молодой сельский врач»¹, оставшаяся неизданной. В этом руководстве, помимо глав, содержащих анатомо-физиологические очерки, фармакологические сведения, а также основные разделы медицины, имеется специальная глава «О качествах хорошего сельского врача», в которой формулируются основные морально-этические нормы поведения врача. Основным из них авторы руководства считают человеколюбие; имея в виду хорошего врача, они пишут: «Он посетит больного не только по должности и крайней нужде, оставаясь только малое время, но ежели болезнь несколько важна, то посетит его почаще в день, оставаясь при нем сколько можно более»².

Членам врачебных управ принадлежит заслуга составления медико-топографических описаний губерний и уездов, о которых мы уже упоминали.

Значительное место в работе управ занимали борьба с эпидемическими заболеваниями и внедрение оспопрививания.

Помимо медицинских вопросов, врачебные управы занимались и рядом других дел. Так, в большинстве уездов и губерний они вели метеорологические наблюдения. Вся ветеринарная служба в XVIII столетии входила также в обязанности медицинских чинов. Врачебные управы разрабатывали вопросы лечения домашних животных и меры борьбы с эпизоотиями.

Таков далеко не полный очерк деятельности русских врачей XVIII века в области организации здравоохранения.

Их многочисленные предложения и передовые идеи, направленные на улучшение медико-санитарного обслуживания населения, не могли быть осуществлены в условиях самодержавно-крепостнического строя, однако созданные ими принципы служения народу, делу охраны его здоровья получили в дальнейшем свое развитие в трудах передовых деятелей русской медицины XIX века. Осуществление же их, создание подлинно народной медицины стало возможным лишь в условиях нашего социалистического государства.

2. Воспитанники госпитальных школ в борьбе с эпидемическими заболеваниями

Исключительно велики заслуги русских врачей XVIII столетия в организации борьбы с эпидемическими заболеваниями. Самоотверженно, подвергая себя смертельной опасности, боролись они с такими опасными заболеваниями, как чума, оспа и холера. Оказывая помощь заболевшим инфекционными

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, л. 912—1062.

² Там же, св. 45, л. 930.

болезнями, они не забывали и о проведении широких профилактических мероприятий, спасая население от заражения.

В 1738—1739 гг. систему противоэпидемических мероприятий на границах Белгородской губернии проводила группа лекарей и подлекарей под руководством лекаря М. Шидловского, который разработал систему осмотра и карантинизации лиц, едущих из пораженных инфекцией мест. Эта система чуть было не нарушилась указанием Московской сенатской конторы, издавшей по жалобе одного из офицеров указ «О нечинении неучтивости при осмотре на заставах женских персон»¹. Указ запрещал осмотр знатных дам, хотя бы они и ехали из заведомо опасных мест. Сенатский указ был поддержан доктором Беком, считавшим, что осмотр женщин можно ограничить проверкой пульса. Шидловский обжаловал этот указ генерал-штаб-доктору Шрейберу, который, не решившись противодействовать сенатской конторе, запросил мнение медицинской канцелярии. В результате последовал специальный указ, где говорилось: «в том как поступать без труда обучить можно, не вскрывая оных частей и не чиня напрасно рассмотру, ибо в поветривающих временах под плечами и на паху такое свидетельство, не имеются ли какие глубокие чиры с ранами, и сквозь малую на рубахе прорезанную дырку ощупать можно»². А через месяц на все заставы для осмотра женщин были командированы повивальные бабки.

В 1741—1747 гг. систему карантинных мероприятий, защищающих Астраханскую губернию от проникновения инфекционных заболеваний со стороны Кавказа и Ирана, разработал и осуществил лекарь Матвей Седов³.

Особенно важное значение имели противоэпидемические мероприятия, проводимые русскими врачами во время эпидемии чумы в 70-х годах XVIII столетия. Организаторами этой работы в Москве явились А. Шафонский, руководивший «предохранительной комиссией», Д. Самойлович, К. Ягельский и др. Из других участников борьбы с чумой в Москве следует назвать А. Ф. Масловского, подлекаря П. В. Малахова, руководившего работой Мельгуновского предохранительного дома, и одного из первых русских лекарей-ученых — лекаря Московского госпиталя Г. Е. Яхонтова, погибшего в 1771 г. от чумы.

На Украине организатором противочумных мероприятий в эти годы был доктор С. М. Митрофанов, старший доктор Киевского госпиталя, выехавший в 1770 г. для борьбы с чумой в Подольскую область, где и погиб в 1772 г. Соратниками Митрофанова по противоэпидемической работе на Украине

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 24, л. 471.

² Там же, л. 474.

³ Там же, л. 658—659.

были лекари В. Червинский, И. Крашенинников — брат известного ученого, Иван и Григорий Шеины, — сыновья ученого штаб-лекаря М. И. Шеина, братья Ягодины, А. Масловский, Г. Чернявский, А. Шафрановский, В. Македонец. Большим организатором проявил себя также руководитель Васильковского карантина лекарь Ф. Грабовский и руководитель Переяславской заставы штаб-лекарь Власов¹, а также погибшие от чумы лекари Федосеев, Суворов и Замараев.

Особенно большие заслуги в области эпидемиологии бесспорно принадлежат Д. С. Самойловичу. Организационный талант его в этой области впервые проявился во время эпидемии чумы в Москве в 1771—1772 гг. Оказавшись проездом в Москве, он добровольно принял активное участие в борьбе с эпидемией, разработал способы дезинфекции одежды и предметов домашнего обихода больных чумой и выдвинул предложение о прививках против чумы. Уже в 1771 г. за заслуги в этой области Д. Самойлович получил чин штаб-лекаря и вошел вместе с А. Шафонским и Г. Орреусом в состав «комиссии для предохранения и врачевания от моровой заразительной язвы». Выехав в 1776 г. за границу для получения степени доктора медицины, он обобщил свои наблюдения и опыты и издал там несколько научных работ о чуме². Во французском медицинском журнале того времени писалось о работах Самойловича: «г. Самойлович, русский доктор, издал описание чумы, бывшей в Москве, содержащее в себе много таких предметов, которых нет ни в каких сего рода сочинениях». И далее: «сей же врач издал и другое сочинение о прививании чумы и первый открыл и доказал, что сия операция может быть принята и производима в действие с великим успехом для сохранения человеческого рода»³.

Перед отъездом из России Самойлович принял участие в составлении фундаментального труда «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве в 1770—72 гг.».

По возвращении из-за границы он хотел заняться по своему призванию преподавательской работой в Московской госпитальной школе, но по приказу Потемкина в 1784 г. был назначен главным доктором Екатеринославского наместничества и Таврической области, где в 1784—1785 гг. организовал борьбу с чумой в Крыму, Херсоне, Екатеринославе и Кременчуге. В этот период Д. Самойлович изучал патологоанатомическую картину чумы: «Анатомирование тут же язвою умерщвленных тел для открытия, где толь смертоноснейший яд сей имеет в теле человеческом точное свое пребывание, произво-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 66, л. 246—314.

² Д. Самойлович. Избранные произведения, в. I—II, 1949—1952.

³ В. Джунковский. Данило Самойлович Самойлович. Всеобщий журнал врачебной науки, 1815, № 6.

дил», — писал он¹. В это же время он производил свои известные микроскопические исследования². По свидетельству Самойловича, его ближайшими помощниками по организации противоэпидемической службы были: штаб-лекари И. Яновский, С. Копытовский и П. Малановский; лекари М. Борисевич, А. Бучаров и А. Болдырев в Кременчуге; лекари В. Червинский, С. Красовский, К. Шеин и Н. Останин в Херсоне³.

В 1790 г. Самойловичу пришлось уйти в отставку и свыше 2 лет он жил на родине в деревне Яновке Черниговской губернии. По приглашению А. И. Васильева в 1793 г. Д. Самойловича назначили на работу в Московский госпиталь и в это же время избрали почетным членом медицинской коллегии, но именным указом Екатерины II от 6 июня 1793 г. вновь назначили главным доктором всех карантинов на юге России.

Ознакомившись с положением карантинной службы, Д. Самойлович в мае 1795 г. направил А. И. Васильеву из Москвы, где он находился проездом, доклад, в котором предлагал свои замечания о строении карантинов, а также рекомендовал на постоянную службу в карантинах лекарей В. Червинского, С. Красовского, А. Бучарова и др. Граф Зубов, которому А. И. Васильев доложил о предложениях Самойловича, грубо ответил, что «назначение сих чинов в губернии не есть дело доктора Самойловича»⁴.

В связи с назревшим вопросом об издании карантинного устава Самойлович в 1797 г. предлагает Васильеву свои услуги: «чтобы исходатайствовано мне было позволение, обозрев границу по Днестру до границы Цесарской и обозрев тамо ко вящей науке моей и кордон цесарский, прибыв в Санкт-Петербург и касательно до усовершенствования карантинов рассказать о всем самообстоятельнейше, как ныне споспешествует еще и время сему пособлять, поелику о карантинах ничего законом государственным еще не утверждено, после же невозможno уже будет о сем и помыслить»⁵. В июле того же года Васильев сообщил, что император, которому он докладывал о предложении Самойловича, «не соизволяет» ему ехать по границе; поэтому он просит Самойловича прислать, какие у него имеются еще замечания о карантинах. В 1797 г. Самойлович направляет Васильеву из Очакова свои «Начертания о карантинах»⁶.

Вспышка чумы в ноябре 1797 г. в Подольской губернии заставляет Самойловича выехать в г. Дубосары для организа-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 80, л. 20.

² Д. Самойлович. Краткое описание микроскопических исследований о существе яду язвенного. Избранные произведения. М., 1949.

³ То же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, л. 315.

⁵ Там же, кн. 33, л. 222.

⁶ Там же, л. 230—231.

ции борьбы с чумой. В январе 1798 г. он доносит медицинской коллегии из Дубосар о проводимой им работе: «Обращаясь с ноября уже месяца при границе Подольской губернии, рассматривал самовнимательнейше все в губернии сей по прекращению моровой язвы заражаемой чумы, во многих в губернии сей уездах открывавшейся, опубликованные повеления, предписания и других наставления, к сему предмету относящиеся»¹.

Для выявления больных Самойлович привлекал жителей городов, из числа которых он выделял в каждом квартале специальных «надзирателей», которые ежедневно обходили жителей своего участка и помогали медицинским чинам своевременно выявлять заболевших, что ускорило сроки их изоляции². В своем письме Самойлович резко критикует меры, предпринятые военным губернатором Беклемишевым, характеризуя их следующими словами: «предписание еще неудобоисполнительное, всенапояготильнейшее строгостью всенеизмеримою и страхом всепреисполненное и ко всеконечному искоренению язвенного зла почти неудободостигаемое»³.

Он так же отрицательно говорит и об указаниях Подольской врачебной управы, составленных доктором Герике: «Сие описание не иное что заключает в себе, как только собрание медицинских изречений, выбранных несоответствующе ни в каком смысле ко всеконечному искоренению язвенного зла сего, а преисполненное единими токмо замашками шарлатанскими»⁴.

Д. Самойлович предлагает для повсеместного использования разработанные им меры борьбы с чумой, изложенные в труде «Способ наиудобнейший ко недопущению первоначально возникнуть оказавшейся где-либо в народе смертоносной язвы заражаемой, паче же усилиться оной»⁵. Эта рукопись была представлена им медицинской коллегии в январе 1798 г.

А. И. Васильев в письме от 20 марта 1798 г. рекомендовал Д. Самойловичу окончить труд о чуме, а вопрос об устройстве карантинов решить на месте с губернским начальством⁶. В 1799 г. Д. Самойлович ликвидировал вспышку чумы в Крыму, занесенную кораблем из Турции. Он описал свой опыт в работе: «Способ самый удобный как предъизбегать язвоза-чумляющихся на судне мореходном людей, экипаж судна составляющих, не предавая огню и самого судна», и в этом же

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 33, л. 232.

² Там же, л. 234.

³ Там же, л. 232.

⁴ Там же, л. 233.

⁵ Там же, л. 310—375.

⁶ Там же, л. 247.

году представил ее в медицинскую коллегию. Тогда же начата им работа «Начертание, как предлежит в городах и в селениях устраивать временную больницу для врачевания язвозачумляющихся»¹.

Как ни странно, медицинская коллегия не стала печатать трудов Д. Самойловича. В сентябре 1799 г. ученый секретарь коллегии Г. И. Базилевич написал ему: «Медицинская коллегия, быв, с одной стороны, наипаче в нынешнее время озабочена исполнением нужнейших дел, а с другой, ведая, сколько Вы сочинениями Вашими, ныне издаваемому подобными, утвердили славу Вашу, за благо рассудила, не входя ни в предполагаемое Вами исправление либо преобразование отличного в своем роде творения Вашего, ни в назначение места для напечатания оного, предоставить совершенно собственной воле Вашей и то и другое, не упоминая даже, что Вы делаете то с одобрением медицинской коллегии»².

Нереализованным также осталось и большинство его предложений по устройству карантинов. После многочисленных его представлений в медицинскую коллегию А. И. Васильев 16 июля 1800 г. сообщил Самойловичу: «Долгом почитаю уведомить Вас, милостивый государь мой, что для сочинения устава пограничным и портовым карантинам учрежден был по высочайшему повелению особый здесь комитет, при составлении которого нарочитое число замечаний заимствовано из сочинений Ваших, о сем предмете изданных, поэтому теперь и не настоит уже надобности в изыскании новых каких-либо для того способов»³.

В октябре 1800 г. в соответствии с новым карантинным уставом были учреждены карантинные конторы. В связи с этим упразднялась должность главного доктора карантинов, которую занимал Самойлович, и его переводят инспектором Черноморской врачебной управы в г. Николаев⁴. В Николаеве были изданы две части (вторая и четвертая) его сочинения о чуме⁵. Для издания третьей части, в которой должно было содержаться описание устройства больниц для больных чумой, необходимо было награвировать план этой больницы, чего нельзя было сделать в Николаеве. Несколько раз безуспешно обращался Самойлович по этому поводу в медицинскую коллегию и к различным сановникам. После ликвидации

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 33, л. 287—306.

² Там же, л. 377.

³ Там же, л. 403.

⁴ Там же, кн. 35, л. 1—4.

⁵ Часть вторая—Способ наиудобнейший к недопущению первоначально возникнуть оказавшейся где-либо промеж народом смертоносной язве заражаемой чуме. Николаев, 1803.

Часть четвертая—Способ самый удобный как предъизбегать язвозачумляющихся на судне мореходном людей, экипаж судна составляющих, не предавая огню и самого судна. Николаев, 1803.

медицинской коллегии он пишет в 1804 г. министру внутренних дел Кочубею: «Сиятельныйший граф! При поднесении прошлого году сочинений моих графу Александру Сергеевичу Строганову, поднес и я план строения больничной госпитали временной для заражающихся, к 3-й части принадлежащий, прося его сиятельство науздительнейше, чтобы план сей и награвирован был, и напечатан; но как не получил я сего плана, по сему невозможно было 3-й части и печатать. Умоляю Вас, Министр государственный! Со глубины души моей, приказать оный план награвировать к отпечатанию и 3-й части сих сочинений моих»¹. Не получив и на этот раз ответа, Д. Самойлович в январе 1805 г. еще раз напоминает Кочубею о своей просьбе. Лишь 10 марта 1805 г. директор медицинского департамента Кампенгаузен пишет Самойловичу, что гравирование его рисунка «представляется собственному его поучению»². Этот ответ уже не застал Д. С. Самойловича в живых.

Многолетние обширнейшие труды Самойловича в области эпидемиологии полностью оправдывают слова В. Джунковского о нем: «Ежели память отличных мужей, споспешествовавших благу отечества, имеет право на благодарность потомства, то Самойлович заслуживает оную по всей справедливости»³.

Из других работ XVIII века по эпидемиологии должны быть отмечены упомянутые выше труды штаб-лекаря С. С. Андреевского, разработавшего в 1786—1789 гг. систему противоэпидемических мероприятий при сибирской язве; упоминавшиеся уже нами работы по проказе доктора Сандул-Стурдзы, а также организатора первого лепрозория в Уральске в 1796 г. — штаб-лекаря П. С. Симонтовского. Доктор Д. Я. Писчеков, возглавивший карантинную контору в Таганроге, в 1802 г. разработал метод дезинфекции различных предметов с помощью серных окуриваний⁴.

Мы видим, таким образом, что как в развитии научной медицинской мысли в России, так и в практической деятельности по организации медицинского дела в стране и в первую очередь в борьбе с эпидемиями русским лекарям — воспитанникам госпитальных школ принадлежат большие заслуги.

Наша работа представляет скромную попытку осветить деятельность этого большого отряда представителей отечественной медицины, малоизвестную до последнего времени. Пусть благодарность потомков будет заслуженным воздаянием за их большой и самоотверженный труд.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 11, кн. 8, л. 144.

² Там же, ф. 1297, оп. 1, кн. 56, л. 67.

³ В. Джунковский. Данило Самойлович Самойлович. Всеобщий журнал врачебной науки, 1815, № 6.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 24, л. 311—314.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ВРАЧЕЙ — ВОСПИТАННИКОВ ГОСПИТАЛЬНЫХ ШКОЛ XVIII ВЕКА

VI Амбодик (Максимович) Нестор Максимович — доктор медицины, профессор акушерства.

Родился в 1744 г. в семье священника в селе Веприки Гадячского полка. С 1757 по 1768 г. учился в Киевской духовной академии, по окончании которой в 1769 г. поступил «волонтером» в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. Проучившись в этой школе менее года, он в 1770 г. выехал за границу в Страсбургский университет для изучения акушерства. В 1775 г. защитил в Страсбурге докторскую диссертацию «О печени человека» (*De hepate humana*) и получил степень доктора медицины.

В конце 1776 г. Н. М. Амбодик вернулся в Россию и после сдачи экзамена в медицинской коллегии получил право практики в России. Тогда же он был назначен младшим доктором Петербургского адмиралтейского госпиталя и стал впервые читать ученикам петербургских госпиталей (адмиралтейского и сухопутного) лекции «О повивальном искусстве». Однако в 1779 г., вопреки его желанию, он был переведен в Кронштадтскую госпитальную школу, где преподавал физиологию, «материю медику» и медико-хирургическую практику.

В 1781 г. ему удалось вновь добиться перевода в Петербург для преподавания акушерства. В 1782 г. Амбодику было присвоено звание профессора акушерства.

Н. М. Амбодик преподавал акушерство учащимся Петербургского медико-хирургического училища и «повивальным бабкам», кроме того, он читал публичные лекции по акушерству. Амбодик высоко поднял уровень обучения акушерству, сконструировал фантом для практических занятий; кроме того, ему принадлежат конструкции родильной кровати и гинекологического кресла. Пользовался большой известностью как прекрасный акушер-практик и блестящий оператор.

Н. М. Амбодику принадлежит также выдающаяся заслуга в создании учебных руководств на русском языке для учащихся медицинских школ. На протяжении почти 30 лет работы им изданы словари «Анатомико-физиологический» (1783) и «Медико-патологико-хирургический» (1785), руководство по акушерству в пяти частях (1784—1786), четырехтомное «Врачебное веществословие» (1783—1789); «Первоначальные основания ботаники»

¹ О нем см.: З. А. Дроздова. Нестор Максимович Амбодик. Л., 1950; Д. М. Российский. Акушерство и гинекология, 1948, № 6; Я. Чистович. Протоколы заседаний Общества русских врачей в Петербурге. СПБ, 1860, стр. 100—102.

(1796). Он же перевел на русский язык учебник диагностики и терапии Шрейбера и со значительными дополнениями — труд Вальмон де Бомар «Человек» (Физиология, 1787).

Н. М. Амбодик является одним из создателей русской медицинской терминологии.

В 1793 г. Амбодик был избран почетным членом медицинской коллегии и принимал активное участие в ее работе: рецензировал научные работы, разработал проект развития акушерского образования в России, который, к сожалению, остался нереализованным; разработал план и программу подготовки «повивальных бабок» для деревень.

При создании медико-хирургических академий Амбодик ушел в отставку, оставшись лишь консультантом родильного отделения Калинкинской больницы. Амбодик был членом Вольного экономического общества. Умер в Петербурге в 1812 г.

Андреевский Степан Семенович¹ — штаб-лекарь, член медицинской коллегии, директор Медико-хирургической академии.

Родился в 1760 г. в местечке Салтыкова-Девица Черниговской губернии, в семье приходского священника. Настоящая фамилия его была Прокопович, но с детства он носил фамилию матери, которая и сохранилась за ним на всю жизнь².

Первоначальное образование С. С. Андреевский получил в Киевской духовной академии, откуда в 1778 г. поступил учеником в Кронштадтскую школу, а через год был переведен по его просьбе в школу при Петербургском сухопутном госпитале³. В 1781 г. он получил звание подлеекаря и был направлен в Черниговский легкоконный полк. В 1783 г. Андреевский вернулся в Петербург, сдал экзамены и получил звание лекаря. Тогда же он был назначен проектором при проф. М. М. Тереховском. Вскоре тяжелая болезнь заставила его оставить службу и выехать на родину. По выздоровлении он там же поступил на службу и вскоре составил подробное «Медико-топографическое описание Черниговской губернии», которое было представлено им в медицинскую коллегию в 1785 г.⁴.

Учитывая выдающиеся способности Андреевского, медицинская коллегия в 1786 г. поручила ему最难 задание — изучение сибирской язвы в Челябинской провинции⁵. В итоге трехлетней экспедиции Андреевский изучил подробно клинику, патологическую анатомию и эпидемиологию этого заболевания, разработал методы его лечения и профилактики, изложенные им в двух трудах — «О сибирской язве» (1788, не опубликовано) и «Краткое описание сибирской язвы» (СПБ, 1796). Андреевский первым в мире доказал заразительность сибирской язвы, привив ее себе от больного. Труды Андреевского по исследованию сибирской язвы ставят его на первое место среди исследователей этого заболевания.

По возвращении из экспедиции в 1789 г. он получил звание штаб-лекаря и назначение в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. За время работы в госпитале им написаны оставшиеся неопубликованными труды «О костных опухолях», «О литотомии», «О нагноении костей черепа».

В 1792 г. Андреевский был назначен членом медицинской коллегии и с этого времени принимал активное участие в разработке ряда вопросов организации медицинского дела в стране. Так, в 1793 г. он составил инструкцию физикуту, в которой изложил основы гигиены населенных мест. В 1794 г. объехал все ботанические сады и разработал систему мероприятий по обеспечению страны отечественным лекарственным сырьем⁶.

¹ См. о нем: Русский биографический словарь. Том Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПБ, 1900, стр. 117—118.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 5, кн. 412, д. 28.

³ Там же, оп. 2, кн. 166, д. 23.

⁴ Там же, оп. 10, кн. 15, д. 39.

⁵ Там же.

⁶ Там же, оп. 5, кн. 412, д. 17.

Обобщив труды русских ученых в области создания системы медицинского образования, он в 1795 г. разработал «Предварительное постановление о должностях учащихся и учащих»¹, сыгравшее большую роль в улучшении подготовки русских врачей.

Труд Андреевского «О сибирской язве» (1796) был разослан медицинской коллегией по всем губерниям для руководства при проведении противоэпидемических мероприятий и лечении заболевания. В 1796 г. Андреевский составил инструкцию для врачей, направляемых в Уральск с целью изучения проказы.

В 1797 г. им составлены положение об учреждении врачебных управ в губерниях и инструкция для их чинов. Все эти положения были утверждены медицинской коллегией и легли в основу проведенной в 1797 г. реформы медицинского управления в губерниях. Андреевским составлен также доклад о состоянии гражданских и военных больниц в губерниях и внесены предложения о реорганизации больничного дела.

В 1800 г. Андреевский написал инструкцию «О должностях инспектора и эконома Медико-хирургической академии», которая была утверждена медицинской коллегией.

Вместе с Н. К. Карпинским и И. И. Виеном им разработан в 1800 г. карантинный устав².

В 1804 г., после ликвидации медицинской коллегии, Андреевский был назначен директором С.-Петербургской Медико-хирургической академии, но уже через 3 года вследствие усиления влияния иностранцев при дворе он был вынужден уйти в отставку и навсегда оставить медицинскую деятельность. Некоторое время он служил в Министерстве финансов, затем был вице-губернатором в Гродно и Киеве и гражданским губернатором в Астрахани. Умер в Астрахани 19 декабря 1818 г. Смерть его была отмечена некрологом в «Русском инвалиде» (1819, № 10).

Базилевич Григорий Иванович³ — доктор медицины и хирургии, профессор терапии и патологии.

Родился в 1759 г. в семье священника слободы Боромли Ахтырского уезда Белгородской губернии.

Первоначальное образование получил в Харьковском духовном колледжиуме. В 1783 г. поступил волонтером в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. Занимался столь успешно, что уже через 2 года, в 1785 г., получил звание лекаря и оставлен в этой должности при том же госпитале. В 1787 г. Базилевич по собственной просьбе был отпущен за границу для получения докторской степени⁴. Он занимался в Страсбургском университете, где в 1791 г. защитил диссертацию «О всасывающей системе» (De systemate resorbente) и получил степень доктора медицины и хирургии. Диссертация Базилевича состоит из трех глав: в первой исследуются вопросы физиологии всасывания вообще, во второй — патология сосудов и в третьей — лечение сосудистых заболеваний.

Г. И. Базилевич оставался в Германии до 1795 г.; вернувшись в Россию, он был экзаменован А. Г. Бахерахтом, Е. К. Валлерианом и Н. М. Максимовичем-Амбодиком, которые дали блестящий отзыв о его способностях. Бахерахт в своем отзыве писал, что он «оказался в знании врачебных наук весьма знающий и признается мною весьма достойным не только докторского, но и способнейшим медицины профессорского звания»⁵.

В том же году Базилевич решением коллегии был назначен профессором патологии Петербургского медико-хирургического училища. Им были

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 16, д. 40.

² Там же, кн. 30, д. 108.

³ О нем см.: Всеобщий журнал врачебной науки, 1811, № 3, стр. 124; Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. LXXVI.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 36, д. 5.

⁵ Там же, оп. 6, кн. 471, д. 77.

восстановлены клинические палаты, составлена инструкция для профессора клиники. В 1797 г. Базилевичем был представлен план переустройства Московского госпиталя, а также проект о назначении ректоров в хирургические училища из числа профессоров¹.

В 1799 г. Базилевич избран ученым секретарем медицинской коллегии и ее членом². В 1799 и 1801 гг. им представлены в коллегию два анатомических сочинения об уродствах.

В 1799 г. Базилевич тяжело заболел и находился длительное время на курортном лечении. В 1801 г. по болезни уволился со службы и поселился в Москве³. Умер Базилевич в Москве 25 февраля 1802 г.

Бахерахт Андрей Гаврилович⁴ — доктор медицины, главный доктор флота.

Родился в 1724 г. в Петербурге, в семье портового служащего. В 1740 г. поступил учеником в госпитальную школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. В 1743 г. получил звание подлекаря и переведен в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь⁵.

В 1746 г. он был отпущен для получения докторской степени в Лейденский университет, где в 1750 г., защитив диссертацию «О болезнях связок», получил степень доктора медицины. По возвращении в Россию был назначен доктором в корпус артиллерии и фортификации, а после смерти доктора Д. П. Синопеуса в 1776 г. переведен главным доктором флота⁶. В этой должности А. Г. Бахерахт оставался до 1800 г., когда по болезни ушел в отставку.

А. Г. Бахерахтом была проделана большая работа по улучшению санитарного состояния кораблей, быта моряков, предупреждению заболеваний.

Он является автором ряда научных трудов. В 1769 г. Бахерахт издает «Описание и наставление о прививании оспы», способствовавшее распространениювариолации в России. В 1772 г. Бахерахт получил золотую медаль за сочинение «О скотском падеже».

В 1775 г. выходит из печати его труд «О неумеренности в любо-страстии», переиздававшийся затем в 1780, 1782 и 1802 гг. Особенно большое значение имеют его классические труды по военно-морской гигиене, опередившие исследования зарубежных ученых. В 1780 г. вышла в свет его книга «Способ к сохранению здоровья морских служителей» на русском, французском и немецком языках. Кроме того, им составлена первая морская фармакопея, опубликованная в 1783 г. под заглавием «Аптека для Российского флота» и переизданная в 1784 г. на латинском языке.

В 1786 г. Бахерахт издает «Практическое руководство о цынготной болезни», в котором указывает на значение пищевого фактора в происхождении этого заболевания и разрабатывает рациональные способы его лечения и профилактики.

Ряд популярных работ Бахерахта напечатан в «Трудах вольного экономического общества». Бахерахтом были направлены в коллегию еще шесть сочинений, оставшиеся неизданными, в том числе представленный в

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 21, д. 50.

² Там же, кн. 28, д. 20.

³ Там же, кн. 36, д. 5; кн. 30, д. 80.

⁴ О нем см.: С. М. Громбах. Русская медицинская литература. М., 1953, стр. 44—45, 208—209, 227—228, 267; Б. Д. Петров. Гигиена и санитария, 1957, № 4; П. М. Розанов. Военно-морской врач, 1946, № 2; Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. LXXX.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 182, д. 24.

⁶ Там же, кн. 114, д. 15.

1797 г. вновь переработанный и дополненный вариант книги «Физико-диетические наставления мореходцам»¹. В 1794 г. Бахерахт был избран почетным членом медицинской коллегии и до последних дней своей жизни активно участвовал во всех ее начинаниях. Принимал большое участие в рецензировании врачебных сочинений, присыпаемых в коллегию, был экзаменатором на лекарских и докторских экзаменах. В 1787 г. им составлен проект переустройства Кронштадтского морского госпиталя.

В 1802 г. Бахерахт подарил библиотеке Медико-хирургической академии богатейшую коллекцию редчайших медицинских книг, состоявшую почти из 1500 томов².

Умер Бахерахт в 1806 г. в Петербурге.

Белопольский Ефим Тимофеевич³ — штаб-лекарь.

Родился в 1753 г., происходит из малороссийских казаков. Первоначальное образование получил в Черниговском духовном «коллегиуме». В 1773 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском генеральном сухопутном госпитале.

По окончании школы в звании лекаря служил в разных войсковых частях. Был ближайшим сподвижником А. В. Суворова в проведении мероприятий по оздоровлению войск. Имя Е. Т. Белопольского неоднократно упоминается А. В. Суворовым в приказах, рапортах и других документах. Он называет его «искуснейшим штаб-лекарем», в известном труде «Наука побеждать» требует от офицеров заботиться о здоровье солдат и помнить полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского. Впоследствии Белопольский служил в Богоявленском госпитале под руководством Д. Самойловича, в Херсонском военно-морском госпитале и Черноморском флоте. Насколько на этой службе, вместе с группой других русских врачей дал подробное описание массового отравления спорыней в Гаджибее (Одессе) в 1794 г. В 1796—1797 гг. служил в ставке Суворова, затем в Казани, откуда 18 февраля 1799 г. уволен по болезни. Дальнейшая его судьба остается пока неизвестной. Из трудов Белопольского известны следующие: «Правила медицинским чинам», составленные им в 1793 г. и разосланные по приказанию Суворова всем подчиненным ему войсковым частям и соединениям для руководства; «О сохранении здоровья» — отдано приказом Суворова в 1794 г. В Ленинградском историческом архиве, кроме того, имеются две его неопубликованные рукописи: «О Херсонской болезни» и «Об отравлении спорыней в Одессе». Копия последней работы, очевидно, находится и в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве, о чем сообщают в своей статье Е. А. Логинова и А. Д. Малышева. В приказах Суворова упоминается «Лечебник», составленный Белопольским, однако он, видимо, окончательно утрачен.

Беркович Петр Иванович⁴ — доктор медицины.

В 1765 г. поступил учеником в медицинскую школу при Московском госпитале. Время его учения совпало с преподавательской деятельностью в ней выдающихся представителей медицины П. И. Погорецкого и К. О. Ягельского. По окончании школы в 1768 г. П. И. Беркович направлен в звании подлекаря в Сумской гусарский полк. В 1771 г. Беркович сдал лекарский экзамен и был назначен полковым лекарем в Брянский пехотный полк, вместе с которым участвовал в русско-турецкой войне (1768—1774). В 1775 г. был уволен по болезни. В 1777 г. назначен лекарем при Москов-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 41.

² Там же, св. 14, д. 2.

³ О нем см.: В. М. Корнеев. Военно-медицинский журнал, 1949, № 5; Е. А. Логинова и А. Д. Малышева. Врачебное дело, 1956, № 7.

⁴ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. LXXXV.

ском воспитательном доме и с этого времени до конца своей жизни занимался акушерством. В 1781 г. за представленные научные сочинения получил звание штаб-лекаря¹, а в 1793 г. защитил в медицинской коллегии докторскую диссертацию: «О различии между зрелым и незрелым плодом». Это была первая диссертация по акушерству, защищенная в России.

Валлериан Егор Карпович² — доктор медицины, почетный член медицинской коллегии.

Родился в Выборге в 1739 г. в семье таможенного служащего. В 1756 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. Окончив в 1762 г. школу со званием лекаря, он выехал за границу, где в 1764 г. получил степень доктора медицины, защитив диссертацию «О лечении огнестрельных ран».

По возвращении в Россию Валлериан был назначен лекционным доктором в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, но уже в начале 1767 г. переведен губернским доктором в Оренбург. Находясь в этой должности, он значительно улучшил работу губернского госпиталя, добился его переустройства и расширения, увеличил число госпитальных учеников, занимался расширением медицинской помощи населению³. В 1768 г. он исследовал сибирскую язву в Усть-Уйской крепости, о чем представил сочинение в медицинскую коллегию⁴.

В 1775 г. Валлериан был переведен на должность доктора Эстляндской дивизии, а в 1777 г. назначен старшим доктором Кронштадтского адмиралтейского госпиталя и госпитальной школы. В 1781 г. им представлен план переоборудования этого госпиталя⁵. Ему принадлежит также заслуга введения электротерапии в госпитальную практику.

В 1792 г. Валлериан переведен старшим доктором в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь и оставался в этой должности до дня своей смерти. В 1794 г. он избран почетным членом медицинской коллегии.

Е. К. Валлерианом написаны научные труды «О язве желудка, проросшей в ободочную кишку» (написано в 1789 г. и опубликовано И. И. Виеном в 1805 г.), а также «О водянке» (1803). Как почетный член медицинской коллегии он принимал большое участие в рецензировании и редактировании научных сочинений русских врачей, поступавших в медицинскую коллегию. После ликвидации медицинской коллегии в 1804 г. Валлериан вошел в состав медицинского совета Министерства внутренних дел, а с 1809 г. был его деканом.

Умер Е. К. Валлериан 19 февраля 1813 г. в Петербурге.

Виен Иван Иванович — штаб-лекарь, ученый секретарь медицинской коллегии.

Родился в Москве, в семье учителя. В 1763 г. поступил волонтером в Московскую госпитальную школу. В 1765 г. получил звание подлекаря и оставлен в том же госпитале; в конце 1766 г. переведен в Казанский пехотный полк. В 1767 г. в Петербурге успешно сдал экзамен на звание лекаря и оставлен лекарем в С.-Петербургском адмиралтейском госпитале⁶.

В 1771 г. во время эпидемии чумы на Украине И. И. Виен был направлен в Киевскую губернию для организации карантинов, где и оставался в течение 5 лет. В 1776 г. он переводится на должность лекаря в Измайловский полк.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 210, д. 36. (Название сочинений не сохранилось.—Б. П.)

² О нем см.: Всеобщий журнал врачебной науки, 1813, № 5; Я. Чисто-вич. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CXVI.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 42, д. 268.

⁴ Там же, кн. 28, д. 196.

⁵ Там же, оп. 3, кн. 210, д. 3.

⁶ Там же, кн. 19, д. 145.

В 1786 г. за сочинение «Лоимология, или описание моровой язвы» получил звание штаб-лекаря. В 1793 г. назначен ученым секретарем и членом медицинской коллегии. На этом посту Виен проделал большую работу по подготовке к изданию собрания сочинений русских врачей. Он привел в порядок учений архив коллегии, настойчиво собирая от авторов копии ранее утерянных сочинений, принимал участие в их рецензировании и классификации.

В 1797 г. коллегия поручила ему подготовку и издание первого тома русских врачебных сочинений. Этот труд Виен закончил уже после ликвидации медицинской коллегии и издал его на собственные средства в 1805 г. в виде сборника 50 научных сочинений. В 1799 г. Виен был освобожден от должности учченого секретаря ввиду его загруженности редакционной деятельностью, но оставлен членом коллегии.

И. И. Виен принимал участие в разработке мероприятий по улучшению медицинского образования в России; совместно с С. С. Андреевским и Н. К. Карпинским составил карантинный устав; явился автором проекта о преподавании основ медицины в духовных семинариях. При ликвидации медицинской коллегии он не был включен в состав медицинского совета и ушел в отставку. Умер И. И. Виен в ноябре 1809 г. в Петербурге.

Волченецкий Денис Васильевич — штаб-лекарь, организатор Елизаветградского госпиталя и школы.

Родился в 1751 г. в местечке Гоголеве Киевской губернии, в семье священника¹. Учился в Киевской духовной академии, откуда в 1770 г. вместе с А. Масловским перевелся учеником в медико-хирургическую школу при Московском госпитале². Принимал активное участие в борьбе с эпидемией чумы 1771 г.

В 1772 г. получил звание подлекаря и перевелся в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, где закончил образование под руководством Ф. Т. Тихорского, который писал о Волченецком, что он «беспристрастную заслуживает похвалу за порядочное обхождение и отличное старание около больных»³.

В 1776 г. Д. В. Волченецкий получил звание лекаря и был назначен в первый Елизаветградский батальон. Он не раз отличался, оказывая помощь раненым в боях под Бендериами и Браиловом. В 1777 г. он организовал Елизаветградский гарнизонный госпиталь, явившийся впоследствии учебной базой первой медицинской школы на Украине⁴.

В 1783 г. по приказу Потемкина, Волченецкий переведен лекарем в Киевский казачий полк⁵. В 1791 г. за два научные сочинения («О некрозе» и «Об опухолях»), представленные в коллегию, он получил звание штаб-лекаря.

В 1793 г. Волченецкий возглавлял крупнейший Богоявленский госпиталь, где изучал случаи отравления спорыней, сопровождавшиеся гангреной нижних конечностей, и разработал показания к ампутации их при этом заболевании и технику самой операции. В 1795 г. Волченецкий был назначен главным хирургом в Елизаветградский госпиталь и преподавателем хирургии госпитальной школы⁶.

При ликвидации Елизаветградской школы в 1798 г. медицинская коллегия назначила Волченецкого оператором врачебной управы в Минск, но он по собственному желанию остается в той же должности в Киевской врачебной управе⁷. В 1802 г. Волченецкий получает должность инспектора

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 66, д. 162.

² Там же, оп. 3, кн. 271, д. 23, л. 1.

³ Там же, оп. 2, кн. 114, д. 23.

⁴ Там же, оп. 3, кн. 224, д. 5.

⁵ Там же, оп. 1, кн. 40, д. 103.

⁶ Там же, оп. 10, кн. 25, д. 20.

⁷ Там же.

Ярославской врачебной управы, где и остается до конца своей жизни. Ему принадлежит первое медико-топографическое описание Ярославской губернии. Умер Д. Волченецкий в 10-х годах XIX в. в Ярославле.

Гамалея Михаил Леонтьевич — штаб-лекарь, один из первых исследователей сибирской язвы.

Сын казака. Родился в селе Круподерницы Золотоношского уезда Полтавской губернии в 1749 г.¹. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии, затем по предложению киевского лекаря Федосеева в 1769 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале.

В 1771 г. получил звание подлекаря и служил в разных полках. В 1778 г. прибыл в Петербург для сдачи экзамена и получил звание лекаря.

Научные исследования начал еще будучи подлекарем. В 1776 г. им переведена на русский язык книга Эйзена «Легчайший способ прививания оспы»; в следующие годы он послал в коллегию еще два сочинения об оспе, написанные на основании собственных наблюдений. Признав его научные заслуги, медицинская коллегия в 1780 г. присвоила ему звание штаб-лекаря². В том же году по личной просьбе его перевели на гражданскую службу и назначили уездным лекарем в Оханск. М. Л. Гамалея тщательно изучал медико-санитарные условия и заболеваемость в этом крае.

В 1790 г. Гамалея перевели на должность городского лекаря в Пермь, где в 1792 г., обобщив свои многочисленные наблюдения, издает книгу «О сибирской язве» — одно из первых русских руководств, посвященных этой проблеме. При образовании врачебных управ в 1797 г. М. Л. Гамалея был назначен оператором Пермской управы. В этой должности он провел большую работу по изучению заболеваемости среди рабочих на уральских заводах. В 1799 г. вместе с другими врачами Пермской губернии (И. Протасовым, Н. Карловым и др.) составляет руководство для сельских врачей, оставшееся неизданным.

В 1800 г. переведен инспектором в Тульскую врачебную управу. Проработав в Туле 30 лет, он сделал много для внедрения оспопрививания в губернии, по изучению профессиональных вредностей на тульских заводах. Пользовался большой известностью как опытный акушер и блестящий хирург.

М. Л. Гамалея умер в Туле в 1830 г.

Данилевский Иван Лукьянович — доктор медицины.

Родился в Киеве. Учился в школе при Московском госпитале. По окончании школы послан в Геттинген, где 11 сентября 1784 г. получил степень доктора медицины за диссертацию «De magistratu medico felicissimo». Эта диссертация затем перепечатана в сборнике Франка «Delecta opuscula» (v. 5, № 2, стр. 70—126).

Вернулся в Россию в 1786 г.

В своей диссертации И. Л. Данилевский возлагает на государство, на правительство основную заботу о здоровье населения и указывает конкретные мероприятия, при проведении которых, по его мнению, «управители» могли бы добиться уменьшения заболеваемости и смертности населения.

Евреинов Сергей — главный лекарь Азовской флотилии.

Из солдатских детей. В 1713 г. поступил учеником в Московскую госпитальную школу³. В 1721 г. получил звание подлекаря и служил в этой должности на кораблях Балтийского флота.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 34, д. 151.

² Там же, ф. 1297, оп. 2, кн. 122, д. 2.

³ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 9, д. 150.

В 1722 г. по собственной просьбе был зачислен в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, где усовершенствовался в хирургии. Несмотря на проявленные способности, он в том же звании в 1724 г. назначен в Астраханский порт. Лишь в 1728 г. Евреинов добился экзамена на звание лекаря и, блестяще выдержав его, получил должность лекаря Астраханского госпиталя.

В 1735 г., с началом русско-турецкой войны, Евреинова переводят лекарем в Азов, а в 1736 г. специальным указом медицинской канцелярии он назначается главным лекарем Азовской флотилии и ведущим хирургом крупнейшего в то время Азовского военного госпиталя.

С. Евреинов был первым русским врачом, возглавившим крупнейший госпиталь и медицинскую службу флота. В этой должности Евреинов пробыл до 1740 г. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Еллинский Митрофан Никитович — штаб-лекарь.

Родился на Украине в 1772 г. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии. В 1790 г. поступил учеником в Петербургское медико-хирургическое училище, где в 1792 г. получил звание подлекаря и по выбору проф. Н. К. Карпинского был назначен к нему прозектором анатомии.

В 1795 г. М. Н. Еллинский, выдержав экзамен, получил звание лекаря и был зачислен адъюнктом анатомии к проф. Карпинскому. В 1796 г. он переводится на должность полкового лекаря в Преображенский полк.

М. Н. Еллинский является автором многочисленных научных работ. Еще будучи учеником, в 1793 г. он послал в коллегию сочинение «О цынге». Работая под руководством Карпинского в области анатомии, он представил в коллегию сочинения «О панцирном сердце», «О дополнительном печеночном протоке» и «О камнях мочеточников»; все три сочинения были помещены в изданном И. И. Виеном сборнике научных сочинений русских врачей. Кроме того, Еллинскому принадлежат неопубликованные сочинения «О глистах» (1796), «О постоянстве паховых бубонов как симптоме венерической болезни» (1803). М. Н. Еллинский был выдающимся хирургом и акушером. За свои научные сочинения он в 1799 г. получил звание штаб-лекаря¹.

В 1804 г. Еллинский уволился из полка и с 1805 г. поступил оператором в С.-Петербургскую больницу для бедных, где работал до последних дней своей жизни. С 1806 г. он назначен также главным лекарем вдовьего дома, а с 1810 г.— помощником петербургского городского акушера.

М. Н. Еллинский погиб 3 марта 1830 г. в Петербурге во время борьбы с эпидемией холеры.

Жуковский Василий Григорьевич — штаб-лекарь.

Родился в 1762 г. в деревне Решетниково Киевской губернии. Первоначально учился в Киевской духовной академии, откуда в 1782 г. поступил учеником в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. В 1784 г. ему присваивается звание подлекаря.

В 1786 г. С. С. Андреевский при выезде в экспедицию по изучению сибирской язвы избрал В. Г. Жуковского своим помощником. Жуковский был участником всех исследований Андреевского в области клиники, патологической анатомии и эпидемиологии сибирской язвы. В 1787 г. Жуковскому присвоили звание лекаря. В том же году он по собственному желанию начал работать лекарем во 2-м Оренбургском батальоне и продолжал совместно с Андреевским изучать сибирскую язву. По окончании экспедиции Жуковскому по докладу Андреевского присвоили в 1791 г. штаб-лекаря и направили в этой должности в Челябинскую округу.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 2, кн. 121, д. 476.

Оставаясь добровольно в этой отдаленной в то время окраине России, Жуковский на протяжении ряда последующих лет вел борьбу с эпидемиями сибирской язвы и продолжал исследования в области ее эпидемиологии и терапии. В 1793 и 1794 гг. он представил свои сочинения «О сибирской язве» в медицинскую коллегию, где они получили хороший отзыв.

При организации врачебных управ в 1797 г. Жуковского назначили инспектором Оренбургской врачебной управы, где он много сделал для благоустройства Оренбургского губернского госпиталя и провел ряд мер для улучшения обучения в нем лекарских учеников. В 1812 г. он переводится на ту же должность в Уфимскую управу, а в 1817 г. вновь возвращается в Оренбург. Умер Жуковский в Оренбурге в 1822 г.

Загорский Петр Андреевич¹ — академик, выдающийся русский анатом.

Родился 9 августа 1764 г. в семье священника в местечке Понорницы Новоградсеверского наместничества. Первоначальное образование получил в Черниговском духовном колледже, где обучался с 1776 по 1782 г., когда в связи со смертью отца должен был прервать учебу и поступить на службу в ратушу у себя на родине в Понорницах.

В январе 1784 г. он поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. К этому времени здесь работало уже достаточно много передовых русских ученых: Ф. Т. Тихорский, М. М. Тереховский, Г. Ф. Соболевский, Н. К. Карпинский, Н. М. Максимович-Амбодик, С. С. Андреевский, которые и были его первыми учителями.

П. А. Загорский занимался столь успешно, что уже через год, в июне 1785 г., выдержал подлекарский экзамен и был назначен прозектором анатомии при проф. Н. К. Карпинском. В ноябре 1786 г. он столь же успешно выдерживает лекарский экзамен и по-прежнему остается в Петербургском медико-хирургическом училище в должности прозектора анатомии, хотя и на подлекарском жалованье, так как медицинская коллегия не нашла якобы для него «лекарской вакансии».

В июне 1790 г. за научную работу «Об овальном отверстии сердца» Загорский получил звание штаб-лекаря и по собственной просьбе назначен на должность доктора Шлиссельбургского уезда. В феврале 1793 г. он был назначен полковым лекарем Орденского кирасирского полка (в г. Хорол Киевской губернии). Однако военная служба тяготила Загорского и он неоднократно обращался с просьбами о переводе на педагогическую работу в медико-хирургическое училище.

В январе 1797 г. он был назначен адъюнктом анатомии в Московское медико-хирургическое училище к проф. И. Гильдебранту, но работа там под руководством противников русской науки не привлекала его и он решительно отказался от этого места. В конце того же года адъюнкт анатомии С.-Петербургского училища А. Федоровский был переведен профессором анатомии в Кронштадтское училище и на освободившееся, таким образом, место адъюнкта в Петербурге проф. Н. К. Карпинский принял П. А. Загорского, на что последний весьма охотно и согласился.

При организации в 1799 г. Медико-хирургической академии был принят закон, по которому профессорам — членам медицинской коллегии — нельзя было одновременно работать в академии. Проф. Н. К. Карпинский решил остаться в коллегии, а на свое место в академии рекомендовал Загорского. С февраля 1792 г. Загорский стал читать в академии курс анатомии и физиологии. В июне того же года медицинская коллегия, заслушав его пробные лекции «Анатомические демонстрации гла-за» и «Физиологическое изъяснение о желчи», присвоила Загорскому зва-

¹ О нем см.: М. А. Тикотин. П. А. Загорский и первая русская анатомическая школа. М., 1950.

ние экстраординарного профессора¹. В июле 1800 г. он был избран ординарным профессором кафедры анатомии и физиологии². В этой должности он состоял до 15 июля 1833 г., когда по болезни был уволен в отставку, но оставлен почетным членом академии.

В марте 1805 г. он был избран адъюнктом анатомии и физиологии Академии наук, а через 2 года — экстраординарным академиком. П. А. Загорский является автором многочисленных научных трудов в области анатомии и физиологии; им написано первое оригинальное русское руководство по анатомии «Сокращенная анатомия» (1802) в двух томах. Его учениками были виднейшие русские анатомы первой половины XIX века: И. В. Буяльский, И. Д. Книгин, П. А. Нарапович, А. С. Венедиков, П. С. Карайша. П. А. Загорский скончался в Петербурге 20 марта 1846 г.

Залесов Андрей Михайлович — штаб-лекарь.

Родился около 1768 г. в Барнауле, в семье горнозаводскогоunter-офицера. В 1784 г. поступил учеником в медицинскую школу при госпитале Колывано-Воскресенских заводов. В 1790—1794 гг. был участником экспедиции Сиверса по Сибири, занимался гербаризацией растений. В 1796 г. получил звание подлекаря и занимался изучением лекарственных растений на Алтае совместно с С. Шаньгиным. В 1801 г. сдал экзамен на лекаря в Петербургской медико-хирургической академии, затем вернулся на Колывано-Воскресенские заводы и был главным лекарем госпиталя. В 1803—1804 гг. совершил ряд самостоятельных экспедиций по Алтаю для изучения лекарственных растений³. В 1805 г. представил в Медико-хирургическую академию большой гербарий лекарственных растений Сибири и Алтая; за этот труд он получил звание штаб-лекаря.

Именем Залесова названы растения «Еомагит Salesovii» и «Апетопе Salesovii», растущие на Алтае. Собранные им гербарии хранятся в Ботаническом институте Академии наук СССР и в Ленинградской военно-медицинской академии. Умер А. М. Залесов в Барнауле около 1810 г.

Зверак Евстафий Федорович⁴ — доктор медицины.

Родился в семье священника в г. Переяловиче Полтавского полка в 1751 г. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии, где изучал «поэзию, риторику, философию, латинский, немецкий и французский языки с особливым прилежанием и успехом преизрядным»⁵. Дойдя до «школы богословия», в 1770 г. оставил академию и поступил волонтером в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. В январе 1771 г. получил звание подлекаря, а в феврале 1773 г.— лекаря и назначен во вторую полевую команду.

В марте 1776 г. выехал за границу, где учился в разных университетах, и в мае 1779 г. в Эдинбургском университете защитил докторскую диссертацию. В 1782 г. вернулся в Россию, получил после экзамена право практики и назначен доктором в Берислав Екатеринославского наместничества⁶. В 1792 г. уволен по прошению в отставку.

В 1794 г. по просьбе А. В. Суворова назначен профессором в Елизаветградское медико-хирургическое училище, где преподавал химию, ботанику, патологию и терапию⁷. После ликвидации медицинского училища остался старшим доктором Елизаветградского военного госпиталя.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 30, д. 79.

² Там же, кн. 34, д. 127.

³ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 3, кн. 216, д. 393.

⁴ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CLXIX.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 41, д. 215.

⁶ Там же, оп. 6, кн. 601, д. 50.

⁷ Там же, оп. 10, кн. 1, д. 183.

В апреле 1798 г. был назначен старшим доктором Николаевского морского госпиталя и медицинским инспектором Черноморского флота; оставался в этой должности вплоть до назначения инспектором Черноморской управы в 1801 г. Д. С. Самойловича, после чего Е. Ф. Зверака был переведен на должность доктора Дубосарской карантинной конторы¹, откуда вскоре вышел в отставку. Умер в 1829 г.

Италинский Андрей Яковлевич² — доктор медицины.

Родился в 1743 г. в дворянской семье. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии. В 1761 г. поступил учеником в медицинскую школу при Московском сухопутном госпитале, но вскоре перевелся в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. В 1767 г. получил звание лекаря и служил полковым врачом в разных частях. В 1771 г. уволен по собственной просьбе и учился в Лейденском университете, где в 1774 г. защитил диссертацию «Могут ли остановки кровообращения возникнуть внезапно, вследствие одной только слабости воротной вены» и получил степень доктора медицины.

Судя по отзывам о нем Д. С. Самойловича, был выдающимся врачом своего времени, но по состоянию здоровья был вынужден покинуть Россию и поселиться в Италии. С 1781 г. вообще оставил медицину и посыпал себя дипломатической службе. Был посланником России в нескольких государствах. Занимался археологией и лингвистикой. А. Я. Италинский состоял членом Российской академии и почетным членом Римской академии наук. Умер 27 июня 1827 г.

Каменецкий Иосиф Кириллович³ — штаб-лекарь, член медицинской коллегии.

Родился 4 апреля 1750 г. в семье мещанина в местечке Симеоновка Стародубского полка. Первоначальное образование получил в Черниговском духовном колледжиуме. В 1778 г. поступил волонтером в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале, по окончании которой, получив звание лекаря, оставлен в том же госпитале лекарем без содержания. Вскоре за научные наблюдения получил звание штаб-лекаря. В 1793 г. по уходе С. С. Андреевского из госпиталя на работу в медицинскую коллегию И. К. Каменецкий был зачислен в штат на освободившуюся должность.

В октябре 1798 г. назначен инспектором С.-Петербургского физиката. В 1799 г. введен в состав медицинской коллегии. В 1814 г. удостоен звания доктора медицины без защиты диссертации. И. К. Каменецкий был почетным членом Академии наук, академиком Медико-хирургической академии и почетным членом Московского общества врачебных и физических наук. Умер в Москве 14 июня 1823 г.

И. К. Каменецкий был автором ряда научных работ, в том числе он написал первую часть учебника медицины для духовных семинарий, вышедшего в свет первым изданием в 1803 г. (вторая часть его написана Я. О. Саполовичем). Этот учебник переиздавался затем девять раз вплоть до 1864 г.

Каменский Иван Петрович⁴ — профессор анатомии и физиологии.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 36, д. 14 и кн. 35, д. 166.

² О нем см.: Д. Самойлович. Избранные произведения. В. 2. М., 1952, стр. 68—69, 479—480; Русский биографический словарь. Том Ибак — Ключарев. СПБ, 1897, стр. 157—158.

³ О нем см.: А. Г. Лушников. Фельдшер и акушерка, 1951, № 4; Русский биографический словарь. Том Ибак — Ключарев. СПБ, 1897, стр. 411.

⁴ О нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1904, ч. II, стр. 205—207; С. Т. Аксаков. Избранные произведения. Т. II, 1955, стр. 157.

Родился в 1773 г. Первоначальное образование получил в Полтавской духовной семинарии.

В 1793 г. поступил в Московское медико-хирургическое училище. С 1795 г. там же исполнял обязанности прозектора. Вместе с И. Д. Книгным написал сочинение: «О пенетрирующей язве желудка». В ноябре 1798 г. получил звание лекаря и был назначен полковым врачом в Навачинский мушкетерский полк, в октябре 1799 г.—прозектором анатомии Московской медико-хирургической академии.

В 1802 г. защитил докторскую диссертацию «О скимании сердца» и избран адъюнкт-профессором анатомии и физиологии. В январе 1806 г. избран профессором анатомии, физиологии и судебной медицины Казанского университета. Известный русский писатель С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях писал, что в университете появился новый «адъюнкт по медицинской части, Каменский, с замечательным даром слова»¹. Однако деятельность его в Казанском университете продолжалась недолго. В ноябре 1809 г. министром народного просвещения он был отстранен от должности за протест против самовластия директора университета И. Ф. Яковкина и назначен акушером Воронежской врачебной управы.

В 1810 г. был избран на кафедру акушерства Харьковского университета, где и проработал до своей смерти. Умер в Киеве в августе 1819 г. Помимо приведенных выше работ, издал в 1799 г. совместно с Книгним перевод на русский язык книги Фуркруа «Химическая философия» и в 1805 г. «Краткое начертание наблюдений и опытов о вредности молочной и о пользе хлебной, мясной и другой пищи для детей».

Карпинский Никон Карпович² — доктор медицины, выдающийся хирург и анатом.

Родился в 1745 г. в семье казака села Денисовки Лубенского уезда Полтавской губернии. Учился в Харьковском духовном коллегиуме, откуда в 1773 г. поступил учеником в госпитальную школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. Уже через год, успешно сдав экзамен, он получил звание подлекаря и оставлен «в должности прозектора и репетитором анатомических и хирургических преподаваемых в оной госпитали публичных лекций»³. Однако через год доктор А. Меллен, видя большие успехи Н. К. Карпинского в науке и боясь конкуренции, попросил коллегию освободить Карпинского от прозекторской должности, сославшись на якобы грозившую ему чахотку.

В 1776 г. Карпинский сдал экзамен и получил звание лекаря, но медицинская коллегия не нашла для него должности лекаря и оставила в том же госпитале на подлекарском жалованье. Оставаясь в госпитале, Карпинский ведет научную работу по изучению различных методов операции удаления камней мочевого пузыря. Эта работа проводилась им под руководством доктора Ф. Т. Тихорского и лекаря И. В. Руцкого и послужила основой для его докторской диссертации.

В 1779 г. Карпинский по собственной просьбе уволился со службы и выехал в Страсбургский университет, где через 2 года защитил диссертацию «О некоторых затруднениях при операции удаления камней мочевого пузыря» (*De impedimentis in Lithotomia occurrentibus*), в которой рассматривает различные способы этой операции, возможные осложнения и меры их предупреждения. Вернувшись в Россию в 1781 г., Карпинский получает позволение заниматься медицинской практикой, причем коллегия,

¹ С. Т. Аксаков. Избранные произведения. Т. II, 1955, стр. 157.

² См. о нем: Всеобщий журнал врачебной науки, 1811, № 1. Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1833, стр. CLXXII.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 114, д. 30.

сославшись на «отсутствие вакансий», не определила его ни на какую государственную службу¹.

Через некоторое время Карпинский поступает на должность профессора анатомии в Академию художеств, в которой остается до конца своей жизни. Лишь в 1784 г. коллегия назначает его младшим доктором в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь и в том же году переводит его лекционным доктором в С.-Петербургский сухопутный госпиталь для преподавания анатомии вместо переведенного в Ботанический сад М. М. Тереховского². С 1785 г. ему было поручено также преподавание фармакологии.

При реорганизации школ в медико-хирургические училища в 1786 г. Карпинского назначили профессором анатомии, физиологии, хирургии и фармакологии. Карпинский проделал большую работу по улучшению преподавания анатомии и хирургии, разработал ряд наглядных пособий. В 1785 г. вместе с Я. Саполовичем создал образец нового полкового хирургического набора. При нем значительно пополнились анатомические коллекции Либеркюна.

В 1791 г. Карпинский назначается членом медицинской коллегии³. В 1794 г. он становится членом Вольного экономического общества, а в 1797 г. избирается почетным членом Академии наук.

Из анатомической школы, созданной Карпинским, вышли известные хирурги и анатомы: П. А. Загорский, А. П. Федоровский, Я. О. Саполович и др.

Н. К. Карпинский принимал деятельное участие во всех начинаниях медицинской коллегии: совместно с И. И. Виеном в 1793 г. он разработал план классификации научных сочинений русских врачей, редактировал и рецензировал сочинения русских врачей по анатомии и хирургии. В 1797 г. совместно с Саполовичем внес предложение о дополнениях к экзамену докторов, прибывающих из-за границы; в 1797 г. составил Российскую фармакопею, изданную в 1798 г. В 1800 г. совместно с С. С. Андреевским и И. И. Виеном разработал новый карантинный устав.

При образовании медико-хирургических академий, в связи с новым положением, не разрешавшим членам коллегии исполнять профессорские должности, Карпинский отказался от должности профессора, передав ее своему адъюнкту Загорскому.

В 1804 г. при ликвидации медицинской коллегии Карпинский был назначен членом медицинского совета Министерства внутренних дел и начальником ученого отделения, а в 1805 г. определен также генерал-штабдоктором сухопутной армии. Однако вследствие происков группы иноzemцев во главе с Вильле и Роджерсоном он в 1808 г. был смешен с этой должности и оставался только в медицинском совете и Академии художеств. Умер Карпинский 10 февраля 1810 г. в Петербурге.

Керестури Ференц⁴ — профессор анатомии.

Родился 28 мая 1739 г. в Венгрии. В 1762 г. поступил учеником в медицинскую школу при Московском госпитале. В 1763 г. произведен в подлекари, а в 1764 г.—в лекари и был назначен лекарем Бахмутского карантинного дома, но получил приглашение на должность прозектора анатомии на медицинском факультете Московского университета при проф. Эразмусе⁵. Он принял предложение, и с того времени непрерывно работал в Московском университете до конца своей жизни.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 210, д. 20.

² Там же, ф. 1297, оп. 1, св. 17, д. 2.

³ Там же, ф. 1296, оп. 5, кн. 412, д. 16.

⁴ См. о нем: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CLXXV; Русский Биографический словарь. Том Ибак — Ключарев. СПБ, 1897, стр. 619—620.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 5, д. 266.

В сентябре 1776 г. по ходатайству университета медицинская коллегия присвоила ему звание штаб-лекаря и он получил должность профессора анатомии.

В 1784 г., уже будучи ординарным профессором анатомии и хирургии, он обратился в медицинскую коллегию с просьбой о докторском экзамене. В качестве докторской диссертации он представил свою речь (на латинском языке) «Рассуждение о необходимости познания жизни для того, чтобы яснее обнаружить внутреннюю природу человеческого тела» (1783).

После экзамена в Московской медицинской конторе (экзаменаторы И. О. Тимковский, И. В. Руккий, Г. Фрезе и Раушерт) в мае 1784 г. Керестури получил степень доктора медицины и хирургии. Был одним из организаторов Московского физико-медицинского общества и первым его президентом. Умер в Москве 16 февраля 1811 г.

Помимо уже упомянутой речи, издано еще три его научных работы: «Речь об ощущениях, оказывающих необходимую дружественную помощь человеку как в предохранении здоровья, так и в исправлении нанесенного здоровью вреда» (1778), «О медицинской полиции и о применении ее в России» (1795), «Рассуждение о жизненном существе в человеческом теле» (1777). Все эти сочинения были изданы на латинском языке.

Книгин Иван Дмитриевич¹ — профессор.

Родился 7 сентября 1773 г. в семье священника в селе Сергиевском Орловской губернии. Окончил Орловскую духовную семинарию.

В 1792 г. поступил на филологический факультет Московского университета, но через год перешел в Московскую медико-хирургическую школу, где в 1797 г. совместно с И. П. Каменским написал сочинение «О пенетрирующей язве желудка».

В 1798 г. окончил школу и получил звание лекаря, служил в кирасирском полку. В 1799 г. избран адъюнкт-профессором анатомии и физиологии С.-Петербургской медико-хирургической академии. В 1802 г. там же защитил докторскую диссертацию «О животной экономии, пользовании и преимуществе теплоты». С 1803 по 1809 г. был в научной командировке за границей, по возвращении избран профессором зоотомии, сравнительной физиологии и учения о системах ветеринарного отделения академии.

В 1811 г. избран профессором кафедры анатомии, физиологии, судебной медицины и медицинской полиции Харьковского университета. С 1819 г. там же читал курс патологии и терапии. Был деканом медицинского факультета.

26 февраля 1829 г. был уволен в отставку по болезни. Умер в 1830 г. в Харькове. Помимо приведенных выше сочинений, И. Д. Книгину принадлежат следующие научные труды: «О дыхании» (1813), «Краткое наставление, как предохранить себя от прилипчивых болезней» (1814), «Об устройстве общих покровов человеческого тела и их пользе» (1827).

Крутень Матвей Самсонович² — доктор медицины.

Родился в Чернигове в 1737 г. в семье служащего магистрата. Первое образование получил в Киевской духовной академии. В 1757 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале, где в 1758 г. получил звание подлекаря, а в 1759 г.— лекарь и оставлен при госпитале. В 1760 г. был командирован для сопровождения рекрутов в Гданьск и назначен полковым лекарем Тенгинского пехотного полка.

¹ О нем см.: М. А. Тикотин. П. А. Загорский и первая русская анатомическая школа. М., 1950, стр. 209—219.

² О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CXCI.

В 1761 г. вместе с группой лекарей (Погорецкий, Тихорский, Митрофанов, Рожалин и др.) был командирован в Лейденский университет, где в 1765 г. защитил диссертацию «О жевании» (*Specimen medicum inaugurale de mandibulatione*) и получил степень доктора медицины. В Россию вернулся в 1767 г., но по приезде тяжело заболел. Лишь в феврале 1768 г. он сдал экзамен в медицинской коллегии и получил право практики в России. В 1769 г. был назначен в действующую армию дивизионным доктором в первую дивизию, но вскоре после назначения, в 1770 г. (по Н. И. Новикову в 1769 г.), умер.

В «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова имеется указание, что М. С. Крутень «сочинил книгу под именем „Примечания о болезнях, в армии слушающихся“», но оная в печать не отдана».

Леонтович Савва Алексеевич¹ — доктор медицины.

Сын мещанина из села Максимовки Миргородского полка. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии, откуда в июне 1758 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале.

В 1759 г. получил звание подлекаря, а в феврале 1761 г.— лекаря. В том же году был командирован в числе десяти выпускников русских медицинских школ за границу для подготовки докторской диссертации. Учился в Страсбургском университете и в 1766 г. там же защитил докторскую диссертацию «О ненормальных родах, происходящих от неправильного положения плода» (*De partu praeternaturali ex vitiis truncis foetus orto*). В 1767 г. вернулся в Россию и после сдачи в медицинской коллегии установленного экзамена получил право медицинской практики в России. В июне 1768 г. был назначен младшим доктором (доцентом) в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале, но обстановка в госпитале вследствие засилья иностранцев была очень тяжелой и С. А. Леонтович попросился на должность доктора при управлении колонистами Саратовской губернии.

В 1775 г. после смерти доктора К. О. Ягельского он был назначен на его место преподавателем в Московскую госпитальную школу, но вновь отказался от этой должности, сославшись на болезнь.

В 1778 г. колонисты отказались содержать за свой счет медицинских работников, и С. А. Леонтович остался без работы. В связи с этим он прошел о назначении в одну из госпитальных школ, но в том же году был назначен на должность дивизионного доктора Нижегородской дивизии и с этого времени служил в армии. Дальнейшая судьба его пока остается неизвестной.

Логинов Петр Романович² — доктор медицины.

Родился в семье священника в селе Головкове Екатеринославского наместничества. Первоначальное образование получил в Екатеринославской духовной семинарии. В ноябре 1791 г. поступил учеником в Петербургское медико-хирургическое училище³. В 1795 г. получил звание лекаря и после прочтения пробной лекции «Об операции каменной болезни» утвержден адъюнктом по кафедре хирургии при проф. Я. О. Саполовиче.

В 1798 г. за ряд научных работ по хирургии получил звание штаб-лекаря, а в июне 1799 г. утвержден в звании адъюнкт-профессора и заменил

¹ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. СХСИХ; Русский биографический словарь. Том Лабзин — Ляшенко. СПБ, 1914, стр. 225.

² О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. ССVIII; Русский биографический словарь. Том Лабзин — Ляшенко. СПБ, 1914, стр. 579.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 5, кн. 412, д. 48.

проф. Я. О. Саполовича на кафедре хирургии в Петербургской медико-хирургической академии¹.

В 1800 г. в связи с резким понижением остроты зрения обратился с просьбой освободить его от работы в академии, после чего был назначен инспектором Костромской врачебной управы², где и работал до 1837 г. Умер в 40-х годах XIX столетия.

Малахов Петр Васильевич — штаб-лекарь.

Родился в 1753 г. в семье казака в Чернигове³. Первоначальное образование получил в Черниговском духовном колледже, откуда в 1770 г. поступил учеником в медицинскую школу при Московском госпитале. В 1770—1772 гг. принимал участие в борьбе с эпидемией чумы в Москве. В 1773 г. получил звание подлекаря и был назначен на должность лекаря в Мельгуновский карантинный дом⁴.

В 1775 г., после ликвидации чумы в Москве, П. В. Малахов переведен на должность подлекаря в Апшеронский пехотный полк, в составе которого принимал участие в ряде боевых походов⁵. В 1779 г. по его просьбе направлен в С.-Петербургский госпиталь для усовершенствования. В 1780 г. получил звание лекаря и был назначен в Черниговский легкоконный полк⁶.

В 1782 г. после ранения уволился с военной службы и получил назначение уездным лекарем в г. Березов⁷. Обобщив итоги своих исследований, проведенных еще во время службы в армии, Малахов в 1783 г. представил в медицинскую коллегию несколько научных трудов по хирургии, за которые получил звание штаб-лекаря. В 1784 г. переведен губернским доктором в Чернигов; здесь вместе с А. Шафонским провел ряд противоэпидемических мероприятий, принимал участие в составлении первого медико-топографического описания Черниговской губернии.

В 1794 г. уволился со службы ввиду болезни, но в 1797 г. при образовании врачебных управ был назначен инспектором Малороссийской (Черниговской) врачебной управы. Прослужив в этой должности 10 лет, содействовал развитию медицинских учреждений в губернии, написал 8 научных трудов. П. В. Малахов умер в Чернигове в 1807 г.⁸.

Масловский Афанасий Федорович — доктор медицины, почетный член медицинской коллегии.

Родился в 1753 г. в селе Церковице Киевской губернии, в семье мелкопоместного дворянина. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии, откуда в 1770 г. прибыл в Москву и поступил учеником в медицинскую школу при Московском госпитале. А. Ф. Масловский был активным участником борьбы с эпидемией чумы в Москве.

В 1772 г. получил звание подлекаря и был направлен на Днепровскую линию, где в то время свирепствовала эпидемия чумы. Начал свою службу в Петровской крепости, где в 1774 г. получил звание лекаря. В 1781 г. был переведен в 4-й Киевский батальон.

Уже в это время А. Ф. Масловский провел ряд научных исследований. В 1777 г. он изучал цингу и разработал систему питания солдат, обеспечившую ликвидацию цинги среди войск гарнизона Днепровских крепостей. В 1787 г. он перевел с французского языка учебник хирургии. Учитывая его заслуги, медицинская коллегия в 1785 г. присвоила

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 30, д. 79.

² Там же, кн. 35, д. 150.

³ Там же, оп. 1, кн. 41, д. 189.

⁴ Там же, оп. 2, кн. 66, д. 155.

⁵ Там же, ф. 1296, оп. 2, кн. 182, д. 22.

⁶ Там же, кн. 166, д. 16.

⁷ Там же, оп. 6, кн. 144, д. 24.

⁸ Там же, оп. 1, кн. 40, д. 103.

А. Ф. Масловскому звание штаб-лекаря¹, а в конце того же года он был назначен на должность киевского губернского доктора.

К этому периоду относятся его работы в области изучения токсикологии спорыни, обобщенные в 1791 г. в сочинении «О рожках», представленном в медицинскую коллегию в качестве докторской диссертации.

В этот же период А. Ф. Масловский организовал первую психиатрическую больницу на Украине и занимался вопросом лекарственного лечения психических заболеваний. Проведены организационные мероприятия по улучшению родовспоможения и снижению детской смертности в Киеве².

В 1792 г. Масловский получил степень доктора медицины³. При обращении врачебных управ в 1797 г. назначен акушером Киевской управы, в 1798 г. переведен инспектором Орловской врачебной управы, а в 1801 г.—инспектором Киевской управы, где и остался до дня своей смерти.

К этому периоду относится ряд его трудов в области акушерства. В 1797 г. он представил в медицинскую коллегию сочинение «О чрезмерном спазме в матке во время родов, яко о причине медлительных, трудных и не натуральных родов», а в 1798 г. «О выпадении матки после родов». В том же году он написал сочинение «О лечении эпилепсии» и перевел книгу Пленка «О глазных болезнях»⁴.

В 1798 г. А. Масловским составлено медико-санитарное описание Орловской губернии, содержащее предложения по улучшению больничного дела. Ему принадлежит еще ряд трудов: «О скотском падеже» (1798)⁵, «О эпидемической болезни» (1800)⁶, «О заразной горячке» (1802)⁷, «О плане преподавания медицинских наук в духовных семинариях» (1802); лечебник для крестьян «Наставление, как пользоваться домашними лекарствами больных» (1803).

Научные труды А. Ф. Масловского были отмечены в 1802 г. избранием его почетным членом медицинской коллегии⁸. Это был первый почетный член коллегии из числа провинциальных врачей.

В конце 1803 г. в связи с тяжелой болезнью А. Ф. Масловский был уволен в отставку, а 25 сентября 1804 г. скончался в Киеве⁹.

Миронович Василий Емельянович — штаб-лекарь.

Родился в Полтаве. Первоначальное образование получил в Екатеринославской духовной семинарии.

В октябре 1790 г. поступил учеником в Петербургское медико-хирургическое училище. В 1792 г. получил звание подлекаря, а в 1794 г.—лекаря. В ноябре 1795 г. после прочтения пробной лекции утвержден адъюнктом Московского медико-хирургического училища по кафедре хирургии и «материи медики» при проф. П. М. Шумлянском.

В 1805 г. служил в армии дивизионным доктором, а в 1806 г. уволен с военной службы по болезни. С 1809 г. был экстраординарным профессором фармакологии Московской медико-хирургической академии.

Митрофанов Сила Митрофанович¹⁰ — доктор медицины.

Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии. В июне 1756 г. поступил учеником в медицинскую школу при Москов-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 271, д. 39.

² Там же, ф. 1296, оп. 3, кн. 410, д. 20.

³ Там же, оп. 10, кн. 35, д. 137.

⁴ Там же, ф. 1297, оп. 1, кн. 18, д. 394.

⁵ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 30, д. 81.

⁶ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 18.

⁷ Там же, д. 23.

⁸ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 39, д. 70.

⁹ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 39, д. 70.

¹⁰ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCXXXIII.

ском госпитале. В 1758 г. получил звание подлекаря и переведен в С.-Петербургский сухопутный госпиталь¹. В декабре 1759 г. получил звание лекаря и оставался в том же госпитале. Весной 1761 г. в числе 10 врачей был командирован за границу для подготовки и защиты докторской диссертации. В 1765 г. в Лейденском университете защитил диссертацию «О самопроизвольном вхождении воздуха в легкие» (De spontaneo aëris introitu in pulmonem) и получил степень доктора медицины, после чего усовершенствовался еще несколько лет в Париже.

В Россию вернулся в 1769 г. и получил после экзамена в медицинской коллегии право медицинской практики в России в августе того же года, но на службу из-за «отсутствия вакансий» не определен².

В 1770 г. назначен старшим доктором вновь открывшегося Киевского полевого госпиталя³. Осенью того же года был командирован для борьбы с эпидемией чумы «в Подолию»⁴.

В 1771 г. переведен в 1-ю армию в Бухарест, где и умер от чумы 27 июня 1772 г.

Мокренец Григорий Федорович — штаб-лекарь.

Сын казака, родился в 1755 г. в Чернигове⁵. Первоначальное образование получил в Черниговском духовном колледжиуме, откуда в 1770 г. приехал в Москву и поступил учеником в Московскую госпитальную школу. Участвовал в борьбе с эпидемией чумы в 1770—1773 гг. С 1773 г. служил в Московском госпитале, где в 1779 г. получил звание лекаря и был преподавателем хирургии в госпитальной школе. В 1785 г. за представленное сочинение «О переломах черепа» получил звание штаб-лекаря. С 1791 по 1800 г. был ведущим хирургом Московского госпиталя. Здесь в 1799 г. разработал положение «О дневальном лекаре» и правила внутреннего распорядка и режима дня в госпиталях, принятые медицинской коллегией как обязательные для всех госпиталей. В 1800 г. по собственной просьбе перевелся в Рязань инспектором врачебной управы. Умер в Рязани в 1804 г.⁶.

Моренков Дмитрий Павлович — штаб-лекарь.

Родился в семье священника в Харькове в 1759 г. Первоначальное образование получил в Харьковском духовном колледжиуме. В феврале 1783 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале.

В 1786 г. получил звание лекаря и как блестящий хирург назначен оператором С.-Петербургского сухопутного госпиталя. Занимал эту должность в течение 11 лет, до 1797 г., когда был уволен по собственной просьбе.

Поселился в Москве. Был автором ряда научных работ, к сожалению, не сохранившихся.

В 1812 г. поселился в Суздале, где занимался медицинской практикой. Умер в Суздале 3 октября 1830 г.⁷.

Мухин Ефрем Осипович⁸ — выдающийся ученый, профессор Московского университета.

Родился 28 января 1766 г. в Чугуеве. Первоначальное образование получил в Харьковском духовном колледжиуме. В октябре 1787 г. поступил учеником в Елизаветградское медико-хирургическое училище.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 225, д. 192.

² Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 35, д. 203.

³ Там же, кн. 42, д. 251.

⁴ Там же, д. 159.

⁵ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 41, д. 189.

⁶ Там же, оп. 2, кн. 66, д. 155.

⁷ Там же, ф. 1296, оп. 6, кн. 615, д. 87.

⁸ О нем см.: Ю. В. Бунин. Архив анатомии, 1953, № 4; Е. Краиновская. Советская медицина, 1950, № 2; А. Г. Лушников. Фельдшер и акушерка, 1950, № 2.

В 1789 г. получил звание подлекаря и назначен прозектором анатомии в том же училище. В январе 1791 г. получил звание лекаря и оставлен преподавателем анатомии и десмургии.

В 1795 г. назначен исполняющим должность адъюнкта, а после прочтения пробной лекции утвержден адъюнктом Московского медико-хирургического училища по кафедре патологии и терапии при проф. М. Пеккене.

При организации медико-хирургических академий избран адъюнкт-профессором по кафедре терапии Московской медико-хирургической академии¹, с 1808 г. был там же ординарным профессором, а с 1813 г.—профессором Московского университета. Известен научными трудами в разных областях медицины: первое оригинальное руководство по хирургии на русском языке—«Первые начала костоправной науки» (1806), «Курс анатомии» (1813—1815). С 1801 г. ввел в России оспопрививание по методу Э. Дженнера и способствовал его распространению. Принимал активное участие в борьбе с эпидемией холеры в Москве в 1830 г.

В 1835 г. вышел в отставку. Умер в 1850 г.

Ножевщиков Никита Григорьевич — штаб-лекарь.

Родился в семье солдата, год рождения точно не установлен. Вместе с М. В. Ломоносовым учился в Московской славяно-греко-латинской академии, откуда в 1738 г. поступил учеником в Московскую госпитальную школу. Учился настолько успешно, что, когда медицинская канцелярия затребовала от госпитальных контор кандидатов для посылки за границу с целью подготовки из них профессоров для русских медицинских школ, старший доктор Московского госпиталя Л. Блюментрост одним из первых назвал Н. Г. Ножевщикова. Ввиду отсутствия у Ножевщикова родственников Блюментрост сам поручился за него и внес в казну требуемую сумму залога.

В начале 1741 г. Ножевщиков вместе с другими кандидатами прибыл в Петербург, успешно сдал в медицинской канцелярии отборочные экзамены и был назначен в заграничную командировку. Выезд отобранных кандидатов из-за начавшейся войны со Швецией не состоялся. По указу медицинской канцелярии в августе того же года Ножевщиков был призван в подлекари и оставлен в С.-Петербургском сухопутном госпитале для преподавания ученикам «накладывания бандажей»².

В 1742 г. после смерти подлекаря Ф. Богданова, преподававшего много лет десмургию в Московской госпитальной школе, Ножевщиков по просьбе Л. Блюментроста переведен на его место. В 1746 г. Ножевщиков получил звание лекаря и был командирован с особым заданием в Холмогоры, где пробыл до 1757 г.³.

В начале 1758 г. Ножевщиков по рекомендации П. З. Кондоиди, который аттестовал его как человека «честного и трезвого состояния и в лекарском искусстве отличного знания»⁴, назначен главным лекарем Колывано-Боскресенских заводов. Здесь он организовал первую в Сибири и вообще в провинции медицинскую школу, готовившую впоследствии лекарей для Алтайских рудников, заводов, крепостных воинских команд и различных местностей Сибири⁵.

Отсюда же Ножевщиков в 1762 г. представил в медицинскую коллегию сочинение «О болезнях, встречающихся среди людей в Колывано-Боскресенской округе и Иртышской линии»⁶. В этом сочинении дано исчерпывающее описание клинической картины сибирской язвы и разработан метод ее лечения. Этим трудом Ножевщиков положил начало выделению сибирской

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 34, д. 129.

² Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, д. 82.

³ Там же, оп. 5, кн. 225, д. 171.

⁴ Там же, л. 338.

⁵ Там же, кн. 228, д. 411.

⁶ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 2.

язвы в самостоятельную нозологическую единицу, опередив на несколько лет зарубежных ученых.

В 1764 г. Ножевщиков по болезниувольняется с Колывано-Воскресенских заводов и назначается лекарем при Московской медицинской конторе. В 1765 г. его назначили помощником московского штадт-физика. В этой должности он часто заменял отсутствующего штадт-физика, присутствовал в качестве экзаменатора на лекарских экзаменах в Московской госпитальной школе¹, проводил ряд мероприятий по улучшению санитарного состояния Москвы. Умер в Москве 10 марта 1768 г.².

Орреус Густав Максимович³ — доктор медицины.

Родился 20 августа 1738 г. в Финляндии; сын пастора. Учился в Абовском университете. В мае 1755 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале, а в сентябре того же года ему присвоено звание подлекаря.

В феврале 1757 г. получил звание лекаря и определен полковым лекарем Бутырского пехотного полка, вместе с которым участвовал в Семилетней войне.

В июне 1762 г. был назначен помощником штадт-физика при медицинской канцелярии в Петербурге, а с марта 1763 г.—оператором С.-Петербургского адмиралтейского госпитала.

В 1765 г. Г. М. Орреус первым в России обратился в медицинскую коллегию с просьбой о присуждении ему степени доктора медицины на основании указа 1764 г. К докторскому экзамену он был допущен в том же году, но получить диплом доктора медицины ему удалось лишь после длительных и настойчивых ходатайств в августе 1768 г. Это был первый врач, которому присвоена степень доктора медицины в России.

В 1769 г. он был назначен штаб-доктором 2-й, затем 1-й армии. В этот период Орреус успешно боролся с эпидемией чумы в Молдавии. С марта 1771 г. был доктором при Московском генерал-полицмейстер. Во время эпидемии чумы в Москве правильно определил характер болезни и вместе с А. Ф. Шафонским, К. О. Ягельским, Д. С. Самойловичем и др. был активным членом Комиссии для предохранения и врачевания от моровой язвы. По поручению комиссии составил специальное наставление для населения: «Краткое уведомление, каким образом познавать моровую язву, также врачевать и предохранять от оной», издданное комиссией в 1771 г.

В октябре 1772 г. был назначен штадт-физиком в Москве. В 1774 г. издал на латинском языке книгу «Описание чумы, которая в 1770 г. в Яссах, в 1771 г. в Москве господствовала», обобщив в этом труде свои наблюдения над чумой, собранные в Молдавии и Москве. В июле 1776 г. по болезни уволился со службы и поселился в имении близ Петербурга. Был членом Вольно-экономического общества. Умер 1 сентября 1811 г.

Павловский Дмитрий Павлович⁴ — штаб-лекарь, инспектор Московской медицинской конторы.

Уроженец Украины. В апреле 1755 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале, где одним из его учителей был М. И. Шеин. В мае 1757 г. получил звание подлекаря и был командирован во флот. В октябре 1758 г. сдал экзамен на звание лекаря и оставлен при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале.

В августе 1760 г. назначен полковым лекарем Казанского пехотного полка, участвовал в военных походах, неоднократно руководил карантинами.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 5, д. 282.

² Там же, кн. 36, д. 221.

³ О нем см.: Всеобщий журнал врачебной науки, 1811, № 4; Я. Чистович. История первых медицинских школ в России, СПБ, 1883, стр. CCXLIII.

⁴ О нем см.: ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 39, д. 84.

В феврале 1772 г. уволился с военной службы и определен лекарем в Московскую медицинскую контору, участвовал в борьбе с эпидемией чумы.

За научные работы в январе 1776 г. получил звание штаб-лекаря. В 1787 г. уволен со службы. В декабре 1797 г. вновь зачислен в Московскую медицинскую контору.

Принимал деятельное участие в строительстве московских больниц, в развитии санитарной службы и проведении противоэпидемических мероприятий в Москве.

Пальм Адам — штаб-лекарь.

Родился в 1750 г. в Петербурге в семье «серебряных дел мастера»¹.

В 1763 г. поступил учеником в С.-Петербургский сухопутный госпиталь, но вскоре был переведен в адмиралтейство. В 1766 г. после экзамена произведен подлекарем и направлен в Киевский лазарет, позднее служил в Саратове по медицинскому обслуживанию немецких колонистов.

В 1772 г. получил звание лекаря и назначен в 3-й Астраханский батальон, участвовал в военном походе в Крым. В 1779 г. уволен по болезни с военной службы и назначен лекарем в Белев Тульской губернии. В 1786 г. за научное сочинение «Об абсцессе печени» произведен в штаб-лекари и переведен городовым врачом в Клин, где прослужил 9 лет.

При образовании врачебных управ в 1797 г. назначен оператором Костромской врачебной управы, а в 1799 г.— ее инспектором²; в 1800 г.— инспектором Астраханского карантина³.

В сборнике И. И. Виена напечатаны работы А. Пальма «Об абсцессе печени», «О применении вяжущих средств при маточных кровотечениях», отнесенные медицинской коллегией к первому классу. Кроме того, ряд работ остался ненапечатанным.

Писчеков Данила Яковлевич⁴ — доктор медицины.

Родился в 1758 г. в селе Королево Харьковской губернии в семье сельского священника. Учился в Харьковском коллегиуме, откуда в 1775 г. перешел учеником в Московскую госпитальную школу. В 1777 г. получил звание подлекаря, в 1779 г.— лекаря, и назначен уездным лекарем в Воронежскую губернию.

В 1780 г. по собственной просьбе уволился со службы и выехал за границу. Занимался в Лондонском и Эдинбургском университетах. В 1784 г. в Абердине защитил диссертацию «О новом способе лечения чесотки» (De novo methodo psorae sanandi) и получил степень доктора медицины. Помимо медицины, Д. Я. Писчеков изучал за границей агрономию и получил звание профессора земледелия.

В 1785 г. вернулся в Россию и после сдачи экзамена в медицинской коллегии получил право практики, но в том же году был назначен помощником директора домоводства в Петербургской губернии. В 1790 г. уволился со службы по болезни. По выздоровлению в 1792 г. назначен губернским доктором в Смоленск. При образовании врачебных управ в 1797 г. назначен акушером Новороссийской управы.

В 1798 г. специальным указом назначен профессором земледелия во вновь организованную Практическую школу сельского домоводства, но по собственной просьбе освободился от этой должности и медицинской коллегией назначен на должность инспектора Казанской врачебной управы. В 1800 г. Писчекова перевели на должность доктора Таганрогской карантинной конторы⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 1, д. 31.

² Там же, оп. 10, кн. 24, ж. 161.

³ Там же, кн. 35, д. 150.

⁴ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. CCLII.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 21.

Д. Я. Писчеков является автором ряда научных трудов. В 1786 г. издан на русском языке перевод его докторской диссертации «Новый легчайший и безопасный способ лечения чесотки». В 1800 г. он издал с разрешения медицинской коллегии «Карманный лечебник», который представляет собой перевод английского лечебника Эллиота с большим количеством поправок и дополнений, сделанных Писчековым. В 1793 г., находясь в Новороссийской губернии, Писчеков издал наставление о предупреждении и лечении цинги, содержащее ряд интересных положений о роли пищевых факторов в этиологии цинги. Ряд его работ опубликован в трудах Вольного экономического общества. В 1802 г. в Таганроге разрабатывает методы дезинфекции различных предметов при инфекционных заболеваниях¹.

Д. Я. Писчеков был членом Вольного экономического общества и почетным членом Общества испытателей природы. Умер в 1825 г.

Погорецкий Петр Иванович² — доктор медицины, преподаватель Московской госпитальной школы.

Родился в 1740 г. в селе Черногородка Фастовского уезда в семье священника. С 1749 г. учился в Киевской духовной академии, а в 1757 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале.

В мае 1758 г. получил звание подлекаря, а в декабре 1759 г.—лекаря и в числе 10 русских врачей был командирован в Лейден для подготовки к званию доктора медицины.

В Лейденском университете в 1765 г. П. И. Погорецкий защитил докторскую диссертацию «О полуметалле никеле» (*De semimetallo Nickel*), в которой дал впервые описание химических и физических свойств этого незадолго перед этим открытого металла. В 1765 г. вернулся в Россию и после сдачи в медицинской коллегии установленного экзамена был назначен младшим доктором (преподавателем) Московской госпитальной школы. Работая в этой школе, он неоднократно обращался в медицинскую коллегию с предложениями по улучшению системы обучения врачей в госпитальных школах. Пытался ввести необходимые изменения и в Московской школе, но натолкнулся на враждебное отношение к этому со стороны преподавателей-иностранцев и членов медицинской коллегии.

В 1768 г. Погорецкий без согласия медицинской коллегии перевел с немецкого языка на латинский и издал за свой счет учебник диагностики и лечения болезней И. Ф. Шрейбера, в течение длительного времени являвшийся основным учебным руководством для учащихся госпитальных школ. В предисловии к этой книге высказал резкие замечания о работе преподавателей Московской госпитальной школы. Это еще больше озлобило его противников в медицинской коллегии, и Погорецкий без видимых оснований был освобожден от работы в Московском госпитале и назначен доктором Сибирского корпуса, а когда он отказался выполнить это указание и выехал для объяснений в Петербург, то был арестован и под конвоем отправлен к месту назначения, в Сибирь. Лишь вследствие вмешательства Екатерины II это указание было отменено, и Погорецкий возвращен в Петербург, где пробыл около года.

В июне 1769 г. он был уволен со службы по прошению. В дальнейшем жил в Москве, где в 1771 г. добровольно участвовал в борьбе с эпидемией чумы. Помимо диссертации и перевода учебника Шрейбера, Погорецкому принадлежит перевод ряда статей из Энциклопедии Дидро и Даламбера (1767), книги П. Корнелия «Опыт о пользе трезвый жизни»

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 35, д. 166.

² См. о нем: С. М. Громбах. Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4, 1955, стр. 289—314; Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCLIV—CCLVIII; Русский биографический словарь. Том Плавильщиков — Примо, СПБ, 1905, стр. 174—176.

(1768) и брошюры «История и записки Амстердамского общества в пользу утопших собравшегося в 1767 г.» (1769). Переводы Погорецкого сыграли немалую роль в создании русской медицинской терминологии. Умер Погорецкий в 1780 г.

Понырка Денис Васильевич¹ — доктор медицины.

Родился в 1746 г. в семье казака в селе Погошки Глуховской сотни Нежинского полка. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии.

В мае 1766 г. поступил учеником в школу при Московском госпитале. В январе 1769 г. получил звание подлекаря², а в 1771 г.— лекаря и был назначен лекарем Вятской провинции. Но в Вятке магистрат отказался платить ему жалование, и он был вынужден в том же году вернуться в медицинскую коллегию, которая назначила его лекарем при Московской медицинской конторе.

В августе 1774 г. уволился со службы и выехал для подготовки и защиты докторской диссертации в Страсбургский университет. В 1780 г. защитил здесь диссертацию «О вспучивании живота киноварью» (*De anathymiasi cinnabari*) и получил степень доктора медицины.

В 1781 г. вернулся в Россию, после сдачи экзамена в медицинской коллегии получил право практики и назначен младшим доктором в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, но через несколько месяцев по собственной просьбе переведен доктором Васильковского карантина.

В мае 1789 г. уволился со службы по болезни. Представил в медицинскую коллегию ряд научных работ³. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Попов Гавриил Петрович⁴ — доктор медицины, профессор акушерства.

Из семьи священника села Красное Полтавской губернии. Родился около 1770 г. Первоначальное образование получил в Екатеринославской духовной семинарии.

В июне 1791 г. поступил учеником в Московское медико-хирургическое училище. В 1794 г. получил звание лекаря и назначен в С.-Петербургский сухопутный госпиталь.

В марте 1796 г. после прочтения пробной лекции зачислен адъюнктом по кафедре акушерства в Московском медико-хирургическом училище при проф. К. Борне.

С 1797 г., ввиду болезни проф. Борна, читал лекции по акушерству. В 1798 г. утвержден адъюнкт-профессором акушерства и судебной медицины Московской медико-хирургической академии, а с 1801 г.— экстраординарным профессором повивального искусства.

Написал ряд работ по акушерству и судебной медицине, из которых в архиве сохранилась только одна «О природе беременной» (1801). Впоследствии был почетным членом Петербургской медико-хирургической академии. Умер около 1820 г.

Протасов Иван Васильевич⁵ — щтаб-лекарь.

Родился в селе Кабанском Шадринского уезда Тобольской губернии в семье сельского священника в 1768 (или 1769) году.

¹ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCLXVI; Русский биографический словарь. Том Плавильщиков — Примо, СПБ, 1905, стр. 508.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 12, д. 124, 128; кн. 34, д. 148.

³ Сохранилось название лишь одной из них — «О чуме» (1783).

⁴ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCLXVII; Русский биографический словарь. Том Плавильщиков — Примо, СПБ, 1905, стр. 540.

⁵ О нем см.: В. М. Корнеев. Гигиена и санитария, 1951, № 8; В. Ф. Груздев. Вестник офтальмологии, 1956, № 6.

С 1779 г. учился в Тобольской духовной семинарии. В 1787 г. поступил учеником в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. Уже через год успешно сдал экзамен, получил звание подлекаря и был назначен в Балтийский флот. В 1791 г. сдал экзамен на звание лекаря и назначен полковым лекарем в Псковский драгунский полк.

Уже в тот период начал научную деятельность. В 1790 г. И. В. Протасов представил в коллегию сочинение «О липоме», получившее высокую оценку, в 1791 г. «О венерических болезнях» и в 1798 г. «О желчной гнилой горячке», содержащее исследование клиники инфекционной желтухи¹.

В 1794 г. Протасов был назначен уездным лекарем в Красноуфимский уезд Пермской губернии, где продолжал научные исследования. В 1796 г. он разработал хирургический передвижной набор для уездных лекарей. В 1796 г. представил в медицинскую коллегию сочинения «О роже» и «О профессиональных заболеваниях на металлургических заводах»². В том же году получил звание штаб-лекаря. В 1798 г. участвовал вместе с М. Л. Гамалея, Н. К. Карповым и др. в составлении учебника для сельских врачей.

В 1800 г. был назначен акушером Вятской врачебной управы, где составил первое в России руководство по военно-врачебной экспертизе, изданное медицинской коллегией в 1801 г. под названием «Начертание врачебного осмотра, рекрут, притворных и утаеваемых недугов и их обнаруживания».

В 1801 г. переведен на должность инспектора Пермской врачебной управы.

В 1801 г. представил в медицинскую коллегию сочинение «О чувалах и вежах», в котором исследовал вопрос о причине распространения глазных заболеваний среди татар, башкир и других уральских народностей.

В 1802 г. Протасов закончил исследования «О ртутных препаратах», «О заболеваниях кожи», «О трахоме», «Медико-физическое описание Пермской губернии». В 1803 г. он написал «Историю вра�ебного искусства»³, в которой впервые правильно оценил роль русской медицинской науки.

В 1805 г. Протасов был избран профессором Казанского университета по кафедре патологии и терапии, но преждевременная смерть оборвала его деятельность. И. В. Протасов умер в Перми 10 апреля 1805 г.⁴.

Рожалин Кузьма Федорович⁵ — доктор медицины.

Сын казака Константиновской сотни Лубенского полка. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии.

В июне 1758 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале. В 1759 г. получил звание подлекаря, а в 1760 г.— лекаря и был назначен полковым лекарем в Фридрихсгамский полк.

В 1761 г. в группе 10 русских врачей выехал в Лейденский университет для подготовки докторской диссертации. В 1765 г. защитил там докторскую диссертацию «О цынге» (*De scorbuto*) и получил степень доктора медицины.

В феврале 1767 г. возвратился в Россию, сдал экзамен в медицинской коллегии на право медицинской практики и был назначен преподавателем «материи медики» в обоих Петербургских госпиталях⁶, но вскоре переведен на должность дивизионного доктора Севской дивизии.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 29.

² Там же, св. 45, д. 73.

³ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 44.

⁴ Там же, ф. 1297, оп. 1, кн. 56, д. 73.

⁵ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ. 1883, стр. CCLXXXIV.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 19, д. 100.

В 1775 г. назначен доктором в Новороссийскую губернию, но через год снова зачислен в армию дивизионным доктором Украинской дивизии, одновременно ему было поручено руководство вновь открытym Елизаветградским госпиталем.

В конце 1778 г. тяжело психически заболел и был освобожден от службы.

Руцкий Илья Васильевич¹ — доктор медицины.

Родился в 1741 г. в семье казака Киевской губернии. Учился в Киевской духовной академии, откуда в конце 1761 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. Через год получил звание подлекаря и назначен в Белозерский пехотный полк. С 1764 г. в том же полку исполнял обязанности лекаря. В 1766 г. сдал установленный экзамен и получил звание лекаря².

В 1768 г. по собственной просьбе перевелся в Казанский драгунский полк, а по расформировании его служил в Московском легионе³. Участвовал в Крымских походах во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и отличился в ряде боевых операций. Принимал участие в ликвидации чумы на Украине. С 1776 г. был лекарем С.-Петербургского сухопутного госпиталя⁴.

В 1778 г. по собственной просьбе уволен со службы и выехал за границу. Занимался в Страсбурге, где в 1781 г. защитил диссертацию «О чуме» (*De peste*), написанную по материалам, собранным им в России во время эпидемии 1770—1774 гг. В 1781 г. вернулся в Россию, экзаменован в коллегии и получил право практики. Вначале коллегия отказалась ему в приеме на службу, ссылаясь на отсутствие вакансий, но затем назначила лекционным доктором в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь. Через несколько месяцев по собственной просьбе перевелся на должность московского городового акушера и преподавателя акушерской школы. Находясь в этой должности, представил в коллегию ряд предложений по развитию родовспоможения и акушерского образования, но все они были оставлены коллегией без внимания. Заслужил высокую оценку современников, в частности, Д. С. Самойловича.

Умер Руцкий в Москве 2 октября 1786 г.

Савин Иван Саввич — штаб-лекарь.

Родился в семье солдата около 1730 г. В 1747 г. поступил в Московскую госпитальную школу учеником. В 1754 г. произведен в лекари и служил в Московском артиллерийском полку. Участвовал в Семилетней войне в качестве полкового лекаря в различных полках. Отличился при оказании помощи раненым в сражениях при Мемеле, Кюстрине, Егерсдорфе и Франкфурте⁵. В 1769 г. был назначен в Астрахань, но по болезни уволился с военной службы и был назначен уездным лекарем в Севск Орловской губернии⁶. С величайшей самоотверженностью и энергией он в течение 30 лет боролся с эпидемическими болезнями, занимался санитарным просвещением крестьян. В одном из писем о нем говорится: «В крайней был жизни опасности во время случившегося здесь открывшейся моровой язвы несчастья, не пустил ничего, чего только долг от него требовал, хотя повсеместно смерть угрожала отнятию жизни, но он сохранил присягу, долг и человеколюбие, весьма ему свойственное»⁷.

¹ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCLXXXVI.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 4, д. 252.

³ Там же, кн. 41, д. 153.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 2, кн. 84, д. 19.

⁵ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 34, д. 133.

⁶ Там же, оп. 1, кн. 34, д. 154.

⁷ Там же, оп. 2, кн. 182, л. 337.

И. С. Савин изучал эпидемические заболевания на территории своего уезда и представил в медицинскую коллегию сочинение, за что в 1786 г. получил звание штаб-лекаря¹. В 1785 г. написал сочинение «О ранах». В 1794 г. организовал в Севске гражданскую больницу. В 1797 г. составил медико-топографическое описание Севского уезда.

Отличная деятельность его как уездного лекаря отмечалась современниками. Умер Савин в Севске 15 декабря 1799 г.².

Самойлович Данила Самойлович³ — доктор медицины, выдающийся русский эпидемиолог.

Родился в селе Яновке Черниговской губернии в 1744 г. в семье священника. Настоящая фамилия его была Сущинский, но он принял фамилию по имени своего отца. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии. В ноябре 1761 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале.

В 1765 г. был произведен в подлекари, а в 1767 г.— в лекари и оставлен при том же госпитале. В этом же году он возглавлял только что организованную в Петербурге женскую венерологическую больницу⁴. В июле 1768 г. был назначен полковым лекарем Копорского полка, с которым участвовал в войне с Турцией. В 1769 г. впервые встретился с заболеваниями чумой.

В 1771 г. ввиду болезни был переведен на службу в Оренбург и принял проездом в Москву, где в это время свирепствовала эпидемия чумы. Д. С. Самойлович добровольно остался работать в госпиталях для больных чумой и был введен в состав созданной в октябре 1771 г. Комиссии для предохранения и врачевания от моровой язвы.

Участвовал в испытании средств, предложенных для дезинфекции одежды больных чумой, проверяя их на себе.

В 1776 г. вышел в отставку и выехал в Страсбург, а затем в Лейден, где в 1780 г. защитил диссертацию «О симфизеотомии и кесаревом сечении», посвященную сравнительной оценке этих операций. После защиты диссертации он еще в течение 3 лет знакомился с различными медицинскими учреждениями Европы.

Находясь за границей, Самойлович издал там ряд научных трудов о чуме. В 1782 г. он был избран членом Дижонской академии, вслед за этим его избрали своим членом еще 12 академий и научных обществ.

В конце 1783 г. он вернулся в Россию и в 1784 г. в связи с появлением эпидемии чумы был приглашен Потемкиным возглавить руководство противоэпидемическими мероприятиями на юге России. Здесь Самойлович проявил себя как выдающийся эпидемиолог, а также продолжал научные исследования: изучал патологическую анатомию чумы, пытался с помощью микроскопа открыть сущность «язвенного яду».

В 1787 г. в связи с начавшейся русско-турецкой войной (1787—1791) Самойлович был направлен в армию, где служил под начальством А. В. Суворова. С 1788 г. возглавлял крупный Богоявленский военный госпиталь. В 1790 г. был неожиданно уволен со службы и уехал на родину в Черниговскую губернию.

В 1792 г. он был возвращен на службу, но назначен лишь на весьма скромную должность — рядового лекаря Московского госпиталя.

В 1793 г. избран почетным членом медицинской коллегии. В июне того же года в связи с непрекращающимися вспышками чумы на южных границах России Самойлович был назначен главным доктором организо-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296 оп. 2, кн. 182, л. 30.

² Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 34, л. 133.

³ О нем см.: С. М. Громбах. Данило Самойлович. В кн.: Самойлович Д. Избранные произведения. В. II, М., 1952, стр. 309—450; Там же библиография статей о Д. Самойловиче.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 326, л. 112.

ванных там карантинов. Находясь на этой службе, он руководил ликвидацией эпидемии чумы в различных местах Украины и написал ряд сочинений о чуме. В этих трудах он обобщил практический опыт борьбы с чумой и создал стройную научную теорию о сущности чумы, о путях ее распространения, о клинике заболевания и мерах борьбы с эпидемиями.

В 1801 г. в связи с упразднением должности главного доктора карантинов Самойлович получил назначение инспектором Черноморской врачебной управы в Николаеве.

20 февраля 1805 г. Самойлович скончался.

Сандул-Стурдза Яков Тимофеевич¹ — доктор медицины.

Уроженец села Казацкое Козелецкого уезда Черниговской губернии; сын приходского священника. Первоначальное образование получил в Черниговском духовном колледжиуме. В 1777 г. поступил учеником в госпитальную школу при Московском госпитале. В 1779 г. получил звание подлеекаря и направлен в 3-й grenадерский полк². Участвовал в боевых походах. В 1781 г. по собственной просьбе прикомандирован для усовершенствования в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь.

В 1782 г. Я. Т. Сандул-Стурдза определен подлеекарем в С.-Петербургский воспитательный дом³, но через год получил звание лекаря и направлен в 3-й Елизаветградский батальон, а через год — в Тверской карабинерский полк полковым лекарем. Исследовал проказу в Крыму и на юге Украины и представил в медицинскую коллегию ряд сочинений. В 1786 г. получил звание штаб-лекаря и по собственной просьбе определен в С.-Петербургский госпиталь без содержания.

В 1792 г. защитил в коллегии диссертацию «О Крымской народной болезни»⁴ — это было первое исследование проказы в России — и получил степень доктора медицины. Служил в Петербурге. С 1793 по 1799 г. отошел от медицинской деятельности и был на различных чиновничих должностях.

В 1799 г. назначен инспектором Слободо-Украинской (Харьковской) врачебной управы, но через 2 года из-за столкновения с высшими губернскими чиновниками был освобожден от должности и навсегда оставил медицинскую практику⁵.

Саполович Яков Осипович⁶ — профессор, выдающийся хирург.

Сын казака; родился в селе Серебрянском Прилукского уезда в 1766 г. Учился в Киевской духовной академии, откуда в 1778 г. поступил учеником в Кронштадскую госпитальную школу.

В 1779 г. он по собственному желанию ввиду неудовлетворительной постановки учебы в Кронштадте перевелся в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. В 1780 г. после успешной сдачи экзамена произведен в подлеекари и оставлен в том же госпитале. В последующие годы успешно занимался анатомией и хирургией. В 1783 г. получил звание лекаря и по рекомендации М. М. Тереховского был назначен прозектором анатомии в том же госпитале. В 1786 г. назначен оператором в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь, где возглавлял всю хирургическую деятельность.

В 1785 г. совместно с Н. К. Карпинским создал новые хирургические наборы для полковых и морских лекарей. В 1790 г. назначен профессором хирургии С.-Петербургского медико-хирургического училища и эту должность занимал до ликвидации училищ.

¹ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб. 1883, стр. СССIII.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 196, д. 16.

³ Там же, оп. 3, кн. 228, д. 3.

⁴ Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 5.

⁵ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 32, д. 45.

⁶ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб. 1883, стр. ССХСI.

Я. О. Саполович воспитал большое число русских хирургов, отличившихся в первой половине XIX столетия. В 1795 г. он вошел в состав медицинской коллегии и принимал деятельное участие во всех ее начинаниях. Редактировал сочинения русских врачей, в 1797 г. совместно с Карпинским составил проект нового положения о докторских экзаменах¹. В 1803 г. написал хирургическую часть медицинского учебника для приходских священников, предназначенного в качестве руководства в духовных семинариях.

С 1796 г. был также директором С.-Петербургского медико-инструментального завода, которым управлял в течение 33 лет. Саполовичем создано много оригинальных хирургических инструментов².

В 1799 г. в связи с новым положением, запрещающим профессорам медико-хирургических академий быть одновременно членами медицинской коллегии, Саполович отказался от профессорской должности и остался членом коллегии. В 1804 г. при ликвидации медицинской коллегии был отстранен от руководящей работы.

В 1814 г. за выдающиеся работы по хирургии и создание новых инструментов Саполович получил степень доктора медицины без защиты диссертации и был избран почетным членом Медико-хирургической академии.

В 1829 г. он по болезни уволился с должности управляющего медико-инструментальным заводом, передав ее И. В. Буяльскому.

Я. О. Саполович погиб 14 августа 1830 г. во время борьбы с эпидемией холеры в Петербурге.

Седов Адриан — штаб-лекарь.

Сын солдата. В 1734 г. поступил учеником в Московскую госпитальную школу. Учился очень успешно и был намечен в 1738 г. Л. Блюментростом как один из кандидатов для подготовки к профессорской должности. В 1741 г. после экзамена получил звание лекаря и назначен полковым лекарем Павловского полка³. Участвовал во многих боевых походах.

В 1761 г. А. Седов получил звание главного лекаря и возглавлял медицинскую службу в Донской области. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. был главным лекарем в крепости св. Дмитрия, где возглавлял хирургическую деятельность в крупнейшем по тому времени госпитале и руководил медицинской службой нескольких полков⁴.

В 1774 г. представил в медицинскую коллегию несколько медицинских сочинений. После войны был главным лекарем Кизлярского гарнизона, а затем получил звание штаб-лекаря и переведен в Астрахань на должность губернского лекаря.

Симонтовский Петр Семенович — штаб-лекарь.

Родился в 1747 г. в семье приходского священника Сумского полка. С 1756 г. учился в Киевской духовной академии. В 1766 г. поступил учеником в Московскую госпитальную школу. «За благо рассудил по своей к наукам склонности обучаться я медико-хирургии»⁵, писал он. Учился настолько успешно, что уже через год, в 1767 г., произведен в подлекари. В 1768 г. переведен подлекарем в Билинский драгунский полк, стоявший в Орске. В 1771 г. в Оренбургском госпитале выдержал блестящее экзамен и был произведен в лекари⁶.

В 1772 г. П. С. Симонтовский переведен на должность лекаря во 2-й Астраханский батальон, в котором прослужил свыше 20 лет. В 1783—1784 гг. благодаря выдающимся организаторским способностям и знаниям

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 21, д. 51.

² Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 26, д. 66.

³ Там же, ф. 1295, оп. 2, кн. 54, д. 613.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 36, д. 245.

⁵ Там же, оп. 3, кн. 328, д. 20.

⁶ Там же, оп. 2, кн. 44, д. 110.

успешно ликвидировал эпидемию чумы среди калмыков, населявших Астраханскую губернию¹. В 1792 г. за ряд научных исследований получил звание штаб-лекаря.

В 1796 г. был командирован медицинской коллегией в Уральск для изучения проказы; дал описание клиники и эпидемиологии этого заболевания и организовал первые лепрозории. По возвращении в Астрахань в 1797 г. был назначен акушером врачебной управы. Находясь в этой должности, написал сочинение об уродствах.

П. С. Симонтовский отличался прямотой и честностью и изобличал ошибки в работе, даже если они допускались его прямым начальством. В 1798 г. в результате столкновения его с инспектором Пургольдом был вынужден перевестить в Симбирскую управу, где и прослужил до последних дней жизни.

В 1808—1809 гг., несмотря на преклонный возраст, принимал активное участие в ликвидации эпидемии холеры в Саратовской губернии².

П. С. Симонтовскому принадлежит значительное количество научных работ. Он представил сочинения «О камнях желчного пузыря» (1788), «Описания уродств» (1792), «Об аневризме аорты, разрушившей грудную кость» (1794), «О параплегиях» (1793), «О проказе» и «Медико-санитарное описание г. Уральска» (1796), «Описание эпидемической болезни» (1797), «О хирургических операциях» (1801), «Об уродствах человека» (1802).

Умер Симонтовский в Симбирске в 1815 г.

Смеловский Иван Андреевич³ — профессор патологии и терапии.

Родился в 1762 г. Учился в Киевской духовной академии. В 1788 г. поступил учеником в С.-Петербургскую медико-хирургическую школу, которую окончил в 1790 г. и получил звание лекаря. В течение года служил в армии, участвовал в войне со Швецией. В 1791 г. назначен уездным врачом в Вытегру Олонецкой губернии, откуда неоднократно выезжал в различные места для борьбы с эпидемическими болезнями. В 1794 г. назначен врачом С.-Петербургского адмиралтейского госпиталя, попутно выполнял (бесплатно) обязанности помощника ученого секретаря медицинской коллегии.

В 1796 г. по ходатайству проф. Г. И. Базилевича после прочтения пробной лекции «О болезненных причинах вообще и о чахотке» был утвержден адъюнктом кафедры патологии и терапии при проф. Базилевиче. В том же году за представленное сочинение «Элементы практической медицины» получил звание штаб-лекаря.

В 1799 г. при организации медико-хирургических академий И. А. Смеловский после прочтения лекции «О болезнях пасочных (лимфатических) сосудов» был избран адъюнкт-профессором по кафедре патологии и терапии Петербургской медико-хирургической академии⁴.

В 1801 г. произведен экстраординарным, а в 1802 г. ординарным профессором той же кафедры. В конце 1805 г. был переведен на кафедру гигиены, физиологии и патологии.

С 1804 г. до дня смерти Смеловский состоял врачом учеников и студентов академии и заведовал академической больницей. Умер 11 мая 1808 г.

И. А. Смеловским переведено на русский язык несколько медицинских книг: Ф. Гильтебрандта «Начальные основания всеобщей патологии» (1800), Кулена «Медицинская практика» (1801), Грегори «Особенная

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 328, д. 20.

² Там же, ф. 1297, оп. 3, кн. 271, д. 278.

³ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCXCIX; П. Крестовский. Материалы к истории кафедры частной патологии и терапии Военно-медицинской академии. СПБ, 1898, стр. 23—32; Русский биографический словарь. Том Смеловский — Суворин. СПБ, 1909, стр. 1—2.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 34, д. 97.

физиология и всеобщая патология» (1808), «Критическое обозрение Броуновой системы» (1804).

Смеловский Тимофей Андреевич¹ — профессор ботаники.

Родился в 1769 г., брат И. А. Смеловского. Первоначальное образование получил в Харьковском духовном коллегиуме, затем поступил учеником в С.-Петербургское медико-хирургическое училище. В 1795 г. по окончании училища получил звание лекаря и утвержден адъюнктом того же училища по кафедре химии и ботаники при проф. Г. Ф. Соболевском. В 1799 г. за представленные научные сочинения получил звание штаб-лекаря, а в ноябре того же года утвержден адъюнкт-профессором кафедры ботаники и химии Петербургской медико-хирургической академии. С 1803 г. экстраординарный профессор той же академии. Был также членом Академии наук с 1802 г. и членом Вольного экономического общества. Занимался изучением флоры Петербургской губернии и вопросом замены привозного лекарственного сырья отечественным. Перевел на русский язык «Философию ботаники» К. Линнея (1800). В 1808 г. издал труд «Критическое рассмотрение Линнеевой системы по царству растений». Составил каталог растений Петербургского ботанического сада (1811). Скончался Т. А. Смеловский скоропостижно 20 октября 1815 г.

Соболевский Григорий Федорович² — доктор медицины, выдающийся ботаник и фармаколог.

Родился 25 января 1741 г. в Глухове Черниговской губернии в семье мелкопоместного дворянина. В 1753 г. поступил в семинарию при Троице-Сергиевской лавре, откуда в 1757 г. перешел в госпитальную школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. Учился успешно и уже в 1758 г. произведен в подлекари.

В 1761 г. отпущен для учебы за границу. В Париже занимался естественной историей. В 1766 г. получил звание кандидата медицины и переехал в Лейден, где занялся работой над докторской диссертацией. В 1773 г. медицинская коллегия потребовала через русского посла в Гааге немедленного возвращения Г. Ф. Соболевского в Россию, но он отказался, сославшись на то, что не закончил свои научные исследования. За него просил также специальным письмом Гаубий³.

В 1775 г. Соболевский защитил диссертацию «О предпочтительном следовании природе для рациональной медицины» и получил степень доктора медицины. В том же году он издал книгу «Химические наблюдения о свойстве солей». Эти сочинения Соболевского пользовались большой известностью и цитировались во многих медицинских изданиях того времени в различных странах. Во время пребывания за границей Соболевский собрал также большой ботанический гербарий и минералогическую коллекцию, которые передал в кабинет санкт-петербургских медицинских школ. В 1775 г. он вернулся в Россию и был назначен преподавателем «материи медики» и практической практики в обоих петербургских госпиталях.

Г. Ф. Соболевский коренным образом изменил преподавание ботаники и фармакологии, создал учебные кабинеты с богатыми коллекциями, ввел для учащихся обязательные практические занятия в Ботаническом саду.

¹ О нем см.: И. Б. Зархин. Очерки по истории отечественной фармации. М., 1956, стр. 61—62; Л. Ильин. Краткий исторический очерк кафедры фармакологии и фармацевтического отделения Военно-медицинской академии, СПБ, 1899; В. И. Липский. Исторический очерк императорского Петербургского ботанического сада. СПБ, 1913, стр. 234—238.

² О нем см.: Всеобщий журнал врачебной науки, 1812, № 3; В. И. Липский. Исторический очерк императорского Петербургского ботанического сада. СПБ, 1913, стр. 228—234; Русский биографический словарь. Том Смеловский — Суворин. СПБ, 1909, стр. 33—34.

³ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 35, д. 147.

и гербаризацию растений. С 1776 г. он принял от фон Меллена и анатомический кабинет. В 1779 г. составил описание русских лекарственных растений, за что получил звание профессора ботаники. С этого же года он заведовал Ботаническим садом.

С 1777 г. Соболевский был также членом Вольного экономического общества, где читал научно-популярные лекции по ботанике. В 1782 г. назначен главным доктором гвардейских полков и отошел от преподавательской деятельности, но научную работу не оставлял. Диапазон его исследований был чрезвычайно велик. Среди его сочинений находятся такие, как «О поправлении воздуха в городах», «О предохранении домов от пожаров», «О поправлении земледелия в России», «О существе художеств» и т. д. Капитальным его трудом является «Санкт-Петербургская флора», изданная в 1799 г. на латинском языке и в 1801—1802 гг.— на русском.

В 1793 г. избран почетным членом медицинской коллегии и принимал активное участие в ее работе, особенно в рецензировании ботанических и фармакологических исследований русских врачей. С 1796 г. после смерти М. М. Тереховского вновь преподавал ботанику в Петербургском медико-хирургическом училище, а затем в Медико-хирургической академии. В 1797 г. уволен со службы в гвардейских полках.

Умер Г. Ф. Соболевский в Петербурге 4 января 1807 г. Оставшаяся после него богатейшая библиотека и коллекции переданы в Медико-хирургическую академию.

Степанович-Донцов Михаил Яковлевич — штаб-лекарь.

Происходит из семьи приходского священника. В 1772 г. перешел из Киевской духовной академии учеником в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь. В 1774 г. произведен в подлекари и оставлен в том же госпитале¹.

В 1778 г. получил звание лекаря и назначен в первый канонирский полк. Участвовал в ряде боевых походов и в проведении противоэпидемических мероприятий на Украине. В 1781 г. представил в коллегию перевод учебника хирургии Гейстера и модель изобретенного им инструмента для удаления инородных тел из пищевода. В 1785 г. получил звание штаб-лекаря и по собственной просьбе переведен на гражданскую службу уездным лекарем. Служил в разных губерниях.

Является автором ряда научных работ. В 1778 г. впервые описал случай травматической эпилепсии. Кроме того, им написаны сочинения «О лечении укусов тарантолов», «О камнях в мочонке», «О лечении переломов лучевой кости», «О бронхопульмональных свищах», «О чуме»².

В 1797 г., будучи уездным лекарем в Плесе Костромской губернии, он возбудил дело о неправильных действиях исправника, получившего взятку от помещика и разрешившего похоронить без вскрытия тело повесившегося из-за изdevательств помещика крепостного крестьянина. М. Я. Стефанович-Донцов, отказавшись от предлагаемой ему взятки, потребовал экскумации трупа и проведения расследования. Кончилось это тем, что Стефановича-Донцова после предварительного «внушения» перевели уездным лекарем в г. Семенов Нижегородской губернии³.

На новом месте он неоднократно изобличал городничего и исправника во взяточничестве. Здесь также постарались от него избавиться. Один из помещиков изнасиловал крепостную девушку, которая забеременела и сделала выкидыши. Стефанович-Донцов своим актом полностью подтвердил факт изнасилования, но на суде девушка, напуганная помещиком и чиновниками, от всего отказалась, и его отдали под суд за «ложное свидетельство». Напрасны были все его обращения в сенат и медицинскую коллегию. Он был осужден на 10 лет каторги. Лишь амнистия по случаю вступления на царствование Александра I спасла его от отбывания нака-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 36, д. 1.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, кн. 43, д. 49.

³ Там же, ф. 1296, оп. 10, кн. 36, д. 1.

зания, но он навсегда был лишен права государственной службы, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Степанович-Донцов Яков Васильевич — доктор медицины.

Сын черниговского священника. Учился в Черниговском духовном коллегиуме, откуда в 1770 г. поступил учеником в Московскую госпитальную школу¹. Принимал участие в борьбе с эпидемией чумы. В 1774 г. получил звание подлекаря и направлен в этой должности во Владимирский драгунский полк. В 1777 г. сдал экзамен и произведен в лекари в том же полку, в 1778 г. переведен в Киевский легкоконный полк. В 1779 г. написал сочинение «О эпидемии», в 1784 г. получил звание штаб-лекаря и уволен с военной службы. Служил уездным лекарем в г. Остере. В 1785 г. написал сочинение «О сухих родах», в 1786 г.—«О спорынье»².

В 1789 г. был преподавателем и штаб-лекарем в С.-Петербургском сухопутном госпитале. В 1793 г. защитил в коллегии диссертацию «О спорынье», изданную в 1797 г., и получил степень доктора медицины. В 1797 г. назначен инспектором Воронежской врачебной управы. Составил в 1798 г. медико-топографическое описание Воронежской губернии, а в 1799 г. издал в Воронеже книгу «О скотском падеже». При введении нового карантинного устава в 1802 г. назначен доктором Козловской карантинной конторы. В 1809 г. переведен в Евпаторийскую карантинную контору, а в 1819 г.—в Могилевскую. Уволен со службы по болезни в 1820 г.

Сухарев Григорий Иванович³ — профессор акушерства.

Сын священника из Харькова. Родился в 1770 г. Первоначальное образование получил в Харьковском духовном коллегиуме. В ноябре 1792 г. поступил учеником в Петербургское медико-хирургическое училище. В 1795 г. окончил училище со званием лекаря и после прочтения пробной лекции утвержден адъюнктом по кафедре акушерства при проф. П. З. Конради. В 1799 г. за представленные научные работы получил звание штаб-лекаря и утвержден адъюнкт-профессором акушерства в Московскую медико-хирургическую академию, но в связи со смертью проф. Конради с января 1800 г. занял его кафедру⁴. В дальнейшем был главным врачом Кавказских Минеральных Вод. Умер 6 октября 1807 г.

Тереховский Мартын Матвеевич⁵ — выдающийся врач и ученый ботаник.

Родился в 1740 г. в семье священника Гадячского полка. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии. В 1763 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале. В феврале 1765 г. получил звание подлекаря⁶, а в конце того же года — лекаря и оставлен при том же госпитале. В 1767 г. был прикомандирован к Ботаническому саду. В 1769 г. его перевели на должность лекаря в Петербургский адмиралтейский госпиталь⁷. В 1770 г. он уволился со службы и выехал за границу для подготовки и защиты докторской диссертации. В 1775 г. защитил в Страсбурге диссертацию «О наливочном хаосе Линнея» (De chao infusorio Linnaei), представляющую собой экспериментальное исследование вопроса о возможности самопроизвольного зарождения. По возвращении в Россию в 1777 г. был назначен младшим

¹ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 2, кн. 66, д. 162.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 5.

³ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCCIV; Русский биографический словарь. Том Суворова — Ткачев. СПБ, 1912, стр. 189—190.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 31, д. 118; кн. 34, д. 90.

⁵ О нем см.: С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII в. М., 1949, стр. 252—299.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 1, кн. 6, д. 28.

⁷ Там же, кн. 35, д. 170.

доктором в Кронштадтский госпиталь, где преподавал «материю медику», медицинскую практику и патологию.

В 1779 г. М. М. Тереховский переведен в Петербургский сухопутный госпиталь преподавать анатомию, но через год он был вынужден подать в отставку. Благодаря поддержке Ф. Т. Тихорского ему удалось в феврале 1782 г. добиться возвращения на прежнюю должность¹. В 1783 г. ему было присвоено звание профессора. Помимо чтения курса анатомии, Тереховский заведовал Петербургским ботаническим садом и преподавал ботанику.

В 1785—1786 гг. Тереховский вместе с А. М. Шумлянским был командирован за границу для изучения системы медицинского образования. Разработанные ими предложения легли в основу реформы медицинского образования 1786 г. С 1787 г., помимо анатомии и ботаники, преподавал химию и «материю медику». В 1792 г. был избран почетным членом медицинской коллегии. В 1795 г. тяжело заболел и по собственной просьбе был освобожден от работы. Умер в Петербурге в июне 1796 г.².

Помимо диссертации, Тереховскому принадлежат следующие труды: «Каталог растений Петербургского ботанического сада» (1796), поэма «Польза, которую растения смертным приносят» (1796).

Тетерин Леонтий Федорович — штаб-лекарь.

С 1756 г. служил матросом в Балтийском флоте. В 1762 г. поступил учеником в Кронштадтскую госпитальную школу, но в следующем году переведен учеником лекаря на боевой корабль.

В 1766 г. по собственной просьбе переведен в С.-Петербургский сухопутный госпиталь³. В 1769 г. получил звание подлекаря и направлен в Новгородский пехотный полк, где в 1770 г. произведен в лекари. В 1783 г. за ряд научных исследований⁴ получил звание штаб-лекаря. В 1785 г. уволен с военной службы и служил в разных губерниях уездным лекарем. Отличился исследованиями в области нервных болезней; его работы отнесены коллегией к первому классу. Позже был оператором Новгородской врачебной управы.

Тимковский Иосиф Тимофеевич⁵ — доктор медицины.

Сын казака села Княжино Миргородского полка. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии. В 1756 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале.

В 1758 г. И. Т. Тимковский получил звание подлекаря и был направлен в Балтийский флот, участвовал в войне с Пруссией. Вскоре вернулся в госпиталь и в 1759 г. получил звание лекаря. В 1761 г. вместе с другими русскими врачами был командирован в Лейденский университет, затем переехал в Страсбург, где в 1765 г. защитил диссертацию «О ложной периневмонии» (De regirēpeumonia notha) и получил степень доктора медицины.

В 1766 г. вернулся в Россию и после экзамена в медицинской коллегии назначен дивизионным доктором Смоленской дивизии. Служил также в 1-й армии во время русско-турецкой войны и в Московской дивизии.

В декабре 1781 г. был назначен московским штадт-физиком. В этой должности прослужил до 1789 г., когда по приказу Фитингофа в виде наказания за непочтительное отношение к медицинской коллегии переведен в Ревельский госпиталь. Дальнейшая судьба его неизвестна.

¹ ЦГИАЛ, оп. 3, кн. 228, д. 30.

² Там же, ф. 1294, оп. 1, св. 14, д. 5.

³ Там же, ф. 1296, оп. 1, кн. 12, д. 82; кн. 42, д. 264.

⁴ Из них в архиве сохранилась одна рукопись «О действии аконита в параличах».

⁵ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCCVIII.

Тихорский Фома Трофимович¹ — доктор медицины, один из первых профессоров русских медицинских школ.

Сын казака местечка Домектова Полтавской губернии. Родился 1 октября 1733 г. Учился в Киевской духовной академии.

В 1756 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале. В 1758 г. получил звание подлекаря, а в 1759 г. — лекаря и оставлен в том же госпитале для лечебной и преподавательской работы².

В 1761 г. в группе 10 русских врачей отправлен в Лейденский университет. В 1765 г. защитил диссертацию «О истинной причине подагры» (*De vera sive proxima causa podagrae*) и получил степень доктора медицины. В 1768 г. вернулся в Россию и был назначен лекционным доктором для преподавания «материи медики» в обоих петербургских госпиталях. Одним из первых начал читать лекции на русском языке. Заявил, что имеет больше склонности к «медицинской практике» и стал преподавать этот предмет³.

С 1771 г. Ф. Т. Тихорский исполнял обязанности доктора С.-Петербургского адмиралтейского госпиталя. В 1776 г. переведен старшим доктором С.-Петербургского сухопутного госпиталя. За время работы в госпитале воспитал большое число врачей, ставших впоследствии учеными. Его учениками были С. С. Андреевский, Н. К. Карпинский, Д. С. Самойлович, Я. О. Саполович и др.

В 1779 г. Тихорский вошел в состав медицинской коллегии, был первым ее русским членом. В 1787 г. был отстранен от преподавательской работы иностранцами из медицинской коллегии.

Ф. Т. Тихорский является автором ряда научных работ. В 1774 г. составил руководство по судебной медицине⁴. Много переводил на русский язык. Был почетным членом Академии наук. В 1779 г., когда членам коллегии было запрещено занимать другие должности, Тихорский решил остаться на работе в госпитале и выбыл из коллегии.

В 1804 г. при организации медицинского совета вошел в его состав. В 1806 г. освобожден по старости от должности старшего доктора сухопутного госпиталя. Умер 2 февраля 1814 г. в Петербурге.

Тишевский Иван Дмитриевич — штаб-лекарь.

Происходит из мелкопоместных дворян. Родился в 1760 г. Учился в Киевской духовной академии. В 1783 г. поступил учеником в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. В 1785 г. получил звание подлекаря и направлен в Полтавский легкоконный полк. В 1789 г. в том же полку произведен в лекари. Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., отличился в боях при Очакове, Аджибее и Бендерах.

В 1792 г. И. Д. Тишевский уволен со службы и служил в Екатеринославском наместничестве. В 1794 г. вернулся на службу в Преображенский полк. В 1795 г. за ряд научных сочинений получил звание штаб-лекаря⁵.

В 1797 г. уволился с военной службы и назначен городовым лекарем в Полтаву. В 1798 г. Тишевский построил в Полтаве на собственные средства гражданскую больницу, одну из первых городских больниц в провинции. В 1802 г. назначен акушером Черниговской врачебной управы, а в 1803 г. переведен на эту же должность в Полтавскую управу⁶.

¹ О нем см.: Всеобщий журнал врачебной науки, 1816, № I; Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCCX.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 236, д. 11.

³ Там же.

⁴ Там же, оп. 2, кн. 84, д. 21.

⁵ Там же, оп. 10, кн. 39, д. 72.

⁶ Там же, ф. 1297, оп. 1, кн. 4, д. 94.

И. Д. Тишевский является автором научных работ «О панариции», отнесенной к первому классу, «О литотомии», «О предупреждении отравлений спорыней» и др. Умер в Полтаве в 20-х годах XIX в.

Трохимовский (Трофимовский) Михаил Яковлевич¹ — штаб-лекарь.

Происходит из мелкопоместного дворянства. Родился около 1740 г. Учился в Киевской духовной академии. В 1761 г. поступил учеником в С.-Петербургский сухопутный госпиталь². В 1762 г. произведен в под-лекари и в 1763 г. — в лекари и назначен полковым лекарем в Московский карабинерский полк. В 1772 г. переведен в Миргородский легкоконный полк. Участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., отличился в сражениях на Переяславской линии и под Бендерами.

В 1772 г. издал книгу «Рассуждения о растениях, в Крымской степи полковым лекарем усомненных» и написал несколько научных работ. В 1777 г. получил звание штаб-лекаря. В 1782 г. уволен с военной службы по болезни и назначен уездным лекарем в Сорочинцы. Приобрел большую известность в России как опытный врач.

В 1811 г. избран корреспондентом Медико-хирургической академии³. В 1813 г. опубликовал работу «Замечания относительно некоторых причин женского бесплодия». Умер М. Я. Трохимовский в 1815 г.

Успенский Семен — штаб-лекарь.

Сын приходского священника. Учился в Черниговском духовном коллегиуме. В 1785 г. поступил учеником в Кронштадтскую госпитальную школу. В 1787 г. получил звание подлекаря и оставлен в том же госпитале. В 1790 г. получил звание лекаря и направлен в Балтийский флот. В 1791 г. определен прозектором анатомии в Кронштадтскую школу. В 1792 г. переведен на ту же должность в Московское медико-хирургическое училище. С 1796 г. был оператором Московского сухопутного госпиталя. В 1800 г. уволен в отставку по болезни⁴.

С. Успенский является автором ряда научных работ, из которых наиболее известна «Об эпилепсии, происходящей от камня в сосудистом сплетении головного мозга», отнесенная коллегией к первому классу и вошедшая в сборник И. И. Виена. Пользовался большой известностью в Москве как выдающийся хирург.

Федоровский Андрей Иванович — штаб-лекарь.

Сын приходского священника. Родился в слободе Нижняя Сыроватка Белгородской губернии в 1767 г. Учился в Харьковском духовном коллегиуме, откуда в 1787 г. поступил учеником в Кронштадтское медико-хирургическое училище. Через год по собственному желанию переведен в С.-Петербургское медико-хирургическое училище.

В 1792 г. А. И. Федоровский получил звание лекаря и оставлен в том же госпитале. За ряд научных работ по анатомии в 1794 г. произведен в штаб-лекари. В 1795 г. назначен адъюнктом по кафедре анатомии.

В 1797 г. Федоровский переведен в Кронштадт оператором госпиталя и профессором анатомии медико-хирургической школы. В 1799 г. утвержден адъюнкт-профессором анатомии⁵. Из его научных работ особенно большое значение имеет учебник анатомии «Первые начала анатомии», составленный для учеников Кронштадтского училища.

¹ О нем см.: Д. Самойлович. Избранные произведения. В. I, М., 1949, стр. 181, 309; Вестник Европы, 1803, ч. XII, стр. 89—91; Сын Отечества, 1814, № 14.

² ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 3, кн. 228, д. 12.

³ Всеобщий журнал врачебной науки, 1811, № 2.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1296, оп. 10, кн. 35, д. 161.

⁵ Там же, кн. 31, д. 118.

Фиалковский Степан — доктор медицины.

Сын казака, уроженец Киева. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии. В 1755 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском сухопутном госпитале¹. В 1757 г. получил звание подлекаря, оставлен в госпитале и ему поручено заведование медицинской библиотекой. В 1761 г. получил звание лекаря и командирован в числе 10 лучших врачей за границу для подготовки и защиты докторской диссертации. Учился в Лейдене, затем Страсбурге. В 1765 г. в Лейденском университете защитил диссертацию «О действии желудка на принятую пищу» (*De actione ventriculi in ingesta*) и получил степень доктора медицины.

В 1766 г. С. Фиалковский вернулся в Россию и после экзамена назначен дивизионным доктором в Севскую дивизию. В дальнейшем служил в армии. Год смерти неизвестен.

Чубенский Николай Фомич² — штаб-лекарь.

Сын солдата. Поступил учеником в медицинскую школу при Московском госпитале в 1732 г., в течение длительного времени там же состоял подлекарем. В 1756 г. получил звание лекаря, а в 1757 г. назначен главным лекарем Московского госпиталя. Был одним из первых русских врачей, занимавших пост главного хирурга в крупнейшем столичном госпитале.

В декабре 1762 г. уволился со службы и был лекарем Троице-Сергиевской лавры. Умер 1 сентября 1768 г.

Шеин Мартын Ильич³ — штаб-лекарь, выдающийся хирург и анатом.

Родился в 1712 г. Учился в Новгороде в семинарии Феофана Прокоповича. В 1738 г. М. И. Шеин вместе с Т. Ульяновым и П. Михайловым по просьбе архиатера Фишера был направлен в медицинскую канцелярию для использования их в качестве «рисовальных мастеров» при госпиталях⁴. Семинаристы были оставлены при канцелярии для работы по составлению анатомического и ботанического атласов, которые изготавливались для нужд госпитальных медицинских школ⁵.

В том же году Шеин был назначен рисовальным мастером в Кронштадтский адмиралтейский госпиталь⁶, но был задержан при медицинской канцелярии для продолжения работы над анатомическим атласом. Лишь в декабре 1738 г. он отправился в Кронштадт к месту своей службы⁷. Однако уже в апреле 1739 г. его перевели в Петербург, где без него простояла вся работа по составлению анатомического атласа, а вскоре его назначили рисовальным мастером С.-Петербургского адмиралтейского госпиталя⁸. С первых же дней своей работы в госпитале М. И. Шеин увлекся анатомией и хирургией. Большая часть рисунков для составлявшегося анатомического атласа сделана с препаратов, изготовленных Шеиным в анатомическом театре.

В 1741 г. после сдачи установленного экзамена Шеин получил звание подлекаря. При этом экзаменаторы доктор Миннат и лекарь Эгиди особо отметили его «изящество в работах по анатомии»⁹.

В октябре 1742 г. в типографии Академии наук закончилось печатание анатомического атласа, составленного в основном Шеиным.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 186, д. 123.

² О нем см. Русский биографический словарь. Том Чаадаев — Швигров. СПБ, 1905, стр. 439—440.

³ О нем см.: Б. Н. Палкин. Хирургия, 1948, № 6.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 18, д. 418.

⁵ Там же, д. 394.

⁶ Там же, ф. 1295, оп. 1, кн. 21, д. 668.

⁷ Там же, кн. 32, д. 543.

⁸ Там же, д. 606.

⁹ Там же, ф. 1295, оп. 3, кн. 289, д. 666.

В 1745 г. Шеин после сдачи установленного теоретического и практического экзамена произведен в лекари и оставлен в должности рисовальщика мастера в анатомическом театре¹. В последующие годы он активно занимается хирургией, затем преподает ученикам госпитальной школы анатомию, оперативную хирургию, а затем и клинику.

В это же время, учитывая необходимость обеспечения учащихся медико-хирургических школ учебниками на русском языке, Шеин приступает к переводу на русский язык учебников анатомии и хирургии. Уже к 1750 г. им были переведены с латинского языка на русский и представлены в медицинскую канцелярию книги Барбе «Хирургия с частью анатомии» и Джексона — «Enchiridium medicum», которые по неизвестной причине не были напечатаны.

Дальнейшая хирургическая и преподавательская работа Шеина была настолько успешной, что в 1753 г. ему было поручено исполнение должности главного лекаря Петербургского адмиралтейского госпиталя и главного преподавателя хирургии в Медико-хирургической школе².

В 1754 г. он окончательно утвержден в должности главного лекаря. В указе о его назначении говорится: «Медицинская канцелярия имеет засвидетельствовать, что оный Шеин по долговременной и беспорочной при той госпитале с 1738 года службе не токмо ныне ту главного лекаря должность исправляет со всяким по искусству его в науке прилежанием, но и прежде того при оной госпитали с ревностным радением и неутомимым трудолюбием оказывал достойные свои к приращению науки успехи»³.

В должности главного лекаря Шеин всеми силами способствовал дальнейшему развитию медицинской науки в России. В 1757 г. вышел в свет переведенный им на русский язык учебник анатомии Гейстера, а в 1762 г. учебник хирургии Платнера. С момента организации Академии художеств Шеин был в ней первым профессором анатомии.

М. И. Шеин скоропостижно скончался 27 июля 1762 г.

Шидловский Михаил Михайлович — лекарь.

Уроженец Смоленска. Учился в Московской госпитальной школе. В 1736 г. получил звание подлекаря и служил в Сибирском драгунском полку⁴.

В 1737 г. как способный хирург переведен в С.-Петербургский сухопутный госпиталь⁵, где вел с учениками занятия по анатомии. В 1738 г. получил звание лекаря. В 1739 г. командирован с группой подлекарей и учеников в пограничные днепровские госпитали. Служил полковым лекарем сначала в Азовском, затем в Копорском пехотном полку. В 1740 г. на его выдающиеся способности обратил внимание генерал-штаб-доктор П. З. Коцдоиди, рекомендовавший его кандидатом для подготовки к профессорскому званию. В рекомендации он писал, что «Шидловский в деле своем трудолюбив и щателен и остроту имеет достаточную, почему, ежели и впредь так продолжать будет, уповать должно, что, будучи при госпиталах Парижских несколько лет, не только сам совершился, но и впредь других научить в состоянии будет»⁶.

В 1741 г. Шидловский вместе с другими лекарями прибыл в Петербург в медицинскую канцелярию для отправки в Париж. Отправка в Париж русских лекарей для усовершенствования не состоялась; тогда по просьбе оператора фон Меллена Шидловский был оставлен в госпитале лекарем и преподавателем анатомии и оперативной хирургии⁷. Будучи

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 5, кн. 289, д. 666.

² Там же, кн. 182, д. 468.

³ Там же.

⁴ Там же, оп. 2, кн. 53, д. 160.

⁵ Там же, кн. 18, д. 337.

⁶ Там же, л. 186.

⁷ Там же, ф. 1296, оп. 2, кн. 51, д. 148.

первым русским преподавателем в петербургских школах, он был недобро-желательно встречен лекарями-иноzemцами. Его обвинили в умышленном отравлении больных мышьяком. Шидловский был арестован, следствие шло несколько месяцев. В конце концов была установлена полная его невиновность, и он был освобожден из-под ареста. Но надломленные силы не позволили Шидловскому вернуться на работу в госпиталь, и он по собственной просьбе в 1743 г. был назначен лекарем Казанского пехотного полка.

В 1745 г. по прошению уволен с военной службы и назначен городовым лекарем в Тулу, где прослужил 20 лет. В Туле он провел большую работу по оздоровлению города и изучению профессиональных вредностей на оружейных заводах. Умер в Туле 25 ноября 1765 г.

Шумлянский Александр Михайлович¹ — доктор медицины.

Родился в 1748 г. в семье казака села Малые Будинцы Полтавской губернии. В 1758 г. поступил в Киевскую духовную академию. В 1772 г. поступил переводчиком в Московский архив коллегии иностранных дел. В 1773 г. поступил волонтером в С.-Петербургский адмиралтейский госпиталь. В 1774 г. получил звание подлекаря, а в 1775 г. — лекаря и оставлен в том же госпитале.

В 1777 г. А. М. Шумлянский выехал в Страсбург для подготовки по акушерству, но из-за разразившейся бури корабль вернулся в Петербург, и Шумлянский еще год пробыл в петербургских госпиталях, занимаясь хирургией под руководством М. М. Тереховского и акушерством у Н. М. Максимовича-Амбодика. В 1778 г. он прибыл в Страсбург, где в 1782 г. защитил диссертацию «О строении почек» и получил степень доктора медицины. Диссертация его явилась выдающимся исследованием по гистологической анатомии почек. После этого он занимался в Париже, Вене и Марбурге.

В 1784 г. Шумлянский вернулся в Россию и определился профессором повивального искусства в Калинкинский институт, но, не успев приступить к должности, был командирован за границу вместе с Тереховским для изучения системы медицинского образования. В 1786 г. вернулся в Россию, но по недоброжелательству иностранцев из медицинской коллегии не получил прежнего своего места, а был назначен профессором патологии и терапии в Московское медико-хирургическое училище.

В 1787 г. издал книгу «Мнение одного истиннолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки», в которой изложил свои соображения по реорганизации медицинского образования в России. Ему принадлежат также переводы книг Тиссо «О здравии ученых людей» и Галлера «Рассуждения против немощной и болезненной жизни». В 1789 г. был избран корреспондентом Парижского музея. В 1793 г. назначен московским городским акушером и в 1794 г. представил в коллегию доклад «О поправлении повивального искусства». Был избран почетным членом коллегии. Умер Шумлянский в Москве 25 июня 1795 г.

Шумлянский Иосиф (Осип) — штаб-лекарь.

Из солдатских детей. В 1738 г. поступил учеником в Московскую школу. Во время ученья проявил большие способности, поэтому был рекомендован Л. Блюментростом как один из талантливейших учеников для подготовки к профессорской деятельности. Так как поездка за границу расстроилась, он после сдачи экзамена был произведен в подлекари и командирован в Новгород для обслуживания находившегося там турецкого посольства, прибывшего для мирных переговоров. По возвращении

¹ О нем см.: С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М.—Л., 1949, стр. 389—396 и др. по указателю; С. Л. Соболь. Научное наследство. Т. II, М., 1951, стр. 401—496.

в Петербург И. Шумлянский был назначен подлекарем в С.-Петербургский сухопутный госпиталь, но уже через месяц переведен лекарем Шляхетного кадетского корпуса¹.

Несмотря на ходатайство оператора фон Меллена о возращении Шумлянского в госпиталь, так как «означенный подлекарь Шумлянский способнее имеет быть при сухопутной госпитали, ибо по усмотрению впредь понятия его к анатомии и хирургии послан быть может с прочими в Париж»², ему было в этом отказано. Отчаявшись в возможности осуществить свою мечту — стать преподавателем медицинской школы, он в 1742 г. обращается в медицинскую канцелярию с просьбой разрешить ему сдать лекарский экзамен и назначить на службу в Глухов, место его рождения. Экзамен состоялся 15 января того же года, экзаменаторы доктор Миниат и лекарь Эгида дали ему весьма положительную оценку. После производства в лекари Шумлянский получил назначение на должность полкового лекаря в Венгерский гусарский полк. Вместе с полком участвовал в войне со Швецией. После перенесенной тяжелой болезни вновь подал в медицинскую канцелярию прошение об оставлении его в госпитале, но, несмотря на наличие там двух вакантных должностей и ходатайство П. З. Кондонди, ему было отказано в этой просьбе.

В 1743 г. Шумлянский был освобожден от военной службы и поступил врачом в Новгородскую духовную семинарию. В 1751 г. по собственной просьбе назначен лекарем Севской провинции, а с 1760 г. был губернским лекарем Белгородской губернии. На гражданской службе отличился в борьбе с чумой и за ряд научных работ в 1769 г. был произведен в штаб-лекари³. Умер в Белгороде 21 октября 1781 г.

Шумлянский Павел Михайлович⁴ — доктор медицины.

Брат А. М. Шумлянского. Родился в 1750 г. Учился в Киевской духовной академии, откуда в 1773 г. поступил учеником в С.-Петербургский госпиталь. В 1775 г. получил звание подлекаря, а в 1779 г. — лекаря.

В 1779 г. назначен полковым лекарем в 9-й артиллерийский канонирский полк. В 1784 г. уволился со службы и выехал в Страсбург, где 1789 г. защитил диссертацию «О непосредственной причине местного воспаления» (*De proxima topicae inflammationis causa*), пользовавшуюся большой известностью среди современников.

В 1790 г. П. М. Шумлянский вернулся в Россию и был назначен младшим доктором в С.-Петербургский сухопутный госпиталь. В 1793 г. был назначен профессором анатомии и хирургии в Кронштадтское медико-хирургическое училище, а в 1795 г. переведен в Московское училище на должность профессора фармакологии и хирургии. В 1798 г. представил в коллегию проект реорганизации медицинского образования. В 1799 г. при организации медико-хирургических академий был избран ординарным профессором хирургии Московской академии.

С 1800 г. управлял Московским заводом хирургических инструментов. В 1802 г. избран почетным членом медицинской коллегии. При организации Харьковского университета в 1805 г. был назначен в нем деканом медицинского факультета и профессором хирургии. С 1805 г. состоял почетным членом «Общества соревнования врачебных и физических наук» при Московском университете. С 1811 г. был почетным членом Медико-хирургической академии.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 2, кн. 53, д. 416.

² Там же, кн. 62, д. 8.

³ Там же, ф. 1296, оп. 2, кн. 62, д. 39; кн. 71, д. 68; ф. 1296, оп. 1, кн. 28, д. 194.

⁴ О нем см.: Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883, стр. CCCXLIV; Русский биографический словарь. Том Шебанов — Шоти. СПБ, 1911, стр. 538.

П. М. Шумлянскому принадлежат научные труды «О испытании минеральных вод Полтавской губернии» (1806), «Краткое наставление, как предохранить себя от прилипчивых болезней», написано вместе с И. Книгиным (1814), «Примечания с дополнениями к науке о вывихах костей» (1821). Умер Шумлянский в Харькове в 1824 г.

Ягельский Касьян Осипович¹ — доктор медицины.

Родился в 1736 г. на Украине. Первоначальное образование получил в Киевской духовной академии.

В 1756 г. поступил учеником в медицинскую школу при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале. В 1758 г. получил звание подлекаря, а в 1761 г. — лекаря и назначен в Валдайский лазaret, но вскоре в числе 10 врачей командирован в Лейденский университет, где в 1765 г. защитил диссертацию «О случае истерии», после чего посетил еще ряд учебных заведений во Франции и Германии. В 1767 г. вернулся в Россию, после сдачи экзамена в медицинской коллегии назначен в С.-Петербургский госпиталь для преподавания «материи медики», физиологии и патологии, но через полгода переведен в Московский госпиталь для преподавания тех же предметов.

В 1771—1772 гг. во время эпидемии чумы в Москве был одним из самых деятельных членов «Комиссии для врачевания и предохранения от моровой язвы». Изобрел окуривательный порошок для дезинфекции вещей больных. В 1771 г. написал «Наставление о предохранительных средствах от моровой язвы».

Умер в Москве 21 ноября 1774 г. от туберкулеза легких.

Яхонтов Григорий Егорович — лекарь.

Из солдатских детей. В 1732 г. поступил учеником в Московскую госпитальную школу. В 1738 г. получил звание подлекаря и был командирован с проф. Шрейбером в действующую армию². Служил в Дербентском полку.

В 1741 г. избран П. З. Кондоиди в числе наиболее способных для посылки за границу с целью подготовки к профессорскому званию. Так как поездка не состоялась, он был произведен в лекари и назначен в С.-Петербургский гарнизонный полк³. В 1761 г. назначен лекарем в Московский госпиталь и преподавателем хирургии в госпитальной школе. Погиб в Москве 28 мая 1771 г., заразившись чумой во время борьбы с эпидемией⁴.

¹ О нем см.: Д. Самойлович. Избранные произведения. В. 2, М., 1952, стр. 50, 88—91, 100—103, 475, 481; Д. Д. Федоров. Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, 1956, № 11, стр. 890—892; Русский биографический словарь. Том Яблоновский — Фомин. СПБ, 1913, стр. 5—6.

² ЦГИАЛ, ф. 1295, оп. 1, кн. 18, д. 358.

³ Там же, оп. 2, кн. 53, д. 463.

⁴ Там же, ф. 1296, оп. 2, кн. 75, д. 24.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

УКАЗАТЕЛЬ РУКОПИСНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ РУССКИХ ВРАЧЕЙ XVIII ВЕКА¹

I. Труды по анатомии

a) Нормальная анатомия

- Щепин К. И. Анатомические лекции. 1763 (ф. 1296, оп. 1, кн. 9, л. 181—185).
Карпинский Н. К. Анатомия или трупоразъятие. 1787 (Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, разряд VI Q 24).
Федоровский А. Первые начала анатомии или науки о строении частей тела человеческого. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, л. 596—634).
Еллизен Е. Краткое начертание всеобщей врачебной науки, сочиненное в пользу фельдшеров. 1799 (Редакция Н. К. Карпинского — раздел анатомии. Ф. 1294, оп. 1, св. 30, л. 130—161).
Каллибе. Описание скелета. 1800 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 26).
Загорский П. А. Об овальном отверстии сердца². Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 21).
Неизвестный автор. О затылочной кости лося. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 54).

b) Патологическая анатомия и тератология

- Гангардт. Об анатомировании мертвого тела. 1739 (ф. 1295, оп. 1, кн. 2, л. 353—358).
Гангардт. Об анатомировании для исследования причин смерти. 1739 (ф. 1295, оп. 1, кн. 2, л. 376—378).
Кондоиди П. З. О порядке анатомирования мертвых тел. 1741 (ф. 1295, оп. 2, кн. 52, д. 348).
Ульянов Т. Описание уродства. 1743 (ф. 1295, оп. 2, кн. 71, д. 44).
Неизвестный автор. О родившихся уродах. 1763 (ф. 1295, оп. 5, кн. 300, д. 185).
Энгель. Описание уродства человека. 1766 (ф. 1296, оп. 1, кн. 12, д. 87).
Еллизен Е. Описание уродства. 1788 (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 1).
Симонтовский П. Описание урода поросенка. 1792 (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 3).
Ленк Х. О полипе, найденном в лобном синусе у умершей от апоплексического удара. 1793 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 7).

¹ В указатель не включены мелкие, не имеющие значения работы. Все сочинения приводятся по разделам, а внутри них — в хронологическом порядке. Там, где нет специальных указаний, работа находится в Центральном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ).

² Полного текста не сохранилось.

- Каменский И. и Книгин И. Наблюдение о пенетрирующей язве желудка. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 2).
 Черняевский Ф. Описание урода. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 15).
 Неизвестный автор. Описание уродств. 1797 (четыре соч.) (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 8, 9, 10, 11).
 Неизвестный автор. Некоторые патологические замечания. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 19).
 Лейфер. Описание урода. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 14).
 Базилевич Г. И. Описание уродства. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 16).
 Загорский П. А. Анатомо-патологические наблюдения о ложной аневризме. 1799 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 3).
 Загорский П. А. Редкий случай уродства человеческого тела. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 92).
 Неизвестный автор. О уродствах человека. 1799 (три соч.) (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 17—19).
 Базилевич Г. И. Описание урода. 1801 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 22).
 Нудов А. О происхождении уродств. 1801 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 21).
 Саломон И. О происхождении уродов. 1801 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 23).
 Симонтовский П. С. Описание уродства. 1801 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 16).
 Неизвестный автор. Об осмотре тела. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 5).
 Загорский П. А. Об уроде. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 6).
 Симонтовский П. С. Описание урода. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 7, д. 8).

II. Труды по физиологии

- Гузенский А. О темпераментах. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 15).
 Горюховский М. О физиологии дыхания. 1795 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 20).
 Шлеер Г. О исходах воспаления. 1796 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 15).
 Мильгаузен. Физиологико-патологическое исследование о гниении. 1800 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 29).
 Борн К. О назначении надпочечников. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 20).
 Неизвестный автор. Об общих покровах тела человеческого. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 2).

III. Труды по ботанике, химии и фармакологии

а) Ботаника

- Тереховский М. М. Каталог семян и растений ботанического сада. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 17, д. 5).
 Усов П. О бадяге¹. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 30).
 Соболевский Г. Ф. Новые дополнения к С.-Петербургской флоре. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 42).
 Черстович. Описание произрастаний Новгорода-Северского¹. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Масловский А. Ф. Систематическое описание растений. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 67).

¹ Напечатана в сб.: *Observationes medico-chirurgorum ruthenii imperii collectae et in ordinem redactae a J. M. Vien. SPB, 1805* (в дальнейшем называется «Сборник Виена»).

- Миндерер И. Правила гербаризации растений. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 59).
 Гофман П. Собрание любопытства достойных предметов из царства природы и растаний. 1799 (ф. 1296, оп. 10, кн. 28, д. 84).
 Залесов А. М. Гербарий Алтайских растений. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 38).
 Миллер Гербарий лекарственных растений Германии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 39).
 Поддубный А. О табаке. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 14).
 Неизвестный автор. О кукурузе. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 50).

б) Химия

- Модель Об очищении камфоры. 1797 (ф. 1296, оп. 10, кн. 21, л. 248—256).
 Ронже М. О кислой земле. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 54).
 Шенцони С. Описание Астраханской неочищенной соли и как делать из нее Астраханскую слабительную соль, Глауберову соль, Английскую магнезию, жженую магнезию, Сильвиеву соль, Купоросно-поташную соль и солянью кислоту. 1799 (ф. 1296, оп. 10, кн. 30, л. 85—94).
 Алегретти П. Как новейшим способом добывать без огня яичное масло. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 70).
 Кирхгоф О приготовлении сахара из пастернака. 1799 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 42).
 Бингейм О производстве сахара из свеклы. 1799 (ф. 1296, оп. 10 кн. 34, л. 90—127).
 Захарий К. О перегонке нефти. 1799 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 81).
 Севергин В. М. О действии атмосферного воздуха. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 9).
 Неизвестный автор. Химические наблюдения. 1800 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 18).
 Брандт О извлечении гвоздичного масла. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 21).
 Заводовский Замечание относительно уксусного испарения. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 9).
 Шеффер О теплотворном веществе. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 18).
 Стефан О приготовлении селитры (приведено в списке без полного текста) (ф. 1296, оп. 10, кн. 24, л. 202—215).

в) Минералогия

- Амбодик Л. М. О коллекции Уральских минералов. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 17, д. 20).
 Шевальгин М. Об Алтайских минералах. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 17, д. 21).

г) Фармакология и фармация

- Федотов О целительном источнике в Нерчинске. 1786 (ф. 1294, оп. 1, св. 16, д. 2).
 Зальцман Д. О применении опия. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 1).
 Илларионов А. Начальные правила аптекарского искусства¹. 1793 (ф. 1296, оп. 10, кн. 13, л. 107—116).
 Клуг Б. О применении опия. 1793 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 8).
 Людвиг К. О Шифгаузенском пластыре. 1793 (ф. 1296, оп. 10, кн. 13, л. 21—62).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Поступовский. О минеральном источнике в Перми. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 16, д. 5).
- Неизвестный автор. О целительных минеральных водах в Тамбовской губернии открывшихся. 1795 (ф. 1294, оп. 1, св. 16, д. 11).
- Неизвестный автор. Опыт посева ревеня у Усть-Каменогорской крепости. 1796 (ф. 1296, оп. 10, кн. 17, д. 49).
- Морозов П. О траве болиголове. 1796 (ф. 1296, оп. 10, кн. 18, д. 45).
- Никольский С. Медицинское рассуждение о пользе виноградного вина на Кавказской линии. 1796 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 21).
- Пфелер И. Домашняя аптека. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 50).
- Биндгейм, Лефлер и др. Оценка лекарствам. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 11).
- Вестфал Ф. О целебном свойстве растений. 1798 (на нем яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 75).
- Рейх Г. О применении наперстянки. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 76).
- Бахерахт А. Г. Описание ста различных вещей. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 41).
- Лефлер. О применении и действии Сибирских белых роз. 1799 (на нем яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 80).
- Звонников Я. О простом шафране. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 87).
- Козловский. Медико-практические заметки о белой глине. 1800 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 3).
- Мейер. О приготовлении Бестужевских капель. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 6).
- Соколов. О применении перувианского бальзама. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 9).
- Алегретти П. О ртутной мази. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 56).
- Саломон И. Описание употребления хмелевого корня во многих болезнях вместо сарсапариля. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 18).
- Эллизен Г. Опыты над углями. 1802 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 12).
- Неизвестный автор. О применении нашатырных цветов. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 25).
- Вильке. О ртутном мыле. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 27).
- Витт. О скипидаре. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 17).
- Граль. О растении зобном корне. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 6).
- Масловский А. Ф. Наставление, как пользоваться домашними самыми дешевыми лекарствами больных, страдающих ломотою в руках или в ногах с опухолью или без опухоли, с затвердением суставов или без затвердения, с болью и с опухолью десен или без оной. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 32).
- Орлай. О речной губке. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 42).
- Страк. О рододендроне. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 15).
- Бадер. О лечении водянки посредством применения наперстянки. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 37).
- Беляков П. Излишнее без нужды употребление лекарства и строгая диета, через долгое время употребляемая, расслабляя здоровье тела человеческого, не только пользы не дает, но и во вред служит тем, у которых никакой остроты в крови не имеется. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 7).
- Тетерин Л. О действии аконита. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Быстроглазов А. О щавеле. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Носов. О жароснимающих. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Либертовский. О употреблении льда в болезнях. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Эссенгаузен. О пользе бараньей травы. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 19).
- Неизвестный автор. О лекарственных травах. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 13).

Неизвестный автор. Описание минеральных источников. Б/даты (семь соч. на лат. яз. без указания автора) (ф. 1294, оп. 1, св. 16, д. 1, 3, 6, 7, 8, 9, 10).

д) Токсикология

Неизвестный автор. Об освидетельствовании яда из желудка. 1766 (ф. 1296, оп. 1, кн. 15, д. 3).

Стефанович-Донцов Я. В. Примечание о неслыханных и редко бываемых болезнях от употребления неспелого с рожками хлеба. 1786 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 2).

Гравенгорст. О судорогах 1792 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 3).

Рембд. О судорогах¹. 1793 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 1).

Белопольский Е. Об отравлении рожками. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 10).

Виен И. О заболеваниях в Гаджибее¹. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 11).

Волченецкий Д. В. Медико-хирургическое наблюдение¹. 1794 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 9).

Доминициус В. О болезни в Гаджибее¹. 1794 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 8).

Конрадий. О сухом антоновом огне¹. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 10).

Кременецкий О заболеваниях в Гаджибее¹. 1794 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 16).

Переяславец В. О омертвении членов¹. 1794 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 7).

Переяславец В. О заболеваниях солдат¹. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 10).

Поджио. О осмотре больных¹. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 10).

Романовский Д. Описание сухой гангрены¹. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 12).

Романовский Д. О сухом антоновом огне¹. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 10).

Стефанович-Донцов Я. В. Описание о перемежающих пороках в малой России 1785 и 1786 гг. бывших, от которых члены, почернев, отпадают. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 6).

Тихов Я. О заболеваниях в Гаджибее¹. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 10).

Червинский В. О эпидемической болезни в Овидиополе и Гаджибее. 1795 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 13).

Саломон. Как помочь должно умирающим от крепких напитков. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 7).

Сенковский А., Тишевский И., Никитников. О предосторожности от рожков в хлебе. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 15).

Купиц Ф. О ядовитых грибах и параличе. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 6).

III. Труды по хирургии

а) Общие руководства

Гриндалль. Руководство для начинающих упражняться во врачебной деятельности науке. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 7).

Саполович Я. О. Вторая часть учебника медицинской науки для духовных семинарий. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 25).

б) Общая хирургия

Дримпельман А. О ранениях. 1790 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 24).

¹ Об отравлении спорыней.—Б. П.

- Андреевский С. С. О загнившем черепе¹. 1792 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Борнеман. О применении угольной пыли для лечения гангренозных ран. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 2).
- Донцов Я. В. Об эмпиеме¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 5).
- Колвинский. О вырезанном камне из-под языка¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Петерсон. О ранении черепа¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Прейсер. Медико-хирургическое наблюдение. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 10).
- Розанов. О полезном действии угольного порошка в ранах¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Симонтовский П. С. О камнях желчного пузыря¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Симонтовский П. С. О кариесе грудной кости¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Ганитц Х. Об огнестрельной ране. 1794 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 43).
- Ганитц Х. О желчной колике. 1794 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 43).
- Ширковский. О лечении абсцесса промежности. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 86).
- Бухман Х. О нарыве груди. 1795 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 17).
- Гриндаль Е. М. О воспалении лимфатических сосудов. 1796 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 14).
- Быстроглазов А. О холодных опухолях. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 18).
- Гебель И. Об огнестрельной ране. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 16).
- Гебель И. О нарыве. 1797 (на нем. яз.) (там же).
- Дезе К. О панариции. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 39).
- Дезе К. О гангrene. 1797 (на нем. яз.) (там же).
- Интеллигаторов А. Медико-хирургическое замечание. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 29).
- Рашке Ф. Об ущемленной грыже. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 47).
- Тишевский И. Медико-хирургические наблюдения. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 9).
- Шлегель Ф. О нарыве в легком. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 10).
- Шлегель Ф. Медико-хирургические заметки. 1797 (три соч. на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 10).
- Шрейбер К. О пользе плохого запаха при костоеде. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 53).
- Неизвестный автор. О непроходимости желудка. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1).
- Блюмнер Ф. Хирургические заметки. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 55).
- Гильтебрандт И. О лечении ран и язв. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 4).
- Зальцман И. О хирургическом случае. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 66).
- Кильштедт. Хирургические случаи. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 77).
- Кильштедт. О ранениях. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 77).
- Кремпин. О ранениях грудной клетки. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 74).
- Рейх Г. О воспалении лимфатических сосудов. 1798 (на нем. яз. два соч.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 76).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Шрейбер. О кариесе кости. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 53).
- Констант Я. Медико-хирургическое замечание по хирургии. 1799 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 91).
- Неизвестный автор. О спасении утопающих, задохшихся и угоревших. 1799 (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 7).
- Геслинг. Медико-хирургические замечания. 1800 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 1).
- Дебу. Об абсцессах. 1801 (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 2).
- Копытов. О костоеде. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 11).
- Гриндаль. Медико-хирургическое наблюдение. 1802 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 40).
- Дембницкий. Обожогах и методах их лечения. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 12).
- Кречетов. Медико-хирургическое наблюдение. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 14).
- Франк. О некрозе костей. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 31).
- Неизвестный автор. Способ помогать в нужде. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 17).
- Вернацкий В. Об отморожениях. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 39).
- Цветковский. Об абсцессе печени. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 2).
- Беллен А. О ранении кости. Б/даты¹ (на нем. яз.) (ф. 1294, св. 43, д. 33).
- Брандт. История хирургической болезни (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 12).
- Винтер И. Описание хирургического случая (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 15).
- Горн Г. О ранении (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 27).
- Горн Г. Медико-хирургическое сочинение (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 28).
- Дримпельман А. Медико-хирургическое наблюдение (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 26).
- Зебер. О случае ранения (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 69).
- Кнаппе. Медико-хирургические наблюдения (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 63).
- Крамер Я. О костоеде верхней челюсти (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 47).
- Мерлинг. Хирургическое описание болезни (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 6).
- Оборский. О счастливо излеченнем ранении артерии (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 60).
- Оппель. Врачебные наблюдения (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 31).
- Пальм А. Об абсцессе печени (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 9)².
- Пальм А. Медико-хирургические наблюдения (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 9).
- Петцель. Хирургические заметки (на нем. яз. два соч.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 17).
- Поддубик. О счастливо излеченной эмпиеме (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 4).
- Сави. О ложной аневризме любой артерии (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 46).

¹ Приводимые ниже сочинения, собранные в основном в связке № 43, не имеют дат написания, однако по сохранившимся на них порядковым номерам, которые ставились ученым секретарем медицинской коллегии, можно установить, что они поступали в период с 1786 (самые ранние) по 1801 г. (самые поздние).

² Опубликована в сборнике Виена.

- Сави. О лечении укуса тарантула (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 46).
- Спедикати. Медико-хирургические наблюдения (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 27).
- Степанович-Донцов М. О ранении черепа, сопровождавшемся эпилептическими припадками (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 49).
- Степанович-Донцов М. О болезни от укуса тарантулов (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 49).
- Степанович-Донцов М. О грудном свище (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 49).
- Стропов. О болезни (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 4).
- Тернецкий. О болезнях в Ахтырском морском госпитале (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 36).
- Траутвейн. О применении льда для лечения воспаления (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 11).
- Энегольм И. Хирургические заметки (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 5).
- Шейнеке. Медико-хирургическое наблюдение (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 16).
- Неизвестный автор. Врачебные наблюдения (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 22).
- Неизвестный автор. Медико-хирургические заметки (шесть соч. под общим названием, на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 34).
- Неизвестный автор. О случаях ранений (два соч. на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 55).
- Неизвестный автор. О воспалении (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 2).

в) Оперативная хирургия

- Фишер И. Об образце полкового хирургического ящика. 1737 (ф. 1295, оп. 1, кн. 19, д. 564).
- Менд И. Об ампутации ноги выше коленного сустава. 1788 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 40).
- Серклे. О преимуществе зондов из эластической резины. Б/даты, но ранее 1793 г. (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 10).
- Дебу. О хирургических инструментах¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 45).
- Протасов И. В. О ящиках с хирургическими инструментами для городовых лекарей. 1796 (ф. 1296, оп. 10, кн. 18, д. 44).
- Зоммер. О методе операции при hydrocele. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 37).
- Зоммер. Об операции fistula ani. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 37).
- Зоммер. О машине для исправления кривизны ног. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 37).
- Лефлер А. Замечания о хирургических инструментах. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 31).
- Рензинг В. О новом методе трепанации черепа усовершенствованными трепанами¹. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 35).
- Дебу. Соображения об операции и лечении hydrocele. 1802 (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 11).
- Тимофееев. Об операции при заячьей губе. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 3).
- Неизвестный автор. О инструментах для удаления зубов. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 53).

¹ Опубликована в сборнике Виена.

2) Травматология

- Бухман Х. О травматической ампутации кости. 1787 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 17).
- Кепень И. О сложном переломе с разрывом ахиллова сухожилия. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 4).
- Мокренец Г. О переломах черепа¹. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Ганиц Х. Об истекшей при переломе ребра крови в грудную впадину и исцелении оной без прободения. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 43).
- Гардер. О вправлении застарелых вывихов. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 7).
- Оберг. О переломе костей кисти. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 38).
- Канельский П. Наблюдение касательно перевязки, употребляемой в переломе голенных костей, с описанием способа употреблять другого рода оную. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 44).
- Неизвестный автор. О вынутых различных проглощенных веществах. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 33).
- Дримпельман А. Об аппарате для лечения перелома ног. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 62).
- Подубик. Наблюдения над переломами костей². Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 4).
- Степанович-Донцов М. В. О переломе лучевой кости. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 49).

3) Урология

- Беллен. О 340 камнях, вынутых из мочеточника¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Добровольский. О литотомии¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Ольхович. О мочевом камне редкой величины³. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Венедиков И. Об операциях каменной болезни. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 5).
- Добровольский. О операции литотомии. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 48).
- Кудрицкий В. О операциях каменной болезни. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 12).
- Шлегель Ф. О фимозе. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 10).
- Неизвестный автор. О нарушении мочеиспускания от спазма уретры. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1).
- Неизвестный автор. О недержании мочи. 1797 (на лат. яз.) (там же).
- Добровольский. О операциях литотомии. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 69).
- Лефлер А. О средствах для разрушения камней мочевого пузыря. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 17).
- Савиньи. Литотом. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 5).
- Тишевский И. О операции литотомии. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 43).
- Венедиков И. Об операциях каменной болезни. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 4).
- Добровольский. О литотомии. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 12).
- Минаев. О каменной болезни. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 38).
- Митрофанов Т. О камнях почек. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 39).

¹ Полного текста работы не сохранилось.

² Опубликована в сборнике Виена.

- Соханский. О удалении камней мочевого пузыря. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 13).
 Венедиктов И. Об операциях каменной болезни. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 13).
 Венедиктов И. О литотомии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 14).
 Добровольский. О операциях литотомии. 1802 (ф. 1294, св. 2, д. 12).
 Серафимович. Об операциях каменной болезни. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 22).
 Венедиктов И. О литотомических операциях. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 40).
 Венедиктов И. О литотомических операциях. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 4).
 Венедиктов И. О камне мочевого пузыря. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 3).
 Стефанович-Донцов М. В. О инструменте для удаления наростов в уретре. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 49).
 Стефанович-Донцов М. В. О операции кастрации. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 49).
 Траутвейн. О болезнях мошонки. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 11).

e) Онкология

- Дистон А. О удалении опухоли левого бедра. 1782 (ф. 1296, оп. 3, кн. 224, д. 31).
 Андреевский С. С. О раке¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Балановский К. Об опухоли¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Лазаревич И. Об опухоли в животе. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 16).
 Новопольский. О раке¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 21).
 Протасов И. В. О липоме¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Селичковский. Об инфильтрующей опухоли¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Быстроглазов А. О удалении опухоли. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 18).
 Гардер Д. О удаленном раке. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 7).
 Зоммер. Об удалении части сальника при брюшном раке. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 37).
 Иванов. О полипах. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 27).
 Кристинский Г. О полипах. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 11).
 Шрейбер К. О сумчатой опухоли. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 53).
 Язвин И. О удалении гигромы. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 32).
 Солицев. Об опухоли околоу王晓ной железы. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 3).
 Филиппович И. О раке желудка. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 63).
 Минсгаузен. О раке легкого. 1800 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 7).
 Иванов. Об опухоли лобной кости. 1800 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 35).
 Дембницкий В. О раке грудной железы. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 35).
 Горстман. Рак грудной железы. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 50).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Горстман. Об опухоли мужского полового члена.. Б/даты (на нем. яз.) (там же).
- Оборский. О удалении опухоли спины. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 60).
- Орлай де Кобро. О случае рака у человека. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 25).

IV. Труды по терапии

- Самойлович А. О болезни желудка. 1784 (ф. 1296, оп. 1, кн. 271, д. 36).
- Дуссик Ф. Об астме. 1785 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 1).
- Лойовский Ф. О воспалении желудка. 1789 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 3).
- Горн И. О кашле. 1790 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 5).
- Вильмер И. О цынге. 1791 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 8).
- Вильмер И. О цынге. 1791 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 10).
- Бернес И. О пороках печени. 1792 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 11).
- Вильмер И. О цынге. 1792 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 12).
- Андреевский С. С. О глистах¹. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Андреевский И. О глистах. 1793 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 6).
- Валлерян Е. К. Описание болезни желудка, сросшегося с ободочной кишкой². 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 14).
- Гузенский А. О семиотике по системе Гиппократа. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 15).
- Кепень И. Об артrite. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 4).
- Лазаревич И. О глистиах¹. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Левандовский. О кровохаркании¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Левенец. О кровохаркании¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Ленк Х. О плоских глистиах и их изгнании. 1793 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 7).
- Шишлов. О болезнях печени¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Орловский. О пневмониях¹. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 21).
- Олоф. О цынге. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 23).
- Миндерер. И. О болезни, лечении и смерти графа Петра Румянцева-Задунайского. 1796 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 1).
- Дезе К. О кровохаркании. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 39).
- Зоммер. О ревматизме. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 37).
- Орлай де Кобро. О ревматической эпилепсии. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 23).
- Смеловский И. Элементы практической медицины. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 46-а).
- Неизвестный автор. Об асците. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
- Неизвестный автор. О перипневмонии. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
- Неизвестный автор. О диабете. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
- Неизвестный автор. Об энтерите. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
- Писчеков Д. Я. О мерах против цынги. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 60).

¹ Полного текста не сохранилось.

² Опубликовано в сборнике Виена.

- Плинт Я. О болезнях. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 61).
Бер, Гамалея М., Протасов И. Молодой сельский врач. 1799
(ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 89).
Кюстер Х. О цынге. 1799 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 84).
Щеголев А. О ленточных глистах. 1799 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 45, д. 79).
Блюмнер. О лечении болезней. 1800 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41,
д. 21).
Кузьминский. Описание болезни. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 39).
Филиппов. О лечении энтеритов каломелью. 1800 (на лат. яз.) (ф. 1294,
оп. 1, св. 41, д. 24).
Козлов. О лечении водянки. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 10).
Мейер. Описание болезней. 1801 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 8).
Альбрехт Ф. Описание болезни. 1802 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 40, д. 21).
Валлериан Е. К. О водянной болезни. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44,
д. 37).
Дримпельман. О изгнании плоских глистов. 1803 (на нем. яз.)
(ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 38).
Прейсер. Врачебные наблюдения. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 21).
Балановский К. О болезнях. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 30).
Барц А. О лечении водянки. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43,
д. 44).
Валитер. Наблюдения о болезнях. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 41, д. 37).
Васильев. О водянной болезни. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 39).
Гаврилов Ф. В. Замечание о водянной болезни. Б/даты (ф. 1294, оп. 1,
св. 43, д. 39).
Гавришев. Наблюдения о болезнях. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 80,
д. 29).
Гангарт. Об отеках. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 11, д. 17).
Гаселькист Я. О лечении ревматических и артритических припадков.
Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 14).
Дребс. Врачебное наблюдение. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 40, д. 28).
Клиинске С. Описание местных болезней. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294,
оп. 1, св. 43, д. 38).
Кнопф К. О разрыве сердца от внутренней причины. Б/даты (ф. 1294,
оп. 1, св. 43, д. 70).
Мейнер. Врачебные наблюдения. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 40, д. 10).
Нидт. Врачебные замечания. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 13).
Орлай де Кобро. Об астме. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 43, д. 25).
Поддубик. О голодании. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43,
д. 4).
Саломон. О болезнях пищеварения. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 43, д. 6).
Соколов. О пневмонии. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41,
д. 34).
Тернберг. Описание болезни. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 43, д. 36).
Фрейберг. Описание болезни. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 43, д. 61).
Цикке. О болезни. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 2).
Шниц. Наблюдения о болезнях. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 40, д. 26).
Шрейбер. О системе Броуна. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1,
св. 40, д. 11).

- Штарк. Описание болезни. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 58).
 Энегольм И. О методах лечения. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 62).
 Неизвестный автор. Медицинские наблюдения. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 48).

V. Труды по акушерству и гинекологии

- Калашников. О недоразвитии женского детородного уда. 1764 (ф. 1296, оп. 1, кн. 8, д. 201).
 Амбодик Н. М. Об акушерских машинах. 1782 (ф. 1296, оп. 3, кн. 328, д. 5).
 Амбодик Н. М. О случае инфантилизма. 1782 (ф. 1296, оп. 3, кн. 237, д. 35).
 Бухман Х. О инородном теле во влагалище. 1786 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 17).
 Менде И. О нарыве грудной железы. 1788 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 42).
 Беркович П. О различии между зрелым и незрелым плодом. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 17).
 Сихман. О пузырно-влагалищном свище¹. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Шумлянский А. М. О неправильных родах. 1793 (ф. 1296, оп. 10, кн. 13, д. 12).
 Шумлянский А. М. О неправильных родах. 1793 (ф. 1296, оп. 10, кн. 13, д. 12).
 Амбодик Н. М. Об акушерских операциях. 1795 (ф. 1294, оп. 1, св. 24, д. 2).
 Бенес К. О новорожденных младенцах. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 45).
 Дальлер К. О воспалении матки. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 13).
 Крейзель И. К. О нужнейших предметах при помощи в родах. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 62).
 Лейфер А. О усовершенствовании рычага для исправления положения младенца. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 44).
 Лейфер А. Как удерживать выпавшую пуповину. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 44).
 Масловский А. Ф. О чрезмерном спазме в матке во время родов яко о причине медлительных, трудных и ненатуральных родов. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 33).
 Фробинг Л. О вреде, происходящем от раннего отделения последа после родов. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 250).
 Фробинг Л. О задержке менструаций. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 250).
 Фробинг Л. О водянке, связанной с беременностью. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 250).
 Алаторцев М. О рождении 4-х близнецов. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 51).
 Масловский А. Ф. О выпадении матки после родов. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 72).
 Рейх Г. О воспалении грудных желез. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 76).
 Вихман Г. Описание акушерского случая. 1799 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 88).
 Амбодик Н. М. Мнение об организации повивального института. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 10).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Базилевич Г. И. Мнение о повивальном институте. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 10).
- Буркард. О помощи в родах. 1800 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 38).
- Шибальский. Акушерские щипцы. 1800 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 36).
- Попов Г. О природе беременной. 1801 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 37).
- Сухарев Г. И. О трудных родах. 1801 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 29).
- Лижу. О болях. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 43).
- Буркард. О неправильных родах. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 25).
- Гирш О. О рождении 4-х близнецов. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 24).
- Неизвестный автор. О близнецах. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 39).
- Балановский К. О воспалении грудных желез. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 8).
- Вельтецкий Я. О приеме родов. Б/даты (на польском яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 45).
- Пальм А. О употреблении вяжущих средств при маточных кровотечениях¹. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 9).
- Рейнгольд. Об операции симфизеотомии. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 56).
- Рейнгольд. О маточных кровотечениях во время беременности. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 56).
- Рейнгольд. О повороте на ножку. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 56).
- Неизвестный автор. О двойнях. Б/даты (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 35).

VI. Труды по детским болезням

- Кнопф К. О рахите. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 26).
- Неизвестный автор. Способ отвращать болезни простолюдинов. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 47).
- Нудов А. О сохранении младенцев в воспитательных домах. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 16).
- Гладгейм. О заведении учреждений для осмотра кормилиц. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 51).

VII. Труды по инфекционным болезням и эпидемиологии

а) Чума²

- Шрейбер И. О чуме. 1735 (ф. 1295, оп. 1, кн. 1, д. 2).
- Кондоиди П. З. О опасной болезни на Украине. 1738 (ф. 1295, оп. 1, кн. 24, д. 3).
- Фишер И. О мерах осторожности и к прекращению заразительной болезни. 1738 (ф. 1295, оп. 1, кн. 13, д. 21).

¹ Опубликовано в сборнике Виена.

² Помимо приведенных здесь сочинений, в ф. 1294 ЦГИАЛ сохранилась запись о связи третьей, которой в настоящее время на месте нет и судьба которой пока не выяснена. В этой связке под общим названием «Разные записки о моровых язвах» значилось 29 сочинений о чуме, в том числе: И. Шрейбера, 1738 г.; Севасто, 1739 г.; П. З. Кондоиди, 1739 г.; Лерхе, 1770 и 1771 г.; Х. Пеккена, 1771 г.; Крутта, 1771 г.; С. Горголи, 1771 г.; Паульсона, 1770—1771 гг.; К. Даля, 1770 и 1771 г.; де Тейльса, 1783 г.; Д. Понирки, 1783—1784 гг.; Рикзарта, 1783 г.; Михайловского, 1787 г.; Гирша, 1796—1797 гг.; Фокельмана, 1797 г.; Столбера, 1797 г.; Медовникова, 1798 г.; Гирциуса, 1801 г.

- Фишер И. О поступлении в случае морового поветрия. 1738 (ф. 1295, оп. 1, кн. 13, д. 6).
- Фишер И. Инструкция лекарям, едущим в Белогородскую губернию, для осторожности от морового поветрия. 1738 (ф. 1295, оп. 1, кн. 19, д. 472).
- Полетика И. О моровой язве. 1770 (ф. 1296, оп. 1, кн. 42, д. 263).
- Неизвестный автор. Описание моровой язвы. 1776 (ф. 1296, оп. 2, кн. 110, д. 11).
- Симонтовский П. С. О чуме в Оренбурге¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Самойлович Д. С. О сущности моровой язвы. 1794 (ф. 1296, оп. 10, кн. 16, д. 35).
- Самойлович Д. С. Способ нанудобнейший ко недопущению первоначально возникнуть оказавшейся где-либо в народе смертельной язве заражаемой, паче же усилиться оной. 1798 (ф. 1296, оп. 10, кн. 33, д. 83).
- Самойлович Д. С. О моровой язве. 1798 (ф. 1296, оп. 10, кн. 33, д. 83).
- Самойлович Д. С. О моровой язве на судне св. Георгий. 1799 (ф. 1296, оп. 10, кн. 33, д. 83).
- Самойлович Д. С. Способ самый удобный как предъизбегать язвозачумляющихся на судне мореходном людей, экипаж судна составляющих, не предавая огню и самого судна. 1799 (ф. 1296, оп. 10, кн. 33, д. 83).
- Писчеков Д. Я. Об окуриваниях при чуме. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 20).
- Степанович-Донцов М. Я. О чуме. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 49).

б) Сибирская язва

- Эшке А. Краткое известие о Колыване и околодлежащих местах, о свирепствующих там болезнях между людьми и скотом. 1758 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 1).
- Ножевщикова Н. Г. О болезнях в Колывано-Воскресенских заводах. 1763 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 2).
- Мейстер. О повальных свирепствующих опухолях в крепости Селенгинской и на Иртышской линии. 1764 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 9).
- Тиль. О сибирской болезни. 1765 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 5).
- Фавас. О появившейся болезни. 1765 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 6).
- Майер. О происхождении повсеместно опухолей. 1766 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 11).
- Фавас. О безъизвестной болезни. 1767 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 7).
- Тиль. О неизвестной болезни. 1767 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 8).
- Валлеран Е. К. О язвительной болезни в Исетской провинции. 1768 (ф. 1296, оп. 1, кн. 28, д. 213).
- Тиль. О неизвестной болезни. 1768 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 10).
- Фавас. О болезнях в Сибири. 1769 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 12).
- Прокопович Т. О сибирской заразительной болезни. 1784 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 11).
- Цеклинский. О чирьевой в Сибири болезни. 1787 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 13).
- Борнеман. О болезни, бывшей в Челябинской округе. 1788 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 23).
- Андреевский С. С. О происхождении заразительной болезни. 1789 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 22).
- Бюргерберг. О замеченных в окрестностях Кизляра огненных вередах. 1792 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 25).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Прокопович Т. О сибирской болезни. 1792 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 14).
 Жуковский В. О свирепствующей в Челябинске болезни. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 15).
 Козлов В. О ветряной сибирской язве. 1795 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 17).
 Токарев. О появившейся в Троицкой крепости язвительной болезни. 1795 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 18).
 Кизинг Г. О болезни. 1796 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 20).
 Пияев. Краткое начертание способов, коими оканчивается болезнь, известная под именем сибирской язвы. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 21).
 Рихтер. Записка о сибирской язве. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 24).

в) Проказа

- Герман. О персидской проказе 1786 (ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 1).
 Сандул-Стурдза Я. Т. О крымской народной болезни. 1792 (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 11).
 Симонтовский П. С. Описание проказы в Уральске. 1796 (ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 4).
 Бюргер. О проказе в Астраханской губернии. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 6).
 Зимович П. О проказе. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 24).
 Стриневский П. О проказе. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 8).

г) Оспа

- Остолич М. О синей оспе. 1798 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 52).
 Фохт Ф. Об оспе. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 2).
 Неизвестный автор. Об оспе в Иркутской губернии. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 25).
 Мухин Е. О. О привитии оспы. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 24, д. 41).
 Чернутский. Об оспопрививании. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 19).
 Неизвестный автор. О свойствах и причинах эпидемий спорадической оспы, свирепствовавших в Астрахани в 1801 и 1802 гг. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 32, д. 4).
 Шаньгин С. О привитии оспы на Змеиногорском руднике. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 10).
 Ланге. О прививании оспы. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 20).
 Макдональд. О прививании оспы. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 19).
 Орлай де Кобро. История ребенка, заразившегося оспой от кормящей его матери. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 25).

д) Прочие инфекционные болезни и эпидемиология²

- Фишер И. Об осмотре опасных болезней. 1742 (ф. 1295, оп. 1, кн. 24, д. 22).
 Фишер И. О нечинении неучтивости при осмотре на заставах женских персон. 1742 (ф. 1295, оп. 1, кн. 24, д. 16).
 Кондоиди П. З. О учреждении карантинных домов. 1754 (ф. 1296, оп. 1, кн. 8, д. 180).
 Пяткин И. О прилипчивой болезни. 1766 (ф. 1296, оп. 1, кн. 12, д. 90).
 Мейстер. О лихорадках. 1767 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 9).

¹ Помимо приведенных здесь сочинений, в специальной связке (ф. 1294, оп. 1, св. 33) находится 59 сочинений «О прививании коровьей оспы», датированных с 1802 г.

² Помимо этого, в ф. 1294, оп. 1, св. 31 имеется 31 сочинение об инфекционных болезнях домашних животных.

- Пяткин И. О поносах и дизентерии. 1767 (ф. 1294, оп. 1, св. 4, д. 9).
 Гугган Р. О простудных заболеваниях. 1782 (ф. 1296, оп. 3, кн. 228, д. 40).
 Баланец-Воронкевич М. О поносах. 1791 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 3).
 Элинг. О наружном и внутреннем применении холода при постоянных лихорадках. 1791 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 9).
 Протасов И. В. О желчной гнилой горячке. 1792 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 29).
 Абадовский. О лихорадках¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Буркардт. О поносе. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 16).
 Гузенский А. О пятнистой лихорадке¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 21).
 Кепель И. О бешенстве. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 4).
 Кепель И. О слизистой лихорадке. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 4).
 Кепель И. О слизистой лихорадке. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 5, д. 4).
 Логвиновский В. Краткое описание болезни, называемой нервной лихорадкой. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 3).
 Носов Г. О лечении перемежающихся лихорадок. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, л. 12).
 Носов Г. Средства к искоренению перемежающихся лихорадок в Финляндии. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 13).
 Эрдман И. О перемежающихся лихорадках. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 11).
 Березинский. О лихорадках. 1794 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 30).
 Гарень П. О желтой американской лихорадке. 1796 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 22).
 Петерсен Г. О природе и происхождении нервной лихорадки. 1796 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 21).
 Вельцин И. Эпидемия острой лихорадки. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 3).
 Пургольд О. О случае желчной лихорадки. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 22).
 Рапп Е. Описание нынешних эпидемических болезней на Кавказской линии. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 46-а).
 Рапп Е. Наставления медицинским чиновникам в Кизляре. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 46-а).
 Рапп Е. Наставления об эпидемических болезнях. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 49).
 Розелио И. Наблюдения над весенними лихорадками. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 4).
 Яи Ф. О желчной горячке. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 36).
 Неизвестный автор. О желчно-воспалительной лихорадке. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
 Неизвестный автор. О желчной лихорадке. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
 Неизвестный автор. О коматозном тифе. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
 Гинтер Д. О лечении рассеянных кровавых поносов. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 16).
 Диобольд. Описание простудной болезни. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 20).
 Протасов И. В. О лечении рожи. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 73).
 Самойлович Д. С. О учреждении карантинов. 1798 (ф. 1296, оп. 10, кн. 33, д. 83).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Титович И. О желчной лихорадке. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 65).
Неизвестный автор. О заразительной болезни в Пинежском округе. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 32, д. 1).
Неизвестный автор. Об эпидемической болезни. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 32, д. 2).
Неизвестный автор. О укушенных бешеной собакой женщинах. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 31, д. 2).
Неизвестный автор. О заразительной болезни в Саратовской губернии. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 31, д. 3).
Смоленский С. О гриппе. 1799 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 90).
Филиппович И. Методическое описание повальной головной болезни. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 83).
Неизвестный автор. О эпидемической лихорадке. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 32, д. 3).
Неизвестный автор. Описание неопасной эпидемической болезни. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 23, д. 21).
Ландреевский С. С., Карпинский Н. К., Виен И. И. Карантический устав. 1800 (ф. 1296, оп. 10, кн. 30, д. 108).
Кречетов. Об эпидемической болезни. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 35).
Литебрандт. Врачебное наблюдение об эпидемической болезни. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 33).
Маткин. О катарральной лихорадке. 1800 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 15).
Оппель. Описание простудной повальной болезни. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 14).
Неизвестный автор. О катарральной эпидемии. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 16).
Неизвестный автор. Об эпидемической болезни в Симбирской губернии. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 31, д. 29).
Масловский А. Ф. О гнилой горячке в Родомышле. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 23).
Неизвестный автор. О кровавом поносе. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 31, д. 20).
Неизвестный автор. О желчной лихорадке. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 2-а).
Малиновский. О эпидемической дизентерии. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 28).
Мундт. О лихорадке. 1803 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 35).
Неизвестный автор. Об угрозении бешеными животными. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 21).
Неизвестный автор. О мыте и сапе. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 31, д. 36).
Неизвестный автор. О лихорадках. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 28).
Битнер. Наблюдения над эпидемическими болезнями. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 57).
Поддубик П. Об эпидемической болезни. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 4).
Поддубик П. О столбняке. Б/даты (на лат. яз.) (там же).
Фогт К. Медицинские наблюдения о эпидемических болезнях. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 66).
Неизвестный автор. О лечении горячек. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 1).

VIII. Труды по кожным и венерическим болезням

- Бухман Х. О застарелом сифилисе. 1786 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 17).
Бухман Х. О скрофулезных язвах. 1790 (на нем. яз.) (там же).

- Протасов И. В. О венерической болезни. 1791 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 30).
- Авенин М. О полезном употреблении mercurii nitrosi в застарелых венерических болезнях. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 23, д. 4).
- Кибальчик З. О случае кожного зуда¹. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
- Брандт К. История болезни. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 12).
- Брезинский Х. О лечении венерических артритов серой ртутью. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 30).
- Зоммер О хрупкости костей при сифилисе. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 37).
- Иванов О пустулезной сыпи подошв ног. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 27).
- Рапп Е. Наставление о лечении венерических болезней. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 49).
- Узоголенков Г. Метод лечения венерического нагноения яичек. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 28).
- Неизвестный автор. О применении ртутного мыла при кожных болезнях. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
- Аллегретти П. О новой модификации ртутной мази. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 56).
- Выражевич. Практические примечания о действии Ганемановой растворимой черной ртути, употребляемой против любострастной болезни. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 68).
- Гильтебрандт И. О скрофулезе. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 64).
- Опроткович. О венерической болезни. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 82).
- Гаренин О венерических болезнях в г. Ряжске. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 11).
- Неизвестный автор. О меркуриальном лечении. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 41, д. 23).
- Петровский М. О ранах венерических. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 1).
- Альбрехт Ф. Вклад в лечение скрофулеза¹. 1802 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 13).
- Киллан О венерической болезни. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 10).
- Протасов И. В. Лицеочищение или самый новейший способ истреблять гнойные и красные прыщи и красноту лица и делать оное чистоты и белизны естественной с опровержением разных доселе бывших личных мазей, мыл и умываньев, яко средств или вредных или неосновательных и бесполезных. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 23).
- Протасов И. В. О пользе и злоупотреблении ртути¹. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 121).
- Гоголев В. Примечания, чинимые над ртутными средствами от любострастной болезни, с опытными наблюдениями. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 26).
- Елинский М. О постоянстве паховых бубонов как симптома венерической болезни. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 37).
- Шлегель О парше. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 10).
- Экк О парше. 1803 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 67).
- Древс И. О лечении венерической болезни. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 31).
- Кнекштедт О чесотке и ее лечении. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 32).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Орлай де Кобро. О переносе чесотки. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 25).
 Орлай де Кобро. О происхождении сифилиса. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 25).
 Петровский М. О ранах венерических и о самоудобнейшем средстве лечения опых. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 64).
 Энегольм И. О венерической болезни. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 5).
 Неизвестный автор. Болезни кожи. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 9).
 Неизвестный автор. Лечение сифилиса. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 23).

IX. Труды по психиатрии и невропатологии

- Ленк Х. Об апоплексии. 1793 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 7).
 Пабст И. К. О мании и применении уксуса при ней. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 19).
 Симоновский П. С. О параплегии¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Гебель И. О сумасшествии от пьянства. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 16).
 Иванов. Об общем дрожании. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 27).
 Неизвестный автор. Об эпилепсии. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
 Рейх. О симптомах мании. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 76).
 Дебу. Об апоплексии. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 19).
 Киллиан. Об эпилепсии. 1802 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 2, д. 10).
 Рейль. О лечении сумасшедших. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 48).
 Шетлер А. О болезнях души¹. 1803 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 41).
 Поддубик П. О параличе стоп¹. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 4).
 Франкен И. О воспалении мозговых перепонок. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 5).
 Эссенгаузен П. Об эпилепсии. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 19).
 Эссенгаузен П. О параличе. Б/даты (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 19).

X. Труды по глазным болезням

- Масловский А. Ф. О глазных болезнях². 1784 (ф. 1296, оп. 3, кн. 271, д. 39).
 Киричевский. О гемералопии². 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Павлоцкий. О сращении век². 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
 Гебель И. О болезнях глаз. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 16).
 Рейнер. О трихиазе. 1797 (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 52).
 Шлегель. О болезни глаз. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 10).
 Протасов И. В. О чувалях и вежах. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 36).
 Прейсер. О лечении глазных болезней. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 44).
 Рейнер. О трихиазе¹. Б/даты (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 52).
 Сериков. О катараракте. Б/даты (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 22).

¹ Опубликована в сборнике Виена.

² Полного текста не сохранилось.

XI. Труды по болезням уха, горла и носа

- Цеклинский. О извлечении серебряного рубля из пищевода. 1783 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 21).
Станкевич. О проглоченной сливовой косточке¹. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 8).
Энегольм И. О полипах в носу. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 34).
Неизвестный автор. Об афонии. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 1-а).
Загорский П. А. О трепанации сосцевидного отростка. 1798 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 92).

XII. Труды по гигиене

- Гевитт. Медико-топографическое описание Кизляра. 1755 (ф. 1295, оп. 5, кн. 281, д. 23).
Кондойди П. З. О пользе употреблять от цынготной болезни в зимнее время капусты, свеклы и репы. 1771 (ф. 1296, оп. 2, кн. 54, д. 563).
Кондойди П. З. О предохранении от цынготной болезни. 1772 (ф. 1295, оп. 2, кн. 62, д. 61).
Сави. О сохранении жизни людей. 1791 (на франц. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 6).
Иванов С. О существе зеленоватой пыли, поднимающейся при счете ржавых денег. 1793 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 15).
Леффлер А. Ф. Некоторые практические замечания о госпиталях. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 25-а).
Багрянский Я. Медико-физические замечания о г. Ярославле. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 4).
Бахерахт А. Г. Физико-диететические наставления мореходам к сохранению здоровья. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 41).
Иванов Д. Медико-физические замечания о г. Симбирске. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 4).
Иттерсгаген Г. Х. О подделке вина и способе узнавать ее. 1797 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 40).
Квятковский Н. Медико-физические замечания о г. Ливны Орловской губ. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 11).
Малахов П. Медико-физическое описание г. Чернигова. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 6).
Пархимус. Медико-физическое описание Кизлярского уезда. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 5).
Рапп Г. Физическое и топографическое описание, касающееся до причин и свойства болезней, на Кавказской линии примечаемых. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 20).
Савин И. С. Медико-физические замечания о Севском уезде. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 11).
Сидорацикий Г. Медико-физические замечания о г. Брянске. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 10).
Симонтовский П. С. Замечания о городе Уральске. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 6, д. 7).
Неизвестный автор. О воздухе. 1797 (на лат. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 8, д. 2).
Масловский А. Ф. Журнал при обозрении уездных городов и селений. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 18).
Мокиевский и др. Медико-топографическое описание Тверской губернии. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 15, д. 5).

¹ Полного текста не сохранилось.

- Пальм А. Физическое и топографическое описание Костромской губернии. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 15, д. 3).
- Петровский М. О нечистоте как причине болезней. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 41).
- Протасов И. В. О состоянии рабочих на заводах. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 73).
- Рапп Г. Медико-топографическое описание Георгиевска. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 20).
- Фрезе Я. Обозрение Вологодской губернии. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 57).
- Шеваньгин М. Медико-физическая ведомость. 1798 (ф. 1294, оп. 1, св. 45, д. 78).
- Багрянский М. И. Медико-физические замечания о Ярославской губернии. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 25).
- Нудов А. Первые черты физического и топографического описания г. Моршанска и его уезда. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 15, д. 7).
- Фрезе Я. Медико-физическое начертание Вологодской губернии. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 15, д. 2).
- Базилевич М. Медико-физические замечания о Белогородском уезде. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 12).
- Балановский К. О ситцевой фабрике в Шлиссельбурге. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 22).
- Дидрих К. Топографическое и физическое описание города Тулы и его уезда. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 15, д. 8).
- Нудов А. Медико-топографическое описание Архангельской губернии. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 16).
- Саломон. Описание г. Сызрани. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 26).
- Червинский. Описание о положении Кубанской земли, о воде и атмосфере здешнего климата. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 15, д. 10).
- Неизвестный автор. О употреблении хлеба из исландского моха. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 42, д. 43).
- Неизвестный автор. Наставление, какими средствами предохранять от цынготной болезни во время плавания. 1801 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 15).
- Иванецкий Ф. Медико-физические замечания о Жиздринском уезде Калужской губернии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 12).
- Киричевский. О вреде, происходящем от медной посуды. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 40, д. 13).
- Мартынович А. Медико-физические замечания о Юхновском уезде Смоленской губернии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 27).
- Протасов И. В. Медико-физические замечания о г. Перми. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 28).
- Протопопов В. Медико-физические замечания о г. Рославле Смоленской губернии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 24).
- Чернецкий Ф. Медико-физические замечания о г. Щигры Курской губернии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 23).
- Шаньгин С. Медико-физические замечания о Кузнецком уезде Тобольской губернии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 9, д. 26).
- Шатилович. Размышление о г. Кизляре. 1802 (ф. 1296, оп. 10, кн. 24, д. 18).
- Неизвестный автор. Медико-физическое обозрение Казанской губернии. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 31, д. 17).
- Миндерер И. Об очищении воздуха в театрах. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 44, д. 23).

XIII. Труды по организации медицинского дела

- Монзей Я. Наставление состоящим в службе при полках и флоте лекарям. 1762 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 2).
- Неизвестный автор. Мнения о госпиталях. 1763 (ф. 1296, оп. 3, кн. 297, д. 400).
- Валлериан Е. К. О плане строения госпиталя. 1781 (ф. 1296, оп. 3, кн. 210, д. 3).
- Вейц. Наставление лекарям на кораблях. 1783 (на нем. яз.) (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 3-а).
- Тереховский М. М. О профессорах. 1787 (ф. 1294, оп. 1, св. 18, д. 4).
- Андреевский С. С. Инструкция физикату. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 43, д. 3-в).
- Карпинский Н. К. и Виен И. И. О разделении врачебных наблюдений на классы. 1793 (ф. 1294, оп. 1, св. 1, д. 1).
- Андреевский С. С. О состоянии Купянских аптекиных садов. 1794 (ф. 1296, оп. 10, кн. 1, д. 156).
- Виен И. И. О классификации учащихся. 1794 (ф. 1294, оп. 1, св. 18, д. 8).
- Андреевский С. С. Предварительное наставление о должностях учащих и учащихся. 1795 (ф. 1296, оп. 10, кн. 16, д. 40).
- Андреевский С. С., Карпинский Н. К. Об устройстве врачебных управ. 1796 (ф. 1296, оп. 10, кн. 19, д. 89).
- Виен И. И. Наставление для исследования Крымской болезни. 1796 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 6).
- Пеккен М. Х. Об оборудовании клинической палаты. 1796 (ф. 1294, оп. 1, св. 17, д. 9).
- Пеккен М. Х. Об изменении врачебных училищ. 1796 (ф. 1296, оп. 10, кн. 16, д. 40).
- Шумлянский П. М. О устройстве учения. 1796 (ф. 1296, оп. 10, кн. 16, д. 40).
- Андреевский С. С. Об устройстве больниц по губерниям. 1797 (ф. 1296, оп. 10, кн. 21, д. 53).
- Андреевский С. С. О штате и содержании больницы на 50 кроватей. 1797 (ф. 1296, оп. 10, кн. 21, д. 53).
- Базилевич Г. И. и Занден. О устройстве госпиталя. 1797 (ф. 1296, оп. 10, кн. 26, д. 50).
- Карпинский Н. К. и Саполович Я. О. О испытании докторов, из чужих краев прибывающих. 1797 (ф. 1296, оп. 10, кн. 21, д. 51).
- Рапп Е. Наставление для уездных врачей. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 15, д. 9).
- Саблер. Об улучшении состояния больных. 1797 (ф. 1294, оп. 1, св. 18, д. 21).
- Гирш. О состоянии больниц в Тамбовской губернии. 1799 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 19).
- Миндерер И. И., Мокренец Г. Положение о дневальном лекаре. 1799 (ф. 1296, оп. 10, кн. 30, д. 110).
- Андреевский С. С. О должностях инспектора и эконома академии. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 14).
- Карпинский Н. К. Наставления, по которым старшие и младшие врачи поступать должны. 1800 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 12).
- Масловский А. Ф. План, которому следовать должно в преподавании лекций. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 46).
- Поддубник П. и Тишевский И. План наставления Малороссийской Черниговской семинарии студентов первым основаниям врачебной науки. 1802 (ф. 1294, оп. 1, св. 29, д. 45).
- Андреевский С. С. Наставление лекарям, в иностранные государства отправляемым. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 13, д. 19).
- Буш И. Ф. О порядке лекций. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 20, д. 56).
- Протасов И. В. История врачебного искусства в девяти эпохах. 1803 (ф. 1294, оп. 1, св. 30, д. 44).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Книги русских врачей — воспитанников госпитальных школ XVIII века.

- Базилевич Г. И. *De systemate resorbente*. Argentorati, 1791.
Бахерахт А. Г. *De morbis ligamentorum*. Lugd. Batav., 1750.
Бахерахт А. Г. Практическое рассуждение о цынготной болезни для употребления лекарям, служащим при морских и сухопутных российских силах. СПБ, 1786.
Бахерахт А. Г. *Physisch-Diätetische Anleitung die Gesundheit der Seeleute zu erhalten, besonders für die Russische Kaiserliche Marine*. S.-Ptsb., 1790.
Гамалея М. Л. О сибирской язве и о ее народном лечении. Пермь, 1792.
Даль П. *De humeri amputatione ex articulo*. Goettingae, 1760.
Данилевский И. Л. *De magistratu medico felicissimo*. Goettingae, 1784.
Елизеев И. Г. Фармакология. СПБ, 1797.
Карпинский Н. К. *De impedimentis in lithotimia occurrentibus*. Argentorati, 1781.
Карпинский Н. К. *Pharmacopea Rossica*. Petropoli, 1798.
Квятковский Н. Г. *De nervorum fluido decussatione*. Regiomontae, 1781.
Ляндреский С. С.] Краткое описание сибирской язвы. СПБ, 1796.
Крейзель И. Наставление начинающим упражняться в повивальном искусстве. М., 1792.
Леонович С. А. *De partu praeternaturali ex vitiis trunci foetus orto*. Argentorati, 1766.
Максимович-Амбодик Н. М. Анатомико-физиологический словарь. СПБ, 1783.
Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие. Т. I—IV. СПБ, 1783—1789.
Максимович-Амбодик Н. М. Искусство повивания или наука о бабичем деле. Ч. 1—6, СПБ, 1784—1786.
Максимович-Амбодик Н. М. *Novum medico-pathologico chirurgicum vocabularium*. Petropoli, 1785.
Максимович-Амбодик Н. М. Первоначальные основания ботаники. СПБ, 1796.
Максимович-Амбодик Н. М. (перев.) Физиология или наука о естестве человеческом. СПБ, 1787.
Митрофанов С. М. *De spontaneo aeris introitu in pulmonem*. Lugd. Batav., 1765.
Observationes medico-chirurgorum Rutheni Imperii collectae et in ordinem redactae a J. Vien., Petropoli, 1805.
Описание мировой язвы, бывшей в столичном городе Москве в 1771—72 годах. М., 1775.
Погорецкий П. И. *De semimetallo Nickel cui accedit examen medicum modi, que vulgus expilare ulcera solet*. Lugd. Batav., 1765.
Рожалин К. Ф. *De scorbuto*. Lugd. Batav., 1765.
Руцкий И. В. *De peste*. Argentorati, 1780.
(Шрейбер И. Ф.) Руководство к познанию и врачеванию болезней человеческих наружных и внутренних. СПБ, 1781 (перев. с латинского Н. М. Амбодика).
Самойлович Д. С. Городская и деревенская повивальная бабка. М., 1780.
Самойлович Д. С. Избранные произведения. В. 1—2. М., 1949—1952.
Самойлович Д. С. Способ наиудобнейший ко недопущению первоначально возникнуть оказавшейся где-либо промеж народом смертоносной язве заражаемой чуме. Николаев, 1803.

Самойлович Д. С. Способ самый удобный как предъизбегать язво-
зачумляющихся на судне мореходном людей, экипаж судна со-
ставляющих, не предавая огню и самого судна. Николаев, 1803.
Самойлович Д. C. *Tractatus de sectione symphyseos ossium pubis
et parti Caesareo*, Lugd. Batav., 1781.

Соболевский Г. Ф. *De potiore ductu naturae ad medicinam rationalem,
sive qua disquisitur an medicos Natura potius ad rationalem quam ad
empiricam ducat*. Lugd. Batav., 1775.

Syllabus seu index omnium partium corporis humani figuris illustratus.
Petropoli, 1744.

Степанович-Донцов Я. В. Описание о черных рожках, причиня-
ющих корчи и помертвение членов с присовокуплением наблюдения о
сухих трудных родах. СПБ, 1797.

Тереховский М. М. *De chao infusorio Linnaei*. Argentorati, 1775.

Тимковский И. Г. *De peripneumonia notha*. Lugd. Batav., 1765.

Тихорский Ф. Г. *De podagrae*. Lugd. Batav., 1765.

Фиалковский С. *De actione ventriculi in ingesta*. Lugd. Batav., 1765.

Фрезе Г. *Theses de capite in partu praeternaturali exutiendo*. Lugd.
Batav., 1772.

Цубер Х. *De vesicae urinariae morbis*. Argentorati, 1771.

Шрейбер И. *Kurze doch zulängliche Anweisung Erkenniss und Cur
der vornehmsten Krankheiten des menschlichen Leibes*. Leipzig, 1756.

Шрейбер И. *Manuductio ad cognoscendos et curandos morbos*. M., 1768.

Шумлянский А. М. *De structura rerum*. Argentorati, 1782.

(Шумлянский А. М.) Миение одного истиннолюбца о поправлении
наиполезнейшей для людей науки. СПБ, 1787.

Шумлянский П. М. *De proxima topicae inflammationis causa*. Argentorati,
1789.

Ягельский К. О. *De passione hysterica*. Lugd. Batav., 1765.

II. Другие литературные источники XVIII века

Гейстер Л. Сокращенная анатомия, все дело анатомическое в себе за-
ключающая. СПБ, 1757 (перев. М. И. Шенна).

Heister L. *Compendium anatomie*. Goettingae, 1748.

Генин В. Дневник. «Горный журнал». Кн. 4, СПБ, 1826.

Гофман П. Краткая история врачебного искусства. СПБ, 1789.

Soemmering. *De decussatione nervorum opticorum*. Megintinae, 1786.

Ludwig. *Opera minora*. V. IV, Lipsiae, 1791.

Mager J. *Beschreibung des ganzen menschlichen Körpers*. V. I—V, Berlin,
1783—1794.

О младенческих болезнях. СПБ, 1789 (перев. М. Гороховского).

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9, М., 1950.

Platneri J. *Institutiones chirurgiae rationalis*. Lipsiae, 1745.

Платнер И. Основательные наставления хирургические. СПБ, 1762
(перев. М. И. Шенна).

Пленк. Врачебные наставления о любострастных болезнях. СПБ, 1790
(перев. Н. М. Амбодика).

Полное собрание законов Российской империи. Т. 7—21, 45, СПБ, 1831.

Прейслер Ясное показание и основательное представление о анатомии
живописцев. СПБ, 1749.

Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна-Готтильфа
Фоккеродта. (Чтения в обществе истории и древностей Российских.) М.,
1874, кн. 11.

Свитен. Краткое описание болезней, которые весьма часто приключают-
ся в армиях. СПБ, 1778 (перев. М. Тереховского).

III. Литература по истории медицины и общей истории XVIII века

- Алелеков А. Н. История Московского госпиталя. М., 1907.
- Бессмертный Б. С. Диссертации русских врачей XVIII века по анатомии и физиологии. Труды совещания по истории естествознания. М., 1948.
- Буш И. Ф. О нынешнем состоянии хирургии в иностранных государствах и в России. Всеобщий журнал врачебной науки. СПБ, 1812, кн. 1.
- Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. Т. I, СПБ, 1875.
- Гезер. Исторический обзор хирургии. СПБ, 1880.
- Гезер. Основы истории медицины. Казань, 1890.
- Неипе М. Fragmente aus der Geschichte der Medizin in Russland. М., 1851.
- Гейрот Ф. Медико-практическое описание болезни, называемой сибирской язвой. СПБ, 1807.
- Герценштейн Г. М. Материалы для будущей истории медицинского образования в России. Врач, 1881, № 40.
- Говоров Я. Всеобщая история врачебного искусства и опыт краткого обозрения кампаний 1812—1815 гг. СПБ, 1818.
- Голицын Н. В. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. М., 1898.
- Громбах С. М. Данило Самойлович (Самойлович Д.). Избранные произведения. В. II. М., 1952.
- Громбах С. М. Материалистические взгляды русских врачей XVIII века. Клиническая медицина, 1949, № 3.
- Громбах С. М. Петр Иванович Погорецкий (1740—1780) и его борьба за самостоятельность русской медицинской школы. Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4, М., 1955.
- Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М., 1953.
- Груздев В. Ф. К истории офтальмологии. И. В. Протасов. Вестник офтальмологии, 1956, № 6.
- Гуревич Г. Е. К истории проказы в России. Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии, 1949, № 10.
- Джунковский В. Данило Самойлович Самойлович. Всеобщий журнал врачебной науки. СПБ, 1815, № 6.
- Джунковский В. Краткое обозрение врачебной науки в России. Всеобщий журнал врачебной науки, СПБ, 1811.
- Жизнеописание Соболевского Г. Ф. Всеобщий журнал врачебной науки. СПБ, 1812, № 1.
- Жизнеописание Тихорского Ф. Т. Всеобщий журнал врачебной науки, СПБ, 1816, № 8.
- Жизнеописание Шумлянского А. М. Всеобщий журнал врачебной науки, СПБ, 1812, № 2.
- Заблудовский П. Е. Развитие медицины у народов СССР до феодализма и в феодальный период. М., 1955.
- Заблудовский П. Е. Медицина в период дворянской империи (XVIII век). М., 1955.
- Зархин И. Б. Медицинские рукописи начала XVIII века. Военно-медицинский журнал, 1947, № 9.
- Змеев Л. Ф. Первый в России военно-временный госпиталь. Исторический вестник, т. 25, июль 1894 г.
- Змеев Л. Ф. Былое врачебной России. СПБ, 1890.
- Змеев Л. Ф. Русские врачи — писатели. СПБ, 1894.
- Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПБ, 1896.
- Иванов В. Военно-медицинские кадры. Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 2, 1947.
- Из записок доктора Вейкарта. Русский архив. М., 1886, кн. 3.
- Историко-статистический очерк общего и специального образования в России. Под ред. А. Г. Небольсина. СПБ, 1884.
- История императорской Военно-медицинской академии. Под ред. Ивановского. СПБ, 1898.

- История медицины. Т. I. Под ред. Б. Д. Петрова. М., 1954.
- Колесов В. И. Страницы из истории отечественной хирургии. М., 1953.
- Корнеев В. М. Передовые деятели русской военной медицины второй половины XVIII века. Диссертация. Л., 1948.
- Корнеев В. М. Штаб-лекарь Ефим Белопольский. Военно-медицинский журнал, 1949, № 5.
- Корнеев В. М. Иван Васильевич Протасов. Гигиена и санитария, 1951, № 8.
- Краткое жизнеописание покойного Никона Карповича Каринского. Всебийский журнал врачебной науки, СПБ, 1811, № 1.
- Куприянов В. В. Щепин К. И.—доктор медицины XVIII века. М., 1953.
- Куприянов Н. История медицины в России в царствование Петра Великого. СПБ, 1878.
- Лахтин М. Ю. Исторический очерк развития сословия хирургов. Хирургия, 1900, № 46.
- Лахтин М. Ю. Медицина и врачи в Московском государстве. М., 1906.
- Лахтин М. Ю. Этюды по истории хирургии. М., 1901.
- Лесене Р. L'évolution de la chirurgie. Paris, 1923.
- Логинова Е. А. и Малышева А. Д. Штаб-лекарь Ефим Белопольский и его деятельность на Украине. Врачебное дело. 1956, № 7.
- Любимов И. О сибирской язве на людях. СПБ, 1861.
- Лясс М. История болезни. Энциклопедический словарь военной медицины. М., 1947, т. II.
- Масловский Д. Ф. Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России. СПБ, 1894.
- Мейер-Штениг Т. и Зудгоф К. История медицины. М., 1925.
- Миленушкин Ю. И. Григорий Николаевич Минх и борьба с проказой в России. Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии, 1949, № 1.
- Моисеев. Медицинский совет Министерства внутренних дел. СПБ, 1913.
- Невский В. А. Физиологические диссертации отечественных врачей в XVIII веке. Физиологический журнал, 1956, т. XIII, № 6.
- Никитин А. Андреевский Степан Семенович. В кн.: Плюща. Энциклопедический лексикон. СПБ, 1835, т. II.
- Никитин А. Краткий обзор состояния медицины в России в царствование императрицы Екатерины II. СПБ, 1855.
- Очерки истории СССР (первая четверть XVIII века). Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., 1954.
- Подражанский А. С. Русский доктор медицины XV века профессор Юрий Дрогобычский. Врачебное дело, 1951, № 10.
- Приходько П. Т. Вопросы гигиены труда горнорабочих в трудах М. В. Ломоносова. Гигиена и санитария, 1949, № 6.
- Рихтер В. М. История русской медицины. Т. I—III, 1814—1820.
- Розанов А. Г. Бахерахт. Энциклопедический словарь военной медицины. Т. I, М., 1948.
- Розенберг Л. П. Сибирская язва у человека. Кишинев. 1948.
- Российский Д. М. Первые русские терапевтические клиники. Клиническая медицина, 1947, № 12.
- Российский Д. М. Первый русский доктор медицины Георгий Скорина. Врачебное дело, 1951, № 2.
- Российский Д. М. Русские доктора медицины в XVIII веке. Военно-медицинский журнал, 1949, № 7.
- Сегал А. Е. Гриппозные заболевания и борьба с ними в России XVII и начала XIX века. Клиническая медицина, 1950, № 10.
- Семёнов С. Медицина военная. Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 3, М., 1948.
- Сигал Б. С. О преподавании и изучении истории здравоохранения. Советское здравоохранение, 1951, № 3.

- Сигал Б. С. Первые медико-топографические описания в России. В сб.: Вопросы гигиены. Л., 1949.
- Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926.
- Словарь «Русские ботаники». Т. I—IV, М., 1949—1952.
- Соболь С. Л. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М., 1949.
- Соболь С. Л. Основоположник отечественной гистологии А. М. Шумлянский. Научное наследство. Т. II, М., 1951.
- Соколовский В. П. О первой форме истории болезни Московского военного госпиталя. Военно-медицинский журнал, 1949, № 2.
- Страшун И. Д. Медицина. БМЭ, Изд. 1-е, т. 17, 1936.
- Страшун И. Д. Русский врач на войне. М., 1947.
- Стригин И. Медико-санитарная служба флота. Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 3, М., 1948.
- Тикотин М. А. П. А. Загорский и первая русская анатомическая школа. М., 1950.
- Уден Ф. Наставление о скотских заразах. СПБ, 1807.
- Федотов Д. Д. О первой русской диссертации по истерии. Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, 1956, т. VI, в. II.
- Федотов Н. П. Очерки по истории медицины Сибири в связи с историей ее колонизации. Автореферат диссертации. Томск, 1956.
- Хотовицкий С. В. О сибирской язве. СПБ, 1831.
- Цветаев Д. Медики в Московской России и первый русский доктор. Варшава, 1896.
- Цынга. Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 5, М., 1949.
- Червакова Г. В. Первая диссертация по акушерству, защищенная в России. Акушерство и гинекология. 1951, № 5.
- Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПБ, 1883.
- Чистович Я. Моровая язва в 1733 году. Военно-медицинский журнал, 1876 (сентябрь).
- Чистович Я. Очерки по истории медицинских учреждений в России XVIII века. СПБ, 1870.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава первая. Госпитальные школы XVIII века — первые очаги высшего медицинского образования в России	9
1. Госпитальные школы в России в XVIII веке	14
а) Московская школа	14
б) Школа при С.-Петербургском сухопутном госпитале	16
в) Школа при С.-Петербургском адмиралтейском госпитале	17
г) Школа при Кронштадтском адмиралтейском госпитале	18
д) Медико-хирургическая школа при Колывано-Воскресенском горнозаводском госпитале	18
е) Елизаветградская медико-хирургическая школа	21
ж) Другие формы подготовки врачей в России XVIII века	25
2. Состав учащихся и преподавателей в госпитальных школах	27
3. Характер обучения в госпитальных школах	37
а) Сроки обучения	37
б) Учебные предметы	38
в) Экзамены	50
г) Учебные пособия	53
4. Роль русских ученых в создании и усовершенствовании передовой системы медицинского образования	55
Глава вторая. Научные исследования врачей — воспитанников госпитальных школ	92
1. Диссертации, защищенные воспитанниками русских госпитальных школ в зарубежных университетах	93
2. Диссертации врачей — воспитанников госпитальных школ, защищенные в России	110
3. Рукописные научные труды русских врачей XVIII века	118
4. Научные труды выпускников госпитальных школ, изданные в России	160
Глава третья. Врачи — воспитанники госпитальных школ как деятели охраны здоровья народа	167
1. Воспитанники госпитальных школ на гражданской службе	171
2. Воспитанники госпитальных школ в борьбе с эпидемическими заболеваниями	171
Приложение 1.	
Краткий биографический указатель наиболее выдающихся врачей — воспитанников госпитальных школ XVIII века	196
Приложение 2.	
Указатель рукописных научных трудов русских врачей XVIII века	244
Использованная литература	267

